

fenno-ugristica

Fenno-ugristica 1

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

ALUSTATUD 1893.a Vihik 344 Выпуск ОСНОВАНЫ В 1893.г.

FENNO-UGRISTICA

ТРУДЫ ПО ФИННО-УГРОВЕДЕНИЮ

1

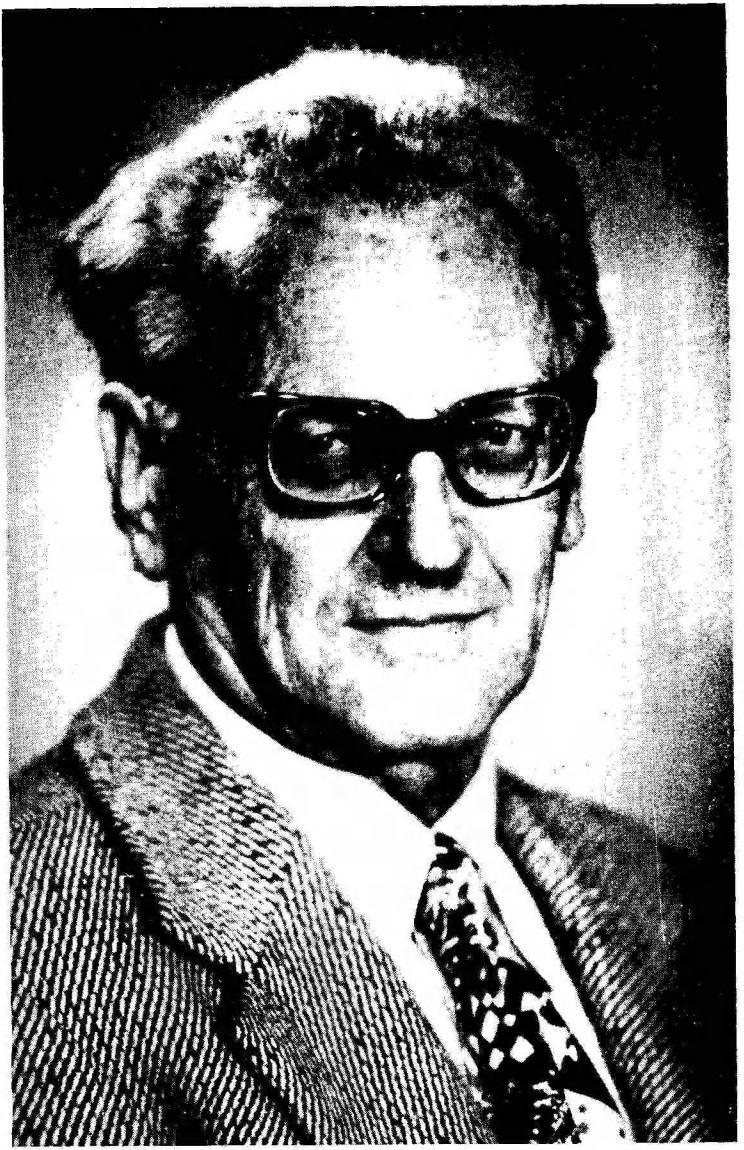
Tartu 1975

Toimetuskolleegium:

P. Alvre (vastutav toimetaja), A. Künnap, P. Palmeos, H. Rajando, E. Vääri.

Kunstiliselt kujundanud K. Põllu.

© Tartu Riiklik Ülikool, 1975

Paul Ariste

Pühendame sarja „Fenno-ugristica" esimese numbri ENSV teenelisele teadlasele ENSV TA akadeemikule TRÜ soome-ugri keelte kateedri juhatajale professor filoloogia-doktor

Paul Aristele

70. sünnipäeva puhul 3. veebruaril 1975

TRÜ soome-ugri keelte kateeder

AKADEEMIK PAUL ARISTE JUUBELIKS

3. veebruaril 1975. aastal sai seitsmekümneaastaseks Eesti NSV teeneline teadlane Eesti NSV Teaduste Akadeemia akadeemik Tartu Riikliku Ülikooli professor filoloogiadoktor Paul Ariste. Juubilari elu ja töö on 50 aasta jooksul olnud lahutamatult seotud Tartu ülikooliga, 30 aastat on ta juhatanud nõukoguliku Tartu Riikliku Ülikooli soome-ugri keelte kateedrit. Tema teaduslik ja pedagoogiline töö on olnud erakordselt viljakas.

Paul Ariste sündis Tartumaal Torma vallas Rääbise mõisa sepa pojana. Alghariduse sai ta Tõikvere külakoolis ja Tallinnas, keskhariduse Tallinna Poeglaste Humanitaargümnaasiumis (praegune Tallinna 1. Keskkool). Huvi keelte ja keeleteaduse vastu tekkis P. Aristel varakult. Juba poisikesena õppis ta vanaemalt rootsi keele ja naabrilastega mängides vene keele. Gümnaasiumis omandas ta imetletava kergusega saksa, inglise ja ladina keele ning hakkas harrastama esperantot. 16-aastase keskkoliõpilasena avaldas ta oma esimese kirjutise liivlaste kohta ("La Livoj"), mis ilmus a. 1921 Kölni esperantokeelses ajakirjas "Esperanto Triumfonta". Hiljem omandas P. Ariste kiiresti eesti keele uurimise seisukohalt vajamineva mustlaskeele, läti keele ja jiidiši. Neile lisaks valdab juubilar veel paljusid teisi keeli.

Õpingute ajal Tartu ülikoolis aastail 1925 - 1929 olid tähelepanu keskpunktis eesti keel, läänemeresoome keeled, uurali keeleteadus, rahvaluule ja germaani filoloogia. Üliõpilaspõlv möödus pingelises töös ja õppimises. Kodunt saadav toetus oli napivõitu, mistõttu tuli ülalpidamiseks hankida lisa tööga Eesti Rahva Muuseumi Arhiivraamatukogus (a. 1925 - 1927) ja Eesti Rahvaluule Arhiivis (a. 1927 - 1931).

Peale ülikooli lõpetamist valmis iseseisva uurimistöö tulemusel kahe aastaga magistriväitekiri "Eesti-rootsi laensõnad eesti keeles" (kaitstud a. 1931, ilmunud trükist a. 1933). Andekal noorel teadlasel avanes nüüd Tartu ülikooli stipendiaadina võimalus edasiõppimiseks Helsingi, Upsala ja Hamburgi ülikoolis, kus ta täiendas end a. 1931 - 1932 soome-ugri keelte, foneetika, rootsi, saksa ning alamsaksa keele alal. Üld- ja eksperimentaalfoneetikat õppis ta prof. P. Äimä juures ning Hamburgis rahvusvaheliselt tuntud eksperimentaalfoneetiku G. Panconcelli-Calzia juhatusel.

Alates 1933. aastast on P. Ariste õppejõuks Tartu ülikoolis, kus ta on lugenud mitmesuguseid õppeaineid (foneetikat, üldkeeleteadust, läänemeresoome keelte ajalugu, soome-ugri keelte ajaloolist grammatikat, uurali keelte sõnavara, erinevaid soome-ugri keeli jt. distsipliine). 29. mail 1939. a. kaitses P. Ariste doktoriväitekirja "Hiiu murrete häälikud" (ilmus trükist samal aastal). Väitekirja ainestik oli uudne, kogutud autori suvistel ekspeditsioonidel Hiiumaale või saadud katselisel teel ülikooli foneetikalaboratooriumis. Töös annab autor üksikasjaliku ülevaate hiiu häälikute foneetilisest olemusest, kuid valgustab õnnestunult ka häälikuarengute põhjusi ja käiku.

Seega on samas tegemist nii foneetilise kui ka keeleajaloolise uurimusega. Autor näitab ühtlasi murdeandmete põhjal, et sakslaste maaletungimise ajal a. 1228 veel tühi saar (mille kohta öeldi "quadam insula deserta, quae dicitur Dageida") on u. 700 a. eest saanud oma lääneosa asukad Saaremaalt, idaosa omad aga Muhust ja selle naabrusest. P. Ariste doktoriväitekiri on jäänud parimaks ulatuslikuks uurimuseks, mis seni on ühe eesti murrakurühma kohta avaldatud.

Peale doktoriväitekirja kaitsmist töötas P. Ariste a. 1940 - 1941 Tartu Riiklikus Ülikoolis eesti keele kateedri dotsendina, kuid saksa okupatsiooni ajal määrati ta dotsendikohalt tagasi endisele assistendi ametikohale ja ta töötas peamiselt ülikooli raamatukogus. 1944. aasta sügisel nimetati juubilar professoriks ja kateedrijuhatajaks, kellena ta on töötanud pidevalt kuni käesoleva ajani. 1954.

aastal valiti prof. P. Ariste Eesti NSV Teaduste Akadeemia akadeemikuks. Tema eestvõttel loodi 1957. aastal Keele ja Kirjanduse Instituudis soome-ugri keelte sektor, mille juhatajaks ta oli 1961. aastani. 1965. aastal omistati talle Eesti NSV teenelise teadlase aunimetus.

Akad. P. Ariste teaduslik tegevus on olnud väga viljakas ja mitmekülgne. Umbes 700 artikli ja teose hulgas on suurel määral põhjapanevaid töid, millel on kauakestev väärtus. Keeleliste ja folkloristlike kirjutiste ning tööde sari algas tegelikult juba 1926. aastal "Eesti Kirjanduses" avaldatud artikliga ""Kalevipoja" juudikeelne tõlge" (lk. 225 - 229). Aastate jooksul on teemade ring avardunud käsitlema erinevaid probleeme eesti, liivi, vadja, soome, isuri, karjala, vepsa ja komi keele, läänemeresoome keelte ja üldisemalt soome-ugri keelte, saksa, rootsi, läti, juudi, mustlaskeele ja kunstlike keelte alalt. Oma kirjutistes on P. Ariste käsitlenud ka eesti, vadja, isuri, vepsa, juudi ja mustlaste rahvaluulet. Trükist on ilmunud üle 6600 leheküljе kirjutisi enam kui kümnes keeles (eesti, vene, esperanto, saksa, soome, rootsi, inglise, prantsuse, juudi, ungari, läti, leedu, armeenia). Siinkohal puudub võimalus P. Ariste kui laia diapasooni ja erakordse töövõimega teadlase toodangu ammendavaks esitamiseks, piirdutägu vaid olulisimate lõikude äramärkimisega. Asjast huvitatu saab tutvuda P. Ariste tööde bibliograafiaga teoste "Sõna sõna kõrvale" (1965) ja "Fenno-ugristica" 1 (1975) vahendusel (esimeses bibliograafiat aastaist 1921 - 1964, teises a. 1965 - 1974).

Juubilari eespool mainitud doktoriväitekiri andis suuna mitmeteks foneetika- ja murdealasteks uurimusteks. Nii ilmusid ühtejärge teosed "Hiiu murrete häälikute kvantiteedist" (1941) ja "Katselisfoneetilisi tähelepanekuid" (1943). Viimases leidub muide ulatuslik kirjutis "Eesti ühiskeele palatalisatsioonist". Üksikprobleemide vaatlusele on pühendatud ka teos "Foneetilisi probleeme eesti keele alalt" (1947). Siin arendab autor muu hulgas edasi juba doktoritöös esitatud väidet, et eesti kvantiteedisüsteem on vanem kui sise- ja lõpukadu. Mainitud uurimused on olnud otsekui eeltööks foneetikaõpikute "Eesti foneetika" (1946)

ja "Eesti keele foneetika" (1953) koostamisele. Viimasest on ülikooli rotaprindis ilmunud a. 1965, 1966 ja 1968 kolm täiendatud trükki. Foneetikuna on P. Ariste pidanud tarvilikuks koostada praktilist laadi käsiraamat "Vene keele häälduse" (1941), mille järele tunti tollal vajadust. Mõnedes töödes on P. Ariste käsitlenud ka sugulaskeelte foneetikat, näiteks "Vadja hääldusе kvantiteedist" (1943), "Liivi keele palatalisatsiooni olemusest" (1959), "Mõningaid märkmeid komi keele foneetika alalt" (1959) jt.

P. Ariste on kirjutanud silmapaistvaid uurimusi ka eesti murrete, kirjakeele ajaloo ja eriti eesti sõnavara (ka kohanimede) alalt. Lisa doktoritööle kujutab endast Hiiumaa idaosast avaldatud tekstikogu "Murdenäiteid Pühalepa kihelkonnast" (1939). Hiljem on P. Ariste käsitlenud mitmeid murdeprobleeme lühiuurimusis, nagu "Miks on lõuna-eesti murdes lapse asemel lats?" (1955), "Teiste läänemere keelte elemente Vaivara murrakuis" (1962) jt.

Põhiliseks huvi- ja uurimisalaks on P. Aristel olnud algusest peale eesti keele sõnavara päritolu selgitamine. Siin kuuluvad juubilari töö tulemused eesti keeleteaduse tippsaavutuste hulka. Ta on teinud põhjapanevat tööd eriti kahe laenukihistuse - rootsi ja alamsaksa - väljaselgitamisel. Eespool mainitud magistriväitekirjas eesti-rootsi laensõnadest eesti keeles esitati 253 juhtu, paljud neist esmakordselt. Kirjakeelde on pääsenud hiivama, iil~iiling, jampsima, jung, kepp, kratt, moor, nugima, näkk, räim, taldrik, tont, vaar, ämber jt. Kirjutises "Eesti-rootsi laensõnadest" (1940) lisab autor veelgi 25 laenu. Artiklis "Paar huvitavat eesti liitelaenu eesti-rootsis" (1933) on näidatud vastupidist laenamissuunda: eesti liited -ki, -gi, ja -kene (om. -kese) on muutunud rootsi keeles iseseisvateks sõnadeks (git ja käse, käsande kujul).

Saksa laenude kindlakstegemist alustas P. Ariste juba 1928. aastal kirjutisega "Üks alamsaksa prepositsioon eesti keeles", näidates, et saksa eessõna vor esineb meil täiendosana vöör liitsõnades vöörkoda, vöörmast jt. A. 1937 järgnes kaalukas uurimus "Mõningaid alamsaksa laensõnu, milles 25 sõna hulgas leiduvad näiteks jukerdama, jänni (jäämа), kellu, klii, liigud, lähker, mats, matt, memm, neeti-

ma, pitser, prügi, ääs. Saksa laensõnade esinemist varasemas eesti keeles käsitlevad esiletõstmist väärivad kirjutised "Saksa laensõnadest 16. sajandi eesti kirjakeeles" (1940), "Georg Mülleri saksa laenud" (1940) ja "Saksa laensõnad Heinrich Stahli eesti keeles" (1963).

Vene ja eesti keele leksikaalsete suhete jälgimist alustas P. Ariste juba üsna varakult, nagu näitab kirjutis "Sunnik" (1936). Varasemad slaavi laenud on võetud põhjalikule vaatlusele artikleis "Slaavlaste ja läänemerelaste vanimaist keelelisist kokkupuuteist" (1952) ja "Vene laensõnadest vanemas eesti kirjakeeles" (1958).

P. Aristel on õnnestunud tõestada ka mitmete haruldaste laenude olemasolu eesti keeles. Nii on ta kirjutises "Mõningaid sõnaseletusi" (1929) näidanud, et hiiu kalanimetused paldis ja tiks on pärit lapi keelest. Uurimusest "Mustlas-sõnu eesti keeles" (1934) selgub, et mangu-ma ja maaruma pärinevad mustlaskeelest. Mustlaskeele sõnu on P. Ariste konstateerinud ka läti keelest ("Über einige zigeunerische Lehnwörter im Lettischen", 1966). Heebrea laene, nagu jaanalind, koveripuu, tuudaimimari jt. on P. Ariste käsitlenud eri seoseis, viimati 1965. aastal kirjutises "Heebrea sõnad eesti keeles" ("Hebräische Wörter im Estnischen").

Juubilari tähelepanu objektiks on pidevalt olnud ka eesti keele genuiinne sõnavara, nagu osutavad teravmeelsete lahendustega kirjutised "Kalevist" (1946), "Moo ja mõis" (1965), "Karts ja kärts" (1971), "Päka suguvõsa" (1972) jt.

Korduvalt on juubilar jälginud eesti kohanimede päritolu. Sellest valdkonnast on uurimused "Pühalepa ja Reigi kohanimed" ("Ortnamnen i Pühalepa och Reigi socknar på Dagö", 1938), "Pandivere, Pandja ja Pandju" (1957), "Kohanimest Mahtra" (1957), "Veelgi vere-lõpulistest kohanimedest" (1963), "Setu rahvalaulude Luigamaa" ("Luigamaa der setukesischen Volkslieder", 1972) jt.

Põhiliseks uurimisalaks on nõukogude aastail P. Aristele saanud soome-ugri keeled, kusjuures huvi keskpunktis on pikemat aega olnud hääbuv vadja keel, mida juubilar on uurinud alates 1932. aastast. Siis ilmus soome ajakirjas

"Virittäjä" 19-leheküljeline kirjutis "Vadja rahva usundist". Keeleteaduslike uurimuste kõrval ongi P. Ariste avaldanud rohkesti folkloristlikku materjali: rahvalaule, muinasjutte, vanasõnu ja rahvakalendrilist ainestikku. Tähtsamad eri raamatuna ilmunud tööd sellelt alalt on "Vadja rahvalaule" (1960), "Vadja muinasjutte" (1962), "Vadja rahvakalender" (1969) ja "Vadjalane kätkist kalmuni" (1974). Puhtlingvistilistest uurimustest väärib erilist tähelepanu kirjutis "Vadja keele päritolust" ("Происхождение водского языка", 1947), milles keeleliste andmete põhjal tõestatakse, et vadja keel on tekkinud kirdeeesti murdest, mis ida pool Narva jõge sattus tihedasse kontakti Novgorodi sloveenide keelega. Vadja keelt ja eesti murrete suhteid käsitles P. Ariste ka rahvusvahelisel fennougristide kongressil 1960. aastal Budapestis ("Die Beziehungen des Wotischen zu den estnischen Mundarten", ilmunud 1963). Peale lühemate vadjaaineliste kirjutiste (neid on ilmunud ainuüksi viimase kümne aasta jooksul paarikümne ringis) tuleb esile tõsta veel "Vadja keele grammatikat" (1948), mille täiendatud ingliskeelne väljaanne ("A Grammar of the Votic Language") ilmus 1968. aastal. Selles antakse deskriptiivne ülevaade vadja keele hääliku-, vormi- ja tuletusõpetusest. Juubilar on kogunud rohkesti vadja sõnavara, millist tööd on alates 1957. aastast ENSV TA KKI soome-ugri keelte sektor jätkanud. Akadeemik P. Ariste juhendamisel koostatud suure "Vadja keele sõnaraamatu" ilmumist on oodata ligemal ajal.

Uurimisretkedel vadjalaste juurde on P. Ariste pööranud tähelepanu naabruses paiknevale isuri keelele. Aastal 1956 ilmus pikem kirjutis "Isuri keelest", milles autor näitab rikkaliku keeleainese najal usutavalt, et tegemist on omaette läänemeresoome keelega, aga mitte soome või karjala keele murdega, nagu arvati varem. Isuri keel on tekkinud ühest karjala keele murdest ja arenenud aja jooksul iseseisvaks läänemeresoome keeleks. Isuri keele omastusliiteid on P. Ariste käsitlenud kirjutises "Tänapäeva isuri keele possessiivsufiksid" ("A mai izsor nyelv birtokos személyragjai", 1958). Teistest isuri keele kohta käivaist uurimusist nimetatagu "Mõnda isuri keelest" ("Et-

was über das Ižorische", 1965), "Vanaküla isuri murrakust" (1969) ja "Isurid ja isuri keel" (1973). Autori kogutud soikola ja oredežži murde tekstid on avaldatud pealkirja all "Isuri keelenäiteid" (1960).

Liivi keelele on pühendatud peale eespool mainitud foneetikaalase käsitluse uurimus selle keele kujunemise kohta "Liivi keele arengu küsimusest" ("К вопросу о развитии ливского языка", 1954). Mainitagu veel lühiülevaadet "Liivlased ja liivi keel" ("Ливы и ливский язык", 1958) ning "Alamsaksa laenudest liivi keeles" ("Нижненемецкие заимствования в ливском языке", 1973).

Teadust hoogsalt edasiviivad on olnud mitmed läänemeresoome keelte kujunemise ning nende keelte grammatilise struktuuri ja sõnavara kohta kirjutatud tööd. Koguteoses "Eesti rahva etnilisest ajaloost" ilmus põhjapanev uurimus "Läänemere keelte kujunemine ja vanem arenemisjärk" (1956), mis sai teaduse alal Nõukogude Eesti esimese preemia. Selles uurimuses näidatakse lingvistilisil andmeil, missugused etnilised rühmitused on olnud aluseks tänapäeva läänemeresoome keeli kõnelevaile rahvaile. Läänemeresoome aluskeel on eksisteerinud arvatavasti juba IV - III aastatuhandel e. m. a., s. o. palju varem, kui on oletanud E. N. Setälä jt. teadlased. Soome-ugri keelte üldküsimusi on P. Ariste käsitlenud ka mitmetes hilisemates uurimustes, nagu "Kahe soome-ugri keele väljasuremise teedest" ("Die Wege des Aussterbens zweier finnisch-ugrischer Sprachen", 1970) ja "Vanimad substraadid läänemeresoome keeltes" ("Die ältesten Substrate in den ostseefinnischen Sprachen", 1971).

Nimetatud uurimusile on mõneti lähedased keelekontakte jälgivad kirjutised, millede arv on viimaseil aastail mitmekordistunud. Mainitagu siinkohal ainult "Ühe läti konjunktsiooni ekspansioonist läänemeresoome keeltes" ("Die Expansion einer lettischen Konjunktion in den ostseefinnischen Sprachen", 1969) ja "Kolmkeelsusest mõnedel soome-ugri rahvail" ("Über die Dreisprachigkeit unter einigen finnisch-ugrischen Völkern", 1969).

Läänemeresoome keelte ajaloo üksikküsimusi käsitlevad mitmed uusi andmeid ja seisukohti sisaldavad kirjutised, nagu "Adverbide arenemisest läänemere keeltes" (1952), "Si-

sekohakäänete kujunemisest läänemere keeltes" (1954), "Läänemere keelte sõnasiseste üksikhäälikute olemusest" (1959), "Ekstsesiivist läänemere keeltes" (1960), "Indo-euroopa prefiksid läänemeresoome keeltes" (1960) jt.

Üldkeeleteaduse seisukohalt pakuvad huvi sellised P. Ariste kirjutised, nagu "Metanalüüsi osa keele arengus" (1958), "Ületaotlusest (eriti vadja keeles)" (1961), "Velaarpalataalse k afrikaadistumine" (1964), "Helilisuse reduktsioon morfoloogilise faktorina" ("Reduktion der Stimmhaftigkeit als morphologischer Faktor", 1965), "Keel võib grammatika laenata" (1969) jt. Eraldi märgitagu mitmes trükis õpikuna kasutatav "Maailma keeled" I ja II (1967, 1969, 1972). P. Ariste kandvamad tööd on saanud tunnustava retsensiooni osaliseks ka välismaises keeleteaduslikus perioodikas.

P. Ariste on olnud kaastegev ka mitmete sõnaraamatute koostamisel: "Esperanto-eesti sõnastik" (1927), "Rootsi-eesti sõnaraamat" (1939) (selle ümbertöötatud ja lühendatud kordustrükk a. 1971) jt. Eespool oli juba juttu vadja keele sõnaraamatu koostamisest .

Rida kirjutisi on pühendatud soome-ugri keelte uurimise ajaloo jälgimisele, näiteks "Eesti keele ja soome-ugri keelte õpetamisest ja uurimisest Tartu ülikoolis (1802-1952)", "Eestist põlvnevad uralistid Peterburi Teaduste Akadeemias" (1974) jt. Kesksel kohal on olnud F. J. Wiedemanni teadusliku tegevuse uurimine, mille tulemused on üldistavalt kokku võetud teoses "Ferdinand Johann Wiedemann" (1973). Autor kummutab väärseisukoha, nagu oleks see möödunud sajandi suurkuju olnud kabinetiõpetlane. F. J. Wiedemanni päevik jt. andmed näitavad, et ta oli küllalt liikuv uurija, kes käis läbi peaaegu kogu Eestimaa ning viibis ka liivlaste ja kreevinite juures.

P. Ariste mitmekülgse keelelise tegevuse olulisimad lõigud pole eespool loetletuga veel ammendatud. Ta on avaldanud rikkalikult kirjutisi keeleteadlastest, kirjanikest ja kultuuritegelastest, käsitlenud paljudes artiklites "Kalevipoega", selle uurimist ja tõlkeid eri keeltes, kirjutanud rohkesti retsensioone mitmesuguste keeleliste, folkloristlike jt. tööde kohta, avaldanud keeleteaduslikke kongresse ja nõupidamisi tutvustavaid ülevaateid, fikseerinud

soome-ugri keeleteaduse ülesandeid, tutvustanud laiemale üldsusele soome-ugri keeli ning keeleteaduse päevaprobleeme jne. Kui neile lisada veel peamiselt noorsoole mõeldud õppe- ja kasvatustööga seotud artiklid Tartu Riikliku Ülikooli häälekandjas, hakkab kujunema teatav ülevaade P. Ariste avaldatud tööde temaatikast. P. Ariste vilkale keeleteaduslikule loometööle on juba paarikümne aasta jooksul kaasnenud "Emakeele Seltsi Aastaraamatu" toimetamine, kümme aastat on ta ühtejärge olnud rahvusvahelise ajakirja "Советское финно-угроведение" peatoimetaja. Energiat on jätkunud iga-aastasteks ekspeditsioonideks sugulasrahvaste juurde, tegevuseks Emakeele Seltsi juhatuses, akadeemiate teaduslikes nõukogudes Tallinnas ja Riias ning ülikooli nõukogudes, samuti ühiskondlikuks tööks aktiivse lektorina ja mitmete komisjonide liikmena. Rahvusvaheliste fenno-ugristide kongresside organiseerimiskomitee esimehena või liikmena on jätkunud ülesandeid üle kodumaa piiridegi. Nelja pika aastakümne jooksul on P. Ariste olnud kõrgema kooli õppejõud. Tartu Riiklikus Ülikoolis on ta rajanud fennougristika koolkonna. Tema juhtimisel töötav soome-ugri keelte kateeder on leidnud tunnustust üleliidulises ja rahvusvahelises ulatuses. Siia õppima või aspirantuuri on pidevalt suunatud noori ka väljastpoolt Eesti NSV-d: Riiast, Leningradist, Petroskoist, Saranskist, Joškar-Olast, Užgorodist, Iževskist, Sõktõvkarist jm. Mitmetest sugulasrahvaste esindajaist on P. Ariste käe all kasvanud tunnustatud teadlased. Ka eesti NSV keskmise ja noorema põlvkonna keeleteadlastest on enamik tema õpilased. Nendegi tööpõld ulatub juba sügavkünnini üle volga ja permi alade kaugete obiugrilaste ja samojeedide radadele. Selles, et Tartu Riiklik Ülikool on kujunenud juhtivaks soome-ugri keelte uurimise keskuseks, kuuluvad suured teened just prof. P. Aristele, silmapaistvale teadlasele ja pedagoogile. Juubilari teened teaduslikku töö organiseerimisel ja kaadri kasvatamisel väärivad erilist allakriipsutamist. Tema loov talent ja pedagoogitöö on üha innustanud paljusid noori valima oma erialaks soome-ugri filoloogia. Ühtekokku on prof. P. Ariste juhendamisel jõudnud kandidaadikraadini ligi poolsada noort

teadlast, oponendiks on juubilar olnud u. 140 kandidaadi- või doktoriväitekirja kaitsmisel.

Silmapaistvate teenete eest teaduslik-pedagoogilises tegevuses on P. Aristet korduvalt autasustatud, ta on väheseid, kellele on antud Tartu Riikliku Ülikooli kõrgeim autasu - Ülikooli medal. P. Ariste keeleteaduslikku tegevust on kõrgelt hinnatud ka rahvusvahelises ulatuses: ta on Soome ja Ungari Teaduste Akadeemia auliige, Helsingi ja Szegedi ülikooli audoktor ning mitmete keeleteaduslike seltside au- või välisliige.

Juubeli puhul meenutavad kolleegid, sõbrad ja õpilased akadeemik Paul Aristet siira lugupidamisega, tänutunde ja armastusega ning soovivad nooruslikule juubilarile raugematut jõudu ning jätkuva ja tulemusrohke töö aastaid soome-ugri keeleteaduse viljelemisel.

P. A.

P. A l v r e
(Tartu)

LÄÄNEMERESOOME KEELTE MITMUSETÜVEDEST (PEAMISELT ÜHESILBILISIS NOOMENEIS)

Läänemeresoome keelte vanadest mitmusetunnustest (t, k, n, i) on noorim i, mille liitumisel sõnatüvele (*jalka-i, *silmä-i-, *mä-i-, *pü-i- jt.) on hakatud moodustama obliikvakäänete mitmusevorme alles lapi-läänemeresoome ühisperioodil. Läänemeresoome aluskeele lõppjärgus jõuti mitmete häälikumuutuste kaudu mitmusetüvedeni *jalkoi-, *silmi-, *mai-, *pui- jt.

Ühesilbiliste sõnade tüvevokaali lühenemise tõttu mitmusetunnuse i ees kujunes pluuralis obliikvavormide skeemiks üldiselt (C)V_1V_2 + käändelõpp (*mai-ta, *pui-ta, *koi-ta, *tei-tä, *päi-tä, *süi-tä, *öi-tä). Ainult vähestes sõnades, mille tüvi lõppes juba singularis diftongiga (*kui, *voi, *täi), võis vahetegemine ainsuse- ja mitmusevormide vahel toimuda konteksti abil (*kaksi koi-ta, *paljo koi-ta). Sellise abituse ainsuse ja mitmuse eraldamiseks on muide säilitanud konservatiivne soome kirjakeel, mis ei suuda vahet teha ka I-lises pii-tä 'piid, piisid' tüübis.

Nagu kahe- ja enamasilbilisil noomeneil on mitmuse genitiivis olnud murdeti ainsuse- ja mitmusetüveline lähtekuju (*jalka-ðen, *jalkoi-ðen), nii tuleb ka ühesilbilisis noomeneis võtta aluseks *mā-ðen ja *mai-ðen tüübid. Esimesele taandub liivi keele, põhjaeesti murde (ning kirjakeele) ja soome vana kirjakeele ning läänemurrete varasem esinemus, teisele eesti lõuna- ja kirdemurde, soome idapoolsete murrete ning kõigi muude läänemeresoome keelte vormistik (vrd. lv pūD 'puude; puud', e puude, sm vana kirjak. lwdhen 'luude' - e murd. puide 'puude', vdj maddē < *maiðen, sm murd. luijen 'luude', is puijen ~ puiǰen 'puude', krj muijen 'muude', vps maiďe 'maade'

jt.).[1] Kummagi genitiivi edasiarengud on saanud mitmel pool (eesti, liivi, vadja, isuri, soome k.) baasiks uutele mitmusetüüpidele.

Läänemeresoome aluskeelest pärinev diftong on ühesilbiliste noomenite obliikvakäändeis hästi säilinud; seda võib kohata peaaegu kõikjal (sm muista maista 'muudest maadest', krj puida 'puid', is puille 'puudele', vps soid 'soid', vdj maisē 'maadesse', e meil, puil). Pearõhulise silbi häältdamine on üldiselt olnud selgem ja täpsem kui teisis rõhuasendeis.Siin ongi põhjus diftongidega ai, oi, ui, ei, äi, öi ja üi lõppevate mitmusetüvede võrdlemisi ühtlaseks esinemuseks eri keelis.[2] Seevastu on diftongi järelkomponent rõhuta asendist sageli kadunud (näit. sm. murd. jalost, vdj jaJgossa, e jalust ~ jalost, lv jālgist < *jalgoista).See sundis sõnatüvedes, kus toimus ainsuse- ja mitmusevormide kokkulangemine (näit. linnust 'linnust, lindudest' < *lindu(i)sta),otsima uusi mitmuse väljendamise vorme (eesti keeles de-, e-, a- ja si-mitmus, karjala keeles loi-, lõimitmus jne.).

Ka ühesilbilisis noomeneis pole diftongi järelkomponent kõikjal suutnud sellisena püsima jääda. Paiguti on mitmuse tunnus i diftongide üldisile arenguseadusile alludes madaldunud e-ks (sm murd. maessa 'maades', e murd. maele 'maadele', vrd. naene < naine) või sulanud kokku diftongi esikomponendiga (lv tēdi 'töid', vpsL võđ 'vöid',e murd. nāle 'neile').

Ühesilbiliste pronoomenite esinemus ei erine üldiselt muist noomeneist. Demonstratiivpronoomeni see supletiivne mitmusetüvi ilmneb läänemeresoome keelte põhjarühmas peamiselt nī-kujul, kuigi ka esialgsemat nei-tüüpi võib veel kohata (peamiselt lõunavepsa murdes, karjala Valdai murrakus, isuri keeles ja sporaadiliselt ka soome edelamurdeis). Lõunarühmas figureerib nei-tüvi, vadja keeles aga naaberkeelte mõjul segaesinemus (nīssä, kaneissa ~ kaneissa 'neist').

---

[1] Siinse lühiülevaate näitestik pärineb suurelt osalt käsikirjalisist tekstikogudest ja murdeülevaateist, mistõttu allikmaterjalidele viitamisest on loobutud. Vt. siiski P. A l v r e , Morfologis-äännehistoriallinen tutkimus monikkovartalon muodostuksesta suomessa verrattuna sukukieliin. Tartto, 1965. lk. 45 jj., 909 jj. (Doktoriväitekiri TRÜ Teaduslikus Raamatukogus.)

[2] Vrd. allpool järgnevaid tabeleid.

Soome, karjala ja vepsa keeles ilmneb märke demonstratiivpronoomenite deklinatsiooni tuginemisest mitmuse või ainsuse nominatiivile. Nii tarvitavad mitmed soome murded pronoomenist nuo 'nood' kas triftongilist mitmusetüve nuoi- või sellest hargnenud nui-, nuo- ~ nua-vorme. Karjala keele lüüdi murdes kasutatakse pronoomenist noa 'nood' noai-tüve (pro nai-), mis seostub substantiivide triftongilise piäid 'päid', suoid 'soid' esinemusega. Aunuse ja lüüdi murdes moodustatakse ootuspärase näi-tüve asemel pronoomeni nämä 'need' mitmusevormid nämi-tüvega (partit. nämid, iness. nämiš jt.). Vepsa keeles ja selle substraadil baseeruvas karjala keele lüüdi murdes lähtutakse se-tüvest ka mitmuses (vpsP seiďe, vpsL sīďen 'nende'); ainsus on saanud deklanatsiooni lähtekohaks veel lüüdi vormides tämīt 'neid' (: tämä), tuaid 'noid' (: tua) 'too'. Personaalpronoomenite *mei-, *tei-tüvede kõrval tuleb arvestada vanu *mejä-, *tejä-tuletisi vähemalt vepsa ja karjala keeles ning soome edelamurdeis, võib-olla paiguti ka eesti keeles[3] (vps mijaлe 'meile', meja 'meil', krjL mejaлe 'meile', mejл 'meil' jt.).

Soome personaalpronoomenite genitiivides meiδän, meijän, meijjän, meilän, meirän, meitän 'meie' jt. kohatav ä on pärit akusatiivi- ja partitiivivormide kontaminatsioonist (meiδen ~ meiδet + meitä). Karjala genitiivide meʀän, miʀän 'meie' lähtekujuks on H. Ojansuu pidanud ainsusetüvelist moodustusviisi meenutavat *me-δen-vormi[4], kuid tõesem on siingi lähtuda mejä- või mei-tüvest. Viimasele tuginevad ka eesti murdevormid meĭDe (< *meiδen) ja meitte 'meie', kuna seevastu meDe (< *meδen) sarnaneb substantiivide ainsusetüvelise esinemusega, samuti meĭte 'meie' jt. Partitiiviga segunenud genitiivid meitti 'meie', teitti 'teie' on tegelikult samad kui soome läänemurdeis laialt levinud meitin, teitin. Obliikvakäänetegi paralleelsusel

---

[3] Viimaste kohta vt. P. A r i s t e , Eesti asesõnade me, te ja meie, teie suhteist. - KKIÜ I. Tallinn, 1956, lk. 54 jj.

[4] H. O j a n s u u , Lisiä persoonapronominien taivutusoppiin. - Virittäja 1917, lk. 31.

meil ~ meittel leidub vaste soome edela- ja häme murdeis (meillä ~ meitillä 'meil').

Erandlikke mitmusevorme võib kohata teisteski eesti keele pronoomeneis, kus nii *nden lõpuline genitiiv kui ka sellele tuginev deklinatsioon lähtub tavaliselt ainsuse-, harvemini mitmusetüvest (nende, nonde, muňDe ~ mūne 'muude', mūnDest 'muudest', muine 'muude'; vana kirjak. nennest 'neist', muinde 'muude', neinde 'nende', neinest 'neist'). Et seda laadi genitiive leidub ka liivi keeles (nänt 'nende', munt 'muude'), vadja keeles (nännē 'nende', ninnē 'nende', munne 'muude') ja samuti soome keeles (murd. nīnnen ~ nīnen 'nende', vana kirjak. mwijnen 'muude', nijnne 'nende' jt.), on L. Posti eeldanud nende teket juba läänemeresoome aluskeelte algetapil tüüpide *nen 'nende' ja *tēδen 'teede' segunemisest, mille tulemusel tekkis genitiiv *nenden.[5] Käesolevate ridade kirjutaja arvates on asesõnade mitmuse genitiivi *nden-tüüp tekkinud küllaltki hilja ainult läänemeresoome aluskeelte läänepoolses osas metanalüütilisel teel, kui atributiivselt kasutatud pronoomenivormid *neδen, *nōδen jt. võtsid mõnedes konneksides üle põhisõna(de) elemendid: *(neδen >) ne/nden monden sēnden, *(nōδen >) no/nden penden onnettoinden jt.[6]

Seiramata siinkohal pikemalt üksikkäänete häälikuseaduslike vormide asendamist analoogilise, kontaminatsioonilise või metanüüütilise moodustusviisiga (nende kohta leidub rikkalikult näiteid kõigist keelist), pöörakem järgnevalt tähelepanu ilminguile, mis on viinud ühesilbiliste noomenite mitmuse moodustuse uutele, läänemeresoome aluskeeles tundmatuile aluseile.

Soome keeleala kaguosas, karjala keeles ja vähesel määral ka isuri murdeis viljeldakse uue mitmusetunnusena loi-, löi-d, mis ilmselt on saanud alguse *oi-noomeneist. Mitmuse funktsiooni allakriipsutavana on selle kasutamine olnud teretulnud eriti koi-, täi-, pii-tüüpi sõnades, kus

---

[5] L. P o s t i , Eräs itämerensuomalainen genetiivimuodostus. - Virittäjä 1937, lk. 291 jj.

[6] Vt. ka P. A l v r e , Pronoomenite iseärasusi. - ESA 11 1965. Tallinn, 1965, lk. 203 jj.

nüüd ilmnes võimalus vahetegemiseks ainsuse- ja mitmusevormide vahel (sm murd. voiloissa 'võides', täilöil 'täidel', krj pīlöid 'piisid', is täilöille 'täidele', pīlöi 'piisid'). Uus mitmuse tunnus on seega lisanud keele väljendusvõimalusi, kuid süsteemisund on i-lõpuliste noomenite vahendusel viinud loi, löi ka teistesse ühesilbilistesse sõnadesse (näit. krj moalǫissa 'maades', peälöidä 'päid', is ūlöi 'öid'), kus selle tarvitamine pole siiski ainuline.

oi-noomeneist on alguse saanud ka si-liste vormide levik, mida tuntakse soome edelamurdeis (pyyssi 'püüsid', syyssi 'süüsid') ja kagueesti murdealal (koiZist 'koidest'). Põhjaeesti ja paiguti lõunaeestigi murdeis tugineb deklinatsioon komitatiivile-genitiivile (māDel ~ ~ mâDel ~ mättel ~ mattel 'maadel', päiDest 'peadest', luittest 'luudest'). Genitiivil baseerub ka kirde-eesti rannikumurde je-mitmus (koijel 'koidel', puijest 'puudest'). Eesti keelega sarnane de-mitmus on tuntud ka liivi keelest, kuid seal viljeldakse seda ainult komitatiivis, translatiivis ja daativis (pūdȩks ~ pūtkȩks 'puudeks, puudega', pūdȩn 'puudele').

Kuigi ühesilbiliste noomenite deklinatsiooni on tunginud mitmed uued mitmusetunnused, pole selles märgata kahe- ja enamasilbiliste sõnade tugevaastmelise i-mitmuse mõju (vrd. sm murd., is, vdj poikīlla, e murd. poiGil 'poegadel'). Samuti on ühesilbilisile noomeneile võõras e- ja a-mitmuse tarvitamine (vrd. e murd. jalGes 'jalgades', poiŽal 'poistel', vdj varkassa 'võrkudest'). Vepsa ja vadja keeles moodustatakse ühesilbiliste noomenite kõik mitmusevormid üha i-tunnuse abil, kuigi näiteks viimases võiks oodata ka mõningat loi- ~ löi-, lai- ~ läivõi aloi- ~ älöi- ja alai- ~ äläi-muudete ilmnemist (vrd. kahesilbil. noomeneis vdj leppi-löi-zä 'leppades', sikoлai-лȩ 'sigadele', čiv-älöi-llä 'kividel', pankaлai-ллa 'pangedel').

Süstemaatilise ülevaate ühesilbiliste noomenite mitmusetüvede tüübistikust keeliti annavad järgnevad tabelid, kusjuures soome ja eesti keele murdevormide kõrval on toodud näiteid ka vanast ja praegusest kirjakeelest.

S o o m e k e e l

	Murded	Vana kirjakeel	Praegune kirjakeel
1. i-mitmus			
a) diftong säilinud	muist maist (muudest maadest)	ioilla (kelledel), neiste (neist), heillensä (neile)	maista (maadest), soista (soodest), kuista (kuudest), meistä (meist), näistä (neist), öistä (öödest), pyistä (püüdest),
b) diftongi esikomponent muutunud	jeist (jäädest), höil (neil), nīlt (neilt)	nijlte (neilt)	niistä (neist)
c) diftongi järelkomponent muutunud	vöêstä (vöödest) maessa (maades) näestä (neist)		

	Murded	Vana kirjakeel	Praegune kirjakeel
d) diftong > triftong vm.	nuoiss (nondes), nuoista (nondest); nuilta (nondelt), nuossa (nondes), nuas (nondes)		
2. personaalpronoomenite erandlikud vormid	meitil, teitil, heitil (meil, teil, neil); harv. meijästä (meist), harv. mehillä (meil)	harv. heitistä (neist)	
3. genitiivil põhinev mitmus	juhusl. päijist (peadest)		
4. loi-, löi-mitmus	voiloissa (võides), täilöil (täidel)		

K a r j a l a k e e l

1. i-mitmus	
a) diftong säilinud	puida (puid), meilä (meil), ołgupäistä (õlgadest)
b) diftongi esikomponent muutunud	ńīdä (neid)
c) diftong > triftong vm.	ťiäid (täisid), suoid (soid), noaid (noid); harv. nuita (noid)
2. pronoomenite erandlikud mitmusetüved	ńeńis ~ neńīs (neis); nämil ~ nämīl (neil); tuaid (noid); tämīt (neid); mejaле (meile), meaл (meil), ńejeďtä (meist)
3. loi-, löi-mitmus	moaloissa (maades), peälöidä (päid), pīlöid (piisid), ťiäilöid (täisid)

I s u r i k e e l

1. i-mitmus	
a) diftong säilinud	puille (puudele), täille (täidele), neidä (neid)
b) diftongi esikomponent muutunud	nīle (neile)
2. loi-, löi-mitmus	täiłöille (täidele), pīlöi (piisid), ūlöi (öid)
3. də-mitmus	juhusl. pūdəlla (puudel)

V e p s a k e e l

1. i-mitmus	
a) diftong säilinud	soid (soid), teilpā (teilt), täit (täisid), maiń̆e (maadesse)

b) diftongi esikomponent muutunud	hīđe (nende); tʂid (täisid), geiš (jäädes); hêid (neid); tijl (teil); hīđeke (nendega), müil (meil); veid (vöösid), vêid (vöösid); viɉš (vöödes); piɉš (püüdes; pīđ (püüsid), ɲiid (luid)
2. pronoomenite erandlikud mitmusetüved	sīđen (nende), seiđe (nende); nenīš (neis), heńiš (neis); tejale (teile), mijou (meil)

V a d j a k e e l

1. i-mitmus	
a) diftong säilinud	maisẽ (maadesse), täissi (täideks)
b) diftongi esikomponent muutunud	üitä (öösid), vüitä (vöösid), tüitä (töösid)
c) diftongi järelkomponent muutunud	mađđẽ (maade), täđđẽ (täide), međđeD (meid)
2. pronoomenite erandlikud genitiivid	nännẽ (nende), ninnẽ (nende), munnê (muude)

E e s t i k e e l

	Murded	Vana kirjakeel	Praegune kirjakeel
1. i-mitmus			
a) diftong säilinud	maìle, töist, meil	koid (koisid), päid, soit	mai-, soi-, mui-, töi-, mei-
b) diftongi järelkomponent muutunud	maele (maadele), nẽle (neile)	töed (töid), ?Püüd (püüsid), ?suut (suid)	

c) diftongi esi- ja järelkomponent muutunud	moele (muudele)		
2. de-mitmus	koiDel, māDe ~ mâDe ~ mātte ~ matte	mahde, suhde	maade-, tööde-, koide-, avenüüde-
3. kontamineerunud de-mitmus	päĭDest, luitte, meĭttel	Luide, Puide, neihde (nende), Meide, Meite, Muite	
4. genitiivil põhinev je-mitmus	koĭjel (koidel), puĭjest (puudest)	Meiest, Teiest, muije	
5. si-mitmus	koiZist (koidest), täiZist (täidest)		
6. pronoomenite erandlikud mitmusetüved	mūnDe, muĭDe, mūne, muine; meĭttiD, meĭtteD, meitti	muinde, muine, neinde, neinest, nennest	nende-, nonde-

L i i v i k e e l

1. i-mitmus	
a) diftong muutunud	pūâi (puid), tēâi (töid)
b) diftong analoogiline	sùoâi (soid)
2. də̑-mitmus	pūdə̑ks ~ pūtkə̑ks (puudega, puudeks), pādə̑ks ~ pātkə̑ks (peadega, peadeks)
3. pronoomenite erandlikud mitmusetüved	nānt (nende), mūnt (muude)

Algupärase i-mitmuse kõrvale tekkinud mitmusetüüpide arv on ühesilbilisil noomeneil kõikjal väiksem kui kaheja enamasilbilisil. Põhjuseks on asjaolu, et vahe ainsuse- ja mitmusevormide vahel on ühesilbilisis sõnus säilinud paremini kui näiteks kahesilbilisis, kust muide ongi saanud alguse kõik hilistekkelised mitmusetüübid.

Ühesilbiliste noomenite mitmusetüüpide arv, kui jätta arvestamata personaalpronoomenite eriarengud ja *nden-genitiivid, on praegu suurim eesti keeles - 5 (i-mitmus, de-mitmus, genitiivil põhinev je-mitmus, kontamineerunud de-mitmus, si-mitmus). Sellele järgnevad: soome keel - 3 (i-mitmus, loi-, löi-mitmus, si-mitmus), karjala ja isuri keel - 2 (i-mitmus, loi-, löi-mitmus), liivi keel - 2 (i- ja dê-mitmus samas paradigmas), vepsa ja vadja keel - 1 (i-mitmus). Suhe ühe- ja enamasilbiliste noomenite mitmusetüüpide vahel on järgmine: eesti keeles 5 : 7 (i-mitmus, de-mitmus, kontamineerunud de-mitmus, e-mitmus, tugevaastmeline i-mitmus, a-mitmus, si-mitmus), vadja keeles 1 : 7 (i-mitmus, tugevaastmeline i-mitmus, loi-, löi-mitmus, a-mitmus, lai-, läi-mitmus, aloi- älöi-mitmus, alai-, äläi-mitmus), soome keeles 3 : 4 (i-mitmus, tugevaastmeline i-mitmus, loi-, löi-mitmus, si-mitmus), isuri keeles 2 : 3 (i-mitmus, tugevaastmeline i-mitmus), loi-, löi-mitmus), karjala keeles 2 : 2 (i-mitmus, loi-, löi-mitmus), liivi keeles 2 : 2 (i- ja dȝ-mitmus samas paradigmas), vepsa keeles 1 : 2 (i-mitmus, kontamineerunud ĩ-mitmus).

Läänemeresoome aluskeelde ulatub ainult i-mitmus, kõik teised mitmusetüübid on tekkelt hilised.

П. А л в р е
(Тарту)

ОБ ОСНОВАХ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКАХ

(ПРЕИМУЩЕСТВЕННО В ОДНОСЛОЖНЫХ ИМЕНАХ)

Р е з ю м е

В прибалтийско-финском языке-основе от односложных имен формы мн. числа на i образовывались по схеме (C)V_1V_2 + падежное окончание, напр., от слова *pū 'дерево' партитив мн. числа имел форму *pui-ta.

Признак мн. числа i во всех языках сохраняется в большей мере в односложных именах (сравнительно с двухсложными и многосложными словами). В функции второго компонента дифтонгического сочетания это i могло видоизменяться (ср. ф. maissa ~ maessa 'в землях').

Местоимениям свойственны особые пути развития, свое формообразование, в ходе которого базой при их склонении становится не основа слова, а форма номинатива ед. или мн. числа (кар. nämä : nämil 'у них', вепс. se : sīden 'их'). При склонении личных местоимений следует учитывать не только основы на *mei-, *tei-, но и древние основы на *mejä-, *tejä- (вепс. teja-le 'вам' и др.).

Из более поздних по происхождению типов мн. числа от односложных имен следует отметить прежде всего следующие: I) мн. число на loi, lõi в финском, ижорском и карельском языках (ф. voiloissa 'в маслах'), 2) мн. число на si в финском и эстонском языках (эст. koiZist 'из молей'), 3) мн. число на de в эстонском и ливском языках (эст. maades 'в странах'), 4) мн. число на de, осложненное контаминацией, в эстонском языке (päiDest 'из голов'), 5) мн. число на je, базирующееся на генитиве, в эстонском языке (puijest 'из деревьев'). Другие более поздние по образованию типы мн. числа наблюдаются лишь в двусложных и мно-

госложных словах (мн. число на i с сильной ступенью чередования звуков, мн. число на a, на lai, lãi и др.).

Количественное взаимоотношение между типами мн. числа в категории односложных и многосложных имен свидетельствует о преимущественном положении последних: в эстонском языке это отношение выражено цифрами 5 : 7, в водском – I : 7, в финском – 3 : 4, в ижорском – 2 : 3, в карельском и ливском – 2 : 2, в вепском – I : 2.

P. A l v r e
(Tartu)

ZU DEN PLURALSTÄMMEN IN DEN OSTSEEFINNISCHEN SPRACHEN (VORWIEGEND IN EINSILBIGEN NOMINA)

Z u s a m m e n f a s s u n g

In der ostseefinnischen Grundsprache bildete sich ein i-Plural heraus, der schematisch folgenderweise dargestellt werden kann: (C)V_1V_2 + Kasusendung, z. B. lautete vom Substantiv *pū 'Baum' der Partitiv Pl. *pui-ta.

Das Pluralsuffix i ist in allen Sprachen in einsilbigen Nomina besser erhalten als in zwei- und dreisilbigen, doch ist es durchaus möglich, daß sich i als zweites Element eines Diphthongs verändert hat (vgl. finn. maissa ~ maessa 'in Ländern'). Für Pronomen sind verschiedene Sonderentwicklungen kennzeichnend, wo statt des Wortstammes der Nom. Sing. od. Pl. der Deklination zugrundeliegt (kar. nämä : nämil 'ihnen', weps. se : sīd'en 'ihrer'). In Personalpronomen sind neben *mei-, *tei-Stämmen auch alte *mejä-, *tejä-Ableitungen zu berücksichtigen (weps. teja-le 'ihnen) u. a.).

Von den jüngeren Pluraltypen werden in einsilbigen Nomina folgende unterschieden (s. auch Tabellen): 1) loi-, löi-Plural im Finnischen, Ižorischen und Karelischen (finn. voiloissa 'in (verschiedenen) Butter(arten)', 2) si-Plural im Finnischen und Estnischen (estn. koiZist 'von Motten'), 3) de-Plural im Estnischen und Livischen (estn. maades 'in Ländern'), 4) kontaminierter de-Plural im Estnischen (päiDest 'von Köpfen'), 5) vom Genitiv hergeleiteter je-Plural Estnischen (puijest 'von Bäumen'). Die anderen jüngeren Pluraltypen (starkstufiger i-Plural, a-Plural, lai-, läi-Plural u. a.) sind nur in zwei- und mehrsilbigen Nomina vertreten.

Zahlmäßig fällt in den meisten Sprachen das Verhältnis zwischen den Pluraltypen der einsilbigen und der mehrsilbigen Nomina zugunsten der letzteren aus: im Estnischen 5 : 7, im Wotischen 1 : 7, im Finnischen 3 : 4. im Ižorischen 2:3, im Karelischen und Livischen 2 : 2, im Wepsischen 1 : 2.

Ю. А н д у г а н о в
(Тарту)

МОДЕЛИ МАРИЙСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ-КОМПОЗИТ

0.I. Особую экспрессивность и лаконичность придают речи мари слова, образованные путем сложения слов. Если еще давно выработанные народом под таким образцом слова типа йолвурго 'голень' (йол 'нога' + вурго 'стебель, черенок'), йӱштымухо 'лихорадка, малярия' (йӱштo 'холод, стужа, мороз' + мухо 'общее название злого духа и болезней, им насылаемых'), кидвурго 'локтевая часть руки' (кид 'рука' + + вурго 'стебель, черенок'), кугыварня 'большой палец' (кугу 'большой' + парня 'палец') более характерны научному стилю, то кыдач-покшеч 'неразборчиво, путано' (кыдач 'с середины, поперек' + покшеч 'с середины'), шинчаора 'при глазах' (шинча 'глаз' + ора, который отдельно не употребляется), йӧрвар 'пищевые продукты, продукты питания' (от йӧраш, вараш 'мешать') в большинстве случаев употребляются в публицистике, художественной литературе и в разговорной речи. В иных случаях используются они довольно обильно. Поскольку марийским сложным словам присущи все знаменательные лексико-грамматические категории, вполне возможны в языке предложения типа Ӱстелтӧрысӧ кугыень-влак толшо-мийше-влакым мурен-шӱшкен вашлийнт 'Сидящие за столом взрослые люди встречают гостей (посетителей) песней и свистом', т.е. полные двусоставные распространенные предложения, состоящие только из слов-композит. Причем важно отметить, что обильное употребление их не чуждо марийскому языку, а, наоборот, образованные таким способом слова делают язык жизнеспособным. И это легко оправдывается тем, что словосложение в марийском языке, как и во всех других финно-угорских языках, является одним из самых продуктивных способов словообразования.

0.2. Это интересное и важное лексико-грамматическое явление языка, однако, до сих пор остается малоизученным, ибо не дано еще исчерпывающего определения сложного слова, вследствие чего в марийском языкознании имеет место не всегда стройная и последовательная система разграничения их от словосочетаний, стоит обособленно практическая сторона вопроса, орфография сложных слов. В этом отношении небезынтересно просмотреть орфографический словарь марийского языка. В "Марий орфографий мутер" (Йошкар-Ола, 1972) нормирование правописания композит остается непрозрачным: какой критерий берется за основу, когда устанавливается, например, раздельное написание числительных, обозначающих сотни от кок шӱдӧ 'двести (= два сто)' до индеш шӱдӧ 'девятьсот (= девять сто)', в то время как сложные числительные шымлу 'семьдесят' (шым 'семь' + лу 'десять'), кандашлу 'восемьдесят' (кандаш 'восемь' + лу 'десять') по своей структуре ничем не отличаются от предыдущих. Непонятно также отнесение к словосочетаниям и таких слов, выражающих астрономические понятия, как коркашӱдыр 'Большая Медведица' (корка 'ковш' + + шӱдыр 'звезда'), шоктешӱдыр 'созвездие Плеяды'(шокте 'сито' + шӱдыр 'звезда') и несколько других различного порядка, которых по народноязыковой основе удобнее было бы отнести к словам, нежели к словосочетаниям, т.к. сочетания такого рода уже обеспечили перспективу для своего существования в виде слов.

0.3. Подобные факты не говорят, однако, о том, что данный вопрос был и остается не в поле зрения исследователей. Имеется ряд работ марийских лингвистов (Васильев 1931, Васильев 1948, Васильев 1953, Грузов 1962, Грузов 1963, Галкин 1962, Гордеев 1963, Дмитриев 1962, Дмитриев 1968, Исанбаев 1961, Кармазин 1929, Патрушев 1954), отдельные из которых посвящены лишь узко практическим вопросам. Но так как лексико-синтаксический способ словообразования в марийском языке занимает большой удельный вес и является недостаточно изученным, следует его подвергать более детальному исследованию.

0.4. В настоящей статье, ограниченной по объему, разумеется, не ставится задача фундаментального разрешения вопроса и она не претендует на изменение существующих в ма-

рийском языкознании положений относительно сложных слов, а лишь делается попытка в некоторой мере расширить возможные морфологические модели при образовании слов-композит с попутным ознакомлением со случаями фонетических явлений, сопровождающих слияние звеньев композиты, на материале романа "Эрнер" классика марийской литературы М. Шкетана(М. Ш к е т а н, IУ. Йошкар-Ола, I962).

I.0. В романе "Эрнер" большинство сложных существительных подчинительного типа состоят из двух частей. По принадлежности первого (= ПК) или второго компонента (= ВК) к той или иной части речи двухкомпонентные композиты образованы по нескольким моделям.

I.I. ПК - имя существительное (= ИС). Количество сложных слов с разной семантикой, образованных по модели ПК - - ИС, намного преобладает над всеми последующими. От зарегистрированных I04 подчинительных сложных существительных на их долю падает 76 слов. Очевидно, это объясняется тем, что в марийском языке в качестве определения довольно часто выступают имена существительные. Посессивные и определительные же слова, надо полагать, в свою очередь являются результатом постепенного сближения словосочетаний, ПК которых выражались неоформленными именными определениями.

I.I.I. Компоненты марийских существительных-композит подчинительного типа в процессе слияния в одно слово подвергаются иногда определенным фонетическим изменениям. В большинстве случаев это замечается на стыке компонентов. При сложении слов на их стыке имеются случаи не только явления чередования звуков, но в некоторых композитах наблюдается и выпадение их. Думается, что с явлениями подобного рода даст возможность лучше знакомиться системная группировка имеющихся слов по фонетическим проявлениям отдельно в области вокализма и консонантизма в конце ПК и в начале ВК.

I.I.I.I. В конце первого компонента качественное изменение в области гласных произошло в следующих словах: ваты-колшо 'вдовец, овдовевший, вдовый' (вате 'жена' + колшо 'мертвец, покойный'), кечыйол 'луч солнца' (кече 'солнце' + + йол 'нога'), шӱргывылыш 'наружность лица' (шӱргӧ 'лицо' + + пылыш 'ухо').

I.I.I.2. Слова игече 'погода' (ий 'год' + кече 'день'), мӱрва 'медовая сыта' (мӱй 'мед' + урва 'сыта'), лудиге 'утенок' (лудо 'утка' + иге 'детеныш, птенец'), кудвече 'двор, усадьба' (кудо 'лачуга, шалаш, летняя кухня' + пече 'ограда, изгородь, загородка'), вачӱмбал 'наплечники, наплечник (часть одежды)' (ваӵе 'плечо' + ӱмбал 'верх, поверхность'), кечшудо 'подсолнечник' (кече 'солнце' + шудо 'трава'), теркупш 'шляпа' (терке 'тарелка' + упш 'шапка'), как видно, в конце ПК утратили звуки й, о, е.

I.I.2. В словах-композитах спорадические фонетические изменения обнаруживаются в начале второй составной части.

I.I.2.I. Озвончение глухих согласных т, п, к происходит в абсолютном начале ВК в словах омсадӱр 'место у двери' (омса 'дверь' + тӱр 'край, окраина, кромка'), йолварня 'палец ноги' (йол 'нога' + парня 'палец'), сравоч 'ключ' (сура 'замок' + почыш 'открывалка'), кудвече (см. п.I.I.I.2.), вӱргорно 'кровеносный сосуд' (вӱр 'кровь' + корно 'дорога, путь'), шинчагомдыш 'веко' (шинча 'глаз' + комдыш 'крышка, створка'), шӱргывылыш (см. п. I.I.I.I.).

I.I.2.2. О возможном варианте образования сложных слов посредством выпадения начального звука ВК говорят слова оҥамбал 'полка' (оҥа 'доска, тес' + ӱмбал 'верх, поверхность') и мӱрва (см. п. I.I.I.2.).

I.I.3. Из вышеприведенных примеров видно, что на стыке составных частей сложных слов в некоторых случаях фонетические явления присущи обоим компонентам.

I.I.3.I. Одновременно конечный гласный ПК и начальный согласный ВК подвергаются качественному фонетическому изменению в слове шӱргывылыш (см. п. I.I.I.I.).

I.I.3.2. При образовании слова мӱрва (см. п. I.I.I.2.) выпали конечный согласный й первой составной части и начальный гласный у во ВК.

I.I.3.3. Лексические единицы ичеге 'погода' (см. п. I.I.I.2.) и кудвече 'двор, усадьба' (см. п. I.I.I.2.) возникли вследствие выпадения конечного звука в ПК и озвончения начального консонанта последующего компонента.

I.I.4.I. При звуковом оформлении слова сравоч (см. п. I.I.2.I.) выпал в первой части композиты огубленный гласный у, а во второй части независимо от этого начальный глухой п озвончен.

I.I.5.I. Образование многих сложных существительных не сопровождается фонетическими изменениями на стыке компонентов. Например: тулойып 'искра' (тул 'огонь' + ойып 'искра'), шинчавӱд 'слезы, слеза' (шинча 'глаз' + вӱд 'вода'), пашаеҥ 'работник' (паша 'работа' + еҥ 'человек'), першовыч 'носовой платок' (нер 'нос' + шовыч 'платок'), шаршудо 'топтун-трава, спорыш, птичья гречиха' (шар 'волос в хвосте лошади' + шудо 'трава'), шӱвылвӱд 'слюна' (шӱвыл 'слюна' + + вӱд 'вода') и т.д.

I.2.0. Второе место по количеству лексических единиц с неодинаковым значением занимают сложные слова, построенные по модели ПК - имя прилагательное (= ИП). По тому, какие фонетические трансформации последовали при словосложении на стыке частей композиты, как и слова модели ПК - ИС, подчинительные сложные слова с ПК - ИП распадаются на соответствующие группы.

I.2.I.I. Редуцирование конечного гласного у в ПК происходит в слове кугыеҥ 'взрослый человек' (кугу 'большой' + + еҥ 'человек').

I.2.2.I. Выпадают гласные в конце первой части в словах Изеҥер собст. сущ., название деревни (изи 'маленький' + + эҥер 'река'), изача 'неродной отец, отчим' (изи 'маленький' + ача 'отец').

I.2.2.2. В силу действия в марийском языке явления гаплологии утратился конечный слог гу в конце ПК композиты кугорно 'большая дорога, тракт' (кугу 'большой' + корно 'дорога').

I.2.3.I. Во ВК на стыке с предшествующим компонентом композиты случай фонетической модификации замечается только в словах шоягорем 'затылок' (шоя 'ложный, вымышленный' + + корем 'овраг'), кугорно (см. п. I.2.2.2.).

I.2.4.I. Демонстрированное в двух предыдущих пунктах слово кугорно произошло посредством выпадения конечного слога в ПК и озвончения глухого к в начале ВК, где озвончение является не результатом выпадения конечного слога ПК, т.к. без того фонетическое окружение глухого к было бы в точности такое же.

I.2.5.I. Компоненты нескольких композит, образованные по модели ПК - ИП, при сложении не находят условий для транс-

формации звуков на стыке. Например: шемкорак 'грач' (шем 'черный' + корак 'ворона'). Шемагур собст. сущ., название деревни (шем 'черный' + агур 'омут').

I.3.I. Обнаружено несколько двухкомпонентных сложных существительных, ПК которых выражен именем числительным (= ИЧ). Как оказалось, что по модели ПК - ИЧ сложные слова образованы без каких-либо фонетических модификаций на стыке компонентов: пелшинча 'один' (пел 'половина, пол-' + шинча 'глаз'), пелодар 'полоумный' (пел 'половина, пол-' + одар 'поросль, ветвь').

I.4.I. Имеется одно слово, в качестве ПК которого выступает причастие (= П). Образование композиты малымвер 'постель' (малыме - пассивное причастие, образованное от глагола малаш 'спать' при помощи суффикса -ыме + вер 'место') сопровождается выпадением конечного гласного е в ПК.

I.5.I. Засвидетельствована композита с наречием (= Н) в качестве ПК: вашполыш 'взаимопомощь' (ваш 'напротив' + полыш 'помощь'). Составные части этой композиты, как видно, при их сложении не подвергаются звуковым изменениям.

I.6.I. В грамматике современного марийского языка (Современный марийский язык I96I:95-96) нет указаний на то, что вторым звеном сложного существительного подчинительного типа может являться, кроме существительного, слово, относящееся к другому лексико-грамматическому классу. Однако, придерживание такой констатации было бы не совсем правильным. В "Эрнёре" прилагательное-композита икияш 'однолетний, годовалый' (ик 'один' + ияш 'однолетний, годовалый') выступает в функции субстантива со значением 'яровой'. Если при рассмотрении данной композиты иметь в виду генетический момент (происхождение ее от прилагательного), то с первого взгляда отнесение ее в разряд композит кажется несколько сомнительным, но в то же время переход прилагательного-композиты в разряд существительных осуществляется безаффиксным способом: нет материально выраженного показателя, говорящего о производном характере ее формы. Таким образом, ВК субстантивированной композиты икияш как при анализе в диахроническом, так и в синхроническом разрезе выражен ИП. Действительно, в марийском языке вполне употребительны субстантивированные прилагательные-композиты; образованные таким способом сложные существительные будут иметь тогда модель ВК - ИП.

2.I. По сравнению со словами, состоящими из двух компонентов, трехкомпонентные сложные слова представлены довольно ограниченно, их всего два: кугырӱдывондо 'бузина' (кугу 'большой' + рӱдӧ 'сердцевина' + вондо 'тростинка, стебель'), шӱдывичыр 'сто пять копеек' (шӱдӧ 'сто' + вич 'пять' + ыр 'копейка (= белка)'). Сложение составных частей в смысле фонетических изменений не отличается от двухкомпонентных образований. Употребление ВК последнего слова в краткой форме, наряду с существованием в марийском языке его полной формы визыт 'пять', объясняется тем, что в марийском языке все имена числительные и все определения, если они имеют краткую форму, перед определяемым словом принимают только ее. В первом слове ПК выражен ИП, второй и третий компоненты – ИС. Первые два компонента второго сложного слова выражены именами числительными, последний его компонент – ИС. Модели рассматриваемых слов символически можно представить соответственно следующим образом: ИП + ИС + + ИС, ИЧ + ИЧ + ИС. Принадлежность к именам существительным показывают последние части композит.

3.I. В описании сложных существительных в грамматике современного марийского языка (Современный марийский язык I96I:93), где, как известно, марийские сложные слова охарактеризованы более обширно, отмечено, что сложные слова в марийском языке могут состоять также из трех корней. Употребление в романе слова кумлывичыр 'тридцать пять копеек' (кум 'три' + лу 'десять' + вич 'пять' + ыр 'копейка' (= белка)') позволяет добавить о возможности образования композит в марийском языке из четырех составных частей. Слово кумлывичыр по принадлежности компонентов к тем или иным лексико-грамматическим категориям имеет модель ИЧ + ИЧ + ИЧ + ИС. По своей природе данное четырехкомпонентное сложное существительное является эндоцентрическим: I) принадлежность к именам существительным определяет один из компонентов, компонент ыр, 2) общее значение слова слагается из значений отдельных компонентов.

4.0. Языковой материал только одного романа, вполне возможно, может представить не все бытующие модели образования существительных-композит подчинительного типа марийского языка и фонетические изменения, сопровождающие их об-

разование. Надеемся, что работа в этом плане будет вестись и в дальнейшем, с привлечением более богатого материала. Несмотря на такой недостаток, имеющийся материал вполне позволяет делать некоторые выводы.

4.I. В марийском языке по принадлежности составных частей к той или иной части речи возможно образование двухкомпонентных существительных-композит подчинительного типа по моделям ПК - ИС (см. пп. I.I - I.I.5.I.), ПК - ИП (см. п.п. I.2.0. - I.2.5.I.), ПК - ИЧ (см. п. I.3.I.), ПК - П (см. п. I.4.I.), ПК - Н (см. п. I.5.I.), ВК - ИП (см. п. I.6.I.), трехкомпонентных - по моделям ИП + ИС + ИС и ИЧ + ИЧ + ИС (см. п. 2.I.), четырехкомпонентных - по модели ИЧ + ИЧ + ИЧ + ИС (см. п. 3.I.).

4.2. По количеству составных частей сложные слова в марийском языке могут состоять из двух (см. п.п. I.0. - I.6.I.), трех (см. п. 2.I.), четырех частей (см. п. 3.I.).

4.3. Принадлежность композиты к какой-либо лексико-грамматической категории во всех случаях, кроме субстантивированных композит (см. п. I.6.I.), определяется последним компонентом.

4.4.0. Одни сложные слова при своем образовании претерпевают фонетические изменения на стыке компонентов, другие образуются путем простого сложения слов.

4.4.I.I. Во всех случаях в конце ПК двухкомпонентных сложных слов не наблюдается качественное изменение в области согласных, при слиянии компонентов в начале ВК не подвергаются модификации гласные звуки.

4.4.I.2. Вследствие артикуляционной адаптации к начальному гласному ВК конечные гласные е, ӧ, у в ПК подвергаются редуцированию (см. п.п. I.I.I.I., I.2.I.I.), в некоторых случаях редуцированные таким образом гласные могут утрачиваться (см. выпадение звуков о, е, и в п.п. I.I.I.2., I.4.I., I.2.2.I.).

4.4.I.3. Конечный сонант й в ПК выпадает, оказываясь в интервокальном положении (см. п.п. I.I.I.2., I.I.3.3.).

4.4.I.4. Начальные глухие согласные т, п, к второй части двухкомпонентного сложного слова в положении между гласными и после сонорных л, р озвончаются (см. п.п. I.I.2. I., I.2.3.I).

4.4.I.5. Действие в языке закона гармонии гласных по ряду и нехарактерность стечения гласных, в особенности различных по ряду, может привести к отпадению гласного ВК на стыке компонентов (см. п. I.I.2.2.).

4.4.I.6. По причине утраты ударения в ПК гласный чужеродного слога в середине ПК вслед за редуцированием может постепенно выпасть (см. п. I.I.4.I.).

4.4.I.7. Сложение лексемы может сопровождаться выпадением целого слога в конце ПК двухкомпонентного сложного слова.

4.4.2.I. Спорадический характер явлений, указанных в п.п. 4.4.I.2. - 4.4.I.6., может привести к одновременным фонетическим изменениям конца ПК и начала ВК (см.п.п. I.I.3.I., I.I.3.2., I.I.3.3., I.2.4.I.), середины ПК и начала ВК двухкомпонентных композит (см. п. I.I.4.I.).

4.5.I. В образовании многокомпонентных композит присутствуют такие фонетические явления, которые присущи двухкомпонентным образованиям.

4.6.I. Путем простого сложения слов без последующих звуковых изменений образуются композиты, произношение которых не встречает неудобств (см. п.п. I.I.5.I., I.2.5.I., I.3.I.). При этом допускается соседство гласных а и е (см. пашаен в п. I.I.5.I.) на стыке компонентов, если ударение падает на начальный гласный е ВК, в результате чего предударный а сохраняет свое качество.

4.7.I. При оформлении подчинительных существительных-композит, имеющихся в романе "Эренбер", в основном существуют те же фонетические явления, которые установлены Л. Грузовым (Грузов I965:I36, I39, I98, I99, 229-230, 233-234).

Литература

Васильев В.М. 1931. К вопросу об образовании сложных слов и орфографии их в марийском языке. – Научно-педагогический сборник Восточно-педагогического института 5. Казань, 84–89.

Васильев В.М. 1948. К вопросу о письме в марийском языке сложных слов с послелогами и наречиями в значении послелогов. – Некоторые вопросы марийского языкознания. Козьмодемьянск, 10–24.

Васильев В.М. 1953. Сложные слова и правописание их в марийском языке. – Ученые записки МарНИИ 5. Йошкар-Ола, 45–69.

Галкин И.С. – Исанбаев Н.И. 1962. Сложный мутым мут сочетаний деч ойырен моштыман. – Ончыко 5. Йошкар-Ола, 107–111.

Гордеев Ф.И. – Акреев В.М. 1963. Сложный мутым кузе возымо мотышто Г.Г.Кармазинын принципше – чын принцип. – Ончыко 1. Йошкар-Ола, 103–106.

Грузов Л.П. 1962. Сложный мут-влакым кузе возаш. – Ончыко 2. Йошкар-Ола, 95–103.

Грузов Л.П. 1963 Орфографийым иктешленак шуктыман. – Ончыко 1. Йошкар-Ола, 107–111.

Грузов Л.П. 1965. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола.

Дмитриев С.Д. 1962. Сложный мут возымо орфографийым рашемдаш. – Ончыко 4. Йошкар-Ола, 107–110.

Дмитриев С.Д. 1968. К вопросу о правописании сложных слов в марийском языке. – Вопросы марийского языкознания 1. Йошкар-Ола, 54–62.

Исанбаев Н.И. 1961. Классификация марийских глаголов по их образованию. – Вопросы языка, литературы и фольклора. Йошкар-Ола, 61-70.

Кармазин Г.Г. 1929. Система определения с определяемыми словами двойных сложных слов в марийском языке. – Марий илыш I. Йошкар-Ола, 104-115.

Патрушев Г.С. 1961. Пути обогащения словарного состава марийского языка. – Ученые записки МарНИИ 6. Йошкар-Ола, 61-70.

Современный марийский язык. Морфология 1961. Йошкар-Ола.

J. A n d u g a n o v
(Tartu)

MODELLE DER KOMPOSITA DER MARISCHEN SUBSTANTIVA

Z u s a m m e n f a s s u n g

Als Material für diesen Artikel ist die Sprache des Romans "Erenger" von M. Šketan ausgenutzt. Im Hinblick darauf, daß der Roman eine große Anzahl Komposita hat, werden diesmal nur die Morphologiemodelle der subordinationären Zusammensetzungen der marischen Substantiva untersucht. Es hat sich folgendes gezeigt: a) das zweite Kompositionsglied des aus zwei Komponenten bestehenden zusammengesetzten Substantivs kann in der marischen Sprache nicht nur mit einem Substantiv, sondern auch mit einem Adjektiv ausgedrückt sein, b) die Komposita können in der marischen Sprache auch aus vier Komponenten aufgebaut werden, c) bei der Vereinigung der Komponenten in ein Wort wird am Ende des ersten Kompositionsglieds eine qualitative Veränderung im Konsonantismus nicht beobachtet, ebenso werden am Anfang des zweitens Kompositionsglieds die Selbstlaute nicht verändert.

А.П. Баранцев
(Петрозаводск)

О РУКОПИСНОМ РУССКО-ВЕПССКОМ СЛОВАРЕ СЕРЕДИНЫ ПРОШЛОГО ВЕКА[1]

I. Общее

В Центральном государственном архиве Карельской АССР в делах канцелярии Олонецкого губернатора за 1948 год нами обнаружен рукописный русско-вепсский словарь (небольшого объема), составленный Вытегорским исправником (предположительно Ларионовым), который назвал свою работу "Лексиконом корельского языка".[2]

До этой находки среди специалистов по вепсскому языку бытовало мнение о том, что бесписьменный вепсский язык - один из наиболее интересных в генетическом отношении прибалтийско-финских языков, который раньше был распространен на обширной территории северо-запада нашей страны значительно дальше современных границ его бытования - не имеет своих старых лексических памятников.[3] Первые известные

---

[1] Статья представляет собой расширенный и частично переработанный текст выступления автора на XIУ Всесоюзной конференции финно-угроведов, состоявшейся в г. Саранске в 1972 г.

[2] ЦГА КАССР, фонд канцелярии Олонецкого губернатора, опись I, дело 8/4 за 1848 г., лл. 56-65. Эти исходные данные нам любезно сообщил научный консультант Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, доктор исторических наук, профессор Я.А. Балагуров, которому автор статьи, пользуясь случаем, выражает глубокую благодарность.

[3] В качестве памятника вепсского языка некоторые лингвисты рассматривают несколько фрагментов текста в рукописном сборнике заговоров, найденным В.И.Срезневским в Заонежье. Этот сборник предположительно относится к первой половине XУП века. Но фрагменты текста до сих пор не расшифрованы и должным образом не проанализированы. См. В.В. Пименов, Вепсы. Москва-Ленинград, 1965, стр. 184-186.

Лексиконъ Корельскаго языка.

А.	
Ангелъ.	Ангель.
Архангелъ.	Архангель.
Апостолъ.	Апостель.
Аршинъ.	Аршинъ.
Б.	
Богъ.	Юмаль.
Богородица.	Богородица.
Блюдо.	Блюдъ.
Бочка.	Бочь.
Дрово.	Пярь.
Быкъ.	Сярга.
Баранъ.	Сийнасъ.
Белка.	Орава.
Вторая.	Кольва.
Блины.	Корзицъ.
Брюко Пилишникъ.	Ижурина.
Барынь.	Баларь.
Просто.	Тюлъ.
Зуботычка.	Зуботычка.
Зуботычка.	Зуботычкайнь.
Борода.	Сарда.
Баба.	Акка.

науке русско-вепсский и вепсско-русский словари небольшого объема были составлены только в начале XX века и позже.[4]

Из истории создания. Архивное дело, в котором хранится "Лексикон корельского языка", содержит переписку тогдашнего Олонецкого губернатора Николая Эваристовича Писарева с министром внутренних дел Перовским по некоторым вопросам отчета губернатора о состоянии Олонецкой губернии за 1847 год.

Рассмотрев этот отчет, министр внутренних дел Перовский 10 октября 1948 года сделал по нему ряд замечаний и потребовал, в частности, в статье об "инородцах" "показать хотя бы приблизительно число обитающих в губернии корелов".

Для того, чтобы выполнить это указание министра, Н.А. Писарев 19 октября того же года предписал уездным властям произвести своего рода неофициальную перепись "корел" через общинных и волостных начальников. В январе-феврале следующего года он получил точные сведения о численности "корел и чуди по местам их обитания" по всем семи уездам: Петрозаводском, Олонецком, Лодейнопольском, Вытегорском, Каргопольском, Пудожском и Повенецком. "Корелы и чудь" в то время не проживали только в Каргопольском и Пудожском уездах губернии.[5]

---

[4] П. У с п е н с к и й, Чудско-русский словарь с некоторыми грамматическими указаниями. С.-Петербург, 1913; А.В. С в е т л я к, Русско-чудский словарь (составлен при ближайшем участии представителей чудской крестьянской молодежи из селений Надпорожье В.С. С т а р о в е р а и Н.Д. И в а н о в а, и Шимозера Шимозерской волости А.И. Б о р и с о в а и А.А. С и л а к о в а, 1924 г.). Копия рукописи хранится в архиве Карельского филиала АН СССР; М.М. Х а м и л я й н е н, Ф.А. А н д р е е в. Вепсско-русский словарь (Vepsä-venähine vajehnik). Ленинград, 1936.

[5] В архивном деле имеется инструкция Н.А. П и с а р е в а по методике сбора этих сведений, а также шесть подробных списков, присланных уездными и окружными властями. Эти списки фактически представляют собой материалы самой первой неофициальной локальной переписи численности и мест обитания карел и вепсов в Олонецкой губернии. Первые официальные списки населенных мест Олонецкой губернии появились, видимо, только в 1872 году, а последующие - в 1905. Но в этих официальных списках население деревень Олонецкой губернии не было дифференцировано по национальному признаку.

Отдав распоряжение уездным властям о проведении переписи "инородцев", Н.А. Писарев одновременно разослал им для заполнения программу этнографического характера, причина и цель рассылки и авторство которой пока не выяснены. Эта во многом загадочная программа в архивном деле отсутствует, но о ее содержании можно косвенно судить по тем ответам, которые прислал губернатору Вытегорский исправник Ларионов.

Поскольку некоторые ответы исправника на вопросы программы имеют прямое отношение к им составленному "Лексикону", то приведем их целиком, сохраняя стиль изложения:

Сведения, составленные по программе о корелах, в Вытегорском уезде обитающих[6]

I. В Вытегорском уезде корелы находятся из государственных крестьян в одном токмо Васюковском сельском обществе при Куштозерском погосте в IO деревнях и именно: Кириловской, Ивановской, Павловской, Ермолаевской, у погоста на берегу, Долгоножевской, Парфиевской, угол Каменки, Афонасьевской и Озерской. Эти деревни состоят на десятиверстном расстоянии, от коих далее в Вытегорский уезд имеют жительство того же общества крестьяне в разных деревнях и ближние из них в четырех верстах, но в этих селениях и далее по-корельски не говорят; в другую сторону к означенному погосту граничит Лодейнопольский уезд, в коем первая деревня Сяргозеро от того погоста отстоит в I5 верстах, в коей и от нее дальше в Лодейнопольский уезд жители, населенные по реке Ояти более чем на сто верст, говорят по корельски.

2. В означенных десяти деревнях корелов состоит мужского пола I58 душ и женского I65 душ.[7]

---

[6] См. ЦГА КАССР, фонд канцелярии Олонецкого губернатора, опись I, дело 8/4 за I845 г., лл. 53-55.

[7] В своем сообщении о численности "корел и других инородцев состоящих в Вытегорском округе", Вытегорский окружной начальник приводит следующие данные о численности "корел" по каждой деревне Васюковского общества (первое число обозначает число мужчин, а второе - женщин): Кириловская - 4I + 36, Ивановская - I6 + 2I, Павловская - 32 + 40, Ермо-

3. Здешние корелы состоят из одного племени и различия между ними ни в чем и никакого нет.

26. Никаких письменных памятников корельского языка нет.

27. На камнях руническихъ и никаких других надписей нет.

28. Для составления корельской азбуки никаких попыток не было.

31. Составленный лексикон корельского языка прилагается особо.

Сообщение Ларионова Олонецкому губернатору никаких сомнений не оставляет о личности автора, времени, месте составления и языке нерусской части "Лексикона корельского языка".

Обратимся к изложению сведений о Куштозерских "корелах", речь которых послужила для Вытегорского исправника языковой основой для составления "Лексикона".

2. О "корелах" Куштозерского погоста

Куштозерский погост и тяготеющие к нему десять деревушек с "корельским" населением расположены на берегах широкого озера Куштозеро (Kuštar), которое находится в верховье одного из притоков реки Ковжи, впадающей в Белое озеро. Примерно в тринадцати километрах к западу от Куштозера находится вепсская деревня Сяргозеро, существующая и поныне, другие крупные вепсские селения Пондала и Куя, сохраняющиеся и в настоящее время, расположены несколько южнее.

Дислокация Куштозерского погоста и его ближайшее нерусское языковое окружение позволяет предполагать, что куштозерские "корелы", сведения о которых Ларионов представил губернатору, являлись фактически, конечно, вепсами. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что в своем сообщении Вытегорский исправник никогда не пользуется этнонимом "чудь". Коренное население своего и Лодейнопольского уездов, где и в настоящее время сохраняются вепсские селения, он регулярно именует "корелами". Поэтому своеобразное

лаевская - 25 + 25, у погоста на берегу - 9 + 9, Долгоножская - I4 + I9, Парфиевская - 7 + I0, Угол Каменки - 4 + I, Афонасьевская - 4 + 2, Озеровская - 6 + 2. Всего - I58 + + I65 человек. См. ЦГА КАССР, фонд канцелярии Олонецкого губернатора, опись I, дело 8/4 за I848 г., л. 34.

употребление Ларионовым терминов "корела" и "корельский" не должно вводить нас в заблеждение.

Науке было известно о существовании куштозерских вепсов. Первое, самое общее упоминание о существоании вепсов в Куштозере относится к 1861 году, оно принадлежит финскому языковеду Августу Альквисту, посетившему в то время несколько вепсских регионов.[8] Последующие исследователи вепсского языка считали, что куштозерские вепсы полностью ассимилировались в начале нашего века.

На схематических картах ныне существующих вепсских деревень Куштозеро обычно не указывается, хотя известный советский археолог профессор А.Я. Брюсов, посетивший село Куштозеро (д. Илекса) Вытегорского района Вологодской области в 30-е годы, наблюдал, что население этой деревни преимущественно говорило по-вепсски.[9]

Никаких других сведений о куштозерских вепсах в финно-угроведении не имеется; в опубликованных сборниках вепсских текстов языковые образцы куштозерских говоров отсутствуют.

В то же время по соседним с Куштозером говорам вепсских деревень Сяргозера, упоминающегося в сообщении Ларионова, Пондалы и Куи накоплен значительный языковой материал; эти вепсские говоры изучены достаточно подробно, в диалектологиическом отношении они образуют восточное наречие среднего диалекта вепсского языка.[10]

Проливая свет на некоторые особенности исчезнувших говоров Куштозера, "Лексикон" Ларионова, таким образом, дает новый материал для вепсской диалектологии.

---

[8] A.E. A h l q v i s t, Antecknigar i Nordtschudiskan. - Acta Societatis Scientiarum Fennicae VI.Helsingfors, 1861, стр. 49-113.

[9] См. Н.И. Б о г д а н о в, Вепсский язык на современном этапе развития. - Труды Карельского филиала АН СССР, вып. 12 (Прибалтийско-финское языкознание). Петрозаводск, 1958, стр. 82.

[10] E.A. T u n k e l o, Vepsän kielen äännehistoria. - Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 228. Helsinki, 1946, стр. 7-8.

3. Общая характеристика "Лексикона"

Новый лексический памятник вепсского языка представляет собой написанную четкой скорописью на листах с обоих сторон рукопись объемом 20 страниц большого формата. "Лексикон" содержит 531 параллельное русско-вепсское слово и выражение, расположенные в алфавитном порядке в два столбца. В первом столбце приводится русское слово, а во втором - дается его вепсский эквивалент. В конце рукописи приводятся числительные от I до I000. Рукопись хорошо сохранилась и легко поддается чтению. "Программа о корелах" и "Лексикон" написаны одним и тем же почерком.

О графике. Весь текст рукописи написан русскими буквами. В передаче вепсских звуков средствами русской графики середины прошлого века наблюдаются следующие регулярности" Аа - (a), Бб - (b), Вв - (v, u), Гг - (g, h), Ее - - (e), ь - (палатализация), Жж - (ž), Зз - (z), Ии -(i), й - (i̯), I - (i), Кк - (k), Лл - (l), Мм - (m), Нн - - (n), Оо - (o), Пп - (p), Рр - (r), Сс - (s), Тт - - (t), Уу - (u), Фф - (f), Хх - (h), Чч - (č), Шш - - (š), ъ - (отсутствие палатализации), ы - (i̮), Ээ - (e), Юю - (ü, ju), Яя - (ä, ja), ѣ - (e).

Рассмотрим наиболее трудные случаи в графическом обозначении вепсских звков и их комплексов.

Буква Гг имеет в "Лексиконе" двойную функцию. Ею обычно передаются ларингальный фрикативный звук (h) в исконно вепсских словах: I. в абсолютном начале слова: гендукасъ (hendukas) 'волк', гаравъ (harav) 'грабли'; 2. в середине слов перед согласным (m): вигмъ (vihm) 'дождь', легмъ (lehm) 'корова'; 3. в абсолютном конце слов после гласной: викатегъ (vikateh) 'коса', убегатъ (ubeh) 'жеребец'. В других позициях этот знак обозначает вепсское (g): гамин (gamin) 'гумно', неглъ (negʌ) 'иголка', рагижъ (ragiž) 'град', кургъ (kurg) 'журавль'. В некоторых случаях наблюдается непоследовательное употребление знака Гг в значении (h): пага (paha) 'плохой', лигя (lihä) 'мясо'.

Буквой Ии обозначаются вепсское слоговое i , а также и неслоговое i̯ в дифтонгах: киви (kivi) 'каменъ', нижуинъ (nižuin) 'пшеничник', коиръ (koir) 'собака'.

Вепсское неслоговое i в дифтонгах передается также и буквой й: кивий (kivii) 'больной', кройкей (krojkei) 'ворон', туйлей (tuilei) 'ветер'.

Русское десятеричное i обычно передает вепсское i : прiя (prija) 'парень', петлiйне (petliine) 'петля'. Этот же знак в сочетании с буквой о используется для обозначения вепсской фонемы õ: пiолус (põlus) 'подушка', пiолу (põlu) 'полушубок'.

Буквой Ѣ ('ять') регулярно обозначается фонема e: вѣзи (vezi) 'вода'.

Русская буква Уу передает вепсское слоговое и неслоговое u(u̯): пузу (puzu) 'корзина', раудъ (raud) 'железо'.

Вепсская одиночная фонема ü и комплекс ju обычно передаются буквой Юю: сюда (süda) 'кушать', юмалъ (jumal) 'бог'.

Буквой Яя обозначается вепсская фонема ä и сочетание ja: гювя (hüvä) 'хороший', яухъ (jauh) 'мука', ягезъ (ägez) 'борона'.

Палатализация согласных звуков в абсолютном конце слова передается буквой ь ('мягкий знак'): парзь (parź) 'бревно', вель (veĺ) 'брат', кусь (kuś) 'ель'; этот же знак иногда встречается в середине слова между согласными: сильмадъ (siĺmad) 'глаза', сольмъ (soĺm) 'палец', а также и между согласной и гласной: мезьяйне (meźaine) 'пчела'.

Знак ъ ('ер'), встречающийся в абсолютном конце вепсских слов, обозначает отсутствие палатализации: юмалъ (juma) 'бог', ойнасъ (oinas) 'баран', кюрзадъ (kürzad) 'блины'.

В целом можно сказать, что большинство вепсских звуков более или менее точно передаются русскими буквами; известные трудности для Ларионова доставляло обозначение специфических вепсских фонем ä, õ, ü, h. Что касается дифтонгов, то их обозначение непоследовательно, что дает повод для разночтений. Трудности чтения вепсских слов усугубляются тем, что принципы обозначения палатализации также не выдержаны.

Многие вепсские слова в "Лексиконе" записаны с искажениями. Отметим здесь замеченные нами ошибки

(описки)[II]: кюльведъ (küĺved) вместо küĺbeć 'баня', пида (pida) вместо pada 'горшок', нахтъ (naht) вместо nahk 'кожа', гайгодъ (haigod) вместо haugot 'дрова', какгръ (kakgr) вместо kagr 'овес', сольмъ (soĺm) вместо soŕm 'палец', лахъ (ʌah) вместо ʌahk 'плаха', ога (oga) вместо jogi ~ dögi ~ gögi 'река', мювичагъ (müvičag) вместо ĺüvičag 'розги', сапканъ (sapkan) вместо sapkat 'сапоги', гаралъ (haraʌ) вместо harag 'сорока', тихтедъ (tihted) вместо pihtid 'щипцы', сива (siba) вместо siga 'свинья', ольхъ (oĺh) вместо oĺg 'солома', кирвозъ (kirvoz) вместо kirvez 'топор', синъ (sin) вместо hiin 'трава', тагъ (tah) вместо tahk 'точило', симунъ (simun) вместо sinun 'твой', галдъ (haʌd) вместо haud 'яма' и т.д.

В некоторых случаях наблюдаются ошибки в передаче значений слов, когда существительное переводится глаголом и, наоборот, глагол - существительным: слово «пашня» имеет вепсским эквивалентом глагол кюйда (küida) 'пахать', слово «драка» переведено глаголом торатасъ (toratas) 'они дерутся', глагол «пляcать» переведен существительным каргайдусъ (kargaidus) 'пляска'. Встречаются также отдельные случаи несоответствия существительных в числе: слово «гвоздь» переведено как нагладъ (nagʌad) 'гвозди', слово «облако» - как пирведъ 'облака'. Однако в целом вепсские слова записаны без существенных ошибок по смыслу.

О некоторых особенностях вепсской части словаря. В своем подавляющем большинстве вепсские слова, зафиксированные Ларионовым, представляют собой имена и глаголы. Имена обычно приводятся в форме номинатива, а глаголы - в форме I инфинитива. Наряду со словами в "Лексиконе" содержится 21 словосочетание и предложение.

Фонетико-морфологические особенности нерусской части "Лексикона" нуждаются во всестороннем и детальном анализе. В этой статье мы остановимся лишь на некоторых фонетических явлениях.

[II] Для сравнения приводятся соответствующие слова из "Словаря вепсского языка", составители М.И. З а й ц е в а , М.И. М у л л о н е н (Ленинград, 1972).

Большинство имен в словаре обнаруживает следующие общевепсские диахронические закономерности.[12]

I. В первом слоге слов отсутствуют долгие гласные: пя (pä) 'голова', ся (sä) 'буря', кю (kü) 'змея', ма (ma) 'земля', кусь (kuś) 'ель', гирь (hiŕ) 'мышь'. В карельском языке в этих словах употребляются только долгие гласные или дифтонги: pää ~ piä, sää ~ siä, küu, maa ~ mua, kūzi, hĪri.

2. Отсутствие дифтонгов ua , и uo в первом слоге слов: габъ (hab) 'осина', тогъ (toh) 'береста', нодъ (nod) 'невод', норъ (nor) 'веревка'. Сравни с аналогичными южнокарельскими словами: huabe, tuohi, nuotte, nuore.

3. Отпадение конечной гласной основы слова: коивь (koiv) 'береза', пяйфъ (päiŕ) 'день', раудъ (raud) 'железо', кайвъ (kaiv) 'колодец', бардъ (bard) 'борода', кургъ (kurg) 'журавль', парзъ (parź) 'бревно', лузикъ (luzik) 'ложка'. Сравни с соответствующими южнокарельскими словами koivu, päive, rande, kaivo, barde, kurgi, parzi, luzikke. Вместе с тем встречаются и такие исключения из этого закона, которые допускают возможность самых различных толкований: кюнзи (künzi) 'ноготь', гайда (aida) 'огород, изгородь', лахта (lahta) 'прорубь', гейна (heina) 'сено', окса (oksa) 'сук'. Конечные гласные в этих словах аналогичны карельским.

Как уже упоминалось, "Лексикон" составлен на базе куштозерских говоров вепсского языка. Хотя транскрипция вепсских слов Ларионовым является во многом несовершенной, все же новый памятник дает возможность охарактеризовать некоторые черты этого говора.

Рассмотрим к примеру употребление некоторых дифтонгов в первом слоге слов и сопоставим их с соответствующими явлениями соседних говоров Пондалы и Куи.[13]

---

[12] О некоторых особенностях вепсского языка см. Н.И. Богданов , указ. работа, стр. 68-70.

[13] Данные по говорам Пондалы и Куи взяты нами из статьи Н.И. Богданов , О некоторых особенностях восточновепсских говоров - куйского и пондальского. - Прибалтийско-финское языкознание. Москва-Ленинград, 1961, стр. 33-41.

I. Дифтонг oi сохраняется в Куштозере: койвъ (koiv) 'береза', коиръ (koir) 'собака'. Этот же дифтонг встречается в пондальском говоре: poig 'сын', но отсутствует в куйском, где ему соответствует дифтонг ii: kiif 'береза', piik 'сын', kiir 'собака'.

2. Дифтонг ei сохраняется только в Куштозере: вейчь (veič) 'нож', гейна (heina) 'сено', лейбъ (лeib) 'хлеб'. Этот дифтонг не встречается в пондальском и куйском говорах, где он заменяется дифтонгом ii: П., К. vii̯č 'нож', hiin 'сено', liip 'хлеб'.

3. Дифтонг äi встречается в куштозерском и пондальском говорах, но отсутствует в куйском: например, куш. пяйфь (päif) 'день', П. päiv, К. peif.

4. Дифтонг ai сохраняется в куштозерском и пондальском говорах, но не встречается в куйском говоре. где он регулярно заменяется дифтонгами ei : например, куш. кайвъ (käiv) 'колодец', майдъ (maid) 'молоко', тайвасъ (taivas) 'небо'; П. aiźas 'оглобля', ait 'чулан'; К. eiźas 'оглобле', eit 'чулан'.

5. Дифтонг au сохраняется в куштозерском и пондальском говорах, но не встречается в куйском говоре, где он систематически замещается дифтонгом ou: куш. раудъ (raud) 'железо', лаудъ (лaud) 'доска'; П. raud, лaud; К. roud 'железо', лoud 'доска'.

По употреблению указанных дифтонгов куштозерский говор обнаруживает большое сходство с близлежащим пондальским говором, и значительное расхождение с говором Куи.

О лексике словаря. В нерусской части словаря Ларионова представлен разнообразный вепсский лексический материал. По своему происхождению он распадается на собственные слова и выражения и русские заимствования.

Обширный пласт собственных слов по своей семантике относится главным образом к бытовой лексике. Здесь мы видим: (I) Названия некоторых основных объектов и основных состояний объективного мира: ма (ma) 'земля', тайвасъ (taivas) 'небо', вѣзи (vezi) 'вода'. (2) Названия предметов домашнего обихода и повседневных занятий: коди (kodi) 'дом', уксъ (uks) 'дверь', серъ (ser) '(точильный) брус', ягезъ (ägez) 'борона'. (3) Названия некоторых домашних и диких

животных: гяргъ (härg) 'бык', кажи (kažі) 'кошка', легмъ (lehm) 'корова', кана (kana) 'курица', гево (hebo) 'лошадь', ламбасъ (lambas) 'овца'. (4) Названия основных деревьев, растений и злаков: коивъ (koiv) 'береза', кусь (kuś) 'ель', пихль (pihĺ) 'рябина'. (5) Названия некоторых частей человека: пя (pä) 'голова', дауга (ďauga) 'нога', кязи (käzi) 'рука', сильмадъ (siĺmad) 'глаза', нена (nena) 'нос', корфъ (korf) 'ухо' и т.д.

Все эти лексемы являются общевепсскими и принадлежат к основному фонду языка, без которого невозможно наладить общение с людьми.

В словаре обращает на себя внимание группа слов и выражений, связанная, видимо, со служебной деятельностью исправника Ларионова: тервенъ (terven) 'здравствуй', иште (ište) 'садись', пюрта (pürta) 'воротись', эриванда (erivanda) 'отстань, не трожь', сейду, вараста (seidu, varasta) 'постой, подожди', мяна ала кацу (mänä ala kacu) 'иди не оглядывайся', куна мянат (kuna mänat) 'куда идешь', куна ляксит (kuna läksit) 'куда пошел?', таганта мяна (taganta mänä) 'иди сзади', пяста юксъ (pästa üks) 'пусти к ночи', ая гево (aja hebo) 'погоняй лошадь', синда куц куцтатъ (sinda kuc kuctat) 'тебя [как] зовут?', минда куц куцтатъ (minda kuc kuctat)'меня [как] зовешь!'. Знание этих простейших вопросов и команд на вепсском языке, очевидно, нужно было Вытегорскому исправнику во время служебных поездок в Куштозерский погост.

В заключение отметим, что недавно обнаруженный "Лексикон", составленный Вытегорским исправником Ларионовым на основе ныне исчезнувшего куштозерского говора, является наиболее ранним достоверным лексическим памятником вепсского языка.

A. P. B a r a n c e v
(Petrozavodsk)

ON THE RUSSIAN-VEPSIAN MANUSCRIPT VOCABULARY IN THE MIDDLE OF THE LAST CENTURY

S u m m a r y

The paper gives some primary information about the new lexical stock of words of Vepsian. The scanty manuscript contains 531 parallel Russian-Vepsian words and expressions. In 1848 it was compiled by Larionov, a district police officer of the Vytegra region in the Olonetsk province.

Г. Б а т к о в
(Тарту)

ОБРАЗОВАНИЕ МНОГОЗНАЧНОСТИ В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ

0. С развитием культуры, быта людей возникают условия для новых предметов, действий, явлений, которые требуют своих собственных наименований. Возникает необходимость появления новых слов или значений, так как старые не могут соответствовать новым требованиям, не могут отразить те или иные оттенки слова. Для решения данной проблемы говорящий начинает употреблять слова в более широком плане, то есть расширять его лексико-семантические варианты или сужать их, позволяя словам вступать в синонимические отношения с другими лексемами данного разряда. В явлениях такого типа происходит улучшение или же ухудшение (Schrijnen I92I, I66-I67; Вандриес I937, I92-I98), расширение или же сужение (Будагов I947, 32; Звегинцев I957, I80; Галкина-Федорук I962, 28-32; Чернышева, Степанова I962, I58-I6I) значения слова.

I. Само название "расширение значения слова" раскрывает содержание его, так как в нем заключено расширение функций действия слова, его семантического объема. У слова возникают новые значения, которые не наблюдались раньше. Этому может послужить широкое употребление слова в различных отраслях производства. Расширяя свой семантический объем, слово вступает в лексические связи с другими словами, ранее с которыми не соприкасалось, образуя новые лексические значения.

I.0. Эрз. ливтямс, мокш. лиемс первоначально обозначало I.0.I. 'всякого рода движение с помощью крыльев', в современных языках данные глаголы обозначают дополнительно I.0.2. 'всякого рода движение в воздухе', а также заимст-

вовали из русского языка значение I.0.3. 'падать (с оттенком быстрого совершения действия)'. Эрз. мон мик ливтинь эземстэ, кода сон тылкадимим (БМ) 'я даже слетел со скамейки, как он толкнул меня'; мокш. ... орхкадезе Филькань улалти, ся мятерьдезь лийкстась фталу, теськафтсь шовоненц лангс... (И. К и ш н я к о в , Пизел сёка, Саранск 1972, стр. 19) '... толкнул Фильку под подбородок, тот, сопя, полетел назад, упал на затылок ...'. Значение I.0.3. распространилось на I.0.4 'быстрый бег (одушевленного существительного), быстрый ход (транспортных средств)'. Эрз. нумолось ливтязь-ливтясь верьгизэнть эйстэ 'заяц очень быстро бежал от волка'; мокш. алашась лиезь-лийсь 'лошадь бежала очень быстро'.

I.I. Эрз. ёвтамс, мокш. азондомс, кроме основного значения I.I.I. 'сказать' и побочных, заимствованных из русского языка I.I.2. 'рассказать, рассказывать', I.I.3 'пересказать, пересказывать', приобретает значения I.I.4 'заявить, заявлять; донести, доносить (о ком-, чем-то куда-то)': эрз. мон ёвтатан милициянь, мокш. мон азонтця милициянь 'я заявлю (донесу) на тебя в милицию'. I.I.5 'провозгласить, провозглашать': эрз. 1917-це иестэ ёвтасть Советской республика, мокш. 1917 кизоня азондасть Советскяй республика 'в 1917-м году провозгласили Советскую республику', I.I.6 'объявлять': эрз. школасо ёвтасть оймсема чокшнеденть 'в школе объявили о вечере отдыха', мокш. радиось азсь мирть эзда 'радио объявило о мире'. При попадании глаголов мокш. азондомс, эрз. ёвтамс в различный контекст могут быть выявлены лексические значения I.I.7 'докладывать, доложить', I.I.8 'произнести, произносить', I.I.9 'выразить, выражать', I.I.I0 'пояснить, пояснять; объяснить, объяснять', I.I.II 'назвать (дать имя)', I.I.I2 'наговорить, наговаривать'. Связь лексических значений происходит на общности говорения.

I.2. Расширение значения слова наблюдается в большинстве случаев за последнее время в связи с общественными явлениями, техническим прогрессом, которые отражаются в языке.

I.2.I. У мордовского глагола кочкамс после появления основного значения I.2.I.I. 'собирать' возникают новые, свя-

занные с общественными событиями: с избранием лица на определенную должность, в различные органы государственного управления: I.2.I.2 'избрать, выбрать (на должность в депутаты)'. В мокшанском языке при попадании глагола кочкамс в контекст, связанный с вопросами юриспруденции, возникает лексическое значение I.2.I.3 'разобрать (дело)'.

I.2.2. Эрз. кепедемс, мокш. кеподемс, которые имели значение I.2.2.I 'поднять (что-то материальное с поверхности земли на определенный уровень высоты)', происходит возникновение значений I.2.2.2 'строить (дом)'. В качестве материального выступает новый предмет. В современный период значение I.2.2.I не утрачено, наравне с ним возникает I.2.2.3 'поднять', где вместо материального мыслится абстрактное: эрз. кепедемс, мокш. кеподемс 'дисциплина, уровень, настроение'; эрз. кевкстема, мокш. кизефкс 'поднять (дисциплину, уровень, настроение, вопрос)'. Собирательные ош 'город', веле 'село' служат для возникновения значения I.2.2.4 'восстановить'. При условии, если роль субъекта выполняет собирательное существительное, обозначающее людей, которое вступает в лексическую связь с глаголом эрз. кепедемс, мокш. кеподемс, появляется значение I.2.2.5 'восстать, встать на защиту'.

I.2.3. В мордовском глаголе коламс в качестве субъекта может выступить конкретное существительное, обозначающее лицо, которому приданы функции действователя, а в качестве объекта - материальная вещественность предмета; при этом возникают лексические значения I.2.3.I 'разбить', I.2.3.2 'повредить', I.2.3.3 'искалечить'. Если в качестве субъекта выступает абстрактное существительное, в качестве объекта - конкретное лицо, то появляются значения I.2.3.4 'искалечить (о человеке)', I.2.3.5 'повредить (о человеке)'.

I.3. При расширении лексических значений глаголов эрз. ливтямс, мокш. лиемс 'лететь'; эрз. ёвтамс, мокш. азондомс 'сказать'; морд. кочкамс 'собирать', морд. коламс 'разбить, повредить, искалечить' материально существующее отходит на задний план, а вновь возникшие связываются с предыдущими только по ассоциации, подчиняясь общей семантике глагола. Данное явление можно рассматривать общим для финно-угорских языков, оно заметно не только в мордовских, но и в других родственных языках (см. Лыткин 1953; Ariste 1973).

2.0. Наряду с расширением лексических значений глаголов в мордовских языках можно заметить и их сужение. Отдельные лексико-семантические варианты вследствие малоупотребительности становятся архаичными, на их месте возникают более употребительные значения другой лексемы. При сужении лексического значения новое значение мордовского глагола передает понятие более узко чем основное, номинативно-производное, то есть то, которое является для данного варианта в настоящее время основным, исходным.

2.1. В некоторых случаях отдельные лексические значения стали употребляться как архаизмы, постепенно переходя в пассивный словарный запас, а раз слово или отдельное его значение делается достоянием пассивного словаря, то оно начинает исчезать (Шанский 1972, 144).

2.1.1. Мокш. анелямс с лексическими значениями 2.1.1.1 'угощать', 2.1.1.2 'баловать', 2.1.1.3 'ухаживать (за больным)'. Лексические значения 2.1.1.1.-2.1.1.3 оказываются в пассивном словаре языка, выступая в некоторых случаях с определенными стилистическими целями, а в основном они выражаются разными многозначными, или же однозначными глаголами. Значение 2.1.1.1 выражается глаголом кованякшнемс, 2.1.1.2 - заимствованием баловонцамс, 2.1.1.3 - якамс (мельге).

2.1.2. Эрз. цибидямс с лексическими значениями 2.1.2.1 'обмануть', 2.1.2.2 'выманить', 2.1.2.3 'рассказывать (небылицы)'. Лексическое значение 2.1.2.1 выражается в современном языке глаголом манямс, 2.1.2.2 - манямс, вешемс, 2.1.2.3 - ёвтнемс.

2.2. В некоторых многозначных мордовских глаголах наблюдается утрата основного, главного значения, а в качестве него может выступить и выполнять его функции номинативно-производное. Ранее основное значение, превращаясь в номинативно-производное, может выразиться другим глаголом или тем же, но значение будет носить переносный характер.

2.2.1. Эрз. идердавтомс в ЭРС зафиксирован как двузначный 2.2.1.1 'заставить смести, смахнуть', 2.2.1.2 'заставить зацепить, корябать'. Первое значение мы считаем главным, а второе - номинативно-производным. Возможный, или понудительный характер лексических значений зависит от

суффикса -вт- (Бубрих 1953, 130; Серебренников 1967, 233). Связь лексических значений происходит на общности движения орудий действия с оттенком направленного характера. В современном языке значения 2.2.1.1 и 2.2.1.2 меняются местами. Даже внутри значения 2.2.1.2 происходит перестановка, где на первый план выходит самостоятельное значение 2.2.1.3 'корябать, царапать'. Ранние признаки орудийности сохраняются и выражаются местной падежной формой существительного кенже 'ноготь, коготь, копыто'. Значение 'зацепить' сохранено, но требует после себя существительного во вносительном падеже или в соответствующей послеложной форме. А былое основное значение 'смахнуть, смести' переходит к глаголу тенсемс.

2.2.2. Мокш. кажакодомс с лексическими значениями 2.2.2.1 'остыть', 2.2.2.2. 'подмерзнуть', 2.2.2.3 'стать шероховатым' (МРС). Связь лексических значений происходит на общности нахождения в определенном состоянии: 2.2.2.1 'остыть' - состояние одушевленного предмета-лица, 2.2.2.2 'подмерзнуть' - состояние природы, 2.2.2.3 'стать шероховатым' - состояние неодушевленного предмета. Различная частотность употребления значений в языке позволила выйти на место основного значения номинативно-производному 2.2.2.2, где сконцентрированы общность состояния и признак неровной поверхности. Значение 2.2.2.3 остается в силе, а 2.2.2.1 заменяется глаголом кельмомс. Значения 2.2.2.2, 2.2.2.3 присущи и эрзянскому кажакадомс (ЭРС), а значение 2.2.2.1 выражается глаголом оймамс.

2.3. Теряются номинативно-производные лексические значения, возникшие в более поздний период. Глаголы становятся однозначными, или сохраняется и многозначность, но с меньшим количеством лексических значений.

2.3.1. Мокш. илештемс сохраняет свое основное значение 2.3.1.1 'засучить (рукав)', а вместо номинативно-производного 2.3.1.2 'раскрыть (крышу)' выступает глагол панжемс. В ЭРС глагол илештямс зафиксирован как многозначный, который сохраняет значение 2.3.1.1; 2.3.1.2 - не зафиксировано, однако оно встречается в некоторых говорах и доказывает его выпадение из употребления. Эрз. илиштык каршка оровтонть (БМ) 'раскрой ворох картошки'. Это значение малоупотребительно и, как и в мокшанском языке, переходит глаголу

панжомс. В качестве основного в обоих глаголах функционирует значение 2.3.I.I.

2.3.2. Морд. калмамс выступает в языках с основным лексическим значением 2.3.2.I 'хоронить', номинативно-производное 2.3.2.2 'закопать, зарыть' переходит к глаголу ваямс (ЭРС, МРС), где связь между значениями данных глаголов происходит на общности подобного действия.

2.3.3. Эрз. чувомс, мокш. шувомс сохраняют основное значение 2.3.3.I 'рыть (канаву)', номинативно-производные 2.3.3.2 'копать (картошку)', 2.3.3.3 'откопать (что-то из земли)' начинают переходить к мордовскому глаголу таргамс.

2.4. При сужении лексических значений слова мордовские глаголы вступают в синонимические отношения с лексемами этого же разряда. Так происходит связь мокш. анедямс - кованякшнемс - балловандамс - якамс, эрз. цибильдямс - манямс - вешемс - ёвтнемс, эрз. идердавтомс - тенсемс, мокш. кажакодомс - кельмомс, эрз. кажакадомс - оймамс, мокш. илештемс - панжемс, эрз. илештямс - панжомс, морд. калмамс - - валямс, эрз. чувомс, мокш. шувомс - морд. таргамс.

3. В образовании многозначности в мордовских языках большую роль играет метафорический перенос, или образное употребление слова, под которым понимается перенос названия на основе сходства признаков предметов, явлений, действий. Процесс метафоризации в языке происходит на явлениях "аналогии" и "подобии" (Балли I955, 223-225; Пауль I960, I03, II7, I32; Бодуэн де Куртенэ I963, 33-34). В виду существования метафоры в языке, она является и языковой в том отношении, что она образуется в речи, подчиняется законам того или иного языка (Булаховский I954, (50-60). Исследование метафоры, анализ ее выражения в мордовских языках остается еще не исследованной.

3.0. Знакомясь с окружающим миром, человек познает его при помощи растительного и животного мира. Действия явлений природы, птиц, животных он объясняет с точки своих действий и их приписывает окружающему миру, т.е. человек старается познать новые явления через сравнения их со старыми, уже известными (Чернышева, Степанова I962, I6I). Появляются в языке звукоподражательные слова, которые являются идеоносительной частью глаголов, т.е. между ними наличествует, видимо, определенная генетическая связь (Цыганов I947, 68-

69). Звукоподражательные слова развиваются и получают глагольное оформление, в корневой части которых являются наречийно-изобразительные слова (см. Имайкина 1968, 182-206). Глаголы, образованные от звукоподражательных и наречийно-изобразительных слов, чаще имеют несколько значений. Новые лексико-семантические варианты возникают за счет общности звукового процесса, который имеется в сближаемых явлениях.

3.0.1. Эрз. зэрькадемс с лексическим значением 3.0.1.1 'грянуть (о громе)' показывает действие, в котором содержится звуковой процесс, сопровождаемый внезапностью и неожиданностью. В русском языке данное значение содержится в глаголах раздаться, загреметь, зазвучать, которые передаются на мордовский язык словом зэрькадемс: эрз. зэрькадсь пурьгине 'загремел гром'. На основе метафорического переноса возникает значение 3.0.1.2 'стукнуть, ударить' с орудийным признаком. Оно сохраняет общность неожиданности и внезапности воздействия субъекта на объект: эрз. зэрькадемс коня ланга 'стукнуть (ударить) по лбу'.

3.0.2. Морд. каштордомс с лексическими значениями 3.0.2.1 'шелестеть', 3.0.2.2 'шуршать', 3.0.2.3 'издавать легкий шорох', а также метафорическое 3.0.2.4 'говорить, сказать'. Глагол каштордомс восходит к звукоподражательному морд. каштор 'звук при действии шелеста, шуршании (листьев, бумаги и т.д.)'. Лексическое значение 3.0.2.4 возникает в связи с переносом действия "шуршания" на конкретное лицо, а процесс разговора уподобляется действию неодушевленных предметов способных к "шуршанию". Подобные значения в мордовских языках носят шутливый оттенок и применяются в предложениях с насмешливым смыслом. Подобное наблюдается как в родственных (Ariste 1973, 2.1.1, 2.6.8, 2.8.1, 3.1.4, 3.2.5 и т.д.), так и в неродственных (Ожегов 1953, 81) языках.

3.1. Образованию многозначности способствуют звукоподражательные глаголы, передающие звуковые действия леса, воды, птиц, животных.

3.1.1. Мокш. вжнамс. Для возникновения основного значения 3.1.1.1. 'шуметь (о лесе)' в качестве субъекта выступает мокш. вирь 'лес'. Если же субъект - инструмент, при работе которого производится аналогичный шум, возникает лексическое значение 3.1.1.2 'визжать, шуметь (об инструмен-

тах)'; если субъект - одушевленное лицо, появляется 3.I.I.3 'струсить, испугаться'.

3.I.2. Мокш. горнямс с основным значением 3.I.2.I 'журчать (о воде)'. Метафорическое 3.I.2.2 'звенеть (о голосе)' основывается на монотонном, булькающем звуке, сосредоточенном в значении 3.I.2.2, так как оно содержит нечто подобное журчанию, которое совершается при разговоре, пении.

3.I.3. Эрз. гувномс с основным значением 3.I.3.I 'ворковать (о голубях)'. На основе метафорического переноса возникают 3.I.3.2 'начать говорить (о ребенке)', 3.I.3.3 'пылать (об огне), сильно гореть (о дровах)'. Действия, выраженные значениями 3.I.3.2, 3.I.3.3, совпадают по звуковому содержанию со значением 3.I.3.I.

3.2. В глаголах мокш. вякнемс 'квакать', мокш. мрнамс, эрз. мурномс 'мурлыкать', эрз. урномс 'выть (о волке, медведе)', морд. парамс 'мычать', морд. онгомс 'лаять' новые лексические значения образуются путем переноса, где в качестве субъекта выступает определенное лицо. Звуковые действия животных, переносясь в область человеческих ассоциаций, характеризуют его и носят пейоративный оттенок.

3.3. Новые значения образуются при использовании глаголов, обозначающих различный оттенок, для характеристики различных состояний субъекта или объекта, выраженных существительным, обозначающим лицо. Здесь рассматриваются глаголы, образованные от прилагательных с суффиксом -лгад-, -гад-, -кад- (Евсевьев I963, I69-I7I).

3.3.I. Эрз. ашолгадомс, мокш. акшелгодомс с основным значением 3.3.I.I 'рассветать', переносным 3.3.I.2 'побелеть лицом (испугаться)', реже 3.3.I.3 'похорошеть (после болезни)'.

3.3.2. Эрз. пижелгадомс, мокш. пижелгодомс с основным 3.3.2.I 'зеленеть (о всходах, деревьях)', с переносным 3.3.2.2 'стать зеленым (о человеке с плохим здоровьем)'.

3.3.3. Эрз. раушкадомс, мокш. равчкадомс с основным 3.3.3.I 'чернеть', метафорическим 3.3.3.2 'волноваться, болеть, т.е. принять черный цвет лица'.

4. В мордовских языках глагол обладает сложной смысловой структурой ввиду сочетаемости его с различными частями

речи. Эта сочетаемость позволяет слову выступать и в переносном смысле, выявляя вторичные или переносные лексические значения, которые несут различную эмоциональную окраску.

4.0. Анализируемый глагольный материал позволил выявить, что в мордовских языках полисемантизм образуется при помощи расширения, сужения, метафорического переноса отдельных лексических значений.

Литература

Балли Ш. 1955. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва.

Бодуэн де Куртенэ И.А. 1963. Избранные труды по общему языкознанию. I. Москва.

Бубрих Д.В. 1953. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск.

Будагов Р.А. 1947. Слово и его значение. Ленинград.

Булаховский Л.А. 1954. Введение в языкознание П. Москва.

Вандриес Ж. 1947. Язык. Лингвистическое введение в историю. Москва.

Галкина-Федорук Е.М. 1962. Современный русский язык I. Москва.

Евсевьев М.Е. 1963. Избранные труды IУ. Саранск.

Звегинцев В.А. 1957. Семасиология. Москва.

Имайкина М.Д. 1968. Наречийно-изобразительные слова в мордовских языках.(Кандидатская диссертация). Саранск.

Лыткин В.И. 1953. К вопросу об изменениях словарного состава пермских языков. - Вопросы языкознания5. Москва, 49-69.

Ожегов С.И. 1953. К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в советскую эпоху. - Вопросы языкознания 2. Москва.

Пауль Г. 1960. Принципы истории языка. Москва.

Серебренников Б.А. 1967. Историческая морфология мордовских языков. Москва.

Чернышева И.И., Степанова М.Д. 1962. Лексикология современного немецкого языка. Москва.

Шанский Н.М. 1972. Лексикология современного русского языка. Москва.

Цыганов Н.Ф. 1947. Опыт работы над словарями. – Записки НИИМК 7. Саранск.

Ariste, P. 1973. Päka suguvõsa. – Emakeele Seltsi Aastaraamat 18. Tallinn, 109–124.

Schrijnen, J. 1921. Einführung in das Studium der indogermanischen Sprachwissenschaft. Heidelberg.

Сокращения

БМ = Говор села Большое Маресево Чамзинского района Мордовской АССР; МРС = Мокшанско-русский словарь. Москва, 1949; ЭРС = Эрзянско-русский словарь. Москва, 1949.

G. B a t k o v
(Tartu)

BILDUNG DER POLYSEMIE IN DEN MORDWINISCHEN SPRACHEN

Z u s a m m e n f a s s u n g

0. Im Artikel wird die Frage der Bildung der Vieldeutigkeit des mordwinischen Verbs betrachtet. Es wurde herausgestellt, daß die Polysemie mit Hilfe der Erweiterung, Verengung und der metaphorischen Übertragung der lexischen Bedeutung des Wortes gebildet wird.

1. Bei der Erweiterung der lexischen Bedeutungen der analysierten Verben entstehen neue lexisch-semantische Varianten, die sich auch mit anderen Redeteilen verbinden können.

2. Bei der Verengung bezeichnen neue Bedeutungen den Begriff in einem beschränkterem Maße als Hauptbedeutungen. Infolgedessen gehen einige lexische Bedeutungen in den passiven Wortschatz über. Die Hauptbedeutungen können manchmal aus dem Gebrauch kommen. Aber öfter geschieht das mit den nominativ-abgeleiteten Bedeutungen.

3. Eines der produktivsten Mittel der Bildung der neuen lexischen Bedeutungen ist die metaphorische Übertragung.

Н.С. Баюшкин
(Саранск)

АРХАИЧЕСКИЕ СУФФИКСЫ ИМЕН В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ

В мордовских языках встречаются такие суффиксы, которые утратили свое значение и продуктивность и уже настолько тесно срослись с корнем, что слова с такими суффиксами воспринимаются как непроизводные и неразложимые. Эти суффиксы в настоящее время являются элементом корня. Д.В. Бубрих указал на трудность дифференциации подобных суффиксов от корня. Он писал, что "нередко трудно отделить суффикс от корня. Бывает так, что два слова как будто связаны друг с другом этимологически, и одно из них содержит расширяющий основу суффикс или оба содержат разные расширяющие основу суффиксы, но на поверку оказывается, что эти слова этимологически друг с другом не связаны, и говорить о суффиксах нет оснований. С другой стороны бывает так, что слово представляется коренным, но на поверку оказывается, что в нем надо выделить суффикс. Бесспорно, случаев, где мы не видим суффикса, - великое множество."[1]

Имеются имена существительные и прилагательные, содержащие в своем составе л-овый, р-овый, ж-вый, з-вый, м-овый, н-овый, д-вый, к-вый элементы, представляющие собой остатки суффиксов существительных и прилагательных ограничительного качества -ра, -ря, -ре, -ро, -да, -за, -жа, -ша, -ка, гласный которых при словообразовании выпадал.

---

[1] Д.В. Бубрих, Историческая морфология финского языка. Москва-Ленинград, 1955, стр. 88-89.

В некоторых именах корень и суффикс явно ощущаются благодаря параллельному существованию форм без суффикса. Другие же имена в современных мордовских языках не имеют бессуффиксных параллелей, ввиду чего они воспринимаются как одна морфема. Выявить суффиксы можно только путем этимологизации данных родственных финно-угорских языков.

Сравнительно-историческое исследование мордовских языков, а также использование диалектного материала дают возможность обнаруживать следы древних словообразовательных суффиксов, так как многие имена настолько изменили свое морфологическое строение и звуковой облик, что иногда бывает трудно вскрыть прежний морфологический состав имени.

В современных мордовских языках встречаются следующие архаические суффиксы:

С у ф ф и к с -р (-ра, -ря, -ре)

Суффикс является непродуктивным, мертвым, встречается лишь в словах типа эрз. вандора 'отлогий', нувара 'обвисший, печальный', эрз. кичкере, мокш. кичкор 'кривой'. В этих прилагательных при сравнении корень не выявляется, а р-овый формант входит в состав корня. Т. Лехтисало[2] и Й. Дьерке[3] относят данный суффикс к уральскому - *r-овому суффиксу отыменных прилагательных. Соответствия имеются во всех родственных языках, например, финск., карельск. hämärä 'темный' (hämy 'сумерки'), эстонск., вепсск. hämar 'сумрачный'.

Л. Хакулинен[4] сомнительно относит этот суффикс к деминутивным. В современном состоянии языка трудно установить первоначальное значение суффикса. Суффикс восстанавливается лишь путем сравнительного анализа данных родственных языков.

---

[2] T. L e h t i s a l o, Über die primären ururalischen ableitungssuffixe. Helsinki, 1936, стр. 184-185.

[3] J. G y ö r k e, Die Wortbildungslehre des Uralischen (Primäre Bildungssuffixe). Tartu, 1935, стр. 41.

[4] Л. Х а к у л и н е н, Развитие и структура финского языка. I. Москва-Ленинград, 1955, стр. 117.

С у ф ф и к с ы -за (-жа) и -на (-ня)

С данными суффиксами употребляются качественные прилагательные, которые по своей семантике приближаются к ограничительным. Однако эти суффиксы встречаются и как непродуктивные, мертвые, так как их трудно отделить от корня. Корень слова без суффиксов в настоящее время не употребляется, а суффиксы входят в состав корня, например, эрз., мокш. вецана 'водянистый', эрз. каназа 'неповоротливый, малоподвижный', камажа 'плохой', нолажа 'скользкий'. Эти суффиксы являются архаическими, так как их значения затемнены. В современных мордовских языках отсутствуют слова веца, кана, кама, нола, и суффиксы -за, -жа, -на можно выявить только с помощью родственных языков (сравните горн. марийск. кавыжа 'дряблый, сухой'), йывыла 'скользкий, слизистый'.[5]

С у ф ф и к с -до (-де)

Для современных мордовских языков этот суффикс также является редким. Встречается лишь в диалектах как непродуктивный суффикс прилагательных, выделяется лишь при сравнении с данными родственных языков, например, эрз. валдо, мокш. валда 'светлый', финск. valkea 'белый, светлый', сравните valo 'свет', эст. valge 'белый, светлый', ижорск. valkea 'белый', ливск. vālda 'белый', эрз. калгодо, мокш. калгода 'жестокий', эст. kale, kaleda 'жесткий'.[6] В данных словах эрз. валдо, мокш. валда 'светлый' и эрз. калгодо, мокш. калгода суффиксы -до, -да слились с корнем и стали неделимыми. Лишь данные родственных языков позволяют выявить корни вал, калго и суффиксы -до, -да.

---

[5] И.С. Г а л к и н , Историческая грамматика марийского языка П. Йошкар-Ола, 1966, стр. 56.

[6] М.Д. И м а й к и н а Кода полафнесть мокшэрзянь валхне. - Журнал "Мокша" 1972, № 4, стр. 88-89.

С у ф ф и к с -мо (-ма, -ме)

Суффикс образует качественные прилагательные от основ общих с глаголами: эрз. ламба-скавтомс 'наслащать' - ламбамо 'слащий', якша-втомс 'похолодать' - якшамо 'холодный. Эти прилагательные имеют свою морфологическую, суффиксальную структуру. Непродуктивные суффиксы -мо, -ма, -ме можно обнаружить с помощью сравнительного анализа родственных языков, например, эрз. чапамо, мокш. шапама 'кислый', финск. hapan, род. п. happa-n-en 'кислый' (happo 'кислота'); эрз. якшамо, мокш. якшама 'холодный', эст. jahe 'охлажденный, холодный'; эрз. качамо, мокш. качама 'дымный' (сравните финск. katku 'чад', марийск. кочо 'едкий, горький').

С у ф ф и к с ы -к (-ка, -ке, -ко), -га (-ге, -го)

Суффиксы выделяются как мертвые в некоторых именах существительных, например, эрз. серька, мокш. сярьхкя 'голень, берцовая кость', эст. säär 'голень'; эрз., мокш. ялга 'товарищ', финск. jalka, эст. jalg 'нога'.

С у ф ф и к с -кс (-кш)

Исторически суффикс -кс (-кш) был продуктивным, о чем свидетельствует наличие большого количества слов с данным суффиксом. В большинстве из них в настоящее время трудно установить суффикс в качестве словообразовательного элемента, так как он утратил свою продуктивность и превратился в неделимую часть корня, например, мокш. пакш 'клок, прядь волос' (сравните финск. pää, эст. pea 'голова').

Имеются также редкие суффиксы неизвестного происхождения: -ган (сезьган 'сорока'), -зей (эрз. сувозей 'глухарь'), -аз (-из, -уз, -ез) (эрз. метьказ 'ящерица'), -ав (эрз. шанжав 'паук').

Данные родственных финно-угорских языков свидетельствуют о том, что когда-то сравнительно продуктивные словообразовательные суффиксы имен утратили свою продуктивность и стали архаическими.

N. S. B a j u š k i n
(Saransk)

DIE ARCHAISTISCHEN SUFFIXE DER NOMINA IN DEN MORDWINISCHEN SPRACHEN

Z u s a m m e n f a s s u n g

In den mordwinischen Sprachen kommen Suffixe vor, die ihre Produktivität eingebüßt haben und mit der Wurzel zusammengewachsen sind. Die mit Hilfe solcher Suffixe gebildeten Wörter werden als unabgeleitet und unzerlegbar aufgefaßt.

Einige Wörter enthalten explicit die Wurzel und das Suffix, und das wird durch die parallelen suffixlosen Formen bekräftigt. Andere Wörter im Gegenteil haben ähnliche suffixlose Formen nicht und deswegen werden sie als ein Morphem betrachtet.

Der heutige Bestand der finnisch-ugrischen Sprachen beweist, daß die verhältnismäßig produktiven Suffixe in einer bestimmten Periode der Sprachentwicklung ihre Produktivität eingebüßt haben.

В. Данилов
(Тарту)

ЭЛАТИВ И ЕГО ФУНКЦИИ В МОРДОВСКИХ И ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКАХ

Как в мордовских, так и в прибалтийско-финских языках элатив является s-овым падежом внутреннего места. Суффикс мордовского исходного падежа -sta, -sto, -stə̈ составлен из двух падежных суффиксов - суффикса латива -s и суффикса аблатива -ta, образование аналогичное и в прибалтийско-финских языках.[1] Считается, что это окончание образовалось в прибалтийско-финно-волжский период из того же s, что выступает в инессиве, и окончания общего отделительного падежа -ta, -tä.[2]

В прибалтийско-финских языках главной функцией элатива является выражение внутреннего места (помещения, построек), отграниченного участка, откуда исходит действие, отделяются, уходят, отдаляются, тогда как l-овый падеж внешнего места аблатив обозначает локативные обстоятельства, связанные с внешним местом, участком, территорией. В мордовских языках же как внутреннее, так и внешнее место исхода, отделения, удаления, происхождения выражается падежом элативом.

Элатив отвечает на вопросы о ком?, о чем? от кого?, из чего?, откуда?, с какого времени? Наряду с основной функцией, обозначением исходного места, элатив имеет и много

[1] Б.А. Серебренников, Историческая морфология мордовских языков. Москва, 1967, стр. 22.

[2] Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка I. Москва, 1953, стр. 87.

других функций, которые являются как общими, так и необщими в мордовских и в прибалтийско-финских языках.

Целью данной статьи является разбор общих функций элатива, встречающихся в прибалтийско-финских и мордовских языках.

I. Функция места

Выступая в своей основной функции, элатив указывает прежде всего исходное место действия, которое может быть как конкретным – определенным, так и неконкретным – неопределенным. Рассмотрим некоторый ряд нюансов функции места элатива.

I. Имена в форме элатива указывают конкретное место, т.е. названия городов, государств, поселений, откуда происходят, идут, уходят, удаляются, отправляются, приходят, откуда что-то получают, приносят, берут, где что-то находят, например, эрз. лелям козейка сайсь Эрзянь Охонькинасто 'дядя мой взял жену из Мордовского Афонькина'; мокш. весть тейне эрявсь молемс Темникуста Пурдошкав (Лихтибрят I42) 'однажды мне нужно было поехать из Темникова в Пурдошки'; лив. se·ᵕum tu·n̄d vaṅ s ō̆ · r m o l - d ə̂ s t (Mägiste 20) 'тот был приезжим из Сааремаа' = = эрз. се сась С а а р е м а с т о; эст. kas need on tulnud S o o m e s t? 'эти приехали из Финляндии?' = эрз. нетне сась Ф и н л я н д и я с т о?; вод. a miṅ́da meilᵕon karjalain s o i k k o l a s s a (Ariste VR I45) 'а сноха у нас ижорка из Сойкина' = эрз. а урьванок минек ижор С о й к о л а с т о; фин. ostin huoneiston T u r u s t a(Penttilä 390) 'я купил квартиру в Турку' = = эрз. Т у р к у с т о раминь кудо; ижор. U r a l a n m ä k i l ö i s t kaivetaa rautaa (Junus 68) 'в уральских горах добывают железо' = эрз. У р а л о н ь п а н д о т н е с т э таргить кшни; кар. poig tuĺ maš̌nᵕл i v n o v s k o i s t (Sõmmer 43) 'сын приехал на машине из Ивановска' = эрз. цёрам сась машинасо И в а н о в с к о й с т э; вепс. hän veńakon toi p i t e r i s p ä̆ (Kettunen I 28I) 'он привез жену русскую из Петербурга' = = эрз. ни сон тусь рузава П и т е р с т э.

2. Имена в форме элатива указывают общественные учреждения, жилые помещения, постройки, части построек, хозяйственные предметы, посуду, из которых что-либо выходит или берут, откуда исходит действие, движение, например, эрз. Куля лись к у д о с т о ды апак капша тусь ало пев'Куля вышла из дома и неспеша пошла в нижний конец'; мокш. лофцтъ, маряк, анцек лихтесь б о х а р я м с т а (Атянин 206) 'молоко только что, словно, вынесли из погреба'; лив. ku·t-sə̄n t u · b à s t a'·bliž̌i(Mägiste 68)'позвал из дома помощников' = эрз. тердян к у д о с т о лездыцят; эст. ma joon t a s s i s t 'я пью из чашки' = эрз. мон симан ч а ш к а с т о; вод. t š e r i k o s s a svätoi vettä tuotī (Ariste VR 13) 'из церкви принесли святой воды' = = эрз. ц е р ь к у в а с т о туильть светязь ведь; вод. vẹta v ẹ r k o s s a kalaD (Ariste VKG 29) 'возьми из сетки рыбу' = эрз. сайть с е т к а с т о калт; фин, me tulemme k i r j a s t o s t a (Морозова I52) 'мы идем из библиотеки' = эрз. минь сатано б и б л и о т е к а с т о; ижор. aja pois živatat p e l l o s t (Junus 74)'гони (выгоняй) коров из хлева' = эрз. пантъ ушов скалтнэнь к а р д с т о; кар. üks naine hvaťťi arbuwzan v a k a š t a (Tamme 76) 'одна женщина взяла арбуз из корзины' = эрз. вейке ава сайсь арбуз к а р з и н а с т о; вепс. l'äkś k o d i š p ẹ i, dorogadme astub da dumaǯib ... (Зайцева-Муллонен I9) 'вышел из дома, идет по дороге и думает...'= = эрз. лись к у д о с т о , моли ки ланга ды арси ... ; вепс. t' š u g u n a s p ä veden vaugaśtiń (Kettunen I 280) 'всплеснула воду из чугуна' = эрз. валыя веденть ч у г у н с т о; вепс. k a r m a n a s p ä ïvõ kadoda (Kettunen I 280) 'из кармана не может потеряться' = эрз. з е п с т э ковгак а ёми.

3. Имена в форме элатива указывают приусадебные участки, огороды, сады, поля, леса, моря, реки, озера, болота, откуда идут, что-либо берут, находят, приходят, удаляются, например, эрз. эйкакштне састь в и р ь с т э 'дети вернулись (пришли) из леса'; мокш. и штоба аф шорсемс тейст, Паша саворне лиссь с а д с т а (Атянин I99) 'и чтобы не мешать им, Павел потихоньку вышел из сада'; мокш. ведь каннесь л я й с т а, кона шудесь неретнень пева (Левчаев I8)

'воду носили из речки, которая протекала за огородами'; лив. ta m i̯ e'· r s t ə̑ ü'lzə̑ nūzə̑ küzzə̑ ...(Kont 114)'выходя из моря, он спросил ...' = эрз. м о р я с т о лисемстэ сон кевкстясь ...; эст. karjus ei leidnud lehmigi m e t s a s t 'пастух не нашел и коров в лесу' = эрз. ваныцясь скалтнэньгак в и р ь с т э эзинзе муе; эст. ta hüppas v e e s t välja 'он выпрыгнул из воды' = эрз. сон лись в е д ь с т э н т ь; ижор. m e r ē s t tuli rūtsaŕain (Ariste IK 12) 'из моря пришел швед' = эрз. м о р я с т о сась швед; ижор. mə̑s taas tuli m e t s ä s t (Porkka 135) 'мужчина опять пришел из леса' = = эрз. цёрась таго сась в и р ь с т э; кар. kulda ka r e v u š t a tunduw (Tamme 78) 'золото увидишь и из болота' = эрз. сырнесь ч е я д а в к с с т о я к неяви; кар. hospoďi, ku kondi hüppiäwhäi h a w d a ž e s p ä i kohti meih (Макаров Рягоев 59) 'господи, как выскочит медведь из оврага на нас' = эрз. нишке паз, кода а лиси овто л а т к с т о н т ь лангозонок; вепс. oja lähtop◡s o s p ä,siks hän: ojaš-so (Kettunen I 280) 'ручей выходит (берет свое начало) из болота, поэтому и оно: ручейное болото' = эрз. леесь лиси э р ь к е с т э, секс сон и лей эрьке; вепс. vädrä p r o л u b a s p ä veden amūdaba (Kettunen I 280) 'ведром черпают воду из проруби' = эрз. а н к с е м а с т о амольдить ведь ведрасо; фин. lapset poimivat marjoja m e t s ä s t ä (Penttilä 390) 'дети собирают ягоды из леса' = эрз. в и р ь с т э эйкакштне пурнасть нормальть; вод. s ü k ä v ä s s ä k a i̯ v o s s a vesi eb◡лорu (Kettunen-Posti I84) 'из глубокого колодца вода не исчезает' = эрз. сэрей л и с ь м а с т о ведь а машни.

4. Элатив неопределенного места. Слова в форме элатива могут указывать неопределенное место, территорию или участок, пространство, неопределенные населенные пункты, поселения, откуда идут, уезжают, откуда исходит действие, движение, например, эрз. пола сайсь сон о ш с т о 'жену взял он из города'; мокш. рьвя севсь сон о ш с т а; эрз. цёрась сась покш к и л а н г с т о 'паренъ вернулся (пришел) с большой дороги'; мокш. Андрей любовай в а с т с т а мушендозе Еленань (Атянин I86) 'Андрей с любого места на-

ходил Елену'; эст. vaenlased olid k ü l a s t lahkunud (Saar 9) 'неприятели ушли из села' = эрз. врагтне тусть в е л е с т э; эст. ... mis mõisa ligemast ja kaugemast ü m b r u s e s t karjamõisani ulatas (Ruubel 12) '...которая простиралась от ближних и дальних окрестностей поместья до подмызка'; фин. hän tuli k y l ä s t ä (Kont I8) 'он пришел из села' = эрз. сон сась в е л е с т э; фин. olen palaamassa k a u p u n g i s t a 'я возвращаюсь из города' = эрз. сан о ш с т о; ижор. ogtīD k ü l ä s t maitoa (Ariste IK 10) 'они купили молоко в селе (из села)' = эрз. ловцо рамасть в е л е с т э; вод. l i d n a s s a tōtī bulkkā (Ariste VKG 29) 'булку привезли из города' = эрз. о ш с т о тусть ашо кш; вепс. mäide d e r e n a s p ä i oli šiiceme virstad Kingl (Зайцева-Муллонен 63) 'от нашей деревни было семь верст до Кингиничи' = эрз. минек в е л е с т э Кинглас сисем вайгельбеть.

5. Элатив поверхностного места. Слова, выступающие в форме элатива, указывают поверхность, откуда удаляются, уходят, приходят, откуда что-либо берут, получают, где что-то находят, откуда началось или исходит действие. В прибалтийско-финских языках эта функция мало употребляемая, т.к. она выражается падежом внешнего места аблативом, в мордовских же только элативом, например, эрз. Ульо сясь э з е м с т э ды лись ушов 'Ульяна встала с лавки и вышла на улицу'; эрз. эйкакшось мусь мезе-бути к и я к с с т о 'ребенок нашел что-то с пола'; мокш. Катянь сельмос повсь с т е н а с т а ветешка оцю рамка (Лихтибрят I96) 'Кате бросилось в глаза около пяти больших рамок'; лив. un va·ńťīs ṗū·l a · d à s t i'·ĺīə (Mägiste 17) 'смотрел с верхушки дерева вверх' = эрз. сон вансь чувто п р я с т о; эст. tema, karjapoiss, kahmas m a a s t kivi ja virutas ... (Saluveer 39) 'он пастушок схватил с земли каменъ и выбросил его ...' = эрз. сон, ваныцясь, каподсь м а с т о р л а н г с т о (мастордо абл.) кев ды ёртызе ...; вепс. m ä t h a s p ä i touvel lapsed huzeitaze reguhuzil (Kettunen I 282) 'зимой дети катаются с горы на санках' = = эрз. тельня эйкакштне кирякстнить п а н д о п р я с т о нурдынесэ = фин. m ä e s t ä talvella lapset laskevat mäkeä kelkoilla.

6. Элатив локативного противопоставления. В форме элатива могут выступать слова, характеризующие место на предмете, вещах, явлениях, при этом выделяя то или иное определенное место, например, эрз. пацям вариясь к у н ш к а с т о 'у моего платка появилась прореха в середине'; эрз. л а н г с т о неяви паро, а п о т с т о весе наксадо' снаружи кажется хорошим, а снутри весь гнилой'; мокш. Захаров и Юров воргодсть т о с т а Кульминка вели (Лихтибрят 109) 'Захаров и Юров сбежали оттуда в село Кульминка'; эст. e e s t orake, keskelt kerake, aga l õ p u s t labidakene - kanake (Pajusalu 137) 'спереди шило, с середины клубок, а сзади лопаточка - курочка' = эрз. икельде (абл.) урыне, к у н ш к а с т о кирине, а удалдо (абл.) коймине - саразке; эст. s e e s t on katki 'снутри изодранный' = = эрз. п о т с т о раздязь; фин. menemme t ä s t ä (Penttilä 396) 'идемте отсюда' = эрз. адядо т е с т э.

7. Элатив направления. Слова, выступающие в форме элатива, могут выражать пространственное место, откуда исходит действие, указывают, откуда идут, с какого направления, с какой стороны, например, эрз. васолдо ч о п о д а с т о н т ь кармасть неявомо веленъ толтнэ 'вдали, из темноты стали показываться (виднеться) огни села'; эрз. вармась пувась ч и в а л г о м а с т о 'ветер дул с запада'; мокш. кати-коста ш о б д а с т а пачкодсть весяла вайгяльхть (Атянин 77) 'откуда-то из темноты доносились веселые голоса'; мокш. ... и тя пингть б о к с т а ломанень эвондамась киньге ашезе токсе (Атянин 161) '... и в это время появление человека со стороны никого не волновало'; эст. mida sa v ä l j a s t otsid (Pajusalu 137) 'что ты ищешь снаружи' = эрз. мезе тон вешнят у ш о с т о; эст. e d e l a s t tuli raskeid vihmapilvi (Saar 16) 'с юго-запада двигались тяжелые дождевые тучи' = эрз. виев пизе-мепельть састь обедёндо (абл.) о б е д ё н к с с т о; вод. tūl on päivä n e j s e m a s s a (Kettunen VKÄ 27) 'ветер с востока' = эрз. вармась ч и в а л г о м а с т о; фин. tuulee p o h j o i s e s t a 'ветер дует с севера' = = эрз. вармась пуви пелеве ё н к с с т о (ёндо абл.); ижор. s̄ūr kivi ta̯ŋkeiṣ t a i v a h a s t maȟhā (Ariste IK 18) 'большой камень свалился с неба' = эрз. покш кев

прась м е н е л ь с т э; вепс. p o h j a s p ǟ buŕg (Kettunen I 284) 'буран с севера' = эрз. пургась пелеве ёндо (абл.) п е л е в е ё н к с с т о; вепс. ahā tämbā lämäz ‿b o k a s p ǟ (Kettunen I 284) 'ветер сегодня с теплой стороны' = эрз. вармась течи л е м б е ёндо (абл.) (ё н к с с т о).

8. Элатив в послелогах. Послелоги, оформленные суффиксами элатива, в основном выступают для выражения местных отношений, например, эрз. чиянь патянть стявтсызь с т о л ь э к ш с т э ды ливтсызь кудыкелев 'невесту поднимут из-за стола и поведут в сени'; мокш. Шужганов стясь шрать в а к о с т а (Лихтибрят II0) 'Шужганов встал из-за стола'; эст. nemad tõusid laua ä ä r e s t 'они встали из-за стола' = = эрз. сынь стясть столь э к ш с т э; фин. hän ei poistunut sairasvuoteen ä ä r e s t ä (ФРС 597) 'он не отходил от постели больного' = сон эзь стякшнояк сэредицянть тарканзо ч и р е с т э, в а к с с т о; фин. p ä ä s t ä päähän, ä ä r e s t ä toiseen (РФС 303) 'из конца в конец' = эрз. п е с т э пес, ч и р е с т э чирес; фин. löytää jtak aidan v i e r e s t ä (РФС 885) 'найти что-либо у забора' = эрз. муемс мезеяк пирявкс в а к с с т о; мокш. шуфттнень ё т к с т а лись стирня 'из-за деревьев вышла девчонка; фин. oven ja ikkunan v ä l i s t ä (РФС 356) 'между дверью и окном' = эрз. вальма ды кенкш ю т к с т о; фин. puhdistaa lumi raiteiden v ä l i s t ä (РФС 356) 'вычистить снег между колеями' = эрз. урядамс ловонть чарынь кинть ю т к с т о; фин. vilaus hänestä nähtiin vielä puiden l o m a s t a (Penttilä 402) 'его видели мигом еще между деревьями' = эрз. сонзэ неизь чувтотнень ю т к с т о, эст. jõe ä ä r e s t 'с берега реки' = эрз. лей ч и р е с т э; эрз. оконики лисевинек виренть п о т с т о 'наконец мы выбрались из леса'; эст. seda me leidsime maa s e e s t 'это мы нашли в земле' = эрз. тень минь муинек мода п о т с т о; эст. tule välja maja s e e s t 'выходи наружу из дома' = эрз. листь ушов кудонть п о т с т о; фин. ovi on lukittu s i s ä s t ä 'дверь заперта изнутри' = эрз. кенкшесь пекстазь п о т с т о.

П. Элатив действия, деятельности

Слова в форме элатива могут указывать различные процессы труда, род занятий, работу, объект действия, откуда приходят, уходят, отстраняются, возвращаются, например, эрз. сынст кундызь сюронь с а л а м с т о 'их поймали при краже хлеба'; мокш. н а л х к о м а с т а пильгозень токайне 'во время игры я ушиб ногу'; мокш. алязе сась в о й н а с т а 'отец мой возвратился из войны'; эст. poisid tulid järvelt õ n g i t s e m a s t 'мальчики вернулись с озера с рыбалки' = эрз. цёрынетне састь эрьке лангсто к а л с т о; эст. väsis ära r ä ä k i m a s t 'устал от разговора' = эрз. сизесь к о р т а м с т о; вод. willoeni, welwüeni, tulet čüwe č ü n t ä m ä s s ä, ätikkoa ä e s s ä m ä s s ä (Ahlqvist 94) 'братец ты дорогой, придешь ли из пахоты, из боронования целины' = эрз. лелинем, дугинем, велявт паксянь с о к а м с т о, сак парианань и з а м с т о; фин. tytöt tulivat m a r j a s t a (Penttilä 391) 'девушки пришли со сбора ягод' = эрз. тейтертне састь н о р м а л ь с т э; ижор. kolhoznikat tultii k y n t ä m ä s t (Junus 120) 'колхозники вернулись с пахоты'; ижор. sekretari tuli kurssiloilt o p p i h u m a s t (Junus 120) 'секретарь приехал с учебы с курсов' = эрз. секретаресь сась курсасто т о н а в т н е м с т э; кар. tuĺĺn pelvasta d e ŕ i m ä š t ä (Palmeos 66) 'я вернулся с прополки льна' = эрз. мон сынь лияназонь к о ч к о м с т о; кар. tòaš tuli veĺĺi šieldä toizešt mòašt t o r g u i m a š t (Saukkonen 32) 'опять вернулся брат с другой страны из торговли' = эрз. таго сась ялаксось лия масторсто, м и к ш н е м с т э; вепс. tuĺĺń l i š t m a s p ä (Kettunen I 497) 'я пришел из прореживания' = эрз. сынь вирень у р я д а м с т о.

Ш. Элатив образа действия

Как в мордовских, так и в прибалтийско-финских языках, слова, стоящие в форме элатива, могут употребляться для об-

означения способа совершения действия, а также для указания меры или степени действия или признака. Довольно часто в этой функции выступают наречия места в форме элатива. В данных случаях форма элатива выступает как средство образования новых наречий и выступает в словообразовательной функции, например, мокш. ж и в с т а калмафт 'похороненный живьем'; мокш. минь корхтаме б о й к а с т а 'мы говорим быстро'; эст. Mari kisendas k õ i g e s t j õ u s t 'Мари кричала изо всех сил' = эрз. Мари пиженсь мезе в и й с э (инес.); фин. puhua p u h t a a s t a s y d ä m e s t ä (РФС 776) 'говорить от чистого сердца' = эрз. кортамс весе с е д е й с т э; кар. juotti miehen j u o l a h a š t a (Kujola 3) 'напоила мужа ловко' = эрз. в е р к а с т о симдия мирдем; вепс. j u g e d a s r a d o s p e j kildub (Kettunen I 294) 'от тяжелой работы появится грыжа' = эрз. с т а к а с т о роботазь валги грыжа.

IУ. Э л а т и в п о л о ж е н и я, с о с т о я н и я

Слова в форме элатива выражают прекращение, изменение, устранение того или иного положения, состояния, указывают изменение в психическом состоянии кого-либо, перемену погоды, переход с одного этапа развития в другой, например, эрз. покштязо сыредмень пелев кармась п р е в с т э лиснеме 'дедушка его к старости лет стал выходить из ума'; мокш. сргоземс у д о м с т а 'проснуться от сна'; лив. ajāb∂d tānda ül'·z∂ m a' g g ∂ m ∂ s t (Saukkonen 33) 'будят его от сна' = эрз. стявтыть эйсэнзэ у д о м с т о; эст. tee hobune k a m m i t s a s t lahti 'освободи лошадь от пут' = эрз. нолдык лишменть т е р т ь с т э; вод. vā b∂ mentü m ē l e s s e (Ariste VL 44) 'однако не вышли из головы' = эрз. ансяк м е л ь с т э а лисни; фин. jalka taittui n i l k a s t a (Penttilä 397) 'нога вышла из суставов' = эрз. пильгем лись э з н е с т э; ижор. meri puhastui j ä i s t (Junus 74) 'море очистилось от льда' = эрз. ине ведесь солась э й с т э н т ь; кар. veikkoni matkoan kotih š l ū š p a š t a (Kujola I2) 'брат едет со службы домой' = эрз. лелям сы с л у ж б а с т о

кудов; вепс. e h t i n d a s spravitadas puhegil (Kettunen I 282) 'от хвори лечатся ворожбой' = эрз. ормадо (абл.) о р м а с т о лечават кортавтомасо.

У. Элатив времени

Слова, стоящие в форме элатива, могут указывать временные отношения, выражать время, с которого что-либо ведет свое начало или в течение которого действие продолжалось или продолжается. Время указывается с пределом или без указания его предела, отмечается исходный или конечный момент времени, возраст, части суток, времена года, праздники, календарные даты, например, эрз. сон в и ш к и н е с т э кода тонадсь викшнеме 'она уже с малых лет как научилась вышивать'; мокш. Тартуса мон эрян I 9 6 7 к и з о с т а сявомок 'в Тарту я живу с 1967 года'; мокш. в я р ж и с т а туян куду 'в среду уйду домой'; лив. ... lõlõd, kis āt sūomõ rov ama vana m̄adõltõks m u i n i z a i g š t i (Laanest 77) 'песни, которые являются самыми древними памятниками финского народа с древних времен' = эрз. морот, финтнэнь лецтнемат кезэрень пингень шкатнеде (абл.) ш к а т н е с т э; эст. põllutöötd kestavad k e v a d e s t sügiseni 'полевые работы продолжаются с весны до осени' = = эрз. т у н д о с т о саезь сёксес паксясо зярыя тев; вод. svädgad ajkavad r ä s t o g a s s a (Ariste VR I47) 'святки начинаются с рождества' = эрз. р о ш т о в а с т о саезь ушодови аштема ков; фин. vasta p u o l i y ö s t ä panin maata (Penttilä 398) 'только перед полночью заснул я' = эрз. анеяк п е л е в е с т э матедевинь; ижор. mõõ olimma skoulus 9-st t u n n i s t saa (Junus 97) 'мы были в школе с девяти часов' = эрз. минь ульнинек школасо в е й к с э ч а с т о саезь; кар. duwhana pruaznńiekka on s r o i č a š t a toispiäna (Tamme 86) 'второй день после троицы праздник душ' = эрз. оймень праздникесь т р о в и ц я н ь о м б о ц е ч и с т э н т ь; вепс. n o r e s väged aṅi äi (Kettunen I 293) 'в молодости сил много' = эрз. о д с т о виеть ламо.

УІ. Элатив материала

Слова в форме элатива в мордовских и в прибалтийско-финских языках указывают на предмет, материал, из которого что-либо производится, изготовляется, образуется, например, эрз. паро в и д ь м е с т э касы паро сюро 'из хороших семян вырастает хороший урожай'; мокш. т у м ъ с т ь доскатнь аф акшът (ОМД ІУ І02) 'из дуба доски не белые'; лив. p i e d à g ê s t t i e'dêt 'сделанный из сосны' = эрз. п и ч е с т э теезь; эст. samuti eluaeg kandis ta s e a-n a h a s t saapaid (Laanest 82) 'также всю жизнь носил он сапоги из свиной кожи' = эрз. истя ко эрямонзо перть якась сон тувонь к е д ь с т э теезь кемсэ; вод. pata on tehtü s a v v e s s a (Ariste VKG 29) 'горшок сделан из глины' = эрз. чакшось теезь с ё в о н ь с т э; фин. rintaneula on tehty k u l l a s t a (РФС 253) 'брошка сделана из золота' = эрз. сюлгамось теезь с ы р н е с т э; ижор. pertin katto tehtii r a v v a s t (Junus68) 'крышу дома сделали из железа' = эрз. кудопрянть теизь к ш н и-с т э; вепс. ševotan leibäd r u g e h i z e š t a j a u-h o š t a (Palmeos 3I) 'я затеваю хлеб из ржаной муки' = = эрз. кши теинь розень п о ч т с т о; кар. polovikkia kuduimmo r i b u š t a (Макаров-Рягоев І9)'половики ткали из тряпок' = эрз. попонат кодылинек п а н к с с т о.

УП. Элатив средства, орудия

Слова в форме элатива могут указывать средства передвижения, орудия, от которых исходит действие, например, эрз. атясь леднесь нармунтнень ланго н а л ч и р ъ к е с т э 'старик стрелял на птиц из лука'; мокш. колоньгемоньшка вайгяльбеда меле валгсть п о е з д с т а ловса валяф сетьме полустанканяс' (Атянин І65) 'проехав тридцать километров сошли с поезда на покрытый снегом полустанок'; ижор. mää oda kallaa r e e'e e s t (Porkka І45) 'иди принеси рыбу из саней' = эрз. азё совавт калт н у р д с т о; фин. käydä pois j u n a s t a (РФС 754) 'сойти с поезда' = эрз. валгомс п о е з д с т э; вепс. lapsid imetadas s o s k u s p e j (Kettunen I 283) 'ребенку дают

сосать из соски' = эрз. эйкакш потявтыть п о т е с т э = = эст. last imetatakse l u t i s t; вепс. lapsęt ⌣ päs-tęldazę puĭkol t ę̆ u g a s p ă ĭ (Kettunen I 283) 'ребята стреляют стрелами из лука' = эрз. эйкакштне ледныть налсо н а л ч и р ь к е с т э. Нужно отметить, что элатив в данной функции является малоупотребляемым падежом.

УШ. Э л а т и в и с т о ч н и к а

Слова в форме элатива могут указывать объект, источник информации, от которого что-либо получают, узнают, слышат, например, мокш. м о р о с т а кармаме содама ся пингодемть 'из песни стали знать об этом времени'; лив. letkē̆ aga äb uo võttǫn L ī v ǫ k i e l s t set sõnad (LRA II 61) 'латышский язык не заимствовал ли эти слова из ливского языка?' = эрз. а латышень келесь эзинзе сае нетъ валтнень л и в е н ь к е л ь с т э?; эст. ... ma vaatan r a a-m a t u s t järele (Ruubel 5) '...я посмотрю из книжки' = = эрз. варштаса к н и ж к а с т о; вод. ūsi võsi ęhtagōn arvottī t š i r j a s̄ (Ariste VR II) 'в ночь на новый год гадали из книжки' = эрз. од иень каршо вестэнть орожинильть к н и ж к а с т о; фин. ä ä n e s t ä s i kuuluu, että olet nuhassa (Хакулинен 208) 'по голосу (букв.: из голоса) слышно, что у тебя насморк' = эрз. в а й г е л ь-с т э т ь содави, что судокстомосоят; фин. saada tietää s a n o m a l e h d i s t ä :узнать из газет' = эрз. кармамс содамо г а з е т а с т о; ижор. mist k i r j a s t siä luit sen statjan? (Junus I00) 'из какой книги ты прочитал эту статью?' = эрз. кодамо к н и г а с т о ловнык тон те статьянть?; вепс. ługība k n i g a s p ę̆ j (Kettunen I 282) 'читал и в книге (из книги)' = эрз. ловность к н и г а с т о.

IX. С о м а т и ч е с к и й э л а т и в

Слова стоящие в форме элатива, указывают части тела, с которых что-либо берется, снимается, указывая при этом начало, конец прекращения контакта, находящегося с какими-либо предметами, вещами, например, эрз. (Эрз. Охонк.) стоп-

кась прась авань к е ц т э масторов ды колавсь 'стакан упал из рук матери и разбился'; мокш. п р я с т а н з а валтозе вазянц 'с головы своей снял он шапку'; лив. un ta·m v^{i}e·ddõn sie sù·orm̃ks s^{u}o·r m s t̃ u·lz̃ un pa·n̄t ku·mōt pa·l̃ (Mägiste 22) 'и он снял с пальца это кольцо и поставил на комод' = эрз. ды сон каизе те сурксонть с у р с т о н з о ды путизе комод ланго; эст. nad panid korvid s e l j a s t üles kiviaiale (Saluveer39) 'они сняли корзины со спины и поставили их на каменный забор' = эрз. (Эрз. Охонк.) сынь путызь к у т ь м е р ь с т э с т пещортнэнь кевень пирявт ланго; вод. sermuhsē t š ä j e s̄ vetan (Ariste VKG 29) 'из рук снимаю кольцо' = эрз. к е д ь с т э н ь каия сурксом; вод. s i·l m i s s ä tuli i k e·r v e s s a tuli (Kettunen Posti 34) 'и с глаз течет (идет), и из ушей течет (идет)' = эрз. с е л ь м с т э чуди, п и л е с т э чуди; фин. hammas irtautui s u u s t a (Penttilä 391) 'зуб выпал изо рта' = эрз. к у р г с т о прась пеезэ; ижор. vuńukka k ä r e s t vei (Ariste IK II) 'за руку вела внучка' = = эрз. нуцькам кедте, кедь вельде (абл.) ветимим; кар. kačomma, mikišihäldä š o r m i l o i s t a veŕi tippuw (Макаров I45) 'смотрим у Микитихи из пальцев кровь капает' = эрз. вантанок, Микита бабань с у р с т о верь чуди; вепс. oťiń sonzrən k a ž i s p ä j (Kettunen I 283) 'поймал блоху на спине (со спины) у кошки' = эрз. (Эрз. Охонк,) катканть к у т ь м е р ь с т э кундынь чучака.

X. Элатив с аблативно-партитивным значением

В данном случае слова в форме элатива указывают определенную совокупность, о части которой идет речь, например, эрз. тесэнь э р и ц я т н е с т э монь кияк аздасамам 'из здешних жителей меня никто не знает'; эрз. (Эрз. Охонк.) сондэ колмо ц ё р а с т о кадовсь вейкине 'у нее из трех сыновей остался только один' = мокш. колма ц ё р а с т а кадовсь фкя; лив. Amadõn Andi ändiz sütäud ents v õ i d a g s l ē b a s t (Laanest 80) 'Анди дал всем по кусочку из своих бутербродов' = эрз. Анди максь эрьвейкенень

сускомонь сускомонь б у т е р б р о д с т о н з о; эст. üks liige p e r e k o n n a s t peab sinna minema 'один из членов семьи должен идти туда' = эрз. вейкенте с е м и я с т о н т ь эряви молемс тов; фин. leikata l e i v ä s t ä pala (РФС 496) 'отрезать ломоть от буханки' = эрз. печкемс к ш и с т э палт; ижор. Ivanov ono koko školun o p p i l a p s i s t kaikiis hyvä (Junus 75) 'из всех учеников школы Иванов самый хороший' = эрз. Иванов оно все т о н а в т н и ц я т н е с т э школасонть сехте паро; кар. kolme sadoa mänet'it k o l m e s t a e l ä v ä s t ä (Kujola 29) 'из-за трех живых у тебя триста пропало' = = эрз. колмосядт ёмасть колмо э р и ц я т н е с т э; вепс. nu, kem m e i š nügüd vinovat (Laanest 80) 'но кто из нас теперь виноват' = эрз. но,кие э й с т э н е к ней чумось.

XI. Э л а т и в о п р е д е л е н и я

Слова в форме элатива указывают характеристику предмета, лица или раскрывают его признак по происхождению, принадлежности к коллективу, организации, месту, территории и т.п., например, эрз. ш а б р а с т о саинь венч 'лодку взял я у соседа'; мокш. о ш с т а ломань 'человек из города'; лив. ala vaňťí miezt̜ k y b a r t̜ s t (LRA II 39) 'не суди о мужчине по шляпе' = эрз. иля вано цёра шляпава (прол.) ш л я п а с т о; эст. mis r a h v u s e s t sina oled? 'ты кто по национальности?' = эрз. кодамо н а ц и о н а л ь н о с т ь с т э я т?; эст.... mees k ü l a s t oli väga villane (Saluveer 39) 'мужчина из села был очень прост' = эрз. в е л е с т э сазь цёрась ульнесь чавала; фин. hän on syntyisin K a r j a l a s t a (РФС 253) 'он родом из Карелии' = эрз. чачомазо сонзэ К а р е л и я с т о; фин. hän on t y ö l ä i s p e r h e e s t ä (РФС 253) 'он из рабочей семьи' = эрз. сон робочеень с е м и я с т о.

В статье рассматривались только общие функции элатива мордовских и прибалтийско-финских языков. Приведенные выше функции элатива являются довольно продуктивными в мордовских и в прибалтийско-финских языках. Нужно отметить, что

функции места, времени, материала являются более употребительными как в мордовских, так и в прибалтийско-финских языках, нежели, например, функция средства, или аблативно-партитивный элатив. Элатив в мордовских языках может соответствовать по своему значению элативу и аблативу прибалтийско-финских языков. Отсутствие, или как пишет Б.А. Серебренников[3], исчезновение серии внешнеместных падежей в мордовских языках способствовало сильному увеличению количества послелогов, которые дают возможность выражения иногда очень тонких нюансов различных пространственных отношений и в полной мере компенсируют утраченные в мордовских языках серии внешнеместных падежей.

Нет сомнения, что рассмотренные функции являются древними, генетически общими, имевшими место уже в период прибалтийско-финно-волжской языковой основы и являются первичными функциями элатива прибалтийско-финских и мордовских языков. А функции, являющиеся не общими, по всей вероятности, - более позднего происхождения, т.е. развившиеся уже после распада прибалтийско-финно-волжского языка-основы, и являются результатом индивидуального развития языков; это - вторичные функции, которые в данной статье не рассматривались.

Сокращения

Атянин = Ф. А т я н и н, Мзярда кенерить мархне. Саранск,1963; Виард = В. В и а р д, Пси нецляши. Саранск, 1970; Зайцева-Муллонен = М. З а й ц е в а, М. М у л л о н е н, Образцы вепсской речи. Ленинград, 1969; Левчаев = П. Л е в ч а е в, Стирнят-якстернят. Саранск, 1967; Лихтибрят = Л и х т и б р я т, Мокшень расскаст. Саранск, 1966; Макаров = Г. М а к а р о в, Образцы карельской речи (калининские говоры). Москва-Ленинград, 1963; Макаров-Рягоев = Г. М а к а р о в, В. Р я г о е в. Образцы карельской речи, говоры ливвиковского диалекта карельского языка. Петрозаводск, 1971; ОМД IУ = Очерки мордовских диалектов IУ. Са-

[3] Б.А. С е р е б р е н н и к о в. Указ. работа, стр. 39.

ранск, 1966; Хакулинен = Л. Х а к у л и н е н, Развитие и структура финского языка II. Лексикология и синтаксис. Москва, 1955; ФРС = Финско-русский словарь под редакцией О.В. К у к к о н е н, Х.И. Л е х м у с и И.А. Л и н д р о с. Москва, 1955; РФС = Русско-финский словарь под редакцией М.Э. К у у с и н е н а и В.М. О л л ы к а й н е н. Москва, 1963; Эрз. Охонк. = Эрзянь Охонькина (с. Мордовское Афонькино) Черемшанского района Татарской АССР.

Ahlqvist = A. A h l q v i s t, Wotisk grammatik. Helsingfors, 1855; Ariste IK = P. A r i s t e, Isuri keelenäiteid. - Keele ja Kirjanduse Instituudi Uurimused V. Tallinn, 1960; Ariste VK = P. A r i s t e, Vadja keelenäiteid. Tartu, 1941; Ariste VKG = P. A r i s t e, Vadja keele grammatika. Tartu, 1948; Ariste VL = P. A r i s t e, Vadjalaste laule. Tallinn, 1960; Ariste VR = P. A r i s t e, Vadja rahvakalender. Tallinn, 1969; Junus = V. J u n u s, Ižoran keelen grammatika. Morfologia. Moskva-Leningrad, 1936; Kettunen I = L. K e t t u n e n, Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus. Helsinki, 1943; Kettunen VKÄ = L. K e t t u n e n, Vatjan kielen äännehistoria. Helsinki, 1930; Kettunen-Posti = L. K e t t u n e n, L. P o s t i, Näytteitä vatjan kielestä. Helsinki, 1932; Kont = K. K o n t, Käänded läänemere-soome keeltes. Tartu, 1947 (рукопись, кафедра эстонского языка, Тартуский государственный университет); Kujola = J. K u j o l a, Karjalan kielen opas. Helsinki, 1922; Laanest = A. L a a n e s t, Sisekohakäänete vormis esinevatest nimisõnalistest atribuutidest läänemere-soome keeltes. - Eesti NSV Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituudi Uurimused V. Tallinn, 1960; Leskinen = E. L e s k i n e n, Karjalan kielen näytteitä I. Tverin ja Novgorodin karjalaa (= SKST 193). Helsinki, 1932; LRA = Līvõd Rāndalist Aigarantoz. 1934. āigastoņ. Rīga, 1934. Mägiste = J. M ä g i s t e, Liivi läisiä tekstejä. Helsinki, 1964; Pajusalu = E. P a j u s a l u, Ülevaade läänemere keelte ablatiivi funktsioonidest. - Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised VI. Ühiskonnateaduste seeria. Tallinn, 1957, стр. 133-153. Pal-

meos = P. P a l m e o s, Karjala Valdai murrak. Tallinn, 1962; Penttilä = A. P e n t t i l ä, Suomen kielioppi, Porvoo-Helsinki, 1963; Porkka = V. P o r k k a, Ueber den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors, 1855; Roosaar = L. R o o s a a r, Elatiiv eesti keeles. Tartu, 1957 (рукопись, кафедра эстонского языка, Тартуский государственный университет); Ruubel = H. R u u b e l, Elatiivi funktsioonidest eesti keeles. Tartu, 1948 (рукопись, кафедра эстонского языка, Тартуский государственный университет); Saar = J. S a a r, Elatiivi tähenduslikud funktsioonid eesti keeles. Tartu, 1947 (рукопись, кафедра эстонского языка, Тартуский государственный университет); Saluveer = V. S a l u v e e r, Sise- ja väliskohakäänete tähenduslikud funktsioonid eesti keeles. Tartu, 1958 (рукопись, кафедра эстонского языка, Тартуский государственный университет); Saukkonen = P. S a u k k o n e n, Itämerensuomalaisten kielten tulosijainfinitiivirakenteiden historiaa. I. Helsinki, 1965; Sõmmer = A. S õ m m e r, Väliskohakäänete tähendusfunktsioonid karjala keele kalinini murdes. Tartu, 1968 (рукопись, кафедра финно-угорских языков, Тартуский государственный университет); Tamme = T. T a m m e, Sisekohakäänete tähendusfunktsioonid karjala keele kalinini murdes. Tartu, 1967 (рукопись, кафедра финно-угорских языков, Тартуский государственный университет); TLL = Teine liivi lugemik (= Akadeemilise Emakeele Seltsi Toimetised). Tartu, 1922.

V. D a n i l o v
(Tartu)

THE ELATIVE AND ITS FUNCTIONS IN MORDVINIAN AND BALTO-FENNIC LANGUAGES

S u m m a r y

Both in the Mordvinian and Balto-Fennic languages the elative seems to be g-case of internal place, indicating the starting point of an action, departure, provenance. Apart from the main function of designating place, the elative has also many other functions, which are universal and non-universal in the Mordvinian and Balto-Fennic languages.

The elativ of p l a c e . It indicates the initial place of an action, which may be both concrete, definite and indefinite. The elative of a c t i o n , a c t i v i t y . Words in the case-form of the elative can indicate various processes of work, the kind of work, the object of an action to which people come, leave or return. The elative of the m o d e o f a c t i o n . In this function words in the elative case-form can be used for designating the mode of performing an action, and also for indicating the measure and degree of an action or property. The elative of c o n d i t i o n , s t a t e . It expresses the discontinuance, alternation and removal of a condition or state; it also indicates a change in somebody's psychical condition, a change in weather, transition from one stage of development to another. The elative of t i m e . Words in the elative can indicate temporary attitudes or express the time when something came into existence, or the duration of an action. The elative of m a t e r i a l . Words in the case-form of the elative indicate the material of which something is being produced, manufactured or formed. The elative of m e a n s . It indicates the means of conveyance, implements from which an action proceeds. The elative of o r i g i n . It indicates the source of information from which something has been received, learned or heard.

З.М. Дубровина
(Ленинград)

ЗАКОН СООТНЕСЕННОСТИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ ИНФИНИТИВНЫХ И ПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучая относящиеся к глаголу-сказуемому именные обстоятельства, выраженные либо обстоятельственными падежами имен существительных, либо выступающими в генетиве или партитиве существительными с послелогами или предлогами, П. Сиро установил, что формальные элементы таких обстоятельств (по терминологии П. Сиро – квазипредикаты), окончания обстоятельственных падежей, послелоги или предлоги, в ряде случаев могут указывать на определенную связь оформленного ими слова с подлежащим или прямым дополнением глагола-сказуемого. Например, в предложениях Ruoka on pöydällä 'Еда на столе', Poika tulee huoneeseen 'Мальчик приходит в комнату', Laiva lähtee laiturista 'Пароход отчаливает от пристани' падежные окончания -lla, -seen и -sta указывают на место, где находится, куда приходит и откуда удаляется субъект, т.е. соотносят грамматическое обстоятельство с подлежащим предложения.

Сравнивая роль такого типа именных обстоятельств при непереходных и переходных глаголах, П. Сиро обнаружил следующую закономерность, которую он назвал законом соотнесенности (suhdesääntö): "квазипредикат относящегося к глаголу грамматического обстоятельства в интранзитивном предложении указывает на подлежащее, а в транзитивном предложении на прямое дополнение."[I] Закон этот можно пояснить

[I] P. S i r o, Suomen kielen lauseoppi. Helsinki, 1964, стр. 28.

следующим примером. В интранзитивном предложении Poika tulee huoneeseen 'Мальчик приходит в комнату' и в транзитивном предложении Minä lähetän pojan huoneeseen 'Я отправляю мальчика в комнату' есть одна и та же связь poika - huoneeseen 'мальчик - в комнату', но в первом случае обстоятельство huoneeseen соотносится с подлежащим, а во втором случае - с прямым дополнением глагола-сказуемого.

Распространенность этого закона на различные типы именных обстоятельств подробно не изучена. Наиболее последовательно этому правилу подчиняются обстоятельства места, имеющие формы внутренне-местных и внешне-местных падежей, а также многие обстоятельства места, выраженные конструкциями с послелогами или предлогами. П. Сиро отмечает, что этому закону не подчиняются, например, обстоятельства образа и способа действия (Rahalla saa ja hevosella pääsee 'На деньги получишь, на коне доедешь') и обстоятельства времени (Kesävieraat olivat heinätöissä useana päivänä 'Дачники были на сенокосе несколько дней').[2] Ряд уточнений и ограничений этого закона приводит М. Садениеми.[3]

В задачи настоящей работы не входит уточнение сферы действия закона соотнесенности в области именных обстоятельств. Здесь важно констатировать только тот факт, что в финском языке имеется тип грамматических обстоятельств (в основном это обстоятельство места), роль которых в предложении зависит от переходности или непереходности глагола-сказуемого, к которому они относятся. В интранзитивном предложении они сообщают что-то о подлежащем, а в транзитивном предложении - о прямом дополнении глагола-сказуемого.

Поскольку финские инфинитивы имеют более или менее четко сохранившуюся падежную форму (часто форму местных падежей) и прилагательное употребление, закон соотнесенности может распространяться и на них. Есть немало таких инфинитивов, роль которых в предложении определяется переходностью или непереходностью основного глагола, которому они

---

[2] P. S i r o, Указ. соч., стр. 28.

[3] M. S a d e n i e m i, Uusi lauseoppi. - Virittäjä 1966, стр. 141-142.

подчиняются. По аналогии с инфинитивами этот закон распространяется также на некоторые причастные конструкции.

Между подчиненными глаголу-сказуемому именными обстоятельствами, с одной стороны, и инфинитивами и причастиями, с другой стороны, есть существенная разница. Подчиняющиеся закону соотнесенности именные обстоятельства сообщают чаще всего данные о месте действия, совершаемого субъектом или объектом глагола-сказуемого. Инфинитив же и причастие обозначают не место, а действие (которое, правда, благодаря окончаниям местных падежей может быть представлено как выразитель определенных локальных отношений) и, в силу своей глагольной природы, могут иметь в предложении обозначение исполнителя, объекта и различных обстоятельств этого действия. Таким образом, выступая при финитной форме глагола, инфинитив и причастие могут образовать в составе основного предложения дополнительное ядро предикации, которое может вступать в различные отношения с основным ядром предикации, выраженным финитной формой глагола. Все члены предложения, которые обычно объединяются вокруг сказуемого, выраженного финитной формой глагола, могут иметь свои соответствия и при именной форме глагола. Часть из них может быть выражена так же, как и при финитном глаголе, а другая часть может иметь свое специфическое выражение, свойственное только инфинитивной или причастной конструкции, являющейся эквивалентом предложения.

Отличительная особенность инфинитивных и причастных конструкций, подчиняющихся закону соотнесенности, состоит в том, что инфинитив или причастие в них обязательно имеют логическую соотнесенность либо с подлежащим, либо с прямым дополнением основного глагола, которое одновременно обозначает субъект, объект или какое-либо обстоятельство действия, выраженного инфинитивом или причастием. Такая конструкция тесно связана с основным предложением, так как один из ее членов находит свое выражение либо в подлежащем, либо в прямом дополнении основного глагола.[4] В зависимости от то-

[4] В дальнейшем этот член, грамматически входящий в основное предложение, а логически также - в инфинитивную или причастную конструкцию, будет выделяться разрядкой, а соотносящийся с ним инфинитив или причастие и остальные объединяющиеся вокруг него члены - прерывистой чертой.

го, какой из членов инфинитивной или причастной конструкции представлен подлежащим или прямым дополнением основного глагола, можно различать три типа соотнесенных конструкций.

I. Подлежащее или прямое дополнение основного глагола обозначает также исполнителя действия, выраженного инфинитивом

В таких конструкциях употребляются иллативная, инессивная и элативная формы III инфинитива, служащие для обозначения действия, к которому кто-то приступает, которое кто-то исполняет или перестает исполнять.

А. В предложениях с глагольным сказуемым

I) При непереходном глаголе иллат., инесс. и элат. формы III инфинитива обозначают действие, исполнителем которого является субъект действия, выраженного основным глаголом.

Примеры:[5] (с илл. ф. III инф.) J u h a riensi kaivolle tuoppia pesemään (J. Aho) 'Ю. побежал к колодцу помыть кружку', A n t t i lähti noutamaan Hyvärilästä tulitikkuja (M. Lassila) 'А. отправился захватить в Хювяриля спичек', L a m p p u jäi tuolille palamaan (A.Järnefelt) 'Лампа осталась гореть на стуле', Seuraavina vuosina innostui E l l i lukemaan (J. Aho) 'В последующие годы Э. пристрастилась читать', S i n ä olet syntynyt rakastamaan (M. Waltari) 'Ты рождена любить'; (с инесс. ф. III инф.) A n n a oli perunoita kuorimassa (V. Meri) 'А. чистила картошку', L a u r a oli panemassa nukkea laatikkoon (T. Pakkala) 'Л. укладывала куклу в коробку', M i n ä olin juuri lukemassa kirjaa (P. Rintala) 'Я как раз читал книгу', E i n a r i istui kivellä onkimassa (M. Merenmaa) 'Э. сидел на камне и удил'; (с элат. ф. III инф.) T i t t a oli tullut rannasta vaatteita pesemästä (A. Järnefelt) 'Т. прицла с оерега, где стирала белье (букв. из стрирания белья)', K u s t a a palasi saattamasta hevosia hakaan (F. E. Sillanpää) 'К. возвратился,

[5] Более обширный фактический материал см. в книге З.М. Д у б р о в и н а, Инфинитивы в финском языке. Ленинград, 1972, в главах, посвященных соответствующим инфинитивам.

отведя (букв. из отведения) лошадей в загон', Hän lakkasi veistämästä (J. Aho) 'Он перестал строгать'.

2) При переходном глаголе иллат., инесс. и эл. формы III инфинитива обозначают действие, исполнителем которого является объект действия, выраженного основным глаголом.

Примеры: (с иллат. ф. III инф.) Akseli sai E l i n a n k i n lähtemään illalla kokoukseen (V.Linna) 'А. добился того, что Э. тоже пошла вечером на собрание', Heikki jätti h e i d ä t kahdenkesken juttelemaan 'Х. оставил их беседовать вдвоем', Hän pani s i l i t y s r a u d a n kuumenemaan (M. Merenmaa) 'Она поставила греться утюг', Hän neuvoi m i n u a asettumaan Leipzigiin (E. Kalima) 'Он посоветовал мне остановиться в Лейпциге', Hän innosti m i n u a kirjoittamaan (M. Waltari) 'Она вдохновляла меня писать'; (с инесс. ф. III инф.) Juha näkee M a r j a n lähestymässä tuvan rappusia (J. Aho) 'Ю. видит, как М. приближается к крыльцу дома'; Kujalla kohtasi hän p r i n s s i n sikoja paimentamassa (R. Roine) 'В аллее он встретил принца, пасущего свиней', Yhdelle seinälle hän maalasi laivansa kuvan, i t s e n s ä komentokannella seisomassa sekä p r i n s e s s a n juuri alukseen astumassa (R. Roine) 'На одной стене он написал изображение своего корабля, себя стоящим на капитанском мостике и принцессу как раз вступающую на корабль'; (с элат. ф. III инф.) A s u k k a a t päästettiin veroa maksamasta (NS) 'Жителей освободили от уплаты налога', Vain kohteliaisuus pidätti m i n u a sanomasta (M. Waltari) 'Лишь вежливость помешала мне сказать'.

В. В предложениях с именным сказуемым

I) В интранзитивном предложении иллат. ф. III инф. выражает действие, исполняемое субъектом основного глагола. Например: M i n ä olen valmis lähtemään milloin hyvänsä (A. Järnefelt) 'Я готов отправиться когда угодно', P o i k a oli nokkela oppimaan (R. Roine) 'Мальчик был проворен в учебе (букв. учиться)', H ä n ei ollut koskaan halukas kertomaan sukupuustaan (M. Larni) 'Он никогда не имел желания (букв. не был охоч) рассказывать о своем родословном древе'.

2) В транситивном предложении иллат. ф. Ш инф. выражает действие, исполняемое объектом основного глагола. Например: Sain h ä n e t uteliaaksi tietämään asiasta enemmän 'Я вызвал в нем любопытство (и желание) узнать об этом (деле) побольше (букв. я сделал его любопытным узнать ...)', Sain s i n u t valmiiksi lähtemään 'Я добился того, что ты готов отправиться (букв. я получил тебя готовым отправиться)'.

П. Подлежащее или прямое дополнение основного глагола обозначает также объект действия, выраженного причастием или инфинитивом

Иллативной форме Ш инф., выражающей действие, совершаемое субъектом или объектом основного глагола, противостоит транслативная форма пассивного причастия наст. вр., выражающая действие, которому подвергается субъект или объект основного глагола. Предложениям L ä ä k ä r i tuli (suostui) tutkimaan lasta 'Врач (пришел) согласился обследовать ребенка' и Minä toin (suostutin) l ä ä k ä r i n tutkimaan lasta 'Я привел (уговорил) врача обследовать ребенка' противостоят предложениям L a p s i tuli (suostui) lääkärin tutkittavaksi 'Ребенок пришел (согласился) подвергнуться врачебному обследованию' и Minä toin (suostutin) l a p s e n lääkärin tutkittavaksi 'Я привел (уговорил) ребенка подвергнуться врачебному исследованию'. Не случайно упомянутые инфинитив и причастие употребляются в сочетании с одними и теми же лексико-семантическими группами глаголов. Взаимное смысловое противопоставление двух указанных именных форм глагола можно видеть и в следующем примере, где обе они соотносятся с одним и тем же словом sitä, но причастие обозначает действие, которому подвергается то, что выражено этим словом, а иллат. ф. Ш инф. – действие, совершаемое тем, что обозначено этим словом: Ei minulla ollut sydäntä hylätä s i t ä (k o i r a a) maailman potkittavaksi ja tienaamaan poloista leivänpalaansa ruopimalla multasieniä metsässä (M. Waltari) 'У меня не хватило духу бросить ее (собаку) под ноги людям (букв. чтобы она была пинаема светом) (и) зарабатывать свой горький кусок хлеба откапыванием трюфелей в лесу'.

I) При непереходном глаголе причастие обозначает действие, которому подвергается субъект основного глагола. Например: Silloin u k k o kimmastui, kun oli antautunut niin helposti narrettavaksi (R. Roine) 'Тогда старик вспылил, что дал себя так легко одурачить', T y t t ö ei liioin udellut miehen nimeä vaan suostui pois vietäväksi (R. Roine) 'Девушка не очень интересовалась именем мужчины, а согласилась, чтобы ее увезли (букв. быть увезенной)'.

2) При переходном глаголе причастие обозначает действие, которому подвергается объект основного глагола. Например: Kuningas määräsi silloin h e v o s e n s a ajettavaksi tytön luokse (R. Roine) 'Тогда король приказал, чтобы его лошадь пригнали к девушке', Muutamassa päivässä Lopo oli saanut k a i k k i myydyksi (M. Canth) 'За несколько дней Л. сумела все распродать', Anttoo kieltäytyi jyrkästi antamasta p o i k a a sinne kiusattavaksi (V. Linna) 'А. категорически отказался отдать туда мальчика на муки (букв. чтобы его мучили)'.

Для выражения действия, которому не подвергается субъект или объект основного глагола, иногда употребляется абессивная форма III инф., которая в этих случаях также подчиняется закону соотнесенности. Например:

I) При непереходном основном глаголе: K i r j a jäi lukematta 'Книга осталась непрочитанной', Vaikka oli paras kylvön aika, lepäsivät p u o l e t E g y p t i n p e l l o i s t a kyntämättä (M. Waltari) 'Хотя было самое время сева, половина полей Египта была невспаханной', Polttamatta jäi p a p e r o s s i k i n, panematta l u s i k a t kaappiin ja pesemättä piialta a s t i a t (J. Aho) 'Невыкуренной осталась папироса, неубранными в шкаф ложки, невымытой у прислуги посуда'.

2) При переходном основном глаголе: Jätin k i r j a n lukematta 'Я оставил книгу непрочитанной', S e n m i n k ä lakkolaiset jättivät ostamatta sen ostivat tehtaan uudet työläiset (T. Pakkanen) 'То, чего не покупали бастующие, то покупали новые рабочие завода'.

III. Подлежащее или прямое дополнение основного глагола обозначает также объект или какое-либо обстоятельство действия, выраженного инфинитивом (или причастием)

Сюда относятся финальные конструкции с краткой (иногда долгой) формой I инфинитива, служащей для выражения назначения предмета.[6] Такие конструкции выступают в предложениях, где речь идет о наличии (отсутствии), появлении (создании) или исчезновении (уничтожении) предмета, места, орудия, времени и т.п. условий, необходимых для совершения действия, выраженного инфинитивом. Выступающие в качестве подлежащего или прямого дополнения основного глагола существительное обычно обозначает конкретный предмет (или конкретное пространственно-временное представление), а соотносящийся с ним инфинитив - назначение этого предмета.

А. В предложениях с глагольным сказуемым

I) При непереходном глаголе кр. ф. I инф. обозначает действие, которому подвергается, или местом, временем, орудием и т.п. обстоятельством, необходимым для совершения которого, является субъект действия, выраженного основным глаголом. Например: Mutta minulla ei ollut l e i p ä ä antaa hänelle (M. Waltari) 'Но у меня не было хлеба (чтобы) дать ему', On p u i t a metsässä tuhmankin turmella (Sl.) 'Хватает в лесу деревьев, (чтобы) и глупому (их) портить', Kenellä on k o r v a t kuulla ... Kenellä on s i l m ä t nähdä ... (T. Pekkanen) 'У кого есть уши, (чтобы) слышать... У кого есть глаза, (чтобы) видеть...', Siell' on s u o h u t sorkutella, K a n e r v i k k o kaalaella (Kalevala) 'Там есть болотце, (чтобы) ходить (скоту), бор, (чтобы) бродить', Ja on tässä t i l a a opettajankin asua (J. Aho) 'Да здесь достаточно места,

---

[6] См. З.М. Д у б р о в и н а, Финальные конструкции с краткой формой I инфинитива в финском языке. - СФУ У 1969, стр. 265-284.

(чтобы) и учителю жить', Vielä on i l t a a istua ja poltella (J. Aho) 'Хватает еще вечера, (чтобы) сидеть и курить'.

2) При переходном глаголе кр. ф. I инф. обозначает действие, которому подвергается, или местом, временем, орудием и т.п. обстоятельством, необходимым для совершения которого, является объект действия, выраженного основным глаголом. Например: Isä toi o m e n o i t a lasten syödä (E.N.Setälä) 'Отец принес яблок, (чтобы) детям (их) поесть', Punovat punaista k ö y t t ä Sitoa meri sininen (Kanteletar) 'Они вьют красный канат, (чтобы) связать (им - канатом) синее море', Säre v e i t s e s i kivehen Syöä sulholta lihoa. Viiltä vehnäpiirasia (Kanteletar) 'Разбей свой нож о камень, (чтобы) (не) есть у жениха мясо, не отрезать пшеничных пирогов', Luatiomme p i i l o p i r t t i Neien kangasta kutoa (Kalevala) 'Давайте сделаем потайную избу, (чтобы) (в ней) девушке ткать полотно'.

Вместо кр. ф. I инф. может иногда выступать долг. ф. I инф., которая в этих случаях также подчиняется закону соотнесенности. Например: I) (при непереходном глаголе) On o l u t t a juodaksesi Sekä m e t t ä syödäksesi 'Хватает (букв. есть) пива, (чтобы) тебе попить, а также меда (чтобы) тебе поесть'; 2) (при переходном глаголе) Saat o l u t t a juoaksesi, Lestyn l e i v ä n syöäksesi (Kanteletar) 'Ты получишь пива, (чтобы) тебе попить, обдирный хлеб, (чтобы) тебе поесть'.

Когда речь идет об объекте, необходимом для совершения какого-то действия, вместо кр. ф. I инф. может употребляться пассивное причастие настоящего времени в форме транслатива. Например: I) (при непереходном глаголе) Heillä oli l e i p ä ä haukattavaksi ja p i i m ä ä ryypättäväksi (P. Haanpää) 'У них хватало (букв. было) хлеба, (чтобы) покушать, и простокваши, (чтобы) попить', Ei minulla enää ole l a h j o j a annettavaksi (M. Waltari) 'У меня больше нет подарков, (чтобы) (их) раздавать'; 2) при переходном глаголе) Tuoppa m e t t ä, tuo o l u t t a Orja raukan juotavaksi (Kanteletar) 'Принеси-ка меда, принеси пива, (чтобы) попить бедняге-рабу'.

В. В предложениях с именным сказуемым

I) В интранзитивном предложении кр. ф. I инф. соотносится с субъектом основного глагола. Например: Kevä̈inen t i e ei aina ollut kevyt kulkea (P. Haanpää) 'По весенней дороге не всегда было легко идти (букв. весенняя дорога не всегда была легка идти)', L i n n a kävi ahtaaksi asua (M. Waltari) 'Замок стал тесен для проживания (букв. жить)'.

2) В транзитивном предложении кр. ф. I инф. соотносится с объектом основного глагола. Например: Sateet tekivät t i e n raskaaksi kulkea 'Дожди сделали дорогу труднопроходимой (букв. трудной идти)', ... se teki i l m a n viileäksi ajaa (J. Aho) ... это сделало воздух прохладным для езды (чтобы ехать)', Ajan levottomuus teki m a a n polttavaksi astua (M. Waltari) 'Неспокойное время заставило землю гореть под ногами (букв. сделало землю горячей ступать)'.

Нам кажется, что приведенный материал позволяет говорить о законе соотнесенности как об одном из важнейших принципов построения инфинитивных и причастных конструкций финского языка. Среди выступающих в составе основного предложения инфинитивных и причастных конструкций, эквивалентных предложениям, можно отметить два самых распространенных типа:

I. Более свободные н е с о о т н е с е н н ы е к о н с т р у к ц и и, в которых каждый член имеет свое специальное выражение. Таковы прежде всего причастные конструкции, заменяющие объектное и субъектное предложение, временные конструкции с инессивной (иногда инструктивной) формой П инфинитива и партитивной формой П причастия пассива, выражающие цель действия финальные конструкции с долгой формой I инфинитива. Такие конструкции безоговорочно относятся всеми авторами к числу эквивалентов предложений (lauseenvastikkeet).

2. С о о т н е с е н н ы е конструкции, один из членов которых находит свое выражение в подлежащем или прямом дополнении основного предложения. Такие конструкции были рассмотрены в данной статье. Вопрос о принадлежности таких конструкций к числу эквивалентов предложений (lauseen-

vastikkeet) специально не рассматривался. О. Икола исключает такие конструкции из числа эквивалентов предложений.[7]

---

[7] O. I k o l a, Lauseenvastikkeista ja upotetuista lauseista. - Sananjalka 13. Turku, 1971, стр. 45.

Z. M. D u b r o v i n a
(Leningrad)

SUHDESÄÄNTÖ JA SEN VAIKUTUSPIIRI SUOMEN INFINITIIVI- JA PARTISIIPPIRAKENTEISSA

T i i v i s t e l m ä

Suomen kielen lauseopissaan (ss. 26-28) P. Siro tähdentää, että suomen kielessä on olemassa verbin adverbiaalimääräyksiä, joiden muodollinen aines (paikallissijan pääte, postpositio tai prepositio) viittaa intransitiivisessa lauseessa subjektiin ja transitiivisessa lauseessa objektiin. Tätä sääntöä P. Siro nimittää suhdesäännöksi. Esimerkiksi lauseissa Poika tulee huoneeseen ja Minä lähetän pojan huoneeseen on neksuksen luonteinen suhde poika – huoneeseen, mutta intransitiivisessa lauseessa adverbiaali viittaa subjektiin ja transitiivisessa lauseessa objektiin.

Koska monelle suomen kielen infinitiiville on ominaista paikallissijamuoto ja adverbiaalinen käyttö, suhdesääntö pätee myös niiden suhteen. On olemassa useampia infinitiivimuotoja, joiden tehtävä lauseessa riippuu pääverbin transitiiviudesta tai intransitiiviudesta. Jotkut partisiippirakenteet myös noudattavat tätä sääntöä. Suhdesäännön alaisten infinitiivi- ja partisiippirakenteiden tärkein tunnusmerkki on se, että infinitiivillä tai partisiipilla ilmaistun toiminnan subjekti, objekti, välikappale, paikka, aika tai joku muu seikka on loogisesti edustettuna joko intransitiivisen peruslauseen subjektissa tai transitiivisen peruslauseen objektissa.

Kirjoituksessa tarkastellaan suhdesäännön alaisia infinitiivi- ja partisiippirakenteita sen mukaan mikä näiden rakenteiden jäsenistä on edustettuna päälauseen subjektissa tai objektissa, johon verbin nominaalimuoto viittaa.

1. Peruslauseen subjekti tai objekti edustaa samalla infinitiivirakenteen subjektia. Tällaisia ovat rakenteet III infinitiivin illatiivi-, inessiivi- ja elatiivimuodon kanssa (Poika menee lukemaan; Poika on lukemassa; Poika tulee lukemasta - Hän lähettää pojan lukemaan; Hän näkee pojan lukemassa; Hän kutsuu pojan lukemasta).

2. Peruslauseen subjekti tai objekti edustaa samalla partisiippi- tai infinitiivirakenteen objektia. Näissä rakenteissa esiintyy passiivin I partisiippi translatiivimuodossa (Poika meni lääkärin tutkittavaksi - Minä vein pojan lääkärin tutkittavaksi), joskus myös III infinitiivin abessiivimuoto (Kirja jäi, unohtui lukematta - Minä jätin, unohdin kirjan lukematta).

3. Peruslauseen subjekti tai objekti edustaa samalla infinitiivi- tai partisiippirakenteen objektia tai seikkamääräystä. Näissä rakenteissa käytetään I infinitiivin lyhyempää (joskus pitempääkin) muotoa sekä passiivin I partisiipin translatiivia (tai essiiviä) (Meillä on leipää syödä - Isä toi leipää lasten syödä; Täällä on tilaa tanssia - He saivat tilaa tanssia).

А.С. Е г о р о в а
(Тарту)

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКОВ (МОРДОВСКИХ И РУССКОГО)

За последние годы особенно большое внимание уделяется проблематике языковых контактов, в частности, вопросам двуязычия, т.е. владения двумя языками и регулярного переключения с одного на другой в зависимости от ситуации общения.[I] Ученые всех стран мира широко обсуждают вопросы общесоциологического, теоретического и практического значения (см. работы советских ученых: О. Ахмановой, П. Аристэ, Ю. Дешериева, Э. Пялль, Г. Керт, К. Ханазарова и др.; зарубежных авторов: У. Вайнрайха, Э. Хаугена, А. Вейса, Д. Рубина, Д. Рейфилда, Н. Хансегарда и др.). Понимание природы и функционирования двуязычных обществ необходимо для решения ряда как практических проблем в национальной политике, так и теоретических в изучении культурных контактов и культурных изменений. Исследователи таких билингвистических обществ констатируют, что ведущую роль в развитии билингвизма играют культурные, политические и социальные факторы. Многие из этих факторов, дающие языку статус "доминирующего" - его важная роль в общении, его значение для социального продвижения и т.д. - навязываются человеку окружающей средой. Более того, окружающая среда может закрепить даже за каждым языком определенные темы и типы собеседников единым для всей группы образом. В одних обществах двуязычие находится под подозрением, в других - окружено уважением. В одних обществах переключение с язы-

[I] Новое в лингвистике УI. Языковые контакты. Москва, 1972.

ка на язык допускается, в других - осуждается. Интерференция может разрешаться в одном языке и презираться в другом. Двуязычный носитель стремится придерживаться норм той группы, к которой он принадлежит.[2] Двуязычный носитель может одинаково хорошо владеть двумя языками, но может оказаться, что ему чаще приходится прибегать к одному, а не к другому из них. Более частое использование языка может при прочих разных условиях возвести его в ранг "доминирующего" языка. Например, сильнейшее влияние английского языка на языки иммигрантов в США может быть понято в свете того факта, что целые коллективы становились двуязычными и что не оставалось практически никакого неанглийского одноязычия, необходимого для сопротивления английскому влиянию. У двуязычных носителей есть также тенденция к разграничению тем и собеседников, за которыми закрепляется тот или иной из двух языков.[3]

Большой интерес представляет для изучающих лингвистику и культурные контакты и культурные изменения парагвайский билингвизм. В этой стране двуязычие получило стабильную позицию. Вот уже 300 лет два языка - испанский и туземный (гуарани) - сосуществуют в относительном равновесии. Во многом этому благоприятствовали социально-культурные условия. В большинстве других стран билингвизм - переходящая ступень по направлению к монолингвизму.[4] Отлучение языка от функций, придающих ему престиж, например, от роли государственного языка, часто снижает его авторитет и уменьшает сопротивление интерференции, способствуя закреплению нововведений, вносимых двуязычными носителями. При контакте двух языков происходит некоторое социо-лингвистическое приспособление для существования лингвистических различий.

Проблема двуязычия приобретает огромное значение в нашем многонациональном государстве, где невозможно было бы

---

[2] Новое в лингвистике УI. Языковые контакты. Москва, I972, стр. 55.

[3] J. R. R a y f i e l d, The Language of a Bilingual Community. The Hague - Paris, 1970.

[4] J. R u b i n, Nationale Bilingualism in Paraguay. The Hague, 1968.

организовать нормальное сотрудничество наций, народностей в политической, экономической и культурной жизни.[5] Исходя из исторически сложившихся национальных традиций, основное внимание должно уделяться развитию и широкому распространению главного типа двуязычия - национально-русского - во всех уголках нашей страны, когда в функции второго языка выступает общий язык межнационального общения народов Советского государства как один из наиболее развитых международных языков, практическое овладение которым стало жизненной потребностью и необходимостью. Однако это никак не умаляет значения местных национальных языков, которые очень широко применяются в жизни старописьменных и младописьменных народов. "Подлинные национальные ценности народов СССР становятся общесоветскими, дорогими для всех народов, они вовсе не утрачивают своих корней и своей самобытности."[6] Расширяются и углубляются процессы взаимодействия языков, вызвавшие образование общего фонда слов в языках народов СССР и повышение в нем удельного веса терминологических и других заимствований как из русского, так и из других языков (Д. Бубрих, Б. Серебренников, В. Злобина, В. Лыткин, Р. Нисканен и др.).[7]

В настоящей работе делается попытка выяснить некоторые моменты взаимодействия неродственных языков (мордовских и русского) в процессе длительного соприкосновения на уровне синтаксиса. Эрзянско-русское и мокшанско-русское двуязычие - типичное явление для городов и сел с мордовским населением. Однако в сельской местности национальный язык занимает более прочные позиции. Он является родным не только для подавляющего большинства взрослых жителей, но и для детей, которые осваивают русский, как второй язык, лишь в школе. В городе, напротив, мордовские языки, бывшие родными для большинства жителей старше 50 лет, незнакомы детям,

---

[5] Проблема двуязычия и многоязычия. Москва, 1972.

[6] Э.А. Баграмов, Развитие и сближение социалистических наций. - Правда 16 июля 1971.

[7] Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с иносистемными языками. Ленинград, 1971.

для которых родным языком стал русский. Большую роль играют в этом отношении некоторые социологические факторы, ускоряющие процесс перехода от двуязычия (т.е. одновременного использования эрзя или мокша и русского языков) к одноязычию (т.е. к использованию только русского языка), в частности: а) быстрое индустриальное развитие в городах, а, следовательно, изменение в соотношении рабочей силы в сельском хозяйстве и промышленности; б) ежедневные переезды к месту работы; в) расширение сети путей сообщения и близости к ним сельских населенных пунктов. Результатом этого является более тесный контакт и сильное взаимовлияние языков, которое заметно на всех уровнях: фонетике, системе словообразования, лексике, синтаксисе и т.д.[8]

Влияние славянских языков на финно-угорские языки было отмечено уже в 17 веке Мартином Фогелем. Много работ было написано в 19 и 20 вв. о славянских и большей частью о русских заимствованиях в отдельных финно-угорских языках и даже появлялись исследования, посвященные отдельным частям грамматики. Однако нельзя думать, что это влияние было односторонним. Длительное соседство финно-угорских народов с русским оставило след и на русском языке.[9] Ю. Покорный, опираясь на антропологические исследования, приходит к выводу о наличии финно-угорского субстрата для русского языка. Отдельные характерные особенности русского языка объяснены Бодуэном де Куртенэ и Шахматовым финским влиянием. Б. Серебренников не сомневается в наличии финно-угорского субстрата в русском языке. Дв. Дечи на симпозиуме по вопросу об урало-алтайско-русских связях в Ситле (Вашингтон, США) говорил о некоторых явлениях в русском языке, которые можно было бы вполне объяснить финно-угорским субстратом.

---

8 Н. А. Баскаков, В. З. Панфилов, М.И. Исаев, Двуязычие и проблема взаимопроникновения различных уровней при взаимодействии языков. – Тезисы научной конференции, посвященной проблеме двуязычия и многоязычия. Москва, 1969.

9 W. Veenker, Die Frage des finnougrischen Substrats in der russischen Sprache. Bloomington, 1967.

Материалом для данной статьи послужили наблюдения над некоторыми изменениями в синтаксисе мордовских (эрзя и мокша) языков, испытавших сильное влияние русского языка. В результате такого влияния появляется множество синтаксических моделей: в словосочетании, в предложении (как в простом, так и сложном). В условиях устойчивого двуязычия эти синтаксические кальки перестают восприниматься как отклонения от норм родного языка.

Рассмотрим отдельные конкретные явления, не характерные для финно-угорских народов, но которые появились в синтаксическом строе мордовских языков благодаря общенародному двуязычию мордвы. При этом будем исходить из двух принципов: I. Исчезновение специфически мордовских явлений. 2. Возникновение новых, не характерных для финно-угорских языков явлений.

I. В мордовских языках, как и в большинстве финно-угорских языков, существует в основном стройный порядок расположения членов предложения, а именно: подлежащее - сказуемое, определение - определяемое, дополнение - глагольное сказуемое, обстоятельство - более независимый член предложения. Наличие глагола или глагольной связки для преобладающего большинства языков данной семьи - необходимый компонент предложения. Нет сомнения в том, что в формировании такого порядка слов огромную роль играли индоевропейские языки, в которых порядок слов выполняет формально-грамматическую функцию. В грамматическом строе мордовских языков наглядно проявляется сложный процесс языкового развития: с одной стороны, длительное влияние индоевропейского языка; с другой - древние традиции внутри самого мордовского языка, которые в свою очередь не могли не отразиться на синтаксической структуре русского языка. Продемонстрируем это на примере употребления глагольной связки улемс 'быть'. О нестабильности употребления данной связки писали многие мордвоведы (А. Алквист, М. Евсевьев, М. Коляденков, А. Феоктистов и др.). Эта неопределенность проявляется в следующем:

а) Обязательное употребление связки в собственном значении и с отрицанием, напр.: эрз. Монь уди мелем тонавтнемс 'У меня есть желание учиться', Монь ульнесь ялаксом, но кулось 'У меня был брат, но умер', Течи а улян кудосо 'Се-

годня я не буду дома'; мокш. Серьезнай ломанят, иттеневек улихть, а эцят теса сембонди, кода шаба 'Серьезный ты человек и детишки у тебя есть, а лезешь здесь во все, как ребенок', Тя школаса ули учитель 'В этой школе есть учитель', Сема тейнза мярьгсь, штоба оду съкамонза кряка ляйс эшеляма афоль яка, ато ваяй и аф ули аралайцка 'Саша сказал ему, чтобы не ходил больше один купаться на речку, а то утонет и не будет у него спасителя'.

б) Формальное употребление связки в качестве вспомогательного глагола для образования сложной временной формы (прошедшего и будущего) – аналитический способ выражения, напр.: эрз. Минь ульнинек мода лангсо мадезь 'Мы лежали на земле' (дословно: 'Мы были (находились) лежачими на земле', Весе паксясь ульнесь вельтязь скирдасо 'Все поле было покрыто стогами', Сон ули учитель 'Он будет учителем'; мокш. Ужяль тейне ульсь явомс атять эзда 'Мне было жаль расставаться со стариком', Сазорхт ульхтяма 'Мы будем сестрами'.

в) Скрытое употребление связки при слове-предикате в виде суффикса сказуемостного изменения – синтаксический способ выражения. Суффикс сказуемости – это особая специфическая форма сказуемого, обозначающая лицо, число и время, представляет собой феномен, присущий мордовским языкам и ненецкому языку, в которых почти все части речи могут служить в качестве сказуемого. Больше того, сказуемое в мордовских языках может само по себе составить целое предложение, независимо от того, какой частью речи оно выражается, напр.: эрз. Икеле яксилинь тенст 'Раньше я хаживал к ним', Аполить. "Белый был ты!" Мон сокилинь, кода сон втась вакскан 'Я пахал, когда он прошел мимо меня', Тесэлинек 'Здесь были мы'; мокш. Сон требовательнайль, но справедливайль 'Он был требовательным, но справедливым', Тясолеме 'Здесь были мы', Оцюволь 'Он был большой'.

В саамском, прибалтийско-финских, венгерском, обско-угорских, пермских и марийском это явление отсутствует.[10] Подобные сведения о суффиксе сказуемости и о способах выра-

---

[10] Б.А. Серебренников, Историческая морфология мордовских языков. Москва, 1967, стр. 163.

жения сказуемого в мордовских языках содержится в работах Д. Бубриха, М. Евсевьева, М. Коляденкова, Б. Серебренникова и др.

г) Полное отсутствие связки в настоящем времени, например: аспирантан 'я аспирант', аспирантат 'ты аспирант', сон аспирант 'он аспирант'; эрз. васолан, мокш. ичкозян 'далеко я нахожусь'; эрз. васолат, мокш. ичкозят 'далеко ты находишься'; эрз. сон васоло, мокш. сон ичкозе 'далеко он находится'; ловнан 'я читаю', ловнат 'ты читаешь', сон довны 'он читает'. Из приведенных примеров наглядно (ясно) видно, что неглагол в позиции сказуемого имеет те же окончания, что и глагол. Это говорит о том, "что в мордовских языках некогда глагол и имя не различались".[II] Это явление имеет место и в современных мордовских языках. Употребление глагола-связки улемс 'быть' в формах настоящего времени несвойственно мордовским языкам, ибо его наличие означает не настоящее, а будущее время. Ср. сон аспирант 'он аспирант', но сон ули аспирант 'он будет аспирантом'; эрз. сон паро, мокш. сон цебярь 'он хороший'; но эрз. сон ули паро, мокш. сон ули цебярь 'он будет хорошим'.

Личные местоимения первых двух лиц в качестве подлежащего при неглагольном простом сказуемом включаются в форму соответствующего лица неглагольного сказуемого; поэтому, как правило, они опускаются. Личные местоимения необходимы лишь тогда, когда подлежащее оказывается под особым ударением. Что касается формы третьего лица единственного числа как глагола, так и неглагола в позиции сказуемого, то она, не оформляется специфическим суффиксом сказуемости, т.е. не имеет личного окончания и употребляется двояко: и в значении глагола, и в значении неглагола, напр., эрз. тейтересь моры, мокш. стирсь морай 'девушка поет' и эрз. моры тейтерь, мокш. морай стирь 'поющая девушка'; эрз. церась паро, мокш. церась цебярь 'парень хороший' и паро церась, мокш. цебярь церась 'хороший парень'.

II М.Н. К о л я д е н к о в, Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков П. Синтаксис. Саранск, 1954, стр. 101.

Неглагольное сказуемое в форме третьего лица является несамостоятельным, нуждающимся в наличии подлежащего, которое конкретизирует его. Однако и в этом случае подлежащее может опускаться, во-первых, если оно известно из предыдущего и, во-вторых, если оно обозначает предмет только в его бытийном значении без какого-либо другого сообщения о нем. Например: эрз. Кизэ. Ушось лембе, састине пувась вармине 'Лето. Погода теплая, тихо дул ветерок', Июль. Читне пситъ, ветне опанят (В. Коломасов). 'Июль. Дни жаркие, ночи душные'; мокш. Киза. Шись кувака 'Лето. День длинный', Якшама. Вармасъ ашезь сетьмосе 'Холодно. Ветер не стихал'. В данном случае речь идет о номинативном предложении. К номинативным предложениям относятся такие односоставные предложения, которые в своей структуре имеют только один главный член предложения, выраженный именем существительным или субстантивированной частью речи в форме именительного падежа. Общепризнано, что подобные предложения в финно-угорских языках являются древней, исконной конструкцией, свойственной всем языкам данной семьи, кроме прибалтийско-финских и саамского языков.

Некоторые исследователи придавали большое значение мысли о финно-угорском влиянии на русское номинативное предложение, которое по отношению к остальным славянским языкам занимает изолированное положение. Обращалось большое внимание на особенности русского номинативного предложения. Большой теоретический интерес по этой проблеме представляет вышеуказанная работа В. Фенкера, который, анализируя взгляды многих ученых, широко освещает вопрос финно-угорского субстрата в русском языке на фонологическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях. В частности, он останавливается на номинативных предложениях и убедительно обосновывает аргумент в пользу финно-угорского влияния на номинативные предложения в русском языке. Действительно, в памятниках древнерусского языка номинативные предложения встречаются редко. Например, в таком художественном произведении, как "Слово о полку Игореве", в котором имеются исключительные по красоте описания, номинативное предложение представлено двумя примерами : Княземъ слава, а дру-

хине (а имеет значение союза и). Туга и тоска сыну Глебову.[12] Отмечается также, что в древнерусском языке номинативные предложения встречались очень редко. Так что можно вполне допустить, что подобные предложения в русском – в литературном языке и диалектах – развились только за последнее время. Впервые об "одночленных предложениях" заговорил А. Попов: "Элементарным видом предложения я считаю одночленное предложение, состоящее из одного глагола или имени".[13] Номинативные предложения в русском языке аналогично мордовским языкам имеют только форму настоящего времени: в прошедшем и будущем времени им соответствуют двусоставные предложения.

Интересны с теоретической точки зрения также некоторые другие работы, посвященные глобальной проблеме происхождения номинативного предложения.[14] Исследователи подчеркивают мысль о необходимости широкого охвата языков различных систем при решении данного вопроса, ибо нельзя не учитывать факт взаимовлияния генетически неродственных языков.

2. Влияние русского языка сильно отразилось на развитии мордовских сложноподчиненных предложений, где различаются те же придаточные предложения (союзные и бессоюзные) и те же подчинительные союзы, так как в силу своего исторического развития мордовские языки не успели выработать специфические союзы и особые типы придаточных предложений (работы М. Коляденкова, И. Бузакова и др.). М.Е. Евсевьев отмечает, что "в мордовских языках собственных союзов весьма немного", большинство из них русской этимологии.[15] Например, эрз. Истямо пароль Алешань ежозо, што тензэ марявсь, буто

---

[12] А.Н. Стеценко, Исторический синтаксис русского языка. Москва, 1972, стр. 92.

[13] А.В. Попов, Сравнительный синтаксис. – Филологические заметки IУ–У. Воронеж, 1879–1881, стр. 31.

[14] См., напр., С. Канцельсон, К генезису номинативного предложения. Москва–Ленинград, 1936.

[15] М.Е. Евсевьев, Основы мордовской грамматики, Москва, 1929, стр. 321.

аволь косилка, но паровоз лангсо мольсь (В. Радин)[16] 'Настроение Алеши было такое хорошее, что ему казалось, будто он ехал не на косилке, а на паровозе', Хоть сон а содасы тесэнь адресэнть, но ведь Маруся кармавтсь содавикс тейтерненъ, кона роботы Рузаевкасо почтасо, штобу сон весе сер-матненъ саевлинзе ды кучовлинзе тей (И. Антонов) 'Хотя он и не знает здешнего адреса, но ведь Маруся наказывала знакомой девушке, работавшей в Рузаевке на почте, чтобы она взяла все письма и отправила их сюда'; мокш. Минь тонафтнетя-ма сянкса, штоба улемс коммунистическяй общественъ активнай и сознательнай строителькс 'Мы учимся для того, чтобы стать активными и сознательными строителями коммунистического общества', Стане пароль Алешанъ мялъс, што тейнза ма-рявсь бта аф косилка, а паровоз лангса мольсь (В. Радин) 'На душе Алеши было так хорошо, что ему казалось, как будто он ехал не на косилке, а на паровозе'.

Однако в качестве союзных слов в придаточных предложениях используются мордовские слова, напр., в эрзянском языке: мезе 'что', ки (кие) 'кто', кодамо 'какой', кона 'который', зяро 'сколько', косо 'где' и т.д.; в мокшанском языке: кие 'кто', мезе 'что', кодама 'какой', кона 'который', мзяра 'сколько', коса 'где' и т.д. Ученые объясняют это тем, что по своему происхождению союзные слова являются вопросительными словами, с которых начинались вопросительные предложения, существующие в языке с древнейших времен. Именно вопросительные предложения и заложили основу образования придаточных предложений.

3. В атрибутивных словосочетаниях мордовских языков особенно заметны специфические черты и способности слов сочетаться между собой в порядке расположения главного и подчинительных элементов. Как и в большинстве финно-угорских языков, в мордовских языках наблюдается строгий порядок размещения определителей и определяемых слов. Порядок слов является основным средством выражения атрибутивных отношений. Нарушение обязательного порядка слов ведет к измене-

---

[16] Примеры этого пункта взяты: П.Г. Матюшкин, Д.В. Цыганкин, Практикум по синтаксису современных мордовских языков. Саранск, 1971.

нию синтаксических отношений между словами и тем самым к искажению всего смысла высказывания. Кроме того "определение представляет собой вообще не согласуемый с определяемым словом член предложения и, следовательно, в позиции определения любое слово в этих языках является неизменяемым словом".[17] При любых изменениях определяемого слова определение в мордовских языках сохраняет свою первоначальную форму, т.е. примыкает к главному компоненту без какого-либо морфологического оформления. А главный компонент в зависимости от ситуации изменяется по падежам, числам, оформляется притяжательными суффиксами и служит связывающим звеном между другими словосочетаниями в предложении. Например, в эрзянском языке: лажнця Сура 'бурливая Сура', лажнця Сурадо 'о бурливой Суре', 'лажнця Сурас 'в бурливую Суру'; в мокшанском языке: кели Мокша 'широкая Мокша', кели Мокшада, 'о широкой Мокше', кели Мокшаса 'в широкой Мокше' кели Мокшас 'в широкую Мокшу'. Вероятно, финно-угорскому языку-основе было свойственно связывать слова в предложении без их оформления. Д. Бубрих писал об этом следующее: "Весьма важно, что наряду с формами, имеющими то или иное определенное грамматическое качество, есть форма, никакого определенного грамматического качества не имеющая, - абсолютная форма. Она стоит вне падежей и соответственно не имеет никакого падежного оформления. Она стоит также вне чисел, чем и отличается от номинатива. Ей чужды моменты указательности и притяжательности, так что она примыкает к основному склонению".[18] Как уже упоминалось выше, такой способ образования определительных словосочетаний был характерным для финно-угорского языка-основы и до сих пор продуктивен во многих современных финно-угорских языках. Проиллюстрируем это на примерах: в эрз. пандо пря 'вершина горы' (дословно: 'гора, голова'); в мокш. шуфта пря 'вершина дерева' (дословно: 'дерево голова'); в финск. olkilato 'сарай для соломы' (дословно: 'солома-сарай'); в марийск. курык вуй 'вершина горы' (дословно: 'гора голова'); в коми: пу пань 'деревянная ложка' (дословно: 'дерево ложка').

[17] М.Н. К о л я д е н к о в, Структура простого предложения в мордовских языках. Саранск, 1959, стр. 82.

[18] Д.В. Б у б р и х, Эрзя-мордовская грамматика-минимум. Саранск, 1947, стр. 9.

Таким образом, при отсутствии формального средства связь слов могла осуществиться только посредством определенного порядка расположения слов: определение, как правило, предшествует определяемому слову. Однако наряду с установившимся твердым порядком размещения определяющих и определяемых слов в финно-угорских языках наблюдается интенсивное развитие атрибутивных конструкций с обратным порядком слов. Это происходит, во-первых, в случаях особой акцентации определения, т.е. выделения какого-то особого качества или важной особенности; во-вторых, вполне вероятно большое влияние русского языка на строй определительного словосочетания в мордовских языках, ибо в русском языке "порядок слов не может рассматриваться в числе способов выражения синтаксических отношений в составе словосочетаний. При всем разнообразии стилистических оттенков, вносимых перемещением слов, функции словосочетания не подвергаются коренным изменениям".[19] Итак, влияние русского языка наблюдается в тенденции к свободному порядку расположения определения по отношению к определяемому, т.е. нарушается строгое препозитивное положение (К. Майтинская).[20] Кроме этого, в мордовских языках распространяется новый тип согласования - согласование определения с определяемым во множественном числе (А. Феоктистов).[21]

В научном мире вопрос о согласовании определения является спорным. Одни исследователи допускают здесь влияние индоевропейских (балтийских и германских) языков, другие полагают, что согласование в прибалтийско-финских языках не обязательно возводить к индоевропейскому влиянию. Конечно, согласование могло явиться результатом независимого развития, но поскольку оно встречается как раз в тех языках, которые находились в наиболее тесном контакте с индоевропейскими языками и которые помимо согласования имеют и другие

---

[19] В.П. С у х о т и н, Проблема словосочетания в современном русском языке. - Вопросы синтаксиса современного русского языка. Москва, 1950, стр. 159

[20] Языки народов СССР Ш. Финно-угорские и самодийские языкт. Москва, 1966, стр. 10.

[21] Там же, стр. 194.

общие черты с этими языками и главным образом в области синтаксиса, поскольку, естественно, напрашивается вывод, что прибалтийско-финское, марийское, удмуртское и мордовское согласование, а также и другие синтаксические явления находятся в непосредственной связи с соответствующими явлениями в соседних индоевропейских языках. Точно так же отсутствие согласования и наличие целого ряда других грамматических явлений в восточных финно-угорских языках в свою очередь должны быть поставлены в связь с соответствующими чертами языков, с которыми они находились в контакте.

Выводы

I. Изучение конкретных форм и типов двуязычия имеет большое политическое, лингво-теоретическое и практическое значение.

2. Когда две культуры приходят в контакт, происходит некоторое социо-лингвистическое приспособление для существования лингвистических различий.

3. Индоевропейские черты мордовских языков могут объясняться длительным и тесным контактом с индоевропейскими языками.

4. Исследователи высказываются за существование финно-угорского субстрата в русском языке или выдвигают возможность такого влияния.

5. Синтаксис любого языка является одним из проницаемых уровней.

6. В мордовских языках глагол удемс 'быть' играет более важную роль, чем в русском языке глагол быть, что свидетельствует о древних традициях, свойственных финно-угорским языкам. Развитие номинативных предложений в двух неродственных языках происходило или параллельно, независимо друг от друга, или номинативная конструкция русского языка отражает финно-угорский субстрат.

7. Придаточные предложения в мордовских языках являются результатом огромного влияния русского языка.

8. Расположение определяющего слова перед определяемым является нормой современных мордовских языков.

A. S. J e g o r o v a
(Tartu)

ÜBER EINIGE FRAGEN DER ZUSAMMENWIRKUNG DER UNVERWANDTEN SPRACHEN (MORDWINISCHEN UND RUSSISCHEN)

Z u s a m m e n f a s s u n g

In der gegebenen Arbeit werden einige Momente des Zusammenwirkens der unverwandten Sprachen (mordwinischen und russischen) im Laufe des langen Kontakts auf syntaktischer Ebene behandelt. Es ist gut bekannt, daß das Studium der konkreten Formen und Typen der Zweisprachigkeit große politische, linguistisch-theoretische und praktische Bedeutung hat. Stehen zwei verschiedene Kulturen in Kontakt miteinander, so kommt gewöhnlich eine soziolinguistische Anpassung für die Existenz der sprachlichen Verschiedenheiten vor. Indoeuropäische Züge der mordwinischen Sprachen sind durch einen langen und engen Kontakt mit indoeuropäischen Sprachen zu erklären. Viele Sprachwissenschaftler äussern sich doch zum Bestehen des finnisch-ugrischen Substrats in der russischen Sprache oder führen Argumente solcher Einwirkung an. Die Syntax beliebiger Sprache ist eine der durchlässigen Ebenen. In den mordwinischen Sprachen spielt das Verb улемс'sein' eine wichtigere Rolle, als in der russischen Sprache das Verb быть. Das zeugt von alten Traditionen, die den finnisch-ugrischen Sprachen eigen sind. Die Nominalsätze in zwei unverwandten Sprachen entwickeln sich parallel, d. h. unabhängig voneinander, oder die nominale Konstruktion der russischen Sprache spiegelt das finnisch-ugrische Substrat wider.

Die Nebensätze der mordwinischen Sprachen sind Ergebnis des großen Einflusses der russischen Sprache. Die Forschungen der Attributformen zeigen, daß das Attribut gewöhnlich vorangestellt ist. Das ist die Norm der gegenwärtigen mordwinischen Sprachen.

А.П. Феоктистов
(Москва)

"LINGUARUM TOTIUS ORBIS VOCABULARIA COMPARATIVA" В ЕГО МОРДОВСКОЙ ЧАСТИ

В статье подробно рассматриваются вопросы графики и орфографии, фонетических и морфологических особенностей, а также диалектной основы мокшанско-эрзянской части словаря Екатерины II - П.С. Палласа "Linguarum totius orbis vocabularia comparativa Augustissimae cura collecta I---II" (Petropoli , 1787 — 1789) (название этого источника на русском языке: "Сравнительные словари всех языков и наречий, созданные десницею всевысочайшей особы etc."). Сведения об истории создания указанного памятника русской лексикографии II половины XVIII века см. в следующих источниках: Fr. A d e l u n g, Catherinens der Grossen Verdienste in die vergleichende Sprachenkunde. SPb. 1815; Я. Г р о т, Филологические занятия Екатерины Второй. - Русский архив I. Москва 1877; С.К. Б у л и ч, Очерк истории языкознания в России. СПб. 1904 и др.

Мордовская лексика, как и слова всех других языков, в Срав. сл. 1787 — 89 передана средствами русской графики. Следуя установке, что "для показания точного произношения ... нет лучше и способнее всех европейских азбук, как российская",[1] составители словаря и в мордовских частях пытались найти применение всем графемам русского алфавита. В мокшанских и эрзянских словах встречаются буквы: ять (ѣ), ер (ъ), ерь (ь), и десятиричное с двумя точками наверху (ї), ю со знаком каморы (ю̑).

[1] Срав. сл. 1787 — 89. Предисловие.

Отсутствие прочных традиций в обозначении звуков мордовской речи средствами русской графики не могло не привести составителей к механическому подражанию правилам орфографии, установившимся к тому времени в системе русского правописания. Особенно наглядно это видно на примере употребления в мордовских словах букв ъ и ь. Как известно, эти графемы в русском письме вначале употреблялись для обозначения редуцированных гласных. После падения же этих звуков и появления в русском языке закрытых слогов у древних писцов осталось правило кончать строку на гласный, либо после согласных ставить букву ъ или ь, хотя последние уже не обозначали гласных звуков. Традиция ставить ъ после конечных твердых согласных, ь - после палатализованных как в конце, так и в середине слова (кроме принятых исключений) существовала вплоть до реформы русской орфографии в 1918 г. Что касается буквы ь, то ее современное употребление в русском языке мало чем отличается от принципов употребления этой графемы в русской орфографии II половины XVII в.

В мокшанско-эрзянской части Срав. сл. 1787-89 ъ и ь в целом также употребляются соответственно после твердых (ъ) и палатализованных (ь) согласных.

Примеры употребления ъ: э. сазоръ (sazor) 'сестра', м. сѣльмекѣртъ (sel'me keRt) 'ресницы', э. суртъ (surt) 'пальцы', э., м. чипасъ (čĭ-pas) 'солнце' и др.

Примеры употребления ь: э., м. вирь (viŕ) 'лес', э. пяль (pä̆l') 'кол', э., м. минь (miń) 'мы', м. синь (śiń) 'они' и др.

В нескольких словах палатализация согласных (преимущественно (l')) обозначена употреблением ь и в середине слова, Например: э. алькай (al'kaj) 'брат' , сяльме (säl'-me), м. сельма (sel'mä̆) 'глаз', э. гулька (gul'ka) 'голубь', ченьгай (čeńgaj) 'вино', м. вѣльканза (vel'(ks)-kanza) 'над ним' и др.

В словах э. берьянь (beŕań) 'дурной' и э., м. сьяда (śada) 'сто' употребление ь после согласных р и с представляется излишним, поскольку палатализация у них нашла воплощение в букве я (ʹа). Ср. берянь (ЭРС), сяда (МРС). Но, конечно, не это отступление имеет какое-либо существенное значение. В мокша- и эрзя-мордовских словах встречается

гораздо больше случаев противоположного употребления ъ вм. ь после палатализованных согласных, а ь вм. ъ после согласных непалатализованных.

Примеры употребления ъ (вм. ь) после палатализованных согласных: э. мʼнилъ (menʼil') 'небо', техтеръ (t'ext'eŕ) 'дочь', м. прявеломанъ (prʼävi lomaŋ) 'муж', стиръ (śt'iŕ) 'дочь', э., м. ломанъ (lomaŋ) 'человек', ломатъ (lomat' ~ lomat't') 'люди', э. черъ (čeŕ) 'мышь', кургапаръ (kurga-paŕ) 'горло', (ср. kirga 'Hals') (Равила), но в ЭРС: кирьгапарь 'горло'), э., м. келъ (keĺ) 'язык', м. киниръ-бакаръ (kiń^{ə}ŕ-bakaŕ) 'локоть', э. кедъ (ked'), м. кядъ (käd') 'рука', м. копаръ (kop^{ə}ŕ) 'спина', э. кядъ (käd'), м. кедъ (ked') 'кожа', э. сывелъ (sʼivel') м. сивилъ (śivəl') 'мясо', м. пакаръ (pakaŕ) 'кость', э. ваигелъ, м. ваигʼлъ (vajgel') 'голос', м. ваигялъ (vajgäl') 'крик', м. авардихтъ (avaŕd'ixt')'плачут' и др.

Примеры употребления ь (вм. ъ) после непалатализованных согласных: э. ковь (kov ~ kou), кобась (ko(u)-bas)'месяц', м. іондаль (jondəl) 'молния', э. ловь (lov ~ lou) 'снег', м. мастэрь (mastər) 'земля', м. шудерксь (šud'ərks) 'река', шуваарь (šuvar) 'песок', э. рудась (rudas), м. рдась (rdas ~ ərdas) 'грязь', берякь (beŕak) 'берег', марь (mar) 'холм', э., м. толь (tol) 'огонь', э. кявь (käv) м. кевь (kev) 'камень', э., м. саль (sal) 'соль', лопать (lopat) 'листья', э. судь (sud) 'кора', э. тарадь (tarad), м. тарать (tarat) 'сук', э. нарь (nar) 'луг', э., м. каль (kal) 'рыба', э. скаль (skal), м. траксь (traks) 'корова', э. барань (baran), м. борань (boran) 'баран', э. тольга (tolga) 'перо', э., м. сарась (saras) 'курица', м. куд (kud) 'дом', э. кардась (kardas) 'двор', э. онксь (onks) 'мера', э., м. карксь (karks) 'пояс', э. ярцамать (jarcamat) 'яства', э. мастырь (mastir), кіяксь (kijaks) 'пол', м. струкь (struk) 'судно', э., м. одь (od) 'молод', осаль (osal) 'худо', э. курокь (kurok), м. курукь (kur^{ə}k) 'скоро', э., м. радь (rad) 'рад', м., симать (śimat) 'пьешь', м. моракь (morak) 'пой', м. пиксыкь (piks^{ə}k ~ piksk) 'бей', м. лоткакь (lotkak) 'стой', пракь (prak) 'упади', валь (val) 'слово', м. данылъ (dan^{ə}l ~ dav^{ə}l) 'буря' и др.

Знак ь (вм. ъ) употребляется во всех эрзянских глаголах в форме инфинитива на -ms, где -s , как известно, восходит к непалатализованному -s иллатива. Например: ярцамсь (jarcams) 'есть, кушать', симемсь (śimems) 'пить', морамсь (moгams) 'петь', удомсь (udoms) 'спать', мадемсь (mad'ems) 'лечь', саемсь (sajems) 'взять', вечкемсь (več-kems) 'любить', каннемсь (kańńems) 'носить', усксемсь (usksəms) 'возить', пячкемсь (päčkems) 'резать', видемсь (vid'ems) 'сеять', сокамсь (sokams) 'пахать', кектемсь (kekšems) 'спрятать', валомсь (valoms) 'лить', пидемсь (pid'ems) 'варить' и др.

Такие массовые случаи бессистемного употребления ъ и ь говорят о том, что они были введены в мокшанско-эрзянскую часть Срав. сл. 1787-89 без учета особенностей мордовской фонетики, а именно фонематически противопоставляемых парных мягких и твердых согласных (/c/-/ć/, /d/-/d'/, /l/-/l'/, /n/-/ń/, /r/-/ŕ/, /s/-/ś/, /z/-/ź/, /t/-/t'/, с одной стороны, и таких согласных, у которых нет фонологически релевантного противопоставления по твердости - мягкости (/ъ/, /f/, /g/, / /, /j/, /k/, /m/, /p/, /š/, /ž/), с другой.

Десятиричное і встречается лишь в нескольких словах, причем его употребление многозначно: в анлауте і употребляется для обозначения фонемы /i/(iť(ije)'год') или /j/ (э. іондолъ (jondol), м. іондаль (jondəl) 'молния'); в середине слова этой графемой может быть передана палатализация согласного, стоящего перед гласным заднего ряда (э. азіо (aźo 'иди').

В современной мордовской орфографии нет случаев использования буквы и только для обозначения палатализации согласных. В анлауте вместо графического сочетания іо употребляется теперь буква ё: м., э. ёндол 'молния', ёрамс 'приготовиться, пытаться' и т.д.

Немногочисленные случаи употребления ю̂ (ю со знаком каморы) связаны с обозначением гласных /o/ и /u/ и палатализации предшествующих им согласных: м. сюванъ (śovəń) 'глина', пю̂нёкъ (peńok) 'пень', сю̂ра (śura) 'рог', э. тюрима (t'uŕima) 'драка' (ср. турмѣ (tuŕme) 'война'), м. тюрихть (t'uŕixt') 'дерутся'.

Буква ять (ѣ) употребляется, параллельно с буквой е, для обозначения фонемы /е/. Например: э. пилѣ (pil'e) 'ухо', нѣйма (ńejma) 'зрение', авардемѣ (avarď'eme) 'вопль', вечкемѣ (večkeme) 'любовь', удолѣ (ulo-pe) 'долина', кедгѣ (ked'ge) 'судно' и др.; м. сѣди (sed'i) 'сердце', лѣмъ (l'em) 'имя', кѣли (kel'i) 'широкий', мѣзя (meźä) 'что', вѣтя (vet'ä) 'пять', кѣмень (kemə́ń) 'десять' и т.д. Эта буква фигурирует в качестве графемы для изображения /е/ и в тех мордовских словах, которые заимствованы (вместе с их написанием) из русского языка. Например: э. звѣрь - русск. звѣрь, м. мѣра - русск. мѣра и др. Однако в словаре есть также случаи употребления лишь в мордовских словах русского происхождения, например: русск. межа - м. мѣжа; русск. пень - м. пѣнюкъ (peńo·k) и др.

При рассмотрении вопроса об отношении букв к звуковому составу мордовских слов особый интерес вызывает обозначение гласных /ä/ и /е/. Как в мокшанской, так и в эрзянской части словаря представлены диалекты, характеризующиеся наличием в них гласной фонемы /ä/, противопоставляемой фонеме /е/. Как правило, /ä/ в словаре передается буквой я, а фонема /е/ - буквой е. Ср. м. кедъ (ked') - э. кядь (käd') 'кожа', м. кядъ (käd') - э. кедъ (ked') 'рука'. Таким образом, мокшанскому этимологическому ä в эрзянском соответствует е, мокшанскому е - эрзянское ä.

В нескольких мокшанских словах на месте ожидаемой буквы я употреблена графема е: лей (l'ej) 'река', тештѣ (t'eštʹe) 'звезда', шейерь (šejəŕ) 'волос' и др. В современных мокшанских юго-западных и юго-восточных говорах, не имеющих фонемы /ä/, приведенные слова также содержат /е/ соответственно: l'ej, t'eštʹə, šejəŕ. На этом основании можно заключить, что приведенные слова были включены в мокша-мордовскую часть Срав. сл. I787-89 из такого мокшанского диалекта, вокализм которого уже в то время характеризовался отсутствием /ä/, точнее - переходом ä > е.

В некоторых эрзянских словах так же, как и мокшанских, вместо буквы я в Срав. сл. I787-89 употреблена буква е: сельметурва (sel'me turva) 'ресница', ечке (ečke) 'толстый', кенкешь (kenk(ə)š) 'дверь' и др. Следовательно, эта группа слов в эрзянскую часть словаря была введена из

такого эрзянского диалекта, в котором /ä/ и /e/ совпали в одной фонеме /e/.

Происхождение отдельных групп лексем из разных мокша-мордовских диалектов выявляется также из написания гласных /e/ и /a/ в ауслауте. Так, в словаре мы имеем: м. тешть (t'eš't'e) 'звезда' (ср. с t'äštä других мокшанских говоров), васцѣ (vaśće) 'прежде' (ср. с vaśćä др. говоров), или: м. пакше (pakše) 'поле' (ср. с pakšä др. говоров), сенгере (śeŋgeŕe) 'зеленый' (ср. с śäŋgäŕä др. говоров) и т.д. Но см. м. пря (pŕä) 'голова' (ср. с pŕe др. говоров), пиля (pil'ä) 'ухо' (ср. с pil'e др. говоров), пиня (piń'ä) 'собака' (ср. с piń'e др. говоров), ниля (ńiĺä) 'четыре' (ср. с ńil'e др. говоров), вѣтя (vet'ä) 'пять' (ср. с vit'e др. говоров) и т.п.

Анализ употребления букв е, я и ѣ приводит, таким образом, к важному выводу о неоднородной диалектной основе как мокшанской, так и эрзянской части словаря. То, что при составлении мордовских разделов Срав. сл. 1787-89 были использованы данные разных диалектов, дополнительно подтверждается также разноречивым написанием одних и тех же словарных единиц, повторяющихся в нескольких словарных статьях. Например: м. цебярь 'добро' - цеберь 'хорошо' - чибярь 'благо' - авцѣберь 'дурно'; очу - отьчю - очю 'большой, великий' и т.д.

Тезис о диалектной неоднородности лексического состава языков, представленных в Срав. сл. 1787-89, подтверждают и составители. В предисловии П.С. Палласа подчеркивается, что материалы для включения в те или иные разделы Срав. сл. 1787-89 были извлечены "из многочисленных рукописных словарей".[2] И далее редактор словаря П.С. Паллас отметил, что "все ... языки до 47 изданы от ... Бакмейстера. Прочие, начиная с аварского, собирал я сам, по большей части из рукописных словарей, из каких на некоторых языках многие я принужден был считать вместе, дабы важнейшие отличия сюда принять было можно".[3] Это указание П.С. Палласа имеет не-

---

[2] Срав. сл. 1787-89. Предисловие.

[3] Там же.

посредственное отношение и к мордовским разделам, занимающим в Срав. сл. I787-89 соответственно 6I-е и 62-е место, т.е. значительно дальше графы с лексикой аварского языка. Действительно, при внимательном изучении других мордовских лексикографических памятников XУШ в. выясняется, что отдельные написания мордовских слов в Срав. сл. I787-89 представляют собой заимствования из разных рукописных источников. Можно считать доказанным, что, например, ошибочно написанное слово м. овардихть 'плачут' (вм. а-) перенесено в мокшанскую графу словаря из рукописного "Перевода нижеобъявленных слов мордовским разговорам, каков употребляется в Пензенском наместничестве" (ЛОА АН СССР, ф. 94, оп. 2, №86). Из этого же источника получено слово данылъ 'буря' (вм. давылъ) и т.д. В основу эрзя-мордовской части Срав. сл. I787-89 легли списки русских слов с переводом на языки поволжских народов, в том числе и на эрзя-мордовский язык (ЛОА АН СССР, ф. 94, оп. 2, №№ II0-II2), а также "Перевод нижеобъявленных слов теми языками и диалектами, кои употребляются между народами губернии Нижегородскую и Пензенскую населяющими" (ЛОА АН СССР, ф. 94, оп. 2, № I07) и некоторые другие источники.

Как сложные слова, так и словосочетания в Срав. сл. I787-89 имеют слитное написание, например: э. кургапарь 'горло' (< kurga + paŕ, букв. 'шейная кадка'), м. киниръбакарь 'локоть' (< kiń'ar' 'локоть' + bakaŕ (b- < p-) 'кость', букв. 'локтевая кость'). э. судоварятъ ' ноздри' (< sudo 'нос' + vaŕat 'ямы', букв. 'отверстия носа'), сельметурва 'ресница' (< sel'me 'глаз' + turva 'губа', 'край глаза'), м. прявеломанъ 'муж' (< pŕäve 'главный' + + lomań 'человек'), арьсяваста 'долина' (< aŕśä 'ровный' + + vasta 'место'), э. покшьварма 'буря' (< pokš 'большой' + + varma 'ветер'), чувтокядь 'кора' (< čuvto 'дерево' + käd' 'кора (кожа)'), варатескѣ 'вот здесь' (< vara 'вот' + t'eske 'здесь же'), чингикстъ 'луч' (< čiń + gikst' букв. 'солнечные линии (лучи)'), салыломанъ 'вор' (< sali + 'ворующий' + lomań 'человек'), кудотчить 'дом' (< kudot 'дома' + čit' букв. 'дни'; -či в форме мн. ч. выступает здесь в деривационном значении, м. авцѣберь 'дурно' (< af 'не' + čebäŕ 'хороший') и др.

Морфология мордовских частей Срав. сл. 1787-89. Имена существительные в большинстве случаев переведены на мордовские языки в форме ном. ед. ч. осн. скл. Например, в эрзянской части: сакала 'борода', сялъме 'глаз' и др.; в мокшанской части: киза 'год', пуль 'пыль' и т.д. В словаре зафиксировано также небольшое количество морфологических категорий, например:

1. Ном. мн. ч. осн. скл. (-t): э., м. сурть 'пальцы', лопать 'листья', сукстъ 'черви' и др.

2. Лично-притяжательный суффикс 3 л. ед. ч. (-za/-c): э. низа 'его жена', м. аваць 'его мать', сюраць 'его сын', судаць 'его кора' и др. Таким образом, мордовские термины родства, зафиксированные в Срав. сл. 1787-89, обнаруживают черту, характерную и для современных мордовских и других финно-угорских языков, - употребление их в лично-притяжательном оформлении. Этот факт в общем свидетельствует о том, что при подборе мордовских соответствий составители (или собиратели лексического материала) не во всех случаях смогли добиться у носителей мордовской речи произношения терминов родства в свободной словарной форме, т.е. в ном. ед. ч. осн. скл.

3. Вокатив на - j , - kaj. То же самое следует сказать и о звательной (вокативной) форме, в которой употреблены некоторые мордовские термины родства: э. тятяй 'отец!', авай 'мать!', алькай 'брат!', м. аляй 'отец!', тедяй 'мать!' и др. Как видно, вокатив семантически приближается к лично-притяжательному суффиксу I л. ед. ч. - m/-źä 'мой'. Этим обстоятельством можно объяснить и тот факт, что в эрзянском языке термины родства с лично-притяжательным суффиксом I л. ед. ч. - m часто употребляется в вокативной функции.

4. Инфинитив. Заглавные русские слова - глаголы в неопределенной форме - переведены на мордовские языки следующим образом.

а) Формой инфинитива на -мсь. Только в эрзянской части: ярцамсь 'есть, кушать', симемсь 'пить', валомсь 'лить', морамсь 'петь', видемсь 'сеять', кекшемсь 'скрыть', удомсь 'спать' и др.

б) Формой инфинитива на -ма, -мо/-ма. В эрзянской части словаря, наряду с -мсь, инфинитив употребляется также

в форме -ма, -мо: видима 'сеять', матьудомо 'уснуть'; мокшанской части характерен ма-инфинитив: удума 'спать', ярцама 'есть', кандама 'нести', сокама 'пахать' и др.

5. Следует, однако, подчеркнуть, что в обеих частях Срав. сл. I787-89 в форме -ма, -мо, -мэ/-ма употребляются прежде всего имена действия типа: изама/инзама 'борона', урвякстомо/ирвякстима 'брак', э. сюнима, сюлномо 'брань', турмь 'война', авардемь 'вопль', тюрима, турма 'драка', нъйма 'зрение', саирима 'крик', нузялдима 'лень', вечкемь 'любовь', онкснима 'мера', сокамо 'пашня', чачнимать 'родины', ярцамать/ярцамапьль 'яства' и др.

6. В мордовских частях глаголы встречаются также в форме:

а) 2 л. ед. ч. наст.-буд. вр. изъявит. накл. безобъектн. спр.: м. симать 'ты пьешь';

б) 3 л. ед. ч. наст.-буд. вр. изъявит. накл. безобъектн. спр.: авардихть 'плачут', тюрихть 'дерутся';

в) 3 л. ед. ч. прош. вр. изъявит. накл. безобъектн. спр. на -сь: м. кяшсь 'он скрылся';

г) 2 л. ед. ч. повелит. накл. безобъектн. спр. (э. пракь 'упади', 'свались', молть, арть 'иди', 'пойди', 'ступай') и объектн. спр. (м. пиксыкь 'побей его') и др.

7. В эрзянских и мокшанских переводах встречаются, кроме того, имена прилагательные (27), наречия (около 20), послелоги (имеются два случая употребления послелогов с лично-притяжательными суффиксами: э., м. аланза 'под ним', м. вельканза 'над ним', которые также подтверждают положение о том, что мордовские слова были записаны в живом языковом окружении без последующей литературной обработки применительно к требованиям лексикографии), имена числительные (названия чисел от единицы до десятка, сотни и тысячи; обращает на себя внимание написание в эрзянской части кафто 'два' через ф, а в мокшанской графе наряду с фкя 'один' также веикя с тем же значением), местоимения (личные и относительно-вопросительные), причастия на -ыця (э. салыця 'вор', ваныця 'сторож') и т.п.

В годы развертывания работ над Срав. сл. I787-89 были проведены широкие подготовительные мероприятия, вызвавшие к жизни десятки других более значительных словарей и тексто-

вых записей на отдельных языках. Богатые лексические материалы из этих рукописных памятников лишь в самой незначительной степени были использованы в изданных томах словаря Екатерины П – П.С. Палласа. Поэтому письменные памятники того периода на многих языках, в том числе и мордовских, продолжают сохранять свое первостепенное значение. Вместе с тем в Срав. сл. 1787–89 была сделана попытка обобщить опыт приспособления графической и орфографической системы русского языка для передачи особенностей многочисленных языков народов России при создании на этих языках письменных текстов различного содержания и характера. Эта попытка в общем не увенчалась успехом, о чем наглядно свидетельствуют отмеченные выше противоречия и непоследовательности в написании мордовских слов. Принципы графического воплощения звуков и форм многочисленных языков самых различных типов, авторитетно постулируемые составителями Срав. сл. 1787–89, тем не менее оставили некоторые свои следы в традициях буквенного обозначения особенностей этих языков в других памятниках, которые также составлялись на основе русской графики. Эти традиции – с соответствующими коррективами и уже в неизмеримо более широких масштабах – продолжаются в графике и орфографии десятков современных литературных языков народов СССР. Но как раз этого обстоятельства не могли предвидеть в конце XVШ в. рецензенты Екатерины П и П.С. Палласа, критиковавшие Срав. сл. 1787–89 с иных позиций (Краус, Вольней, Добровский, Рюдигер, Рот, Я. Гримм и др.).

Сокращения

ДОА АН СССР = Ленинградское отделение архива Академии наук СССР; м = пример из мокшанского (мокша-мордовского) языка; МРС = Мокшанско-русский словарь. Составили С.Г. Потапкин, А.К. Имяреков. Под ред. Д.В. Бубриха. Москва, 1949; Равила = Ersämordwinisches Wörterverzeichnis aus Maiyj Tolkaj. Gesammelt und herausgegeben von Paavo Ravila. – JSFOu LXI 1959; Срав. сл. 1787–89 = Сравнительные словари всех языков и наречий, созданные десницею всевысочайшей особы I – П. СПб., 1787–1789, тт. (Linguarum totius

orbis vocabularia comparativa etc.); э. = пример из эрзянского (эрзя-мордовского) языка; ЭРС = Эрзянско-русский словарь. Составили М.Н. Коляденков, Н.Ф. Цыганов. Под ред. Д.В. Бубриха. Москва, 1949.

A. P. F e o k t i s t o v
(Moskau)

"LINGUARUM TOTIUS ORBIS VOCABULARIA COMPARATIVA" IN SEINEM MORDWINISCHEN TEIL

Z u s a m m e n f a s s u n g

In den Jahren, als am "Linguarum totius orbis vocabularia comparativa Augustissimae cura collecta I - II" (Petropoli , 1787 - 1789) gearbeitet wurde, wurden daneben zahlreiche Wörterbücher und Denkmäler in vielen Sprachen der Russland besiedelnden Völker geschaffen. Der reiche Wortschatz dieser handschriftlichen Quellen ist nur zu einem Teile in die herausgegeben Bände des Wörterbuches von Katharina II. - P. S. Pallas aufgenommen worden. Zugleich wurde im "Linguarum totius orbis vocabularia comparativa" ein Versuch gemacht, die Erfahrungen der Anpassung des graphischen und orthographischen Systems der russischen Sprache zwecks Widergabe der phonetischen und anderen Eigenschaften der Sprachen der Völker von Russland zu verallgemeinern. Die im Wörterbuch angewandten Prinzipien der graphischen Darstellung der Lautsysteme von Sprachen verschiedener Typen leben - mit gewissen Abänderungen - fort in den graphischen und orthographischen Systemen zahlreicher gegenwärtiger Literatursprachen der Völker der UdSSR.

Die These über die inhomogene dialektale Grundlage des mordwinischen Teils des Wörterbuches von Katharina II. - P. S. Pallas wird in unserem Beitrag anhand eingehender Analyse der graphischen und orthographischen Besonderheiten der mordwinischen Wörter bewiesen. Es wird auch versucht, einzelne morphologische Erscheinungen zu charakterisieren, die in mordwinischen Teilen des Wörterbuches dargestellt sind.

И.Г. И в а н о в
(Йошкар-Ола)

ВОПРОС О ПУРИЗМЕ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Под пуризмом в лингвистической науке, как известно, понимается стремление к очищению языка от заимствованных слов и к замене их словами, образованными средствами родного языка. Пуризм предполагает прежде всего замену уже употребляющихся в языке иностранных слов. Следовательно, явление пуризма возникает только там, где по каким-либо причинам, и чаще всего в результате освобождения от чужеязычного господства, в определенную эпоху начинает развиваться в языке процесс отрицания всего того, что связано с этим ранее господствующим языком.

Но в эпоху становления национальных литературных языков у народов, освободившихся от экономического и культурного угнетения более сильных народов, тенденция создать "чистый язык" возникает в связи с ростом национального самосознания и стремлением избавиться от лексико-стилистической ограниченности языка. Такое явление нельзя называть пуризмом в его отрицательном значении.

Марийский народ после победы Октябрьской революции приступил к активной борьбе за создание своего литературного языка. Перед марийскими языковедами встала задача обогащения его лексического состава. Основное направление этого процесса развивалось по линии ориентации на внутренние возможности родного языка. Языковеды 20-х годов полагали, что в процессе формирования литературного языка наибольший эффект в период массового приобщения народа к образованию и культуре может дать только словообразование на собственной базе.

Языковеды 20-х годов ясно представляли себе важность создания обширного словарного запаса для своего языка. Как известно, словарный состав - основной показатель степени развитости языка. Он отражает уровень его развития, а через него и самого народа.

Как часто бывает в подобных ситуациях, марийские лингвисты избрали путь обогащения родного языка в основном за счет новых возможностей, стремились найти широкую народную базу для литературного языка и на этой основе добиться языковой консолидации. Факт решительного обращения к возможностям родного языка сам по себе не может вызывать удивления. В эпоху становления национальных литературных языков такой процесс наблюдается почти у всех народов. Несколько иначе развивался он в языковом строительстве народностей России, освобожденных от политического и языкового угнетения после Октябрьской революции. Явление, называемое пуристической тенденцией, у них носит иной характер, направленный на демократизацию языка, на освобождение его от искусственно насаждаемых чужеземных слов. В период бурного развития языка всегда существует опасность злоупотребления иностранными словами. Сохранить чистоту языка в такой обстановке - важнейшая задача языкового строительства. Как известно, на эту сторону языкового строительства обращал внимание В.И. Ленин. "Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобностей?" - подчеркивал он в статье "Об очистке русского языка".[1] О вредности чрезмерного употребления чужеязычных слов писали многие деятели русской культуры. Например, А.М. Горький говорил: "Очистить язык совершенно необходимо потому, что язык этот есть материал, с которым мы работаем, переходим в новую действительность, отражая в словах старое и новое в их непримиримом противоречии".[2]

---

[1] В.И. Ленин, ПСС, изд. У, т. 10, стр. 49.

[2] А.М. Горький. Речь на Всероссийском съезде крестьянских писателей. - Несобранные литературно-критические статьи, 1931, стр. 195.

Борьба за чистоту языка, за его обновление и обогащение - важная часть языкового строительства, необходимо присутствующая в период пробуждения национального самосознания. Тем не менее вся словотворческая деятельность 20-30-х годов некоторыми рассматривалась исключительно только как проявление пуризма. Однако, без сомнения можно утверждать, что пуризма как массового явления в его отрицательном понимании в марийском языкознании не существовало. Словотворчество марийских языковедов отличалось от настоящего пуризма тем, что здесь не выдвигались требования отказа от ранее заимствованных слов. Создание новых слов касалось только тех понятий, которые проникали в марийский язык в данное время, причем далеко не всех.

В сложном процессе обогащения словарного состава языка, естественно, могли иметь место и некоторые ошибки. Поэтому нет ничего удивительного в том, что у отдельных лингвистов иногда возникали устремления пуристического характера. Так, например, даже один из известных языковедов Г.Г. Кармазин в одно время высказывал мнение о необходимости избавиться от всех тюркских слов в марийском языке и заменить их своими.[3] Но такие выступления представляли собой частные высказывания. Большинство языковедов не только не отказывались от того, что было принято в свое время от других языков, но, напротив, ратовали за то, чтобы смело включать в литературный язык те заимствования, которые трудно поддавались передаче средствами родного языка. Это, в частности, достаточно наглядно показала языковая дискуссия 1924-25 годов.

Стремление культивировать и обрабатывать родной язык - особенность всех народов и языков. С наибольшей полнотой оно проявляется в период пробуждения национального самосознания, когда создаются условия для избавления от господства чужого языка в государственной и культурной жизни народа. Литературный язык - это продукт сознательного вмешательства специалистов и так называемых мастеров слова в развитие языковых процессов. Его обычно создает какая-то

---

[3] Г.Г. К а р м а з и н, Марий йылме. - У илыш. 1924, № II, стр. 36-38.

часть народа, а не весь народ. В данном случае не имеет значения, чем она представлена: класс это, определенная прослойка или даже небольшая группа людей. Путем воздействия на существующий разговорный язык они устанавливают определенные правила употребления форм и слов, определяют его стилистические варианты и т.д., иными словами, определенным образом нормируют его. Все это имело место и в марийском литературном языке в период его формирования. Но если у раннеписьменных народов такую нормирующую роль брали на себя либо господствующая верхушка, либо духовенство, то у марийского народа в роли создателя литературного языка выступила группа интеллигенции, вышедшая из среды тех же крестьян. Однако это также только определенная часть марийского народа, поэтому вновь созданные ими слова первоначально, естественно, не были понятны всему народу. В течение какого-то времени они оставались ему малопонятными и непривычными. Поэтому аппеляция к народу с целью установить понятность новообоазования в период, когда литературный язык находится в стадии своего формирования, практически ничего существенного не дает. Следовательно, она может быть критерием для оценки "жизнеспособности" новообразования. Речь здесь может идти только о степени приспособленности его к народно-разговорному языку.

Ясно, что не все неологизмы в одинаковой мере будут понятны народу сразу. Однако это не означает и того, что народ их не принимает. Для его распространения и закрепления в качестве полноправного слова необходимо определенное время и, разумеется, частое повторение в печати и т.д. Таким образом, массовой печати должна отводиться главная роль при распространении его среди народа. Можно с полным основанием утверждать, что основное условие закрепления лексических новообразований в языке - это частое обращение к ним. Неологизмы 20-30-х годов широко употреблялись в литературном языке, пользовались популярностью в среде интеллигенции и начинали проникать в крестьянскую массу. Постепенно они превращались в обычные слова и уверенно входили в лексический арсенал литературного языка. К 1937 году, к открытию первой языковой конференции, словарный состав литературного языка, в котором существенное место отводилось и неологиз-

мам, в основных чертах был оформлен. Однако возникает вопрос: почему же в таком случае новообразования не удержались в литературном языке? Причинами того, почему большинство лексических новообразований не сохранились в литературном языке, являются следующие моменты:

I. Прежде всего, это изменение направления языкового строительства после реформы 1938 года. Новая языковая политика, в основу которой был положен принцип сближения марийского языка с русским, коснулась прежде всего словарного состава литературного языка, и новообразования 20-30-х годов были объявлены пуристическими излишествами.

2. Параллельное употребление в письменной речи вновь созданных слов и их русских соответствий. Например: савыкташ~печатлаш: Марий книгам печатлаш Совет власть тужем дене оксам пуыш (У илыш 1927, № 3, стр. 25); "Марла календарь" Озанеш савыкталте (там же); шанче~наук: шанче пашам шемер коклашке (Йошкар кече); институт деч посна наук чыла вереат шараш верештеш (Туныктымо паша) и др. Это обстоятельство приводило иногда к тому, что вновь созданное слово порою получало меньшее распространение, чем его русское соответствие, так как будучи новообразованием, оно оказывалось из-за отсутствия соответствующей информации (словарей, списков новых слов и т.д.) малоизвестным.

3. Отсутствие единообразия в употреблении новообразований в различных изданиях. Неоднородность употребления слов - типичный недостаток начального периода развития марийского литературного языка. Разнобой чаще всего наблюдался в терминологическом словотворчестве. Он имел двоякий характер. Во-первых, для выражения одного и того же понятия в различных изданиях использовались разные слова. Яркий пример этого явления - система лингвистических терминологий двух авторов: Г.Г. Кармазина и В.А. Мухина. Подобное отношение наблюдалось тогда во всех отраслях терминологии. Например, турттшо юж ~ пызыралтше юж 'сжатый воздух', темдымаш ~ темдыж 'давление', авалык ~ азалык вер 'матка' и т.д. Вторая форма отсутствия единообразия выражалась в различном графическом оформлении одного и того же слова. (ту ~ туо 'железа', пӧлаклаш ~ пӧлӧклаш 'наградить', тӧртык ~ тӧрлык 'закон').

Из большого количества вновь созданных в 20-30-х годах слов в современном литературном языке сохранилось только незначительная часть (почеламут 'стихотворение', пӱртӱс 'природа', мутер 'словарь', ушем 'союз' и т.д.). Исчезновение их из языка произошло не потому, что здесь сыграло свою роль явление пуризма. О явлении пуризма в его отрицательном понимании относительно марийского языка нет оснований говорить. Пуризм - по своей идее явление реакционное. Словотворческую деятельность марийских языковедов в период становления литературного языка нельзя рассматривать как реакционный процесс. Вся их словотворческая деятельность была направлена на создание литературного языка, способного служить строительству социализма. Отсюда и возникла "защита" родного языка. Но защищался родной язык не для того, чтобы обособиться в своей национальной скорлупе, как это происходило в прошлом у народов, добившихся национальной независимости, а ради того, чтобы с помощью родного языка приобщить трудящихся к новой жизни, чтобы с его помощью поднять свой народ до уровня развития других народов, и наконец для того, чтобы воспитать у народа чувства интернационализма. Защита родного языка проявлялась в марийском обществе в углубленной систематической работе над его лексическим обогащением, которая и была незаслуженно названа пуризмом. Интенсивное обогащение словарного состава следует считать одной из особенностей литературного языка 20-30-х годов. Пополнение словаря в этот период происходило настолько бурно, что лексика не успевала сложиться в некое единство. Ученые, поэты, писатели смело вводили в свой языковой обиход неологизмы, созданные на основе словообразовательных средств родного языка. Реформатор французского языка Дю Беллэ считал основными требованиями при создании неологизмов три момента: умеренность, аналогию и благозвучие. " Не страшись, поэт будущего, вводить новые слова в поэму, главным образом со скромностью, во всех случаях соблюдая аналогию и сообразуясь со звучанием", - писал он почти 400 лет назад.[4] Ма-

[4] J. B e l l a y , Deffense et illustration de la langue francaise. Paris, I905. (Цитируется по кн.: Вопросы формирования и развития национальных языков, Москва, I960, стр. 205.).

рийские писатели, поэты и языковеды не страшились вводить новые слова, но не всегда соблюдали вторую сторону – "аналогию и благозвучие". Поэтому часть их неологизмов уже тогда оказалась нежизнеспособной.

В первое время не соблюдалась также умеренность в образовании неологизмов. Чрезмерное увлечение ими приводило к нежелательным языковым явлениям. Оно могло вызвать отрицательное отношение народа вообще ко всем неологизмам. В самом деле, такие слова, как канаш 'совет' (в зн. советская власть), кучем 'комитет', посна кундем 'автономия', кугештыш 'большевик', савойат 'библиотека', тӱвыр 'культура', пырльазе 'коммунист' и другие не развивали язык, а только засоряли его. Поэтому, отрицая в целом факт существования пуризма в марийском языке, нельзя не отметить, что первоначально тенденции пуристического характера в какой-то мере все же имели место. Но они имели ограниченное распространение. Жизнь сама отбросила нежизнеспособные новообразования. Уже в самом начале первого периода они вышли из употребления и были заменены русскими заимствованиями. Но большая часть новообразований становилась общеупотребительной. Они превращались в марийском языке в равнозначные слова. Следовательно, они не только не тормозили развитие марийской лексики, а, наоборот, ощутимо обогащали ее. Поэтому нет основания говорить в марийском языкознании о пуризме как широко распространенном и ярко выраженном явлении. Будет правильнее утверждать только о частичных проявлениях пуристических тенденций.

I. G. I v a n o v
(Joschkar-Ola)

FRAGE ÜBER DEN PURISMUS IM MARISCHEN

Z u s a m m e n f a s s u n g

Nach der Revolution bereicherte sich die Lexik der marischen Literatursprache hauptsächtlich mittels eigener Möglichkeiten. In den 20 - 30. Jahren wurden viele neue Wörter geschaffen. Man gebrauchte sie in der Presse, in verschiedenen Veröffentlichungen in der marischen Sprache, sie genossen Popularität unter der Intelligenz und allmählich fanden allgemeine Anwendung. Aber diese wortschöpferische Tätigkeit wird von einigen bis jetzt ausschliesslich als Äusserung des Purismus eingeschätzt. Im Artikel wird behauptet, dass es in der marischen Sprachkunde Purismus als negative Erscheinung nicht gab. Man darf nicht die wortschöpferische Tätigkeit der marischen Sprachforscher in der Periode der Bildung der Literatursprache als reaktionär betrachten. Alle Bemühungen der marischen Linguisten waren auf die Schaffung solcher Sprache gerichtet, die der Sache des Aufbaus des neuen Lebens dienen könnte. Man verteidigte die Muttersprache nicht deswegen, um sich abzusondern, sondern um mit seiner Hilfe die Werktätigen zum Aufbau des Sotsialismus zu vereinigen und sein Volk zum Entwicklungsniveau der anderen Völker zu bringen.

Aber trotzdem kam der grösste Teil der Neologismen nach der Reform 1938 aus dem Literaturgebrauch. Es geschah nicht deshalb, dass hier der Purismus seine Rolle spielte. Die Gründe sind folgende: 1) die Veränderung der Hauptrichtung des Sprachenaufbaus nach der Reform, 2) der parallele Gebrauch der Neologismen und ihrer russischen Entsprechungen, 3) Fehlen der einheitlichen orthographischen Normen. Obwohl im grossen und ganzen der Purismus als negative Erscheinung im Marischen verneint wird, sei es bemerkt, dass es anfangs doch einige für den Purismus charakteristische Tendenzen gab.

L. J a a n i t s
(Tallinn)

MEREVAIGU ESMASEST LEVIKUST LÄÄNEMERESOOMLASTEL

Aastal 1959 osutas professor Paul Ariste, et läänemeresoomlastel on olnud oma põline merevaigunimetus, mis meie päevini on algse tähenduse säilitanud üksnes liivlastel ja kohati Lääne-Saaremaa elanikel, kuna teistes läänemeresoome keeltes on tema tähendus muutunud.[1] Tosin aastaid hiljem leidis P. Ariste, et kõnesolev merevaigunimetus, eesti helmes, kuulub substraatsõnade rühma, mis läänemeresoome keeltesse on laenatud mingist meile tundmatust keelest. Tõenäoliselt on seda keelt kõnelnud need hõimud, kes asusid Läänemeremaadel juba enne läänemeresoomlaste esivanemate saabumist ja kelle vahendusel viimased õppisid tundma nii merd kui ka merevaiku.[2]

Prof. P. Ariste poolt esitatud keeleseigad on heas kooskõlas arheoloogia andmetega. Meil on siin tegemist juhtumiga, kus mõlema teadusharu andmed teineteist vastastikku toetavad ja kinnitavad.

Olen kaitsnud hüpoteesi, mille kohaselt Läänemeremaade neoliitiline tüüpiline kammkeraamika kultuur on kuulunud sellele soomeugrilaste rühmale, kelle alusel kujunesid läänemeresoomlased.[3] Paleoantropoloogia and-

[1] P. A r i s t e , Läänemerelaste vanast merevaigu nimetusest. - Etnograafia Muuseumi Aastaraamat XVI. Tallinn, 1959, lk. 211-218.

[2] P. A r i s t e , Die ältesten Substrate in den ostseefinnischen Sprachen. - Советское финно-угроведение УII 1971, lk. 251-258.

[3] Л. Ю. Я н и т с , Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин, 1959, lk. 325-357; L. J a a n i t s , Über die gemeinsame archäologische Kultur der ostseefinnischen Stämme. - Советское финно-угроведение X 1974 (ilmumisel).

meil[4] võib küll oletada, et soome-ugri etnilist elementi on siia levinud varemgi, võib-olla juba mesoliitikumis, kuid nähtavasti siiski niivõrd vähesel hulgal, et see ei põhjustanud veel elanikkonna laialdasemat soomeugristumist.

Mesoliitikumis elasid Eestis, Lätis ja osalt Leedus hõimud, kellele on kuulunud Kunda kultuuri muistised. Lõunapoolses Leedus ja naabruses asuvail Valgevene aladel oli levinud tulekivirikas nn. mikroliitilis-makroliitiline kultuur, põhja pool - Soomes, Laadoga ümbruses ja Karjalas aga Suomusjärvi kultuur. Varaneoliitikumis, IV aastatuhande algul e. m. a., võeti neil aladel kasutusele keraamika, mis ei olnud kõikjal ühesugune. See osutab eri suundadest tulnud mõjudele, mõningal määral vahest ka uutele siirdlastele. Leedu ja Läti rannikualadele näib olevat saabunud mõjusid läänest, kuivõrd sealses vanimas keraamikas ilmnes sarnasusjooni Taanis ja Läänemere lõunarannikul levinud Ertebølle kultuuri savinõudega. Baltimaade idaosas, esmajoones Ida-Leedu ja -Läti keraamikas näivad avalduvat Dnepri jõgikonnast pärinevad kultuurimõjud. Teatavate kagupoolsete, seni veel täpsemalt väljaselgitamata eeskujude järgi on vististi hakatud savinõusid valmistama Soomes ja Karjalas. Põhiosa elanikkonnast moodustasid neil aladel ometi kohalike mesoliitiliste hõimude järglased, mida tõendab luu- ja kiviesemete vormide arengupidevus mesoliitikumist varaneoliitikumini. Ühtlasi säilisid vananeoliitikumis ka põhilised, juba mesoliitikumis väljakujunenud kultuuripiirkonnad, kuigi nende levikupiirid mõnevõrra muutusid.

III aastatuhande keskpaiku laialileviv tüüpilise kammkeraamika kultuur, mis hõlmas enamiku läänemeresoomlaste pärastistes asumisaladest, avaldas nende alade elanike ainelisele kultuurile tugevat ühtlustavat mõju. Selle põhjuseks oli asjaolu, et tüüpilise kammkeraamika kultuuri siirdlased segunesid kohalike elanikega, kusjuures mõlemad pooled võtsid vastastikku omaks uusi kultuurielemente. Ühtlasi jätkus tüüpilise kammkeraamika kultuuri hõimude omavaheline suhtlemine, mis oli tunduvalt elavam kui see oli olnud sama ter-

---

[4] Р. Я. Денисова, Антропология древних и современных балтов. (Автореферат докторской диссертации.) Москва, 1973, lk. 8-12, 42-47.

ritooriumi asukate vahel enne kõnesoleva kultuuri laialilevimist. Selle suhtlemise ilmekaiks tõendeiks on mitmete looduses piiratud alal esinevate toorainete ja neist valmistatud esemete levik kogu kõnesoleva kultuuri areaalis. Üks niisuguseid aineid oli merevaik.

Merevaigu peamisteks leiukohtadeks Põhja-Euroopas on Jüütimaa läänerannik ja Läänemere kagurannik. Kui Jüütimaa merevaigust hakkasid sealsed elanikud ehteid ja amulette valmistama juba mesoliitikumis, siis Läänemere merevaigu nii varase kasutamise kohta meil seni kindlaid andmeid ei ole.[5] Siinsed merevaiguleiukohad avastati nähtavasti alles nooremal kiviajal.

Vanimad dateeritavad merevaikesemete leiud ja kindlad andmed merevaigutöötlemise kohta Läänemere kagurannikul pärinevad varaneoliitilistest asulatest Loode-Leedus Šventoji ümbruses ja Lääne-Lätis Sārnatas. Arvatavasti võeti merevaik kasutusele ka kaugemal edela pool, kuni Gdanski laheni paiknevatel rannikualadel, kus seda ainet esines, kuid seal pole vastavaid muistiseid seni veel põhjalikult uuritud. Algul ei paista Läänemere merevaik olevat nimetamisväärsel määral levinud sisemaale. Teda pole seni leitud Leedu sisemaa-asulatest ega Ida-Läti varaneoliitilistest asulatest. Samuti ei ole ta levinud lõunasse. Nii ei ole ta iseloomulik lehterpeekrite kultuuri idapoolse rühma kalmetele ja asulatele[6], kuigi selle kultuu-

---

[5] Mõned Poola arheoloogid on oletanud, et teatavad Põhja-Poolast juhuleidudena saadud merevaigust loomakujukesed võiksid pärineda juba mesoliitikumist. Vt. S. K. K o z ł o w s k i , Pradzieje ziem polskich od IX do V tysiąclecia p. n. e. Warszawa, 1972, lk. 190 - 192, tahv. XXXV:6-8. See on aga vaid oletus - ja kui see peakski paika, siis tundub olevat tõenäolisem, et tegemist on Jüütimaa merevaiguga.

[6] K. Jażdżewski mainib lehterpeekrite kultuuri idarühmast vaid ühte merevaigutükikest, mis pärineb kultuuri hilisemast etapist. K. J a ż d ż e w s k i , Kultura puharów lejkowatych w Polsce zachodniej i środkowej. Bibljoteka Prehistoryczna. t. 2. Poznań 1936. lk. 393 (saksakeelne kokkuvõte). Paelkeraamika kultuuri kalmistust Brześć Kujawskis leitud merevaikehte väikesed katkendid võivad olla ka Jüütimaa päritolu. K. J a ż d ż e w s k i , Cmentarzyska kultury ceramiki wstęgowej i związane z nimi ślady osadnictwa w Brześciu Kujawskim. - Wiadomości Archeologiczne XV. Warszawa, 1938, lk. 8, 44, tahv. VI:2d.

ri levikuala ulatus teataval perioodil Visla suudmepiirkonnas päris Läänemere rannikule ja kaugemal läänes, eriti Taanis, oli merevaik sama kultuuri hõimudel iseäranis armastatud ehteaineks. Nõnda tundub, et Läänemere merevaigu esimene laialdasem levimine on seotud tüüpilise kammkeraamika kultuuriga.

Selle kultuuri edelapoolne haru levis piki mererannikut ka merevaigu looduslike esinemiskohtade lähedusse. Kõnesolevat keraamikat on leitud Läti läänerannikult, Kaliningradi oblastist ja Visla suudmealalt. Et Leedust seda seni ei tunta, on tõenäoliselt tingitud Põhja-Leedu neoliitikumi vähesest uuritusest. Kohe pärast tüüpilise kammkeraamika kultuuri siirdlaste saabumist Läänemere kagurannikule hakkasid nad innukalt kasutama merevaiku, levitades seda ka oma kaugemal elavaile sugulashõimudele. Kahjuks on peaaegu kõiki Kaliningradi oblastis ja Visla suudmealal paiknevaid asulaid, kus kammkeraamika esineb enamasti koos muude keraamikaliikidega, uuritud üsna kauges minevikus, võrdlemisi algelist kaevamismetoodikat kasutades, mistõttu me ei saa neist küllalt selget ettekujutust. Siiski võib suure tõenäosusega väita, et merevaikesemed on kuulunud tüüpilise kammkeraamika kultuuri leiukompleksi Kaliningradis, end. Königsbergi lossikasarmu juures olnud asulas ja oblasti kaguosas Ozerski lähedal paiknevas Serovo (end. Zedmar) asulas.[7]

Seda enam pakuvad huvi tüüpilise kammkeraamika kultuuri ja kohaliku kultuuri suhted Sārnate asulas, kus neid tänu läti arheoloogide, eriti L. Vankina uurimistööle[8] on võimalik jälgida üksikasjalikumalt kui üheski teises seni teadaolevas asulas Baltimaadel.

Sārnate paikneb Ventspilsist 30 km lõuna pool, 2-3 km kaugusel merest, tänapäevaks enamasti juba soostunud järve kaldal. Asulas on leitud kaht tüüpi elamute jäänuseid, mis seostuvad kahe arheoloogilise kultuuriga. Nn. Sārnate tüüpi

---

[7] E. K e m p i s t y , Kultura ceramiki "grzebykowo-dołkowej" na Mazowszu i Podlasiu. - Wiadomości Archeologiczne XXXVIII. Warszawa, 1973, lk. 53-54.

[8] Л. В. В а н к и н а , Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига, 1970.

elamuid on lahti kaevatud 25. Neil on olnud kas neli- või hulknurkne põhiplaan ja nähtavasti viilkatus, mida on toetanud rida maasse löödud vaiu. Seinad olid põimitud vitstest ja okstest. Elamus asus roigastest, pärnakoorest ja liivast leease, mille ümber leidus rohkesti vesipähklite koori. Kammkeraamika kultuuri elamuist, mida on uuritud 15, oli säilinud üksnes liivaga kaetud ovaalne põrand, mille keskel asetses samuti leease, kuid teistsugune, lihtsama ehitusega. Taimseid jäänuseid ei olnud neist elamuist säilinud.

Elamupõhjad paiknevad ebaühtlase tihedusega ligemale kilomeetripikkusel alal. Kui kohaliku kultuuri elamud olid koondunud rohkem asula lõunaossa, siis kammkeraamika kultuuri elamute asemeid on seni avastatud üksnes asula põhjapoolses kolmandikus.

Seega on rühm tüüpilise kammkeraamika kultuuri inimesi tulnud juba asustatud järvekaldale ja jäänud sinna elama kõrvuti varasemate asukatega. Mõlemad rühmad on olnud umbes ühesugusel ühiskondlik-majandusliku arengu tasemel, kuid nende aineline kultuur, ilmselt ka keel, on olnud erinev. Ajapikku on nad teineteiselt omandanud mitmeid kultuurielemente ja oskusi. Üks oskusi, mille kammkeraamika kultuuri asukad nähtavasti kõigepealt omaks võtsid, oli merevaigutöötlemine.

Merevaiku on leitud peaaegu igalt Sārnate asula elamupõhjalt. Enamasti on need mitmesugusteks eheteks resp. amulettideks töödeldud esemed (läätsekujulised, V-tähe kujuliselt puuritud auguga "nööbid", trapetsilised, ovaaljad või korrapäratu kujuga ripatsid, silinderjad toruhelmed, auguga kettad ja rõngad jms.), küllaltki tihti aga mererannalt korjatud täiesti töötlemata tükid. Teiste seas tuleb ette poolvalmis esemeid ja töötlemisel maha langenud killukesi, mis osutab merevaikesemete valmistamisele samades elamutes. Eriti agarad merevaigutöötlejad on olnud kammkeraamika kultuuri asukad. Selle kultuuri elamupõhjalt nr. 3, mis paistab silma üldse väga rikkaliku leiuainesega, on leitud kokku 49 valmis või poolvalmis merevaikeset, sealhulgas selliseidki vorme, mida Sārnaste tüüpi elamuist ei ole leitud (muuseas väikseid loomakujuke-

si), 35 töötlemata merevaigutükki ning neile lisaks veel 400 töötlemisel tekkinud killukest. Nimetatud elamu on olnud kammkeraamika kultuuri elamute hulgas üks varasemaid, pärinedes ajast, mil asula mõlemad elanikerühmad olid veel põhiliselt säilitanud ainelise kultuuri omapära. See kajastub teataval määral ka merevaikesemetes.

Kammkeraamika kultuuri hilisemaist elamuist oli iseäranis merevaigurikas nr. 2. Selle põhjalt leiti 126 töödeldud eset, 40 töötlemata tükki ja 2027 killukest. Kuna kõnesoleva elamu muu leiuaines on tunduvalt väikesearvulisem kui varasema elamu nr. 3 oma, siis näib, et merevaigutöötlemine oli selle elamu elanikel kujunenud väga tähtsaks tegevusalaks. Arvatavasti oli siin merevaikesemeid valmistatud mitte üksnes enda tarbeks, vaid peamiselt just vahetuseks. Ühtlasi äratab tähelepanu, et elamu nr. 2 merevaikesemed on vormilt vähem mitmekesised, seejuures enamasti samasugused kui Sārnate tüüpi elamutes. Nähtavasti oli merevaigutöötlemine nüüd, massilise tootmise tingimustes, teataval määral standardiseerunud. Tuleb tähendada, et selleks ajaks oli mõlema elanikerühma aineline kultuur tervikuna teineteisele lähenenud. Ilmselt oli asulas toimumas etniline assimileerumisprotsess.

Merevaik levis võrdlemisi kiiresti ka kaugemaisse tüüpilise kammkeraamika kultuuri asulaisse. Ida-Lätis Lubāna järve nõos, kus on avastatud rohkesti neoliitilisi, sealhulgas mõningaid varaneoliitilisigi asulaid, levis merevaik I. Loze andmeil kõigepealt just tüüpilise kammkeraamika kultuuri asulais.[9] Nii on Sulka ja Abora II asulast leitud kokku 70 merevaikeset, mis kujult vastavad Sārnate omadele. Muuhulgas on kummastki asulast saadud ka väike loomaskulptuur. Suurest Zvejnieki kalmistust Põhja-Lätis Burtnieki järve kirdekaldal, kuhu on surnuid maetud mitme aastatuhande kestel nii mesoliitikumis kui ka neoliitikumis (kokku üle 300 matuse), on merevaiku leitud eriti neist haudadest, mis on seostatavad kammkeraamika kultuuriga.[10]

---

[9] И. Л о з е , Новый центр обработки янтаря эпохи неолита в восточной Прибалтике. - Советская археология 1969, 3, lk. 124-134.

[10] Ф. З а г о р с к и с , Стоянка и могильник каменного века Звейниеки. - Археологические открытия 1970 года. Москва, 1971, lk. 334.

Eestis hakkas merevaik levima samuti tüüpilise kammkeraamika ajal. Enamikus meie asulaist, kus tüüpilist kammkeraamikat esineb, on leitud ka merevaikesemeid. Võrtsjärve kaldal Valmas oli merevaigust metsseakujuke asulasse maetud naise hauas.

Merevaigu seost tüüpilise kammkeraamikaga Karjala maakitsusel ja Soomes on veenvalt näidanud A. Äyräpää.[11] Kuigi merevaikesemete hulk võrreldes uuritud asulate arvuga on seal suhteliselt väiksem kui Eestis, rääkimata Lätist, ja neid ei ole leitud kaugeltki mitte kõigist asulaist, on mõlema leiuliigi kokkukuuluvus siiski sealgi täiesti ilmne. Rovaniemi ümbruses on mõlemad üheskoos jõudnud polaarjooneni. Eriti viimasel ajal on Soomes merevaikesemeid leitud ka paljudest kammkeraamika kultuuri asulahaudadest.[12]

Läänemere merevaigu leviku kohta kaugematele idapoolsetele aladele praegu nii üksikasjalikke andmeid ei ole. Ometi näib, et selleski suunas on vanimate merevaikesemete ja tüüpilise kammkeraamika levik omavahel seotud, sest muud keraamikaliigid, millega koos seal merevaiku on leitud, on üldiselt hilisemad.

Seega on tõenäoline, et Läänemere merevaigu esimesteks levitajateks olid tüüpilise kammkeraamika kultuuri hõimud, kes õppisid seda ainet ja tema kasutamist tundma Läänemere kaguranniku vanadelt asukatelt, arvatavasti Kunda kultuuri hõimude järglastelt. Just kammkeraamika kultuuri hõimudel sai merevaik eelistatud ja otsitavaks aineks, millest valmistada ehteid. Nagu tõendavad viimaste seas esinevad looma-, linnu- ja inimkujukesed, samuti merevaikesemete sagedane surnutele kaasapanemine haudadesse, olid need esemed tihedas ühenduses uskumustega.

On kõigiti usutav, et koos merevaiguga levis tüüpilise kammkeraamika kultuuri hõimude - läänemeresoomlaste arvatavate eellaste - seas ka tema nimetus, mis võis olla

---

[11] A. Äyräpää, Die Verbreitung des Bernsteins in kammkeramischem Gebiet. - Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XLV. Helsinki, 1945, lk. 10-25; A. Äyräpää, Neue Beiträge zur Verbreitung des Bernsteins in kammkeramischem Gebiet. - Światowit XXIII. Warszawa, 1960, lk. 235-247.

[12] T. Edgren, Jäkärlä-gruppen. - Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 64. Helsinki, 1966, lk. 30-40, 156-158.

laenatud nendelt hõimudelt, kellelt õpiti tundma merevaiku.

Merevaik käibis läänemeresoomlaste eellastel palju sajandeid. Mõningase aja möödudes kujunes kohaliku eriarengu ja assimilatsiooniprotsesside tulemusena endisel tüüpilisel kammkeraamika levikualal taas väiksemaid, paikkondlikke kultuurirühmi, millede omapära avaldub esmajoones keraamikas. Osa kammkeraamika kultuuri hõime, eriti kõige kaugemale edelasse siirdunud rühmad, sulanesid etniliselt võõraste hõimude hulka. Kaugelt suuremal osal selle kultuuri levikualal elavaist hõimudest säilis aga küllaltki elav omavaheline suhtlemine, mille ilmekaks näitajaks on endiselt merevaik. Kõnesolevasse perioodi kuulub ka Sārnate väga rohkete merevaiguleidudega elamu nr. 2. Mererannikust kaugemal asuvaist piirkondadest kujunes nüüd eriti merevaigurikkaks Ida-Läti koos sellele territoriaalselt ja kultuuriliselt lähedase Kagu-Eestiga. Lubāna nõo asulaist Nainiekstest ja Piestiņast on leitud üle 300[13], Võru lähedal olevast Tamula asulast üle saja merevaikeseme. Tamulas oli merevaiku pandud ka haudadesse.[14]

Samal ajal näib olevat alanud Läänemere merevaigu laialdasem levimine lõuna suunas. See on märgatav kõigepealt keraamforate kultuuris, mille levila kirdeosa ulatus Visla suudmealale.

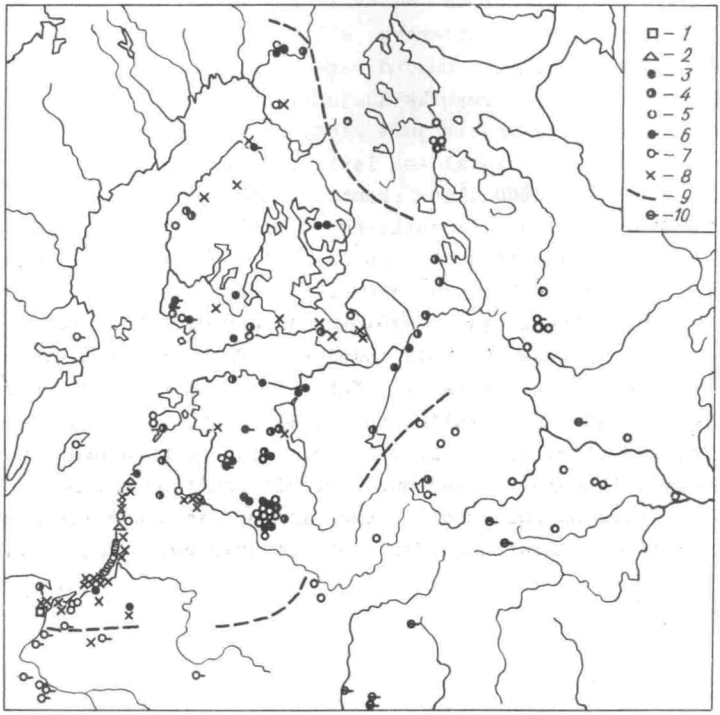
Hilisneoliitikumis Baltimaadele ja Soome tunginud venekirveste e. nöörkeraamika kultuur, mille kandjad olid tõenäoliselt balti hõimude esivanemad, ei tegelnud kuigi intensiivselt merevaikesemete levitamisega. Üksnes Gdanski ja Visla lahe kallastel ning Kura säärel ja Leedu rannikul, seega otse merevaigu leiukohtade juures paiknevaist selle kultuuri asulaist on leitud arvukamalt merevaikesemeid, kuna aga näiteks Leedu sisemaal uuritud asulaist pole merevaiku saadud.[15] Üsna "merevaiguvabad" on Eesti ja iseäranis Soome

---

[13] И. Лозе, op. cit.

[14] L. Jaanits, Neue Gräberfunde auf dem spätneolithischen Wohnplatz Tamula in Estland. - Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 58. Helsinki, 1957, lk. 80-100.

[15] Р. К. Римантене, Неолит Литвы и Калининградской области. - Материалы и исследования по археологии СССР 172. Ленинград, 1973, lk. 223.

Läänemere merevaigu levik neoliitikumis. 1 - oletatav mesoliitiline merevaikese, 2 - merevaik varaneoliitilistes asulates, 3 - tüüpilise kammkeraamika kultuuri asulates, 4 - asulates, kus merevaik võib olla ühenduses nii tüüpilise kammkeraamikaga kui ka hilisema keraamikaga, 5 - muudes (peam. hilisemates) asulates, 6 - tüüpilise kammkeraamika kultuuri kalmistutes, 7 - muudes (peam. hilisemates) kalmistutes, 8 - juhuleid, 9 - tüüpilise kammkeraamika levikupiir, 10 - merevaik Fatjanovo ja Kesk-Dnepri kultuuri kalmistutes.

venekirveste kultuuri muistised. Venekirveste kultuuri idapoolsete sõsarkultuuride - Kesk-Dnepri kultuuri ja Volga ülemjooksul levinud Fatjanovo kultuuri - kalmistuist on merevaikesemeid samuti saadud väga harva.[16]

Seevastu kammkeraamika kultuuri idapoolsetes sõsarkultuurides osutab merevaik just üleminekuperioodil kiviajalt pronksiajale eriti laialdast levikut, mis territoriaalselt tunduvalt ületab tüüpilise kammkeraamika kultuuri omaaegse levikupiiri. Nii on merevaikesemeid leitud õige mitmest asulast Volga ülemjooksul koos nn. Volossovo tüüpi keraamikaga, seejuures tihti asulahaudadest. Mõnes sealses leiukohas, nagu Kontšanskojes, Jazõkovos ja Sahtõši VIII asulas, ulatub merevaikesemete hulk sadadesse. Ühtlasi oli merevaik jõudnud kaugele kirdesse - Võgi jõe suudmesse, kus seda on leitud Valge mere kaljujooniste lähedalt Salavruga asulatest. On võimalik, et need kaugele itta ja kirdesse levinud merevaikesemed on lähtunud suurelt osalt Lubāna nõo asulatest, nagu on näidanud I. Loze viimase aja kaevamised, just sel perioodil merevaigutöötlemine saavutas oma kõrgpunkti.[17]

---

[16] Д. А. К р а й н о в , Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Москва, 1972, lk. 92.

[17] И. Л о з е , op. cit.

Л. Яанитс
(Таллин)

О ПЕРВИЧНОМ РАСПРОСТРАНЕНИИ ЯНТАРЯ СРЕДИ ПРИБАЛТИЙСКИХ ФИННОВ

Резюме

В статье прослеживается распространение янтаря в неолитическую эпоху на территории, расположенной к востоку от Балтийского моря (см. карту рис. I). Автор считает, что янтарь вошел в употребление впервые в ранненеолитических поселениях юго-восточного побережья (Сарнате, Швентойи). Первичное широкое распространение балтийского янтаря имело место в границах культуры типичной гребенчато-ямочной керамики и продолжалось на той же территории позже, когда там стали возникать местные культурные группы. Особенно далеко к востоку и северо-востоку янтарь проник в период перехода от неолита к бронзе, когда одним из центров распространения его стала, по-видимому, группа поселений в Лубанской низменности в Восточной Латвии. Племена прибалтийской культуры ладьевидных топоров или шнуровой керамики мало пользовались янтарем (главным образом, лишь в прибрежных поселениях на юго-востоке Балтийского моря), мало он встречается также в могильниках фатьяновской и среднеднепровской культур.

По мнению проф. П. Аристэ, древнее прибалтийско-финское наименование янтаря (эст. helmes) является субстратным словом - заимствованием из неизвестного нам языка, которым по всей вероятности пользовались племена, обитавшие в Прибалтике до появления здесь прибалтийских финнов. Автор связывает типичную гребенчато-ямочную керамику с предками прибалтийских финнов и находит, что археологические сведения в данном случае хорошо согласуются с языковыми данными.

L. J a a n i t s
(Tallinn)

ÜBER DIE ÄLTESTE VERBREITUNG DES BERNSTEINS BEI DEN OSTSEEFINNEN

Z u s a m m e n f a s s u n g

Im Artikel wird die Verbreitung des Bernsteins im Neolithikum in den sich östlich von der Ostsee erstreckenden Gebieten verfolgt. Nach der Meinung des Verfassers ist der Bernstein in ersten Linie in den an der südöstlichen Küste der Ostsee gelegenen frühneolithischen Siedlungen (Sārnate, Šventoji) in Gebrauch gekommen. Die erste ausgedehnte Verbreitung des ostseeischen Bernsteins vollzog sich in den Grenzen des Kulturgebiets der tüpischen Kammkeramik und dauerte auf demselben Territorium auch noch späterhin fort, als sich dort bereits örtliche Kulturgruppen herauszubilden begannen. Besonders weit nach Osten und Nordosten gelangte der Bernstein in der Übergangsperiode von der Stein- zur Bronzezeit, als in der Verbreitung des Bernsteins das Siedlungszentrum in der Lubāna-Niederung (Ostlettland) scheinbar eine wichtige Rolle spielte. Die ins Ostbaltikum gedrungenen Stämme der Bootaxt- resp. Schnurkeramikkultur benutzten nur wenig Bernstein (hauptsächlich in den Siedlungen im südöstlichen Küstenstreifen der Ostsee), auch in der Fatjanowo- und in der Mitteldneprkultur war der Bernstein nur schwach verbreitet.

Prof. P. Ariste hat gezeigt, daß die alte ostseefinnische Benennung des Bernsteins (estn. helmes) ein Substratwort ist - eine Entlehnung aus jener uns unbekannten Sprache, welche allem Anschein nach von den Stämmen gesprochen wurde, welche vor den Ostseefinnen im Ostbaltikum saßen. Der Verfasser verbindet die Kultur der typischen Kammkeramik mit den Vorfahren der Ostseefinnen und findet, daß im gegebenen Fall die archäologischen Daten mit den sprachlichen gut übereinstimmen.

Э. Якимова
(Тарту)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МАРИЙСКИХ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Соматические фразеологизмы составляют наиболее древний пласт фразеологического запаса марийского языка. Из-за отсутствия ранних письменных памятников трудно определить точное время их возникновения. Но сопоставление марийских соматических фразеологизмов с соответствующими фразеологизмами других финно-угорских языков, а также языков, контактирующих с марийским языком, может способствовать разрешению вопроса о происхождении марийских соматических фразеологизмов.

С точки зрения происхождения марийские соматические фразеологизмы можно разделить на следующие группы: I) фразеологизмы, общие с другими финно-угорскими языками, 2) фразеологизмы, общие с нефинно-угорскими языками, 3) исконно марийские, 4) заимствованные. Марийские фразеологизмы, общие с другими финно-угорскими языками, наиболее древние. Напр., марийский фразеологизм йолжат мландыш ок логал 'очень быстро бежит (= даже ноги в землю не попадают)' имеет соответствия в эрзянском (пильгтне а токшить модас 'ноги не касаются земли'), в удмуртском (пыдыз но музъем вылэ уг йӧтылы) (Дзюина 1967: 94), в эстонском (jookseb nii, et jalad ei puutu vastu maad), в водском (johzeb nī etti jalgad mālē evät pūtu), в финском (menemään niin, että jalat maahan eivät koskettaneet) (Рятсеп 1962: 103). Марийский фразеологизм ӱмам пуаш 'поцеловать (= рот дать)' можно сравнить с эстонским suud andma, ливским sūdâ andâ, водским antevat sūta, финским antaa suuta, карельским sūd antau (Рятсеп 1962: 104). Марийский шӱмым кочкаш 'мучать (=сердце съесть)' соотносится с эстонским südant sööma, ливским

sieds sidamt, водским sõp süätä, финским syöpi sydäntäni (Рятсеп 1962: 104). Приведенные примеры показывают, что и внутренняя форма и значение соматических фразеологизмов марийского и других финно-угорских языков совпадают. Но в процессе развития языка общие финно-угорские фразеологизмы могли и измениться: напр., мог частично измениться образ, лежащий в основе общего финно-угорского фразеологизма. Ср. марийский фразеологизм кожла пылышан, нур шинчан 'лес с ушами, поле с глазами' (Ибатов 1960: 39) с удмуртским луд синмо, тэль (сик) пеле (Дзюина 1967: 70) 'у поля глаза, у леса уши' и эстонским metsal kõrvad, merel silmad 'у леса уши, у моря глаза'. Иногда при неизменной внутренней форме могло произойти семантическое изменение: напр., мар. мӱшкыр коршта 'завидует (= живот болит)' по образу, лежащему в основе фразеологизма, совпадает с коми мый тэнад кыӧмыд висьӧ ме вӧсна (Тарабукин 1959: 85) 'что у тебя-то живот болит за меня' и удмуртским кӧт куректэ (Дзюина 1967: 55)' 'живот болит, душа болит', но со стороны семантики отличается от них.

Среди марийских соматических фразеологизмов имеют место и такие, которые являются общими для многих языков. Напр., мар. вуйым (кумык) сакаш 'голову (ничком) повесить', вуйым рӱзаш 'качать головой', шинчам караш 'вытаращить глаза', пӱйым шыраш 'скалить зубы, смеяться', умшам караш 'разинуть рот', шоякоремым удыралаш 'почесать затылок' имеют соответствия в очень многих языках: ср. мар. вуйым сакаш 'голову повесить', коми юр копыртны (КРС), удм. йырез ошыны (РУС), эрз. комавтомс пря (ФСМЯ), эст. pead norgu laskma (Vakk 1970: 46), русск. голову вешать, нем. den Kopf hängen lassen, англ. to hang one's head, франц. baisser la tête и т.д. Подобные устойчивые словосочетания могли возникнуть во многих языках независимо друг от друга. Основой образования послужили наблюдения человека за своим поведением и поведением животных. Такие фразеологизмы польский лингвист Ст. Скорупка называет натуральными (Skorupka 1958: 125). К фразеологизмам этой группы относятся переосмысленные а) соматические словосочетания, обозначающие различные жесты и мимические действия. Все они связаны с выражением какого-нибудь психического состояния человека: так, вуйым удыралаш

обозначает недоумение, озадаченность, шинчам караш - удивление, страх, саӈгам куптырташ - недовольство, вуйым сакаш - плохое настроение и т.д. Разумеется, первоначально эти словосочетания употреблялись только в прямом значении. Но постепенно, когда человек заметил, что душевное состояние сопровождается определенными физиологическими действиями, данные словосочетания стали употребляться и для обозначения психического состояния человека. В современном марийском языке в рассматриваемых соматических фразеологизмах сосуществуют прямое и фразеологическое значение, т.е. явление совмещенной омонимии (Ройзензон, Абрамец 1969: 54). Напр., Каври, саӈгажым куптыртен, Стапаным шыдын ончалеш (Шкетан IУ: 212) 'Каври, сморщив лоб, зло смотрит на Стапана', Яшмет шӱлыкын кидшым шаралта (Васин 1956: 24) 'Яшмет печально разводит руками', Ладемырже шӱлыкаӈеш, вуйжым сака (Орай 1951: 72) 'а Ладемыр запечалился, повесил голову', Каври кугыза адак шоякоркажым удыралеш (Шабдар 1957: 33) 'дед Каври опять почесал затылок'. К этой же группе относятся переосмысленные б) соматические словосочетания, обозначающие различные физические движения. Напр., умшам петыраш 'замолчать, заставить замолчать (= рот закрыть)', Шимай, умшатым петыре! (Шкетан IУ: 105) 'Шимай, замолчи (= рот свой закрой)!' Соматические фразеологизмы с таким мотивом можно найти во многих языках. Или ср. шинчам почаш 'освободить кого-нибудь от заблуждений, показать истину вещей (= глаза открыть)', Туныктышо мемнан шинчанам почо 'учитель раскрыл нам глаза'. К данной группе принадлежат также марийские соматические фразеологизмы, образованные путем метафоризации или метонимизации, созданные на основе внешнего сходства или функции с разными частями тела человека. Образование подобных фразеологизмов связано с представлением людей, что психическое покоится в отдельных частях тела и имеет пространственные атрибуты (Паульс 1960: 116). Напр., вуйыш пураш, вуйыш толын пураш 'приходить в голову, случайно прийти в голову (= в голову входить)', вуйышто кучаш 'помнить, держать в голове (= в голове держать)', вуйыш каяш 'в голову ударить (= в голову идти)', Вуйышкыжо нимат ок пуро (Шабдар 1957: 186) 'Ничего не приходит в голову', Тиде шонымашым тудо эре вуйыштыжо кучен 'Эту мысль он все время держал в голове,

Большую часть всех соматических фразеологизмов марийского языка составляют исконно марийские соматические фразеологизмы. К ним мы относим те фразеологические обороты, которые являются специфическими для марийского языка. Исконно марийские соматические фразеологизмы связаны с культурой, обычаями, традициями, поверьями марийского народа. В их образовании участвовали как лингвистические, так и экстралингвистические факторы, которые очень тесно переплетаются. К таким фразеологизмам относятся:

I) Соматические фразеологизмы; связанные с поверьями. Напр., йылме пурылтын 'подвергнуться вредному действию дурного языка (= язык прикусился)', шинча возын 'сглазили (= = глаз лег)', осал шинча 'плохой глаз', Вара тыланет ен шинчат ок воч, йылмат ок пурылт (Чавайн I957: 246) 'Тогда никто тебя не сглазит (= чужой глаз не ляжет, язык не прикусится)', Мом изи презым тыге ончет? Шинчам возыктынет, ужат? (Волков I962: 67) 'Что так смотришь на маленького теленка? Хочешь сглазить? (= Хочешь, чтобы глаз лег?)', Осал йылман улат, молан тынаре карет? (Орай I95I: I94)' у тебя плохой язык, что так орешь?' Образование данных фразеологизмов основано на поверьи, что некоторые глаза имеют волшебную силу и их взгляд может нанести большой вред особенно маленьким детям и домашним животным. Такой же вред может принести восхваление и восхищение. Вера в магический взгляд восходит к очень древней эпохе и связана с тем, что примитивный человек не мог объяснить природу болезни и смерти и искал причины в магических силах (Seligmann I922:2-3).

2) Соматические фразеологизмы, связанные с укладом жизни, традициями, ритуалами. Напр., йолым чот пидаш 'молчать (= ноги крепко завязывать)' связано со старинной обувью марийцев, лаптями: Мом ойлена - йолдам чот пидса (Орай I95I: 225) 'О чем будем говорить, не рассказывайте (= ноги свои крепко завяжите)', кидым кучаш 'здороваться, быть чьим-либо единомышленником, быть на чьей-либо стороне (= руку держать)' связано с ритуалом приветствия: Салам, Макси йолташ! - манын, ӱстел покшеч лектеш да Макси деке толын, кидым куча (Орай I95I: 54) 'Здравствуй, товарищ Макси!- сказал он, выходя из-за стола и приветствуя', Кӧн кидым кучаш кӱлмым калык деч йодман, - Акпарс угыл ойла (Васин I956 :

I52) 'На чьей быть стороне (= чью руку держать), надо спросить у народа, - снова говорит Акпарс'.

3) Исконно марийскими соматическими фразеологизмами являются образные описания состояния человека при страхе, боли, гневе и т.д. Так состояние спазма при сильном волнении, переживании передается фразеологизмом логарышке комля кӱза 'в горло комок (кусок) поднимается', состояние страха передается фразеологизмами вуй коваште кынелеш 'кожа головы встает', ӱп копыж-ж кынелеш 'волосы встают' (копыж-ж - изобразительное слово, обозначающее ощущение кожи, испытываемое при страхе), состояние гнева, волнения - вуй ырен 'голова согрелась'. Напр., Вара ӱпшо копыж-ж шогалеш, логар пундашеш комля шинчеш (Шкетан II: II0) 'Потом его волосы встают дыбом, комок подступает к горлу (=на дно горла комок садится)'. Описание состояния человека, которое не всегда можно увидеть глазами, у каждого народа дается по-своему, хотя могут иметь место и некоторые общие моменты.

4) Соматические фразеологизмы, образованные на основе наблюдения человека за поведением животных. Напр., шум шогалташ 'рассердиться, разозлиться (= щетину поднять)', Кушко? - Сепан вате шужым шогалтыш (Ончыко I973 № I :I7) 'Куда? - огрызнулась жена Сепана (= щетину свою подняла)'.

Следующую группу марийских соматических фразеологизмов составляют заимствованные фразеологизмы. В результате длительного контакта марийского языка с тюркскими и индоевропейскими (в основном с русским) в марийский язык проникло больше всего слов и словосочетаний из этих языков. Среди марийских соматических фразеологизмов можно обнаружить полные заимствования, когда заимствование происходит без перевода, с сохранением звуковой формы, напр., баш на баш 'на равных правах (= голова на голову) (татарское заимствование). Но число подобных заимствований незначительно. Заимствование в марийском языке в основном совершается путем калькирования, когда иноязычное словосочетание дословно переводится на марийский язык, напр., мар. вуйым кочкаш 'погубить (= голову съесть)' заимствовано из тюркских языков, ср. тат. баш ашау (ТРС), чув. пуҫа ҫи (ЧРС), узб. бошини емоқ (УзРС), турецк. başini yemek (ТурРС), также вуйым шупшаш 'отказываться, упрямиться (= голову тянуть)' тюркского происхождения, ср. тат.

баш тарту, чув. пуç турт, каракалп. бас тарт (ККРС). В приведенных примерах произошло полное калькирование, т.е. сохранена и форма, и значение. Иногда же наблюдается перевод иноязычного фразеологического оборота с лексико-грамматическим изменением, т.е. калькирование происходит в соответствии с правилами системы марийского языка. Напр., русский фразеологизм с головы до ног в марийском языке передается как вуй гыч тӱ̆налын йолыш шумеш, вуй гыч тӱ̆налын йол марте: Ведат кува вуй гыч тӱ̆налын йол марте мыйым ончале (Ончыко 1967 № 4: 17) 'Жена Ведата осмотрела меня с ног до головы (= с головы начиная до ног)'. В марийском языке имеют место и полукальки, т.е. когда марийские соматические фразеологизмы состоят из исконного элемента и заимствованного: ср. мар. вуй пыташ 'погибнуть, поплатиться головой, пропасть (= голова кончится)' и тат. баш бетү 'поплатиться головой (= голова кончится)'. Марийский глагол пыташ, как показывает М. Рясянен, татарское заимствование (Räsänen 1923: 53). Или ср. мар. аңыра вуй 'глупая голова', где аңыра татарское заимствование (там же: 21). В татарском языке имеется фразеологизм аңгыра баш с таким же значением (Бурганова, Махмутова 1959: 52). В марийском фразеологизме вуйым чыкаш 'впутаться в непрятное дело (= голову сунуть)' глагольный компонент тюркский (Егоров 1964: 325). Э. Хауген называет такие заимствования гибридными (Хауген 1972 : 352). К семантическим калькам относятся такие фразеологизмы, когда заимствуется из другого языка лишь фразеологическое значение. Напр., мар. йол ӱмбак шогалташ ' поставить на ноги', пурла кид 'правая рука, помощник' стали фразеологизмами благодаря расширению значения. Переносное значение их образовалось под влиянием соответствующих русских фразеологизмов.

В заключение отметим, что мы лишь затронули некоторые вопросы происхождения марийских соматических фразеологизмов. Дальнейшее изучение их поможет более полно выявить структурно-семантические особенности марийских фразеологизмов, установить общие черты фразеологизмов финно-угорских языков.

Литература

Бурганова Н.Б., Махмутова Л.Т. Русско-татарский фразеологический словарь. Казань, 1959;

Васин К. Ушнымаш. Йошкар-Ола. 1956;

Волков А. Каче-влак. Йошкар-Ола, 1962;

Дзюина К. Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь. Ижевск, 1967;

Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964;

Ибатов С.И. Марийские пословицы, поговорки, загадки. Йошкар-Ола, 1960;

Ончыко 1973, № 1 и 4;

Дим. Орай, Тӱтыра вошт. Йошкар-Ола, 1951;

Пауль Г. Принципы истории языка. Москва, 1960;

Ройзензон Л.И., Абрамец И.В. Совмещанная омонимия в сфере фразеологии. - ВЯ 1969, № 2, стр. 54-63;

Рятсеп Х. Об историческом исследовании фразеологии прибалтийско-финских языков. - Вопросы финно-угорского языкознания. Москва - Ленинград, 1962, стр. 101-108;

Тарабукин И.И. Краткий коми-русский фразеологический словарь. Сыктывкар, 1959;

Хауген Э. Процесс заимствования. - Новое в лингвистике УІ. Москва, 1972, стр. 344-382;

Чавайн С. Ойпого. Йошкар-Ола, 1957;

Шабдар О. Ӱдрамаш корно. Йошкар-Ола, 1957;

Шкетан М. І-ІУ. Йошкар-Ола, 1962;

Räsänen, M. Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen. - MSFO L. Helsinki, 1923;

Seligmann, S. Die Zauberkraft des Auges und das Berufen. Hamburg, 1922;

Skorupka, St. Idiomatyzmy frazeologiczne w jezyku polskim i ich geneza.- Славянская филология Ш. Москва, I958, стр. I24-I53;

Vakk, F. Suured ninad murdsid päid. Tallinn, 1970.

Сокращения

ККРС = Каракалпакско-русский словарь. Москва, I958; КРС = Коми-русский словарь. Москва, I96I; РУС = Русско-удмуртский словарь, Москва, I956; ТРС = Татарско-русский словарь. Москва, I966; ТурРС = Турецко-русский словарь. Москва, I945; УзРС = Узбекско-русский словарь. Москва, I959; ФСМЯ = Р. Ширманкина, Фразеологический словарь мордовских языков. Саранск, I972; ЧРС = Чувашско-русский словарь. Москва, I96I.

E. J a k i m o v a
(Tartu)

URSPRUNG DER MARISCHEN SOMATISCHEN PHRASEOLOGISMEN

Z u s a m m e n f a s s u n g

Vom Standpunkt des Ursprungs könnte man die marischen somatischen Phraseologismen in folgende Gruppen einteilen: 1) die mit den anderen finnisch-ugrischen Sprachen äquivalenten Phraseologismen, 2) die mit den anderen Sprachen zusammenfallenden Phraseologismen, 3) die eigentlichen marischen Phraseologismen, 4) die entlehnten Phraseologismen.

1. Die Phraseologismen, die gemeinsam für viele finnisch-ugrische Sprachen sind, gehören zur ältesten Schicht der Phraseologismen. Als Beispiele solcher könnte man folgende marische Phraseologismen nennen: йолжат мландыш ок логал 'läuft sehr schnell (= Füsse berühren die Erde nicht)', шӱмым кочкаш 'j-n quälen (= das Herz essen)' u. s. w.

2. Die zweite Gruppe bilden die Phraseologismen, die Analogien in sehr vielen Sprachen haben. Zu dieser Gruppe gehören die umgedeuteten somatischen Wortverbindungen, die verschiedene Gesten und mimische Bewegungen darstellen und den psychischen Zustand des Menschen ausdrücken, z. B. вуйым сакаш 'den Kopf hängen lassen', вуйым рӱзаш 'den Kopf schütteln', шинчам караш 'die Augen aufreissen'. Auch viele Phraseologismen, im Grunde derer Metaphern und Metonymien liegen, die den allmenschlichen Charakter haben, werden in dieser Gruppe betrachtet.

3. Die eigentlichen marischen Phraseologismen bilden eine grosse Gruppe der Phraseologismen. Sie sind die spezifischen marischen Phraseologismen und widerspiegeln den nationalen Charakter. Die eigentlichen marischen Phraseologismen sind mit Kultur, Sitten und Bräuchen, Traditionen verbunden, z. B. йылме пурылташ 'eine böse Zunge bringt Schaden (= die Zunge lässt sich beissen)', шинча возын 'behexen (= ein Auge hat sich gelegt)', йолым чот пидаш 'schweigen (= Beine fest binden)'.

4. Die entlehnten Phraseologismen. Dank den langen Kontakten mit den türkischen Sprachen und der russischen Sprache kommen im Marischen die Phraseologismen vor, die aus diesen Sprachen entlehnt sind. Z. B. вуйым кочкаш 'j-n untergehen lassen (= den Kopf essen)', вуйым шупшаш 'sich verzichten (= den Kopf ziehen)' sind türkischer Herkunft, вуй гыч тӱналын йол марте 'vom Kopf zum Fuss' ist eine russiche Entlehnung.

Г.М. К е р т
(Петрозаводск)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ СААМСКИХ ДИАЛЕКТОВ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Состав лексики саамских диалектов Кольского полуострова как с точки зрения исторического происхождения, так и в отношении структурных типов слов чрезвычайно сложен. Наиболее древний слой саамской субстратной лексики по мнению Т.И. Итконена составляет около 30 процентов всего состава лексики. Этот слой не имеет соответствий не только ни в одном финно-угорском языке, но и в самодийских. Характерно, что громадное большинство субстратных слов по трем диалектам Кольского полуострова (нотозерском, кильдинском и иоканьгском) одинаковы (исключая, конечно, фонетические различия). Более того, эти слова характерны для всех саамских диалектов Норвегии, Швеции, Финляндии и Советского Союза.

Несомненно, что основная часть саамской лексики имеет финно-угорское происхождение. С другой стороны, Ю.Х. Тойвонен приводит свыше 50 слов, имеющих параллели либо в одном из самодийских языков, либо в одном из обско-угорских (хантыйском, мансийском).[1] Ю.Х. Тойвонен считает, что эти слова заимствованы саамами, т.к. ни в одном финно-угорском языке они не встречаются. Т.И. Итконен приводит еще II словарных соответствий саамского и хантыйского языков.[2] Без-

[1] Y. H. T o i v o n e n, Zum Problem des Protolappischen. - Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften 1949. Helsinki, 1950.

[2] T. I. I t k o n e n, Ostjakisch-lappische Wörtervergleichungen. - MSFOu 98, стр. 133-136.

условно, это является свидетельством того, что саамы могли иметь непосредственный контакт с народами угорской и самодийской семей языков.

В процессе исторического развития саамы вошли в контакт с прибалтийскими финнами, через посредство которых они восприняли балтийские заимствования. О том, что балтийские заимствования восприняты саамами через прибалтийско-финские языки, свидетельствует прежде всего численный состав заимствований. Если в финском и эстонском языках насчитывается до 100 балтийских заимствований (в других прибалтийско-финских языках их значительно меньше), то в саамских диалектах число их достигает не более 20, причем в саамских заимствованиях нет ни одного, соответствий которому не было бы в других прибалтийско-финских языках.

Вслед за балтийскими заимствованиями саамский язык воспринял германские заимствования. Германское влияние на саамский язык было довольно широким. Так по подсчетам Э. Итконена в саамских диалектах имеется около 3000 скандинавских заимствований, из них наиболее древние распространены по всем саамским диалектам.[3]

В саамских диалектах Кольского полуострова К.Б. Виклунд нашел 63 несомненных заимствования.[4] Причем, по его мнению, эти заимствования произошли в древнегерманское время (примерно 700 лет до н.э.). Кольско-саамские диалекты к этому времени уже отделились от других саамских диалектов. Впоследствии Т.И. Итконен обнаружил в кольско-саамских диалектах еще 68 слов германского происхождения (в кильдинском 45 и иоканьгском 23 слова), которые отсутствовали в словаре А. Генетца, по которому делал исследование К.Б. Виклунд. Т.И. Итконен, придерживаясь мнения П. Равила, считает, что кольские саамы восприняли шведские заимствования через посредство пограничных финских саамов. Не решая окончательно этого вопроса, считаем, что предположение К.Б. Виклунда бо-

---

[3] E. I t k o n e n, Suomalais-ugrilaisen kielen- ja historiantutkimuksen alalta. Helsinki, 1961, стр. 116.

[4] K. B. W i k l u n d, Die nordischen Lehnwörter in den russisch-lappischen Dialekten. - JSFOu X (1892).

лее достоверно, уже хотя бы потому, что германские заимствования в кольско-саамских диалектах восходят именно к древне-германским формам. Больше того, в кольских диалектах саамского языка встречаются германские заимствования, отсутствующие в прибалтийско-финских языках.

После распада прибалтийско-финского языка-основы саамы находились в непосредственном контакте с карелами. Это обстоятельство наложило отпечаток на словарный состав кольско-саамских диалектов. В кольско-саамских диалектах имеется свыше 200 слов, заимствованных из карельского языка.[5]

Сюда относятся слова, обозначающие явления природы, растения, животных, части тела, различные орудия ловли, охоты, пищу, одежду и т.д. Многие из этих слов были заимствованы карелами у русских.

В связи с вопросом взаимодействия карел с саамами Т.И. Итконен высказал мнение, что с христианством саамы первоначально познакомились у карел, лишь позднее миссионерскую деятельность начали служители русской церкви.

Наиболее значительному влиянию лексика саамских диалектов Кольского полуострова подверглась со строны русского языка. Влияние его сказалось не только на лексике, но и на фонетике и грамматике.

Как известно, первые русские колонисты проникли на Кольский полуостров в XIУ-XУ вв. Известен же Кольский полуостров и его северный берег Мурман русским людям был еще в XIII в. "В договорных грамотах этого века, заключенных новгородцами с Тверскими князьями, среди новгородских "волостей" упоминается обыкновенно "Тре", т.е. Терский берег, и однажды упомянута Кола, правда, в редакции несколько сомнительной (...Заволоцье Коло Перемь Тре ...)".[6]

Продвижение на Кольский полуостров из Руси шло двумя потоками. Новгородцы двигались по проторенному пути с юга через Онежское озеро, на обоих берегах которого были расположены многочисленные погосты. К берегам Кольского залива

---

[5] T. I. I t k o n e n, Karjalaiset ja Kuolan-lappi. - Kalevalaseuran vuosikirja 22 (1942). Helsinki, 1943.

[6] С.Ф. П л а т о н о в, Начало русских поселений на Мурмане. - Производительные силы района Мурманской железной дороги. Петроград, 1923, стр. I.

москвичи же шли по реке Печоре, через горловину Белого моря, и оттуда по восточному побережью Кольского полуострова.

Русские заимствования охватывают все сферы производственной жизни саамов. С точки зрения "фонетической приспособленности" к законам саамской фонетики первоначальные заимствования можно разбить на две большие группы. Первая - это те заимствованные слова, которые согласно законам фонетики саамского языка подвергаются чередованию ступеней согласных, а также чередованию гласных. Вторая группа - это слова, в которых обобщилась либо сильная, либо слабая ступень. В настоящее время в связи с сильным потоком заимствований из русского языка, заимствованные слова не успевают грамматикализироваться в отношении внутренней флексии в соответствии с законами саамской фонетики.

В результате исторического развития в кольских диалектах саамского языка возник неодинаковый состав лексики. Приведем примеры лексических различий по диалектам:

	Кильдинский	Нотозерский	Иоканьгский	
I.	boran	vijorsz	лambes'	'баран'
2.	åssɛ	paɾ'v'	assii	'одежда'
3.	kɛ́bb̥	bol'es't'	pack'em'	'болезнь'
4.	čuɛ̆kas	čuahkas	rid̥d̥	'добыча'
5.	v'eɾc	v'iarc	puŋ̆k	'мешок'
6.	kuŧ·k	čeddu$	kj̆t·k'e	'сердце'
7.	vaptɛ̆k	boht$s'	kj̆s's'a	'богатый'
8.	odlɛ̆s'	tovdɛ̆s'	siɾi̯v	'быстрый'
9.	kielsɛ̆ллɛ	luantɛ̆ллɛ	t'ibi̯ldɛd'	'лгать'
IO.	n'eɛmmɛl'	n'uammɛl'	kurja	'заяц'
II.	m'istɛɣ	miestA	vaššа	'куст'
I2.	таll	tališ	kj̆mč	'медведь'
I3.	jeb'eš	hiavaš	ros's'e	'лошадь'
I4.	kaš̄v	muaht	kasva	'лицо'
I5.	čuj̄v	sa̋v	n'amn'e	'глина'

Как видно из приведенных примеров, субстратная лексика по диалектам сосуществует с общефинно-угорской и заимствованной лексикой. Характерно, что из всех приведенных слов нет ни одного финно-угорского слова, общего для всех

диалектов. Соответственно, субстратная и заимствованная лексика проявляется своеобразно в каждом диалекте.

Каковы же дальнейшие задачи исследования лексики в отношении хронологии заимствований? Во-первых, сопоставление заимствованной балтийской и древнегерманской лексики по диалектам дает возможность уточнить абсолютную хронологию соприкосновения прибалтийских финнов и древних германцев с саамами. Безусловно, необходимо и в дальнейшем отыскивать в диалектах пласт самодийской лексики. Далее, исследование прибалтийско-финского пласта по диалектам, а также отграничение собственно карельских заимствований от прибалтийско-финского пласта лексики поможет уяснить перипетии исторического взаимодействия прибалтийско-финских племен с саамскими племенами. Наконец, изучение по диалектам русских заимствований позволит проследить конкретные пути проникновения русских на Север (бассейн Онежского озера, реки Печоры).

Если в отношении заимствованных слов лексика отдельных диалектов Кольского полуострова имеет существенные различия, то в отношении структуры словообразовательных моделей, а также состава словообразовательных суффиксов по диалектам за небольшими исключениями, имеется полное единство.

В значительно большей степени, чем путем заимствований, словарный состав диалектов саамского языка обогащается путем внутренних средств. Из них важнейшими для саамского языка являются суффиксальное словообразование и словосложение. Для имен существительных наиболее характерным способом словообразования является словосложение. Наряду со словосложением имеется и суффиксальное словообразование имен, однако оно (словообразование) менее употребительно при именах существительных. Словообразование путем суффиксации наиболее характерно для глагола. Саамский глагол богат словообразовательными суффиксами, с помощью которых имеется возможность передавать тончайшие оттенки протекания действия. Словообразовательные суффиксы могут характеризовать качественную особенность действия, каузативность, модальность и т.д.

Каузативные суффиксы

Один из древнейших финно-угорских суффиксов, имеющих параллели почти по всем финно-угорским языкам, – это t-овый суффикс, например: porrɛ 'есть' – poʒtɛ 'кормить'; juggɛ 'пить' – juʒtɛ 'поить, заставлять пить' и т.д.

Функцию каузативности несет суффикс -h-, например: suggɛ 'грести' – sugxɛ 'заставлять грести'; mustɛ 'помнить' – mušthɛ 'заставлять помнить'; jeskɛ 'остановиться' – ješkhɛ 'остановить'; tuʒtɛ 'кипеть' – tuʒdhɛ 'кипятить' и т.д.

Первичные суффиксы могут выступать в "комбинации" с другими суффиксами, не несущими смысловой нагрузки, или утерявшие ее в данной комбинации, например: суффикс -hah't-: r'aggɛ 'реветь' – r'ighah't ɛ 'заставлять реветь'; kuddɛ 'оставить' – kud'hah'tɛ 'заставить оставить'; суффикс -saht-: lɛkɲɛ 'двигаться' – lɛksah'tɛ 'подвинуть'; суффикс -aht-: jel'l'e 'жить' – jallah'tɛ 'возвратить к жизни'; komlɛ 'ложиться' – komlah'tɛ 'уложить'.

Суфиксы, выражающие протекание действия

Суффикс -j- выражает мгновенность, моментальность действия, например: mustɛ 'помнить' – mušt'je 'вспомнить'; šaggɛ 'дуть, тяжело дышать' – šog'je 'дохнуть'; passɛ 'дуть' – pasje 'дунуть'.

Суффикс -л- передает мгновенность, моментальность действия, а также быстрое действие, продолжающееся недолгое время, например: vɛčkɛ 'скрести' – vɛčklɛ 'скребнуть'; tussɛ 'светить' – tusлɛ 'посветить'; pannɛ 'прясть' – panлɛ 'попрясть'.

Суффикс -s- выражает мгновенность, моментальность действия, например: vujnɛ 'дышать' – vujnsɛ 'дохнуть'; n'illɛ 'глотать' – n'ilsɛ 'проглотить'.

Суффикс -č- выражает длительное действие, например: jel'l'e 'жить' – jel'če 'поживать'; kirdɛ 'лететь' – kirdčɛ 'летать'.

Суффикс -ɛлл- обозначает длительное действие, например: vuj̄hɛ 'обмануть' - vujhɛллɛ 'обманывать'; lå̄htɛ 'мочить' - lå̄htɛллɛ 'помачивать'.

Рефлексивные суффиксы

Суффикс -nɛdd-: vuz'h'e 'показать' - vuɛznɛddɛ 'показываться'; vɛ̄cɛ 'брить' - vɛ̄cknɛddɛ 'бриться'.

Суффикс -huvv-: vis̄'tɛ 'весить, взвешиваться' - vis'huvvɛ 'взвеситься'. Интересно, что этот суффикс может выражать действие другого лица, например: på̄inɛ 'красить' - på̄inhuvvɛ 'краситься при помощи другого лица, быть покрашенным другим'; vɛ̄cɛ 'брить' - vɛ̄chuvvɛ 'побриться при помощи другого лица'.

Суффикс -лuvv-. Наряду со значением рефлексивности в этом суффиксе комбинаторно выступает значение однократности, например: k'issɛ 'бинтовать' - k'issлuvvɛ 'обвернуться'; på̄inɛ 'красить' - på̄inлuvvɛ 'покраситься'; må̄s̄sɛ 'помазать, мазать' - må̄s̄лuvvɛ 'намазаться'.

Интересным глагольным суффиксом в диалектах саамского языка является суффикс -suvv-, выражающий модальность действия, например: å̄skɛ 'верить' - asksuvvɛ 'хотеть верить'; vaā'cɛ 'идти' - vanc'uvvɛ 'хотеть идти'.

В большинстве случаев глагольные суффиксы могут выражать несколько значений, например суффикс -hɛлл- выражает и каузативность и длительность, ср. kaddɛ 'потеряться' - kadhɛллɛ 'терять' (по временам, длительное время); surknɛ 'испугаться' - sur'khɛллɛ 'пугать' (по временам, длительное время).

G. M. K e r t
(Petrozavodsk)

SOME PECULARITIES OF THE LAPPISH DIALECT VOCABULARY OF THE KOLA PENINSULA

S u m m a r y

The present paper deals with the vocabulary of Lappish dialects. According to T. I. Itkonen, the oldest layer of the Lappish substrate vocabulary makes up about 30 per cent of the total vocabulary and has no parallels in the Fenno-Ugric languages. In the course of historical development the Lapps came into contact with the Baltic Finns through whom they assimilated some Baltic borrowings. There are over a hundred Scandinavian borrowings in the Lappish dialects of the Kola Peninsula.

After the degradation of the Baltic-Fennic basic language the Lapps were in direct contact with the Karelians from whom they have borrowed over 200 words. The strongest effect was exerted upon the vocabulary of Lappish dialects of the Kola Peninsula by Russian language.

The dialect vocabulary of the Lappish language is being enriched by the internal means to a much lesser extent than through borrowings. Among the former suffix word formation and word composition are of greatest importance for the Lappish language. For nouns word composition is the most characteristic way, for verbs this being suffix word formation. Word formation suffixes may characterize the qualitative feature of an action as well as causativity, modality, and reflectiveness.

A. K ü n n a p
(Tartu)

MISCELLANEA SAMOIEDICA

1. Kurzer Überblick über die nordsamojedischen Gerundium- und Partizipzeichen

Die Hauptfunktion des Kennzeichens nenz. -ba(e)i, -baj, -bäei, -bei, -bej, -pai, -paej, -puj, -p(ə)j̆, -ppĭ, enz, -we, -bā, -be, -bi, -bĭ, ngan. -wa, -mə̄, -bā, -bua ist das Partizip des Präteritums auszudrücken, z. B. enz. (Künnap) mottagu-bĭ 'сруб́ивший', ngan. (Künnap) mə̆ttu-mə̄ '(об)резанный'. Lehtisalo führt dieses Zeichen auf die zusammengesetzte Ausgangsform *-pa-ju, *-pɛ-ju, *-wa-ju, *-wɛ-ju zurück (Lehtisalo 1936: 257-258), vgl. auch z. B. nenz. (Lehtisalo) ʒə̄-pā-jjŭ-w? 'ist sie gestorben?', wo nach N.-Sebestyén *pa + *jɛ ist (N.-Sebestyén 1971: 176). Nenz. -b(a)(ʾ), -p(a)(ʾ), enz. -b(u)ʾ, -büʾ, -biʾ, -p(u)ʾ, -füʾ, ngan. -buʾ, -biʾ, -fuʾ, -fiʾ ist das Zeichen des Gerundiums des Präsens (drückt genauer die Bedingung aus, kommt auch in der Lokativform der possessiven Deklination vor), z. B. nenz. (Tereščenko) to-bʾ-na-ni 'wenn ich komme' (Log. Sg. 1. P. Sg.). Am Ende des Zeichens steht der nichtnasalierbare Laryngalklusil, den N.-Sebestyén im Nenzischen vom Verbalnomensuffix *-tV ableitet, vgl. auch z. B. nenz. (Castrén) jāŋə̄-p-ta 'wenn ich nichts gibt'; die erste Komponente des nenzischen Zeichens leitet sie vom Verbalnomensuffix *-pa, *-pɛ ab (ebenda: 175 - 176).

N.-Sebestyén hat noch auf das Verbalnomensuffix -(m)ba-, -mpa- des Nenzischen hingewiesen (drückt die Bedingung aus, kommt in der Lokativform der possessiven Deklination vor), z. B. (Castrén) üäsou-mba-nani 'wenn wir uns lagern' (ebenda: 179-180). Nenz. -(m)ma-, -m̆a- ist das Zeichen des Gerundiums des Präteritums (? od. des Nomen actionis) und

kommt in den Lokalkasusformen vor, z. B. (Lehtisalo) ńĭjjo.-mma-χāś 'nach dem Gehen, nachdem man gegangen ist' (Ablativendung -χāś, vgl. mĭjjü'-ńʼ 'das Gehen'), und steht etymologisch offensichtlich mit dem Gerundiumzeichen (Infinitivzeichen) enz. -'a- und ngan. -mu-, z. B. enz. (Castrén) m a t u - m u - n a ŋ firam 'ich kann h a u e n' (Lativendung -naŋ), in Verbindung, diese Zeichen leitete Lehtisalo vom Verbalnomensuffix *-mV ab (Lehtisalo 1936: 105-106, 109; Lehtisalo 1938).

Nenz. -wĭ(ʼ), -wwē, -wwĭ(ʼ)-, -(m)maj-, -mmäe-, -(m)mĭ(-), enz. -e, -i, ngan. -maʼa, -me, -mi, (?) -e ist das Zeichen des Partizips des Präteritums, z. B. nenz. (Lehtisalo) tō-wwĭ ~ tōmmĭ 'gekommen'. Dieses nenzische Zeichen wurde von Lehtisalo in der Form *-ma (< Verbalnomensuffix *-mV) + *-j rekonstruiert (Lehtisalo 1936: 108-109; Lehtisalo 1938; vgl. auch N.-Sebestyén 1971: 172-175) (*-j < Verbalnomensuffix *-jɛ nach N.-Sebestyén 1971: 172). N.-Sebestyén schreibt mit Recht: "Es erhebt sich die Frage, ob das Suffix ßßī in jedem Falle die Fortsetzung des Suffixes *ma + j ist, oder zum Teil auf das Suffix *pa + j zurückzuführen ist. Das Verbalnomen mit der Bedeutung 'tot' steht im Wb (174) in der Form O χā-ßåì, WKis kā-pĭ, in Castréns waldjurakischen Aufzeichnungen finden wir die Form kaa-puj (Mat 275). Im Wb sind auch noch Kan (N) χāßßĭ und OD χàßi, angeführt, die der Herkunft nach wahrscheinlich ebenfalls mit dem Suffix *pa + j gebildete Verbalnomina sind; vgl. noch C kā-vuih (2), hā-vi̯eih (222), hāwi̯ (25). Mit Zusammenfallen muß man also rechnen." (ebenda: 174-175). Man beachte dabei, daß beide Ausgangssuffixe von ähnlichen Bau sind und Partizipzeichen mit identischer Funktion gegeben haben.

Nenz. -s(i), -ssə, -(ś)śe, ś, -ź, -dʼ, -tʼe, -ťi, -tʼ, -ce, -ci, -c, -č(e), -čə, -ǯe, enz. -si, -ś(i), -š, -dʼ(i), -tʼ(i), -č, -č̆, ngan. -sa, -se, -si, -si, -śa, -ja, -jä, -je, -ji, -dʼa, -dʼe(ʼ) ist ein Suffix, das in allen nordsamojedischen Sprachen als Infinitivzeichen benutzt wird, z. B. nenz. (Lehtisalo) χā-ś 'sterben', enz. (Künnap) o ɛ o-č̆ 'кушать'; außerdem übt es die Funktion

des Gerundiums des Präteritums aus, z. B. enz. (Tereščenko) tō-š 'gekommen (kommen)', stellenweise auch die Funktion des Gerundiums des Präsens, z. B. enz. (Künnap) o¸o-č' 'кушая', ngan. (Tereščenko) basu-d'a 'jagend'. In bezug auf die nenzische Variante -č hat Lehtisalo darauf hingewiesen, daß diese sekundärer Herkunft ist (Lehtisalo 1936: 201). Dieses Zeichen stammt seiner Meinung nach vom Verbalnomensuffix *-šV ab (ebenda: 198; vgl. auch N.-Sebestyén 1971: 201-204). Von gemeinsamer Herkunft mit diesem soeben betrachteten Kennzeichen ist das nach den Personalendungen stehende Präteritumszeichen nenz. -si, -s, -še usw, enz. -š(i), -d'(i), -t'(i) usw. (ursprünglich gleichfalls das Gerundiumzeichen beim Hilfsverb 'sein': Ger. Prät. *V-šV 'gewesen').

Nenz. -šei, -šej, -šši, -ššī, enz. -sej, -d'ej(')-d'ie, -d'Ī, -t'ej, ngan. -sod'e, -suaja, -seaja, -sieja, -juaja, -jeaja, -jieja ist das Zeichen des Partizips des Präteritums, z. B. nenz. (Lehtisalo) mal'-šej 'gebrochen, zerbrochen'. Lehtisalo rekonstruierte dieses Zeichen in der Form von *-šɛ + X-j (Lehtisalo 1936: 199). N.-Sebestyén bringt noch das Gerundiumzeichen (Infinitivzeichen) waldnenz. -ššəj', -š'əj' : (Lehtisalo) ŋäe-ššəj', ŋäe-š'əj' (='sein'), indem sie die Ausgangsform *šɛ + j + tV annahm (N.-Sebestyén 1971: 202-203). Außerdem übt enz. -sej uzw. anscheinend auch die Funktion des Gerundiums aus, z. B. (Castrén) m o t a - s e j abu' sowa 'w e n n i c h g e s c h n i t t e n h ä t t e , wäre es in Ordnung'.

Nenz. -j, -i, enz. -j('), -'e, -'i ist das Zeichen des Partizips des Präsens und des Partizips des Präteritums, z.B. nenz. (Lehtisalo) tāl'l'e-i 'Dieb' (eigtl. 'Stehlender, Stehler'), joxora-i 'verloren', enz. (Prokof'ev) mota-j 'резавший, резанный', (Künnap) mottā-j 'сруб́ивший';mit diesen verbindet sich etymologisch wohl ngan. Part. Präs. -a, z. B. (Castrén) tole-a 'Dieb'(eigtl. 'Stehlender, Stehler'; s. Lehtisalo 1936: 65; N.-Sebestyén 1964: 277). Für die Ausgangsform hielt Lehtisalo das Verbalnomensuffix *-jV (Lehtisalo 1936: 60, 64-66; vgl. auch N.-Sebestyén 1964: 278). Des öfteren widerspiegelt sich die Spur des letzteren nur in der Qualität oder Quantität des Stammvokals: im Nenzischen nach Lehtisalo i, Ī (Lehtisalo 1936: 64), nach

N.-Sebestyén auch z. B. ā, ē (N.-Sebestyén 1971: 201), im Enzischen z. B. ē : (Tereščenko) d'irē 'gelebt' (s. Терещенко 1966 b: 452). Dasselbe Verbalnomensuffix *-jV kommt auch im Bestand mehrerer schon betrachteten zusammengesetzten Gerundium- und Partizipzeichen des Nordsamojedischen vor.

Das nenzische Zeichen des Partizips des Präsens und des Partizips des Präteritums (nach Tereščenko) -na, -ńa, -da, -d'a, -ta, -t'a (s. z. B. Терещенко 1965: 909; vgl. auch Hajdú 1968: 51) stammt aller Wahrscheinlichkeit nach vom Verbalnomensuffix *-ntV ab, denn dessen Varianten -na, -ńa benutzt man nach Vokalen, die übrigen Varianten aber nach Konsonanten, z. B. (Tereščenko) il'e-na 'lebend', χada-na 'unlängst gefangen', min-da 'gehend', per-t'a 'sich mit irgend etwas beschäftigend'. Lautgesetzlich würde ihm das enz. -dde des Partizips des Aorists und des Partizips des Präteritums entsprechen. In den übrigen Fällen haben wir es mit Suffixen zu tun, die wir mit verhältnismäßig großer Wahrscheinlichkeit nur auf das Verbalnomensuffix *-tV zurückführen können, obwohl unter ihnen solche sein können und wahrscheinlich auch tatsächlich sind, die vom Verbalnomensuffix *-ntV abstammen, jedoch ihrer postkonsonantischen Position oder ihrer Verallgemeinerung wegen die darauf hinweisenden Merkmale eingebüßt haben (s. Lehtisalo 1936: 280-282): nenz. -ʃə(ə), -da, -d'əə, -(t)ta,-(t)tə(ə), -(t')t'ə, -ɓe, enz. -da, -de, -ta, -te, -re, ngan. -to, -tua, -tea, -teä, -ti(ä), -č'o. Ihre Funktion ist das Partizip des Aorists, das Partizip des Präsens und das Partizip des Präteritums, z. B. nenz. (Lehtisalo) χādaba-ʃə 'der zu Tötende', enz. (Castrén) jebi-de ~ jebi-re 'betrunken', ngan. (Castrén) ńile-tea 'lebend'. Lehtisalo hat in bezug auf die Beispiele des letzteren Typs im Nganassanischen geschrieben: "Das -t- nach 2. silbe (statt -d-) weist eher auf *-tt- od. *-nt- hin, wie auch die schwache stufe vor -tea in kandetea 'erfroren'. In sankutʊa, fankutʊa begegnet eigentümlicherweise starke stufe vor -tʊa. Es ist also möglich, daß die t formen sekundär durch verallgemeinerung entstanden sind." (ebenbda: 282). Als Fortsetzungen des Verbalnomensuffixes *-kV hat Lehtisalo das nenzische

-χa, -χ22 das enzische -χa und das nganassanische -gu des Partizips des Präteritums angeführt, z. B. nenz. (Lehtisalo) χawwa-χā 'umgefallen (Baum), herabgefallen, gefallen (Schnee)' (χawwā 'umfallen') ~ enz. (Castrén) kō-χa 'liegender Baum' ~ ngan. (Castrén) kama•-gu 'id'. Als erste Komponente steht es in den zusammengesetzten nenzischen Kennzeichen -χai und -χād, -kkād (kk ist sekundär), z. B. (Lehtisalo) χ a w w a - χ a i ɓā 'h a l b u m g e - f a l l e n (Baum)', jār-χād 'weinerlich' (? eigtl. 'weinend, Weinender'; jār- 'weinen'). (Ebenda: 343, 350-351.) Nach Castréns Handschriften ist im Nganassanischen das Gerundiumzeichen -χu, nach Tereščenko ist das Gerundiumzeichen (das eine Bedingung ausdrückt) -χü', z. B. (Tereščenko) tuj-χü' 'wenn man kommt' (der Laryngalklusil ist nichtnasalierbar), vgl. auch tuj-χü-nə 'wenn ich komme' (Терещенко 1966 d: 432).

L i t e r a t u r

H a j d ú , P. 1968, Chrestomathia Samoiedica. Budapest.

L e h t i s a l o , T. 1936, Über die primären ururalischen ableitungssuffixe. Helsinki (MSFOu LXII).

--- 1938, Aufzeichnungen nach den Universitätsvorlesungen T. Lehtisalos aus dem Jahre 1938, gemacht von A. J. Joki. (Mskr.)

N. - S e b e s t y é n , I. 1964, Eine ungelöste ungarische Etymologie. - ALHung. X, 275-284.

--- 1971, Zur juraksamojedischen Konjugation. - FUF XXXVIII, 137-225.

Т е р е щ е н к о Н.М. 1965, Ненецко-русский словарь. Москва.

--- 1966a, Нганасанский язык. - Языки народов СССР III. Финно-угорские и самодийские языки. Москва, 416-437.

— 1966b , Энецкий язык. - Языки народов СССР III. Финно-угорские и самодийские языки. Москва, 438–457.

2. Sonderheiten des Südsamojedischen vom Standpunkt des Systems der Flexionssuffixe aus

Vom Standpunkt des Systems der Flexionssuffixe aus bilden das Selkupische und das Kamassische die Südgruppe der samojedischen Sprachen, zu der erwartungsgemäß auch die anderen sajansamojedischen Sprachen gehören. Zur Nordgruppe der samojedischen Sprachen gehören das Nenzische, das Enzische und das Nganassanische. Die Südgruppe wird (hier kann man leider hauptsächlich nur die Angaben des Selkupischen und Kamassischen benutzen) im Unterschied zur Nordgruppe durch folgende Sachverhalte gekennzeichnet:

1. Im Südsamojedischen werden sowohl im Singular als auch im Dual und Plural dieselben Lokalkasusendungen verwendet. Die Dual- und Pluralparadigmen sind hier sekundär nach dem Vorbild der Singularparadigmen gebildet worden, und es handelt sich hier möglicherweise um einen fremden Einfluß. Anders ist es im Nordsamojedischen: im Dual werden besondere, spät entstandene Endungen gebraucht, die postpositionaler Herkunft sind; von den Singularendungen abweichende Endungen werden oft auch im Plural gebraucht.

2. Im Südsamojedischen stehen die Numeruszeichen vor den Lokalkasusendungen, im Nordsamojedischen aber in den Lokalkasusendungen (genauer: in den ersten Sprachen vor dem zum Bestand der Lokalkasusendungen gehörenden sog. Koaffix *-kV-, in den anderen aber nach diesem). Das ergibt sich daraus, daß in jeder Gruppe die Lokalkasusformen des Duals und Plurals besonders gebildet wurden, wobei im Südsamojedischen die Lokalkasusendungen des Singulars verallgemeinert auch ins Dual- und Pluralparadigma übertragen wurden, wo sie sich entsprechend mit dem Dual- und Pluralstamm verbanden (vgl. auch den vorangehenden Sachverhalt des Südsamojedischen).

3. Im Südsamojedischen ist von der Gerundiumform auf *-ŋV des Hilfsverbs 'sein' der selbständige Instrumental (genauer: Instrumental-Komitativ-Modal) gebildet worden, während im Nordsamojedischen sich nur Keime des letzteren finden.

4. Im Südsamojedischen kommt das Koaffix (*)-n- der Possessivsuffixe nicht direkt vor wie im Nordsamojedischen. Ursprünglich sind die südsamojedischen Sprachen, was den Gebrauch dieses Koaffixes angeht, etwa auf demselben Stand gewesen wie auch die nordsamojedischen Sprachen, aber später hat sich dieses Koaffix im Südsamojedischen entweder mit dem n-Element der Kasusendungen - in erster Linie der Lokalkasusendungen - vermengt und ist mit ihm verschmolzen oder ist völlig geschwunden. Auch in den Personalendungen des Verbs kommt das Koaffix (*)-n- nicht vor wie im Nordsamojedischen. Erstens muß man berücksichtigen, daß im Samojedischen die Personalendungen der objektiven Konjugation von den Possessivsuffixen abstammen, zweitens konnte aber auch eine Verallgemeinerung sowohl der Possessivsuffixe als auch der Personalendungen des Verbs und ihre gegenseitige Verähnlichung stattfinden.

5. Die südsamojedischen Sprachen haben die frühere Verwendungsweise der subjektiven und objektiven Konjugation eingebüßt, die sich aber in den nordsamojedischen Sprachen erhalten hat und darin besteht, daß die intransitiven Verben nur nach der subjektiven Konjugation gebeugt werden, die transitiven aber nach beiden Konjugationen, wobei die Wahl der Konjugation durch den Kontext bestimmt wird. Im Selkupischen haben sich diese Konjugationen vermengt, im Kamassischen hat aber eine solche Veränderung stattgefunden, daß die objektive Konjugation nur zur Konjugation der transitiven Verben geworden ist.

6. Die Personalendungen der 1. und 2. Person der subjektiven und objektiven Konjugation des Samojedischen - subj. Konj. 1. P. *-m(V), 2. P. *-ʃV und obj. Konj. 1.P. *-mV, 2. P. *-ʃV ~ *-tV -, die sich ursprünglich bis zu einem gewissen Grade voneinander unterschieden, sind im Südsamojedischen den Personen nach zusammengefallen (vgl.

auch den vorangehenden Sachverhalt des Südsamojedischen).

7. Als Personalendung 2. Person Plural der objektiven Konjugation des Imperativs benutzt man im Südsamojedischen das Pluralzeichen der Substantive *-tV, im Nordsamojedischen aber die entsprechende Personalendung des Indikativs.

8. Im Südsamojedischen fehlen solche besonderen Formen der objektiven Konjugation für das Dual- und Pluralobjekt und eine besondere reflexive Konjugation wie im Nordsamojedischen, wo sie durch deren Sonderentwicklung gebildet worden sind.

9. In den südsamojedischen Sprachen ist die Nominalkonjugation bedeutend defektiver als in den nordsamojedischen Sprachen (Selkupisch) oder fählt gänzlich (Kamassisch). Es handelt sich um eine sekundäre Konjugation, die sich im Südsamojedischen noch nicht nennenswert entfaltet hat (Selkupisch) oder überhaupt nicht geschaffen ist (Kamassisch).

10. Ein Merkmal der Sonderentwicklung der südsamojedischen Sprachen ist das bedeutend fixiertere Tempussystem als in den nordsamojedischen Sprachen, wo der Aspekt des Verbs bei der Bestimmung der temporalen Beziehungen eine viel größere Rolle spielt als bei der ersteren.

11. Die südsamojedischen Sprachen haben heutzutage die frühere Bildungsweise der verneinenden Rede eingebüsst, die in der Verbildung der Konjugationsformen des verneinenden Hilfsverbs mit der besonderen unveränderlichen Negationsform des Hauptverbs bestand.

12. Im Südsamojedischen sind von den Verbalnomensuffixen die faktischen Infinitivzeichen gebildet worden, während im Nordsamojedischen meistens noch die nichtdifferenzierten Gerundium-Infinitivzeichen gebraucht werden.

А. К ю н н а п
(Тарту)

MISCELLANEA SAMOIEDICA

Р е з ю м е

I. Краткий обзор северносамодийских показателей деепричастий и причастий

В статье дается краткий обзор показателей деепричастий и причастий в северносамодийских языках. Эти показатели ненецкого, энецкого и нганасанского языков рассматриваются в сравнительном плане. Коротко реферируются важнейшие точки зрения о их составе и происхождении.

2. Отличия южносамодийских языков в области флективных суффиксов

По характеру флективных суффиксов селькупский и камасинский языки образуют южную группу самодийских языков, к которой принадлежали, как можно предполагать, и другие саяносамодийские языки. Северную группу самодийских языков образуют ненецкий, энецкий и нганасанский языки.

Южная группа (в нашем распоряжении имеются данные, главным образом, лишь по селькупскому и камасинскому языкам) отличается от северной по таким признакам, как: I. употребление разных окончаний местных падежей при различных грамматических числах; 2. различное местонахождение числовых показателей по отношению к окончаниям местных падежей; 3. различная степень развития инструментального (инструментально-комитативно-модального) падежа; 4. различное употребление коаффикса посессивных и личных глагольных суффиксов; 5. различное употребление субъектного и объектного спряжений; 6. разная степень различения личных глагольных суффиксов I и 2 лиц субъектного и объектного спряжений; 7. разные личные глагольные суффиксы 2 лица мн. ч. объектного спряжения в повелительном наклонении; 8.различное количество спряжений; 9. различная степень развития именного

спряжения; I0. различная степень выработанности системы грамматических времен; II. различный способ образования отрицательных форм глагола; I2. различная степень выработанности показателей инфинитивов.

П.Н. Лизанец
(Ужгород)

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИССЛЕДОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В УКРАИНСКИХ ГОВОРАХ КАРПАТСКОГО АРЕАЛА

Как в отечественном, так и зарубежном языкознании изучением лексических заимствований занимались многие исследователи. Одни из них (например, Ф. де Соссюр) полагали, что заимствование не является "постоянным элементом в жизни языка",[1] то есть не во всех языках или диалектах имеются заимствования. Однако, большинство языковедов (например, Ш. Балли,[2] А. Мейе,[3] Э. Сепир,[4] Ж. Вандриес,[5] Ф. Фортунатов,[6] И. Бодуэн де Куртенэ[7] и другие) считают лексическое заимствование нормальной функцией лингвистической жизни, то есть каждому языку свойственно заимствование. Отрицать этого нельзя, так как это означало бы отрицание тех тесных экономических, политических и культурных взаимосвя-

[1] Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики. Москва, 1933, стр. 44.

[2] Ш. Балли, Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва, 1965, стр. 348.

[3] А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Москва-Ленинград, 1938, стр. 55-56.

[4] Э. Сепир, Язык. Введение в изучение речи. Москва-Ленинград, 1934, стр. 151.

[5] Ж. Вандриес, Язык. Лингвистическое введение в историю. Москва, 1937, стр. 257.

[6] Ф. Ф. Фортунатов, Избранные труды I. Москва, 1956, стр. 71.

[7] И.А. Бодуэн де Куртенэ, Избранные труды по общему языкознанию I. Москва, 1963, стр. 362-372.

12

зей, которые реально существуют между разными народами и в результате которых происходит лексическое взаимопроникновение. Лексическое заимствование является как бы первой ступенью иноязычного влияния и не обязательно ведет к заимствованию на других уровнях языка. Напротив, заимствование морфологическое невозможно без лексического заимствования.

Выяснению сущности заимствований языковеды посвятили ряд трудов, однако в научной литературе и по сей день нет полного определения, что такое заимствование. Лексические заимствования, как мы считаем, - это продолжительный языковой процесс, в результате которого слова (и их структурные элементы) одного языка постепенно усваиваются системой другого языка в результате языковых, экономических, политических и культурных отношений разных народов.

Значительная часть лексических заимствований проникает вместе с появлением новых предметов, понятий и т.п. Еще К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что "плоды духовной деятельности отдельных наций становятся всеобщим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными ..."[8] С.К. Булич писал: "В огромном большинстве случаев заимствование чужих слов обусловливается заимствованием новых предметов или идей, то есть в большинстве случаев заимствование языковое имеет своей ближайшей причиной заимствование культурное".[9] Бесспорно, таких заимствований подавляющее большинство. Наличие их объясняется тем, что каждый язык, несмотря на огромные внутренние возможности, чаще оказывает предпочтение заимствованию, чем собственному словообразованию для обозначения новой реалии, нового понятия.

---

[8] К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения 4. Москва, 1955, стр. 428.

[9] С. К. Булич, Заимствованные слова и их значение для развития лексики. - РФВ XУ, стр. 2.

Здесь не будем останавливаться на основных мотивах, способствующих перенесению иноязычной лексики, на основных признаках освоения заимствованных слов, а рассмотрим только один из важных и в то же время неизученных вопросов – исследование лексических заимствований украинских говоров Карпатского ареала в лингвогеографическом аспекте.

Лексика украинских говоров Карпатского ареала представляет собой значительный интерес для исследователей. Ей посвящен ряд научных работ описательного характера,[10] а также лингвистические атласы.[11] Однако почти все эти работы общего характера, и они не ставили перед собой специальных проблем – исследования иноязычных наслоений в говорах Карпатского ареала. А ведь как раз на этой языковой территории соприкасались между собой в разные времена различные этнические группы, которые не могли не оставить своих следов на лексике исследуемых говоров.

Лексический уровень, как известно, наиболее чувствителен ко всем изменениям в развитии общества. Акад. В.В. Виноградов указывал, что изучение языка, в частности его лексического уровня, может дать ответ на такие основные вопросы: I) С какими другими народами, этническими группами был связан народ по своему происхождению. Это – вопрос формирования и происхождения народов и языков. 2) Как развива-

---

[10] См. работы И. Верхратского, Я. Головацкого, Б.Д. Гринченко, И.А. Дзендзелевского, Б. Кобылянского, П.С. Лисенко, А.С. Мельничука, А.А. Москаленко, М.А. Онышкевича, Л.С. Паламарчука, Л. Чопея, Д.И. Яворницкого и других.

[11] См. Й. О. Дзендзелівський, Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР I–II. Ужгород, 1958–60; В. С. Ващенко, З історії та географії діалектних слів. Харків, 1962; С. Б. Бернштейн, В. М.В.Иллич-Свитыч, Г. П. Клепикова, Т. В. Попова, В. В. Усачева, Карпатский диалектологический атлас. Москва, 1968; П. М. Лизанець, Атлас лексичних мадяризмів та їх відповідник в українських говорах Закарпатської області УРСР. – В кн.: Угорсько-українські мікмовні контакти. Ужгород, 1970.

лась культура народа, каково было состояние и качество ее на разных этапах его истории. Это вопросы культурно-исторические. 3) С какими другими народами и языками был связан этот народ, какие влияния он испытывал с их стороны и какое воздействие оказал на них. Это вопросы межплеменных и межнациональных связей.[12]

В исследовании этих вопросов значительную роль могут сыграть работы лингвогеографического характера. Однако, лингвогеографических работ, посвященных комплексному исследованию всех лексических заимствований говоров Карпатского ареала, нет. "Карпатский диалектологический атлас" ставил перед собой задачу исследовать только южнославянские наслоения в украинских говорах этой территории. Наш "Атлас лексических мадьяризмов и их соответствий в украинских говорах Закарпатской области УССР" является специальным региональным атласом и ставит перед собой задачу всесторонне исследовать фронтальные (маргинальные) украинско-венгерские межъязыковые контакты на территории украинских говоров Закарпатья. Поэтому, как нам кажется, назрела крайняя необходимость составить "Атлас лексических заимствований говоров Карпатского ареала". Такое лингвогеографическое исследование дало бы в руки языковедов, историков и других специалистов очень ценный и нужный материал не только для изучения истории контактирующих народов и их языков, но и для лучшего изучения материальной и духовной культуры населения, которое в разные времена населяло исследуемую территорию. Этот атлас должен включать в себя не только заимствованные слова исследуемых говоров, но также их лексические соответствия и дублеты.

Конечно, для создания подобного атласа необходимо провести большую и очень трудоемкую работу. Эксплораторами должны быть люди с соответствующей подготовкой, хорошим знанием диалектного материала, а также хорошо знакомые с тео-

---

[12] В. В. Виноградов, Значение работ И.В. Сталина для развития советского языкознания. – В сб.: Вопросы языкознания в свете трудов И.В. Сталина. Москва, 1952, стр. 28-29.

рией и методикой лингвистического картографирования. Эта работа требует от исследователя не только усердия, добросовестности и труда, связанного с собиранием материала, но и широких теоретических знаний, умения подготовить и составить добротный вопросник, для чего необходимо хорошо изучить исследуемые говоры на разных уровнях (прежде всего на уровне лексическом), хорошо знать историю народа - носителя этих говоров, хорошо знать историю исследуемого говора, окружающие говоры и другие языки. Собирателю материала крайне необходимо знать хотя бы несколько языков Карпатского ареала.

Достоверность лингвистического атласа, как известно, зависит от трех основных условий: I) от составления доброкачественного вопросника, 2) от методики собирания и записи материала и 3) от выработки четких принципов картографирования, т.е. правильного нанесения материала на карты.

Наиболее важной и ответственной частью работы является, безусловно, составление вопросника, по которому будет проводиться сбор материала. Составление доброкачественного вопросника определяет общую направленность, объем, подробность будущего атласа.

Чтобы составить программу-вопросник для собирания иноязычной лексики, необходимо предварительно хорошо ознакомиться со всем лексическим богатством носителей исследуемых говоров, с лексикой фольклорных материалов, художественных произведений, письменных памятников и среди этого лексического богатства выявить иноязычные слова, их лексические соответствия, а также дублеты и только после этого можно приступить к систематизации собранного материала, определению семантики слов и составлению программы-вопросника.

Для облегчения сбора материала и обеспечения естественности и правильности ответов вопросы в программе необходимо сгруппировать по семантико-тематическим группам, ибо это позволяет вести тематически связный разговор. Среди собранных нами в украинских говорах Закарпатья венгерских заимствований выделяем 29 основных семантико-тематических групп, в частности: I. Бытовая лексика. II. Особенности людей и названия действий, которые являются непременной принадлежностью человека. III. Пути сношений. Транспорт. Средст-

ва связи. IУ. Сельское хозяйство. У. Табаководство. УI. Явления природы. Рельеф, орорельеф, гидрорельеф. УП. Производственно-профессиональная лексика. УШ. Народная метрология. IX. Торговля. X. Финансовое дело. XI. Юридическое дело. XП. Общественно-политическая лексика. XШ. Школа, учеба и канцпринадлежности. XIУ. Спорт и различные игры. XУ. Военное дело. XУI. Медицина. XУП. Фольклорная лексика. XУШ. Верования, обряды и обычаи. XIX. Музыка, песни, танцы. XX. Растительный мир. XXI. Виноградарство. XXП. Садоводство. XXШ. Рубка леса и разделка дерева. XXIУ. Животный мир. XXУ. Особенности животных. XXУI. Охота. XXУП. Рыбная ловля. XXУШ. Наречия. XXIX. Служебные слова. В рамках этих тематических групп разграничиваем I52 подгруппы. Так, например, в группе бытовой лексики выделяем следующие подгруппы: I. Хата, различные хозяйственные помещения и их составные части. 2. Отделка и украшение комнат, мебель и другие домашние вещи. 3. Освещение, печь, огонь. 4. Одежда. 5. Ткани. 6. Украшения на тканях, одежде, человеке. 7. Личная гигиена и косметика. 8. Обувь, ее составные части и обработка кожи. 9. Домашняя утварь. I0. Продукты, пища и их приготовление. II. Печенье, различные кондитерские изделия и их приготовление. I2. Различные напитки и их приготовление. I3. Родство, свойство и семейные отношения. I4. Месяцы. Эти семантико-тематические группы и подгруппы можно с успехом применить и при классификации всех иных лексических заимствований в украинских говорах Карпатского ареала.

Программой-вопросником, как уже отмечалось, предусмотрено собрать, кроме лексических заимствований, и все другие традиционные названия обозначаемых реалий, то есть все лексические соответствия (гетеронимы) и дублеты (синонимы). Собирание и нанесение на карту лексических соответствий и дублетов поможет нам выяснить ряд вопросов: I) каково соотношение традиционных слов и лексических заимствований; 2) на какой территории используются говорящими только заимствования, а на какой территории заимствования выступают лексическими дублетами; 3) каково влияние традиционных лексических соответствий на морфологическое и фонетическое оформление заимствованных слов и т.п.

Подавляющее большинство вопросов в программе, как это и требуется лингвогеографическим методом исследования лексики, дается в двух планах: от значения к слову и от слова к значению. Могут использоваться также вопросы иного типа.

К вопросам программы из фауны и флоры даются латинские соответствия, а также гербарии и рисунки. Рисунки и фотографии прилагаются к целому ряду вопросов в разделах: бытовая лексика, средства связи, орудия труда и т.п. Практика собирания материала показала, что рисунки, гербарии значительно облегчают и ускоряют работу эксплоратора и главное – обеспечивают точность ответов.

Второй важной предпосылкой достоверности атласа является выработка четкой методики собирания материала и его подробной записи.

В лингвистической литературе появилось немало работ теоретического характера, в которых исследователи затрагивают и вопросы методики собирания материала для составления лингвистических атласов. Так, например, известные лингвистические атласы Ж. Жильерона и Э. Эдмонта, К. Яберга и Ж. Юда, Э. Петровичи и С. Попа, М. Малецкого и К. Нича составлены на материале, собранном от одного лица, одного объекта (информатора). Более того, Ж. Жильероном была высказана мысль о том, что собирать материал для составления атласа необходимо поручать не специалисту-языковеду. Он так и сделал, доверив собрать материал Э. Эдмонту, не имевшему специальной языковедческой подготовки. Ж. Жильерон отмечает: "Атлас не может быть трудом языковеда ..., ибо это лишило бы его (атлас) объективности".[13]

Современное состояние лингвогеографических исследований убедительно доказало, что более надежный и нужный материал для картографирования можно получить путем опроса нескольких (3-5) лиц разного возраста и пола.

Принимая во внимание достижения отечественной и зарубежной лингвогеографии в области методики собирания материала, необходимо использовать все положительное и выработать свою методику собирания материала, исходя из специфики атласа.

---

[13] G. G i l l i é r o n, Généalogie des mots qui designent l'abeille d'apres l' Atlas linguistique de la France. Paris, 1918.

При собирании иноязычной лексики большое внимание следует уделить выявлению лексических дублетов (параллелизмов). Значительная часть информаторов, называя определенное понятие, ограничивается одним названием: лексического дублета или не знает, или же не считает нужным, необходимым его назвать. Поскольку преобладающее большинство лексических заимствований имеет синонимы из числа традиционных украинских или иностранных слов, необходимо собрать все их воедино.

Информаторами должны быть коренные жители исследуемых говоров, которые не переселялись в другие места и не находились продолжительное время вне своего разговорного окружения.

Очень важным этапом в лингвогеографии является способ нанесения собранного материала на карты. Собранный материал может передаваться на карте различными приемами: транскрибированными написями под номерами соответствующих населенных пунктов, специальными картографическими знаками, площадями разных цветов, линиями-изоглоссами и различными комбинированными способами.

Считаем, что в "Атласе лексических заимствований ..." целесообразно применить знаковый способ картографирования, имеющий большие возможности для генерализации и синтеза материала. Позволяя изобразить не только территориальные лингвистические оппозиции, но и особенности структурных языковых (диалектных) элементов, их функционирование, выявить параллелизмы и их вариантность, знаковый способ картографирования является многоплановым.

Очень важным этапом в картографировании является выработка четкой системы знаков и нанесения их на карту. Считаем, что фигурных знаков, которыми обозначаются языковые явления на картах, должно быть по возможности поменьше. Большое количество знаков засоряет карту и делает ее трудной для интерпретации.

Исходя из специфики "Атласа лексических заимствований ...", а также принимая во внимание, что лингвистические карты должны читаться легко и просто, целесообразно применить в упоминаемом лингвистическом атласе систему знаков на базе этимологического (генетического) принципа: круг, равносторонний треугольник с вершиной вверх, квадрат, прямоугольник, ромб.

Эти фигурные знаки могут наноситься в следующей последовательности и системе: заполненным кругом обозначаются лексические мадьяризмы, заполненным треугольником с вершиной вверх - свои традиционные слова, заполненным квадратом - лексические словакизмы, заполненным прямоугольником - лексические полонизмы, заполненным ромбом - лексические румынизмы и т.п.

Однако, определенное понятие может иметь несколько наименований, среди которых есть два или более мадьяризмов, своих традиционных слов, словакизмов, полонизмов, румынизмов и других заимствований. В таком случае разнокоренные лексические мадьяризмы, традиционные слова, словакизмы, полонизмы, румынизмы обозначаются теми же фигурными знаками (круг, треугольник, квадрат, прямоугольник и ромб) с их модификацией: I) заполненные фигурные знаки; 2) контурные фигурные знаки; 3) контурные фигурные знаки с горизонтальной линией посередине; 4) контурные знаки с вертикальной линией посередине; 5) контурные знаки с вертикальной и горизонтальной линиями посередине.

Часть карт атласа может быть комбинированной, т.е. на одной и той же карте лексические явления изображаются с помощью фигур, фонетические и морфологические - заштрихованными плоскостями с различным наклоном штриховки: I) горизонтальная; 2)вертикальная; 3) горизонтально-вертикальная; 4) наклонная с линиями слева направо, а также линиями в следующей последовательности: I) сплошная; 2) пунктирная; 3) пунктирно-точечная; 4) пунктирно-двоеточечная; 5) точечная.

На карту наносятся только важнейшие фонетические или морфологические варианты, наиболее характерные для исследуемой территории, а о других речь пойдет в комментариях.

Если картографируемое понятие в определенном населенном пункте имеет несколько параллельных наименований, то соответствующие знаки этих наименований ставятся рядом под номером населенного пункта. Реже употребляемые наименования картографируются знаком меньшего размера и ставятся левее основных знаков.

Если на карте все наименования одного корня, но с различными фонетическими и морфологическими особенностями, яв-

ляющимися результатом иноязычного источника, то такие наименования обозначаются как противопоставления (оппозиции) первой степени.

Если в каком-нибудь населенном пункте картографируемая лексема отсутствует или отсутствует сама реалия или понятие, т.е. отсутствует двухчленная (бинарная) территориальная оппозиция, то на место фигурного знака под номером населенного пункта ставится минус (-), знак отсутствия противочлена.

Чтобы не нарушить единой принятой нами системы обозначения языковых явлений, целесообразно применить для семантических карт те же фигурные знаки, но с различной штриховкой.

Картографирование в "Атласе лексических заимствований ..." может осуществляться черным и белым цветами. Кроме того, на семантических картах функции цвета выполняют различного наклона штриховки в рамках контурных фигур.

На каждой карте имеется легенда, состоящая из названия, его темы и противопоставляемых названий. Названия карты могут даваться на нескольких языках. В легенде карты раскрывается символика картографических знаков, дается обозначение фонетических, акцентных и морфологических особенностей картографируемых лексем.

В комментариях к картам дополняется, уточняется материал, необходимый для понимания карты. Сюда вносится и тот материал, который имеет отношение к картографируемому явлению, но сам картографированию не подвергался. Дается оценка собранного материала, замечания информаторов к определенным языковым явлениям, пояснения эксплоратора и т.п. Дается территория распространения лексических дублетов и причина их использования. Приводятся также отмеченные в исследуемых говорах производные формы лексических заимствований и их семантика, указывается, какое новое слово вошло или входит в исследуемые говоры взамен лексических заимствований. Даются также ссылки на другие атласы, в которых речь идет о картографируемых лексемах.

P. N. L i z a n e c
(Ushgorod)

DER LINGUISTISCH-GEOGRAPHISCHE FORSCHUNGSASPEKT DER LEXIKALISCHEN ENTLEHNUNGEN IN DEN UKRAINISCHEN MUNDARTEN DES KARPATENAREALS

Z u s a m m e n f a s s u n g

In der vaterländischen und ausländischen Linguistik wurde den Fragen der lexikalischen Entlehnungen viel Aufmerksamkeit geschenkt. Jedoch bis jetzt gibt es in der wissenschaftlichen Literatur noch keine volle Definition des Begriffes das Entlehnen. Unseres erachtens, ist das lexikalische Entlehnen ein langwieriger sprachlicher Prozeß, infolge dessen Wörter (und ihre strukturelle Komponente) aus einer Sprache sich allmählich in das System einer anderen Sprache verbürgern, ein Prozeß, der das Ergebnis ökonomischer, politischer und kultureller Beziehungen verschiedenen Völker ist.

Die Lexik der ukrainischen Mundarten des Karpatenareals stellt ein wesentliches Interesse für Forscher dar. Ihr wurden mehrere Arbeiten deskriptiven Charakters und linguistische Atlasse gewidmet. Jedoch wurden in diesen Arbeiten keine speziellen Probleme über die fremdsprachlichen Aufschichtungen gestellt. Eine wichtige Rolle bei der Erforschung dieser Probleme können die Arbeiten linguistisch-geographischen Charakters spielen, die einer komplexen Untersuchung aller lexikalischen Entlehnungen in den Mundarten des Karpatenareals gewidmet sind. Der vor uns vorgeschlagene "Atlas lexikalischer Entlehnungen in den ukrainischen Mundarten des Karpatenareals" sollte in sich nicht nur möglicherweise alle entlehnten Wörter der untersuchenden Mundarten, sondern auch ihre lexikalischen Entsprechungen und Dublette enthalten. Um diese Forschung zu vollführen, muß ein Befragungsprogramm guter Qualität und eine pünktliche Sammel- und Beschreibungsmethodik des sprachlichen Materials ausge-

arbeitet werden. Eine wichtige Etappe bei der Kartographierung der lexikalischen Entlehnungen ist die Ausarbeitung eines präzisen Zeichensystems und der Auftragung auf Karten. Zwecksmäßig ist es im "Atlas lexikalischer Entlehnungen..." das Zeichensystem auf Grund des etymologischen (genetischen) Prinzips anzuwenden: mit einem Kreis bezeichnet man die Madjarismen, mit einem Dreieck - die eigensprachigen traditionellen Wörter, mit einem Quadrat - lexikalische Slowakismen, mit einem Rechteck - Polonismen, mit einem Rhombus - Romanismen usw.

В.И. Лыткин
(Москва)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРАПЕРМСКОГО *o̤

Данной проблемой занимался ряд исследователей.[1] Однако до сих пор остались недостаточно разработанными некоторые вопросы происхождения прапермского гласного *o̤. Определенно установлено то, что этот гласный прапермского языка восходит к допермскому *ä (прапермскому *o̤ обычно соответствует в современном финском, венгерском и некоторых других языках гласный ä). Но далеко не всегда мы видим такое соответствие. Между тем не выяснены основные причины отступлений от нормальных звуковых корреспонденций – ф. ä ~ перм. o̤, а равно и не выяснены причины перехода допермского *ä (нелабиального гласного нижнего подъема переднего ряда) в прапермское *o̤ (лабиализованный гласный среднего подъема среднего ряда). Правда, К. Редей в своей статье (NyK 65, стр. 371-373) объясняет появление отступлений от нормальных звукосоответствий изменением качества гласных, имевших место в прапермском языке (см. ниже). Но в этой статье охвачены далеко не все случаи отклонений от нормы.[2]

Вообще нужно сказать, что упомянутые выше авторы при освещении данной проблемы оперируют ограниченным количест-

---

[1] E. Itkonen – FUF XXXI, стр. 289-292; K. Rédei – NyK 65, стр. 371-373; В.И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков. Москва 1964, стр. 117-130.

[2] Мы в данной статье рассматриваем только судьбу того коми ӧ (ӫ), соответствующего удмуртскому о, которое развилось из прапермского *o̤.

вом фактического материала. Мы в данной статье попытаемся восполнить эти пробелы.

Прежде всего приведем слова, в которых наблюдается р е г у л я р н о е соответствие: коми ӧ (ę) ~ удм. о ~ праперм. *ǫ́ ~ доперм. *ä (в начале словарной статьи помещаем слова коми литературного языка).

йӧз-: йӧз-вы 'сустав, сочленение' | удм. ёз (joz) 'тж'. < Праперм. *jǫ́z- ‖ ф. jäsen. = Доперм. *jäsз- (КЭСК).[3]

кӧвдум 'колобок' | удм. колды 'хлеб-лепешка'. < Праперм. *kǫ́ld- ‖ ф. kaltia < *kältiä (ср. talvi < *tälvi). = Доперм. *kältз-.

кӧр 'вкус' | удм. корел 'вкусный'. < Праперм. *kǫ́r ‖ ф. käry. = Доперм. *kärз-.

kera уд. 'корка рыбника' | удм. корос 'опалубка (ямы, колодца)'. < Праперм. *kǫ́r ‖ ф. kääre 'обертка'. = Доперм. *kärз-.

ӧл-: ӧл-ӧдз п. (Грибанов) 'подола низ' | удм. ад (<*ol-, см. Ист. вок., стр. I28).[4] < Праперм. *ǫ́l- ‖ мокш. äl 'подол'. = Доперм. *älä- (См. в КЭСК словарную статью волӧдз).

пӧл- 'один из пары' | удм. пал (< *pol,см. Ист. вок., стр. I28). < Праперм. *pǫ́l ‖ венг. fél ~ fele- (fälä-). = Доперм. *pälä.

рӧмидзтыны 'жевать жвачку' | удм. жоместыны 'тж'. < Праперм. *rǫmäć- < *mǫräć- (метатеза) ‖ ф. märehtiä. = Доперм. *märäć-.

рӧпӧд 'дымовое отверстие' | удм. жопы 'тж'. < Праперм. *rǫ́p- ‖ ф. räppänä . = Доперм. *räppä.

сӧл- 'сесть (в сани, в автобус и т.п.)'. < Праперм. *sǫ́l- ‖ древневенг. ellik. = Доперм. *säle-.

тӧл- 'зима' | удм. тол 'тж'. < Праперм. *tǫ́l ‖ венг. tele- | ф. talvi < *tälvi (ä > a под влиянием l). = Доперм. tälä.

чӧлан 'ломтик, кружок (овощей, плода)' | удм. чалыштыны 'затесать кол' (-al- < *-ol-, см. Ист. вок., стр.

---

[3] В дальнейшем, если нет ссылки на источник, подразумевается КЭСК.

[4] Ист. вок. = В.И. Л ы т к и н, Исторический вокализм пермских языков. Москва, I964.

128). Праперм. *ć́ól- ‖ венг. szelet 'кусок, ломтик (хлеба и т.п.)' | ф. sälö 'осколок'. = Доперм. *ć́äl- (Y. Wichman - FUF II, стр. 197).

Слова, у которых раннепермская форма восходит к допермскому *ä, а позднепермская форма, видоизмененная в прапермский период, не является непосредственным продолжением допермского *ä:

йи 'перевясло', диал. jį, jш 'пояс, перевясло' | удм. е (je) 'ремень, ремешок'. < Праперм. ? *jǫ́ < *jo . = Доперм. *jäje. Нужно было бы ожидать коми йӧ, удм. ё (jo), но эти гласные в конце односложных основ современных пермских языков не употребляются, ср. слово ки 'рука'.

ки 'рука' ~ ке-пысь 'варежка' из 'ручные варежки' | удм. ки 'рука'. < Праперм. *ki < *kə́ ‖ ф. *käte- . = Доперм. *käte- . Нужно было бы ожидать коми кӧ, удм. ко, но эти гласные (ӧ, о) в конце односложных знаменательных слов не встречаются, поэтому раннепрапермское *ə́ передалось не через коми ӧ и удм. о, а через и (i).

кыр 'черный дятел' | удм. кыр 'дятел'. < Позднепраперм. *kùr < раннепраперм. *kə́r; из раннепермской формы развившееся слово обозначает название другой птицы - кӧрӧг 'шилохвост (вид утки)' ‖ ф. kärki . = Доперм. *kärkɜ- .

нёра виӧ 'изжога'. < Позднепраперм. *ńora < раннепраперм. *ńə́ra (передвижка артикуляции назад, как и в предыдущем слове, произошла в прапермском языке под влиянием r) ‖ ф. närä 'изжога'. = Доперм. *ńärä.

ӧ вопросительная частица 'ли' | удм. а (? < *о или * е; в отдельных служебных морфемах удмуртского языка гласный а не встречается). < Праперм. ? *ɛ < *ə́ ‖ венг. ɛ. = Доперм. ä.

Слова пермских языков восходят к позднепраперм ской форме с гласным *ə̀ < раннепраперм. *ù. Раннепраперм. *ù < доперм. *u или *ü:

гӧн 'перо (птичье), перья, шерсть (животных, но не овечья)' | удм. гон 'тж'. < Позднепраперм. *gón < раннепраперм. *gùn (коми и удм. гын) 'войлок'; в связи с изменением гласного произошла дифференциация значения: 'шерсть'

'войлок'. ‖ Ю.Х. Тойвонен (FUF ХУШ, стр. I77) сопоставляет коми гӧн и удм. гон с ф. kynä 'перо'. = Доперм. *kŭnä. Разновидность прапермского *gŭn следует возвести к доперм. *kŭn- . А.Й. Йоки (MSFOu I5I, стр. 262) считает коми гӧн, удм. гон иранским заимствованием (ср. осет. ɣun, qun) и предполагает следующие звуковые изменения: раннепраперм. *gun > праперм. ? *gŭn > *gŏn). Независимо от происхождения данного слова напрашивается предположение о том, что звуковое изменение (ŭ > ŏ), имевшее место в прапермском языке, связано с дифференциацией значения слова.

кӧвтны, диал. keltnį̆ 'ловить рыбу (бреднем)' | удм. калтыны 'тж' (< *kolt- – расширение артикуляции произошло под влиянием l). < Позднеперм. *kŏlt- < раннеперм. *kŭlt- (ŭ > ŏ – расширение артикуляции под влиянием l мы наблюдаем в массовом порядке в удмуртском языке, см. Ист. вок., стр. I28). ‖ ф. kulta. = Доперм.*kulta- .

кӧрны 'собирать (сборки, складки)'. < Позднеперм. *kŏr- < раннеперм. *kŭr-; раннепермская форма сохранилась в другом значении – куравны 'собирать', удм. курьяны ‖ ф. kuroa .= Доперм. *kure- (в КЭСК иначе).

мӧвпавны 'думать' | удм. малпаны (<*molp-, o > a под влиянием l, см. Ист. вок., стр. I28). < Позднеперм. *mŏlp- (расширение артикуляции под влиянием l) < раннеперм. *mŭl-; эта последняя форма сохранилась в словах с другим значением: к. мыл-: мылкыд 'ум, разум, рассудок, толк, благоразумие', удм. мылкыд 'настроение, самочувствие, желание, усердие'. Раннепрапермская форма соответствует финскому mieli 'душа, чувство, желание, мнение, мысль, память'. = Доперм. *mēle- (в КЭСК иначе). К. Редеи (UAJb 4I, стр. I36) воспроизводит допермское *mele- > (под влиянием окружающих согласных) *mŭle- > раннепраперм. *mŭl- .

нӧрыс 'возвышенность' < Позднепраперм. *nŏris < раннепраперм. *nŭr, от которой произошли современные к. и удм. ныр 'нос', 'передок (саней)', 'росток (о всходах)' и т.д., коми нырд 'излучина', диал. 'холмик'. = Доперм. *ner3. Изменение значения слов связано с дифференциацией гласных звуков. К. Редеи (UAJb. 4I, стр. I36) воспроизводит доперм. *nere > *nŭre.

ныр – см. нӧрыс.

нырд – см. нӧрыс.

ӧтик, диал. ӧti 'один', ӧтка 'одинокий' | удм. одӥг. < Позднепраперм. *ӧ́tik, ӧtk- < раннепраперм. *ӧ̑tik, *ӧ̑tk- < *ӧ̑kte (метатеза) – этой форме соответствует ф. yhte-. = Доперм. *ӧ̈kte- .

сьӧлавны 'плевать' | удм. сяланы 'тж' (< *śol-, см. Ист. вок., стр. I28). < Позднепраперм. *śól- < раннепраперм. *śúl- (ú > ó под влиянием l) ‖ ф. sylkeä.= Доперм. *śül̆k3- .

тӧдны 'знать' | удм. тодыны 'тж'. < Позднепраперм. *tód- < раннепраперм. *tud-; из раннепрапермского развившегося слово сохранилось в коми тыдывны 'виднеться', тыдалӧ вводное слово 'по-видимому, наверно', русское областное 'знать'. Этой форме слова соответсивует ф. tuntea 'чувствовать, знать'. = Доперм. *tumt3-.

шӧравны 'кроить', 'нарезать (хлеб)' | удм. шораны 'отрезать (ломоть хлеба)'. < Позднеперм. *ш̆ór- < раннепраперм. *ш̆úr-; из *ш̆úr- развилось другое слово к. шырны 'стричь, резать', удм. шырны 'резать' ‖ венг. irt- 'истреблять'. = Доперм. *ш̆ur3- (MSzFU, КЭСК).

Слова с к. ӧ и удм. о восходят к прапермской форме с ó, д о п е р м с к а я форма н е и з в е с т н а.

вӧлӥ 'был' | удм. вал (< *vol-, см. Ист. вок., стр. I28). < Праперм. *vol- < раннепраперм. *vůl- – откуда развилось другое слово: выны: овны-выны 'жить-поживать'. Неясно, что было в допермском языке:? *о (ср. ф. olla) > раннепраперм. *ů.

гӧрд 'красный' | удм. горд 'тж'. < Праперм. *górd < раннепраперм. *gůrd, откуда развилось другое слово: гырд 'кровь, запекшаяся кровь'. Неясно, что было в допермском языке и которая из двух приведенных форм восходит к нему.

нӧм: ни-нӧм 'ничего' | удм. номыр 'тж'. < Праперм. *nóm- < раннепраперм. *nům-, откуда развилось другое слово нымӧн 'едва, чуть'. Неясно, какая форма была в допермском языке и которое из приведенных слов восходит к ней.

пӧнны 'совокупляться' | удм. поныны. < Праперм. *pón- < ? раннеперм. ů. Неясно, что было в допермском языке: ? *а (ср. ф. panna) > раннепрамерм. *ů.

Из приведенных слов следующими словами коми языка оперирует также К. Редеи в своей статье (NyK 65, стр.371--373): вöлi гöн, гöрд, кöвтны, кöрт, нинöм, öтик, пöнны, сьöлавны, тöдны, шöравны.

К. Редеи делает совершенно правильный вывод о происхождении прапермского гласного *ö: "У прапермского звука *ö нужно считать единственным закономерным предшественником допермское *ä (такого мнения держится и Э. Итконен - FUF XXXI, стр. 292). Прочие допермские предшественники общепермского гласного ö объяснимы звуковыми изменениями, протекавшими в прапермском языке-основе" (NyK 65, стр. 373). Эти звуковые изменения проходили или под влиянием согласных l и r,или в силу фонетического положения гласного, или же в процессе дифференциации значения слов ('резать' - 'стричь', 'шерсть' - 'войлок', 'знать' - 'видnеться' и т.д.).

Выше мы привели больше двух десятков примеров, подтверждающих выводы венгерского языковеда К. Редеи. Однако, остается неясным - в силу каких обстоятельств допермский нелабиальный гласный переднего ряда нижнего подъема (ä) перешел в общепермском языке в нелабиальный гласный среднего ряда среднего подъема. Для ответа на этот вопрос мы вспомним процесс лабиализации гласных перед твердыми согласными (являвшимися в прошлом огубленными), имевшей место в глубокой древности, не позднее начала прапермской эпохи, а, может быть, даже в допермскую эпоху - в диалектах, послуживших базой образования прапермского языка.[5] А перед мягкими же согласными - как показывают нижеприведенные примеры - явление доперм. *ä > общеперм. *ö не наблюдается.

Допермское *ä перед мягкими согласными

ай 'самец, отец' | удм. айы 'тж'. < Праперм. *aja ‖ ф. äijä 'старик, дед'. = Доперм. *äjз- .

---

[5] См. наши статьи: СФУ УШ, стр. II2-II3; MSFOu I50, стр. 205-207.

найо 'они'. < Праперм. *na-, *naje (согласный j, наверное, появился уже в прапермский период || ф. nämä 'эти'. = Доперм. *nä- .

си 'волос' | удм. си 'тж'. < Позднеперм. *śi (? < *śij) < раннеперм. *śaj || ф. säie 'волокно'. = = Доперм. *säje- . Раннеперм. *a перешло в i под влиянием палатальных ś и j.

сісь 'гнилой' | удм. сись (< siś) 'тж'. < Позднеперм. *siś < раннеперм. saj || манс. säi . = Доперм. *säje- . Раннепраперм. *a > позднепраперм. *i под влиянием палатального ś ; siś < *sij-s, конечное s - словообразовательный суффикс.

сизь 'дятел' | удм. сизь 'тж'. < Позднепраперм. *śiź < раннепраперм. *śaź || ф. hähnä. = Доперм. *säćnä. Позднеперм. *i < раннепраперм. a под влиянием палатальных согласных (ś, ź).

сунис 'нитка' (? < *sinis, u из i - по линии диссимиляции: в слове два i) удм. сӥньыс, siṇis 'тж'. < Праперм. *saṇis || ф. sää , = Доперм. *säṇä. Коми и удм. i из a под влиянием палатального ń (< ṇ).

сынӧд 'марь, марево'. < Позднепраперм. *śuṇ < раннепраперм. *śaṇ- || ф. sää . = Доперм. *säṇe. Сужение и передвижка назад артикуляции раннепермского *a (> u̇) произошло под влиянием смычного средненебного ṇ.

тайӧ 'этот' | удм. та- 'тж'. < Праперм. *ta-, taje (наряду с первой формой, вероятно, существовала в прапермском языке и вторая) || ф. tämä . = Доперм. *tä-.

чаг 'щепка' | удм. чаг 'лучина'. < Праперм. *čag < *čaṇ || мокш. šäv. = Доперм. *čäṇä.

Таким образом: I) допермский гласный *ä перед т в е р д ы м согласным (некогда о г у б л е н н ы м) в прапермском языке (или даже раньше) л а б и а л и з и р о в а л с я (ä > ȯ), т.е. перешел в прапермское *ȯ, являющееся ближайшим по артикуляции (по ряду и подъему языка) допермскому гласному *ä.

2) Потомками прапермского *ȯ являются к. e (в диалектах также ȯ) и удм. o: к. tel- 'зима', удм. tol < праперм. *tȯl < доперм. *tälä.

3) В целом ряде слов прапермский звук *ȯ претерпел изменение (под влиянием последующего l и r, по линии дифференциации значения слов и т.п.), в результате чего в современных пермских языках образовались гласные, которые не восходят непосредственно к допермскому *ӓ (только раннепрапермские звуки являются продолжением доперм. *ӓ): к. и удм. kȳr 'дятел' < позднепраперм. *kȕr < раннепраперм. *kȯ́r < допермское *kărkʒ- .

4) В определенных словах современные к. ḡ и удм. o, восходящие к позднепрапермскому *ȯ, являются продолжением не допермского *ḡ, а других допермских гласных (u, ŭ),т.к. эти гласные, претерпев изменения в общепермский период, перешли в позднепраперм. *ȯ, давшее к. ḡ и удм. o: к. gēn, удм. gon 'шерсть' < позднепраперм. *gȯ́n 'войлок' < раннепраперм. *gȕn < доперм. *kŭnă.

5) Перед м я г к и м согласным лабиализации доперм. *ӓ не произошло; этот звук - в связи с исчезновением его в пермских языках - в прапермском языке перешел в иллабиальный гласный a, изменившийся в некоторых словах - в силу своего фонетического положения - в i: коми aj 'самец, отец', удм. aji < праперм. *ajʒ- < доперм. *ӓjʒ- .

V. I. L y t k i n
(Moskau)

ZUR FRAGE DER HERKUNFT DES URPERMISCHEN VOKALS *o̮

Z u s a m m e n f a s s u n g

Es ist bekannt, daß urpermisch. *o̮ (> komi e, udm. o) vom vorpermisch. *ä stammt: komi ker 'Geschmack', udm. kor- 'id.' < urperm. *kor- < vorperm. *kärʒ- (s. E. Itkonen - FUF XXXI, S. 291 - 292; K. Rédei - NyK LXV, S. 371 - 373). Die Abweichungen von der Norm (vorperm. *ä > urperm. *o̮), die in der gegenwärtigen permischen Sprachen zu finden sind, werden durch die Veränderungen der Vokalen in der permischen Ursprache erklärt (späturperm. *ü < frühurperm. *o̮): komi kir 'Specht', udm. kir 'id.' < späturperm. *kür- < frühurperm. *kor- < vorperm. *kärkä- .

Der Übergang des vorperm. *ä > *o̮ ist durch die Labialisierung des Vokals (ä) zu erklären. Diese Labialisierung des *ä existierte schon längst (früher als urpermische Zeit) unter der Wirkung nachfolgender labialisierender unmouillierter Konsonanten (s. V. I. Lytkin - MSFOu 150, S. 205-207). Wir finden keine Labialisierung des vorperm. *ä vor nachfolgenden Palatalkonsonanten: komi aj 'Vater', udm. ajj < urperm. *ajʒ- vorperm. *äjʒ- .

V. L õ u g a s
(Tallinn)

TARANDKALME UUS REKONSTRUKTSIOONIKATSE

1. - 5. sajandil Eestis rajatud maapealsed kivikalmed - tarandkalmed on meie muinasaja kalmete hulgas kõige arvukamalt esindatud ja kõige paremini uuritud. Tarandkalmete ehituslik omapära, mis on tuntud analoogilisena vaid läänemeresoomlaste alal (peale Eesti ka Põhja-Lätis ja Edela-Soomes), on andnud põhjust kõnelda siin erilisest tarandkalmete kultuurist vanemal rauaajal. Tarandkalmete arvukus, nende laialdane levik, panuste rohkus matuste juures ning nende ehituslikust iseärasusest tulenev leiumaterjali ajalise liigendamise võimalus on lubanud nende kalmete uurijatel teha tähtsaid järeldusi ühiskondlik-majanduliku korra, etnilise ajaloo ja kultuuri kohta. Tarandkalmete ajal hakkavad esmakordselt erilise selgusega avalduma paikse maaviljeluskultuuriga läänemeresoomlaste lokaalsed hõimulised iseärasused, erinevad hõimud teataval määral erineva materiaalse ja vaimse kultuuriga. Ka kaasajal jälgitavate eesti murdepiirkondade teke on tagasi viidud tarandkalmete aega ja neid piirkondi seotud tarandkalmeteaegsete hõimupiirkondadega.[1]

Tarandkalmete uurimisajalugu on saanud sajandi pikkuseks. Esimene tarandilise ehitusega kivikalme kaevati läbi 1875. aastal Põhja-Lätis Rauna lähedal Slavēkas, krahv C. G. v. Sieversi juhatusel. Sellest ajast tänapäevani on ettekujutus nende kalmete ehitusest pidevalt muutunud ja täpsustunud. Esimesena kaevatud kalme piklik kuju ja kae-

[1] H. M o o r a . Eesti rahva ja naaberrahvaste kujunemisest arheoloogia andmeil. - Eesti rahva etnilisest ajaloost. Tallinn, 1956, lk. 93-94 jt.

vamise ajal tähele pandud risti läbi kalme kulgevaid suuremate raudkivide ridu võrdles Sievers Skandinaavia laevkalmete ja nendes esinevate "sõudjate pinkidega". Laevkalme-teooriat toetas ka tolleaegne Tartu ülikooli mineraloogia ja arheoloogia professor C. Grewingk (1819 - 1887). Sellest ideest oli nakatatud ka asjaarmastaja-arheoloog Jaan Jung. Peatselt näitasid aga Tartu ülikooli ajalooprofessori P. S. Viskovatovi ja tema järel ka arheoloogiaprofessori G. Loeschke kaevamised, et tegemist ei ole ehtsate laevkalmetega. Loeschke järel professoriks saanud Richard Hausmann (1842 - 1918) pani 1891. aastal ette nimetada neid kalmeid kõige iseloomulikuma tunnuse järgi "kiviridakalmeteks". Hausmanni enda kaevamiste tulemusena aga selgus, et need kalmed ei olnud läbitud ainult põigiti kiviridadega, vaid koosnesid kõrvutiasetsevatest nelinurksetest müüridega piiratud ja kividega täidetud kambritest (Zelle). Sisuliselt oli pilt tarandkalmete ehitusest juba üsna täielik. Samasuguseid kambreid avastati käesoleva sajandi algul Tallinna ümbruse kivikalmetes (Lagedil, Kurnal, Sahal) balti-saksa arheoloogide A. Friedenthali ja A. Spreckelseni kaevamistel. Ometi jäi nimetus "kiviridakalme" praktiliselt kuni 1920-ndate aastateni püsima.

1930-ndail aastail viisid meie tarandkalmete uurimist oluliselt edasi H. Moora, M. Schmiedehelm ja A. Vassar. Aastakümne esimesel poolel õpiti kindlaks tegema tarandite ehitamise järjekorda liitunud kalmetes. Pandi tähele, et ainult esimesena rajatud tarandil oli kõik neli piirdemüüri sirge välise servaga. Kõik järgnevad tarandid, mis olid ehitatud olemasoleva tarandi ühele või teisele küljele, on ainult kolme sirge välisküljega. See avastus koos leiumaterjali tüpoloogilise ja kronoloogilise liigendamise võimalusega andis uurijatele vahendi täpsemini jälgida suurte tarandkalmete ehitamise käiku ja sellesse matmise korda. Viimane on ajalooliste järelduste tegemiseks aga eriti vajalik. Muutus ka tarandkalmete nimetus. Kui veel 1930-ndate aastate algul püsis tarandi nimetusena kasutusel "kamber" (Zelle)[2], siis 1936. aastal pääsevad kirjandusse

[2] H. M o o r a . Die Vorzeit Estlands. Tartu, 1932, lk. 30 jj.

H. Moora soovitatud nimetused "tarand" ja "tarandkalme",[3] mis on püsinud tänapäevani.

1930-ndate aastate keskpaigaks väljakujunenud tarandkalmete kaevamise metoodika püsis muutusteta kasutusel üle 30 aasta. 1960-ndate aastate teisel poolel aset leidnud kaevamismetoodika täienemine seisnes selles, et kalmeid ei kaevatud enam niipalju tükeldades, vaid tervikuna, kogu kalmevaret korraga avades (Lehmja Loo, Kõmsi jt.). See andis esmakordselt võimaluse kõige erinevamates kalmeosades paljanduvaid fragmentaarselt säilinud ehitusjäänuseid k o r r a g a võrrelda ja hinnata. Varem tehti selline kõrvutamine ja vastavad järeldused suuremalt osalt kaevamisaruannete ja -plaanide järgi, ja siis oli subjektiivsete tõlgenduste osatähtsus tunduvalt suurem. Kaasaegsema kaevamismetoodika teadlik ja sihipärane rakendamine terve rea tarandkalmete kaevamisel, samuti varasemate kaevamisaruannete ümbermõtestamine uute uurimistulemuste valguses lubavad praeguses uurimisjärgus püstitada mõningaid probleeme, millede lahendamise võimalusi peab edasise uurimistöö käigus silmas pidama ja taotlema. Eelkõige puudutab see tarandkalmete ehitust ja neisse matmise korda.

x x
x

Tänapäeva maastikul esinevad tarandkalmed tavaliselt pealt kamardunud kompaktsete kivivaredena, mis on harilikult ida-lääne suunas piklikud. Kui kalme koosneb vaid ühest ristkülikukujulisest tarandist (need aga püüti alati rajada põhja-lõuna-suunalistena!), siis võib kalmevare olla ka põhja-lõuna suunas ovaalne või isegi ümmargune. Tüüpilisemad on siiski liitunud tarandkalmed, millede pikkus ulatub ida-lääne suunas mitmekümne meetrini. Seni läbi kaevatud kalmetest on pikim S. Laulu juhatusel Kagu-Eestis läbi kaevatud Virunuka IV kalme, mille pikkus oli 63,5 meetrit ja laius 20 - 30 meetrit. See kalme koosnes 14 tarandist. Sellest klassikalisest pildist esineb loomulikult kõrvalekaldumisi, kuid need on harvad. Kalmete kõrgus ulatub mõne-

[3] Eesti ajalugu I. Tartu, 1935, lk. 116.

kümnest sentimeetrist üle 1,5 meetri. Kõige tavalisem kalmekihi paksus on siiski 40 - 50 cm, paremal juhul paarkümmend cm rohkem. Paljude kalmete välimus ja kõrgus on muutunud kaasajal põldudelt pealekogutud kivide arvel.

Tarandkalmed olid kollektiivsed matusepaigad, kuhu maeti lühemat või pikemat aega, sageli kogu tarandkalmete ajal, mõnikord kauemgi. Seejuures võib matmine olla toimunud paralleelselt kõigisse olemasolevaisse tarandeisse - nii esimesena püstitatud kui ka hiljem kõrvale rajatud taranditesse. Kuna hiljem püstitatud tarandeis varasemad hauapanused puuduvad, siis on leidude abil võimalik kontrollida tarandite ehitamise järjekorda. M. Schmiedehelm on Kirde-Eesti tarandkalmete uurimise tulemusena jõudnud järeldusele, et seal pole peale 3. sajandit uusi tarandeid enam rajatud, kuigi matused esinevad neis veel 5. sajandini. Seejuures hakatakse 5. sajandil ja 6. sajandi algul matma peamiselt väljapoole tarandeid kalme äärevaresse.[4] Ta seletab seda väikeste perekondade tekkimisega suurperede asemel. Nii sellest väitest kui üldse tarandkalmete ehitus- ja matmisviisi käsitlustest peegeldub uurijate üksmeelne veendumus, et tarandkalmetesse matmine käis kindla traditsiooni ja korra järgi ja et siin ei olnud juhuslikkust kuni nende kalmete pideva kasutamise lõpuni I aastatuhande keskpaiku.

Tarandkalmete uurimisajalugu jälgides näeme, kuidas arenesid muinasuurijate ettekujutused ja teadmised tarandkalmetest. Praegu teame, kuidas toimus nende kalmete rajamine, kuidas neisse maeti, mis aega kuuluvad hauapanused ja palju palju muudki. Ometi ei ole selge üks küllaltki oluline asi - kuidas nägid tarandkalmed algselt välja vanema rauaaja maastikul. Arusaadav, et meie päevi tarandkalmete rajamisest lahutavad poolteist kuni kaks aastatuhat ei ole möödunud neile kalmetele olulisi jälgi jätmata.

Tarandkalmete avamisel paljanduvad selles tavaliselt ristkülikukujulised müürid või müüriaalused. Üsna usutav on A. Vassara poolt juba enam kui 30 aastat tagasi antud seletus, mille järgi t a r a n d i m ü ü r o n m a t -

[4] М. Шмидехельм, Археологические памятники периода разложения родового строя на Северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, lk. 206.

m i s a l a , s . o . k a l m e p i i r .[5] Tarandimüüridest väljapoole jatkub kivivare veel mõne meetri ulatuses, õhenedes pikkamööda serva poole. Seda osa kalmest nimetatakse ä ä r e v a r e k s . Äärevare nimetus tõlkevastetes[6] viitab üsna kujukalt uurijate seisukohtadele äärevare tekke suhtes. Ometi puudub seni tarandkalmete käsitluses ühtne seisukoht äärevare tekkimise küsimuses. Seda hoolimata sellest, et äärevarele ja sealt leitud esemetele on omistatud suurt tähtsust ajalooliste järelduste tegemisel, konkreetselt aga peetud keskmise rauaaja algul kujunevate väikeste perekondade matusepaigaks.

A. Vassar esitas 1940-ndail aastail omapoolse seletuse äärevarade tekkimise kohta, mida siin on kohane meenutada: "Näib, et algselt ehitati valmis ainult tarandimüür ja sisetäidis oma alumises kihis, nii et kalme struktuur oli täiesti nähtaval... Reeglipärane matmine toimus nimelt sisetäidise alumise kihi peale... Nähtavasti aga iga matmise juures kaeti alumise sisetäidise kihti paeplaatidega või vähemate raudkividega. Arvukate matmiste puhul tekkis nii siis ülemine kivikiht, mis ühtlasi valgus üle tarandimüüride või varasema kalme piirikeha väljapoole ja moodustas nn. äärevare. Nii matmisviisi tõttu muutus nähtamatuks sisestruktuur ühes äärevare tekkimisega ja kalme muutus lamedaks kangruks... Tarandkalmetes, kus siseosa alumine kiht on raudkividest ja ülaosa paeklibust, vastab äärevare oma koostiselt täiesti sisetäidise ülakihile ja võib seega tõenäoliselt olla tekkinud üheskoos aja jooksul. Teiselt poolt on aga eriti Lõuna-Eesti tarandkalmete juures selge, et äärevare on ilmselt ehitatud ja laotud, kuna sisetäidis tihtipeale on ise ainult 1 - 2 raudkivi paksune, kus ka pealmise siseosa hilisemat teket vaevalt võime arvestada."[7]

Siin on Põhja-Eesti kalmete puhul esile tõstetud äärevare stiihilist, iseenesest teket, peetud teda pideva matmistegevuse kõrvalproduktiks. Lõuna-Eestis, kus kalmed on

---

[5] A. V a s s a r . Nurmsi kivikalme Eestis ja tarandkalmete areng. Käsikiri TRÜ Teaduslikus Raamatukogus, lk. 6.

[6] Краевая насыпь , Randpackung jne.

[7] A. V a s s a r , op. cit., lk. 295 - 296.

madalad ja matmise ajal kivimaterjali üle ääre varisemist on raske ette kujutada, arvestatakse võimalust, et äärevare on r a j a t u d .

Kagu-Eesti tarandkalmete uurija S. Laul toetas 1962. aastal ilmunud Nõo Jaagupi tarandkalme kirjelduses A. Vassara arvamust: "... kalme ei lõppenud ei külgedel ega otstes järsku, müüriga, vaid aeglaselt, väljaspool müüri oleva nn. äärevarega. Äärevare on e h i t a t u d (meie sõrendus - V. L.) müüride väliskülgedele nii, et vastu müüre on a s e t a t u d (meie sõrendus - V. L.) suuremad kivid, milledele järgnevad välisääre poole väiksemad algul kahes, siis ühes kihis. Kalme lõpeb äärtel väikeste, rusikasuuruste kivikestega... Eriti suured on kivid, mis asetsesid vastu lõunamüüri... Need äärevare kivid on niisama suured kui müürikivid ja seepärast ongi varasematel kaevamistel arvatud, et Jaagupi kalme tarandimüürid koosnevad kohati kahest teineteise kõrvale asetatud kivireast. Kalme lõppes äärevarega ka ida- ja läänеotsas."[8]

Võru rajooni Virunuka tarandkalmete äärevarede tekkimise suhtes on sama autori 1965. aastal avaldatud seisukoht siiski sootuks erinev: "... matmiseks on kasutatud põhiliselt tarandit, mis ilmselt on valmis ehitatud tervikuna enne seda. Mõnevõrra teisiti näivad olevat k u j u n e n u d (meie sõrendus - V. L.) aga äärevared. Nagu nende ehitusest nähtub, on nad tekkinud järk-järgult... Äärevared näivad endast kujutavat just seda kivide varu, mis toodi kohale matuste katmiseks. Kuid äärevareks jäi ilmselt ka osa tarandite ehitamiseks kohaleveetud suurematest kividest, kuna tarandimüüridele lähemal asuvad äärevarede kivid olid sageli küllaltki suured. Sellest, et äärevarede kujunemises on palju juhuslikku, räägib ka see, et nende laius on isegi ühel ja samal kalmel väga erinev, samuti võivad nad kohati koosneda ühest, kohati kolmest kivikihist... Paistab, et nende tarandite kohal, mida on matmiseks kasutatud pikemat aega, on äärevares rohkem ki-

---

[8] S. L a u l . Jaagupi tarandkalme Elva rajoonis. Muistsed kalmed ja aarded. Tallinn, 1962, lk. 18.

ve... Kalme ida- ja lääneservale ei ole suuri äärevaresid tekkinud, kuna siia on jäetud võimalus uute tarandite ehitamiseks."[9]

Selles kirjelduses, vastupidi eelmisele, rõhutatakse äärevare stiihilist tekkimist kalme kasutamise ja laiendamise ajal. Samal ajal vihjatakse siiski ka äärevare teadlikule reguleerimisele (otsmised vared jäeti nõrgemaks!).

M. Schmiedehelm on avaldanud arvamust, et Põhja-Eestis, kus esineb ohtrasti paekivi, on tarandkalmed juba muinasajal olnud üleni kaetud paeklibu ja mullaga. See kate ulatus ka väljapoole kalmemüüre, moodustades seal nn. äärevare.[10] Seega eeldab ta, et kalmekonstruktsioon ei paistnud juba kohe peale kalme rajamist enam välja. 1960-ndate aastate lõpul toimunud mitmel Ajaloo Instituudi arheoloogia sektori töökoosolekul, kus oli arutusel tarandkalmete ehituse küsimused, põhjendasid M. Schmiedehelm ja S. Laul äärevaresid müüride t o e t a m i s e vajadusega.

Niisiis on seni ühendatud ühelt poolt tarandkalmete range ehituslik loogika ja teiselt poolt laialivalguvad, ebaühtlased, enamasti stiihiliselt tekkinud äärevared, mis matsid enda alla valitud kividest hoolikalt laotud kalmemüürid.

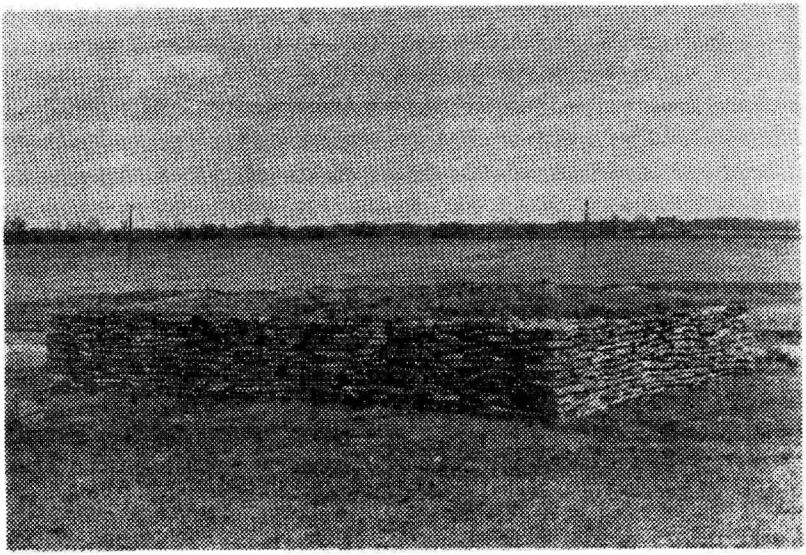
Käesolevaga pakutakse tarandkalme teistsugust konstruktsiooni. Selle järgi olid tarandkalmel väljastpoolt sirged laotud müürid, mis meenutasid kiviaeda või majaseina. Just sellisena meenutavad tarandkalmed ka "surnumaja", millisteks neid on pidanud A. Vassar ja mõned teised uurijad. Konkreetsetele kaevamistulemustele tuginedes on rekonstrueeritud ka Eestis esimene muinasaegne kivikalme - Tallinnast 11 kilomeetrit lõuna pool vana Tartu maantee ääres asuv Lehmja Loo tarandkalme, mis kaevati autori juhatusel läbi 1967. - 1968. aastal (joon. 1). Analoogiline on 1973. aastal Haapsalu rajoonis Kõmsis asuva ühetarandilise kivikalme rekonstruktsioon.

---

[9] S. L a u l . Virunuka tarandkalmed Võru rajoonis. - ENSV TA Toimetised 1965, № 3, lk. 323.

[10] М. Шмидехельм , op. cit.

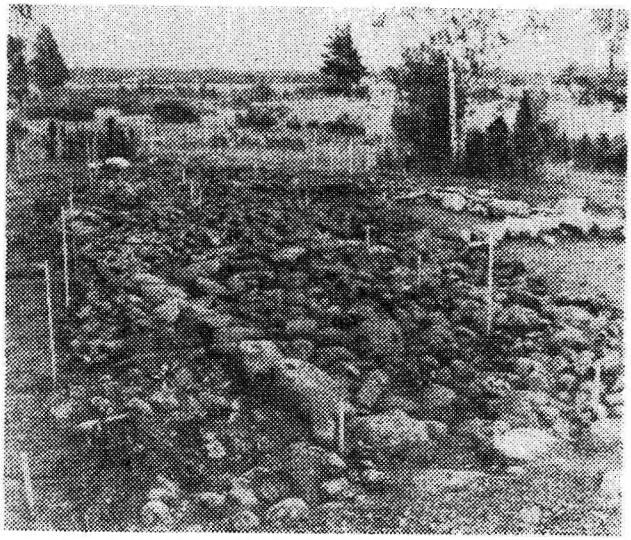
Nimetatud kahe kalmistu tarandkalmete kaevamisel selgus, et pae- ja raudkividest laotud tarandimüürid ei olnud väljapoolt äärevarega toetatud. Seda kinnitavad mitmed otse maapinna lähedalt v ä l j a p o o l e (!) varise-

Joon. 1. Rekonstrueeritud tarandkalme Lehmja Lool (Harju raj.).

nud müürilõigud. Ilmselt ei olnud nende müüride vastu kuhjatud midagi, mis oleks takistanud varisemist (vt. joon. 2). Lehmja Loo tarandkalmes oli koguni terve müürilõik - kuni 30 paeplaati üksteise peal - püsinud varisemisjärgses asendis. Plaatide paksuse järgi otsustades pidi varisenud seina kõrgus olema vähemalt kolmveerand meetrit. Kuni poole meetri kõrgusi varisemata müürilõike on aga avastatud ka teistes Põhja-Eesti kivikalmetes (Reinapi, Pada jt.). Lõuna-Eestis, kus tarandimüüride rajamiseks kasutati raudkive, on muidugi raskem väljaspool müüre asuvate kivide asendi järgi otsustada, kas kivid on sinna tahtlikult asetatud, müürist varisenud, kalme sisetäidisest välja lõhutud või

varisenud. Siin peame tugineme kaudsetele tõenditele. Huvitavat materjali pakub äärevare hilisema tekkimise kohta Põlva rajoonis Põlgastes (S. Laulu juhatusel 1970-1972)

Joon. 2. Ristkülikukujulised tarandimüürid ja äärevare Kõmsi suures tarandkalmes.

läbi kaevatud 4. - 5. sajandi tarandkalme. Seda kalmet ümbritses lai ja tihe äärevare, mis praktiliselt puudus vaid ühes kohas - kalme lõunakülje keskel III - V tarandi kohal, kuhu 5. sajandil oli vastu kivikalmet püstitatud liivast kääbas.[11] Eeldades, et äärevare tekkis alles pärast kivikalmesse matmise lõppemist paljude järgnevate sajandite jooksul, on selge, miks äärevare puudus kääpa kohal. S i i a e i s a a n u d ä ä r e - v a r e t e k k i d a . Et kivikalme varisemine siiski peale 5. sajandit aset leidis, sellele vihjavad kääpa kivikalmepoolses jalamis hõredalt esinevad kivid: kivi-

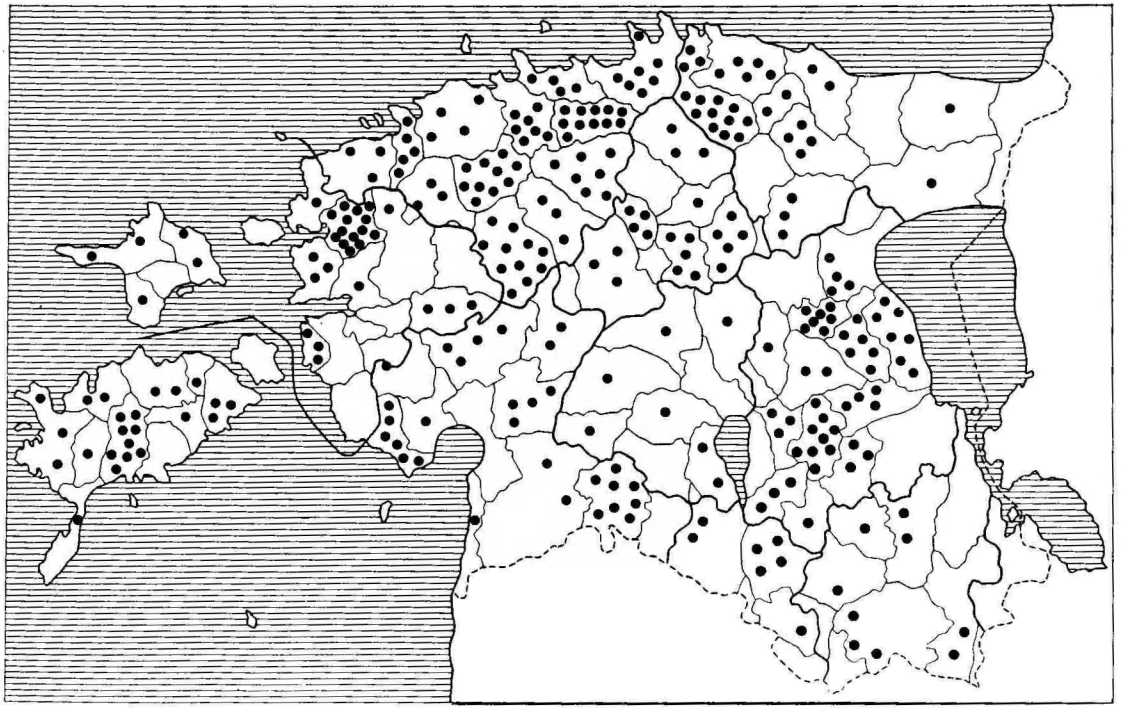
[11] С. Л а у л , Каменный могильник и курганы в Пылгасте (Юго-восточная Эстония). - ENSV TA Toimetised 1974, № 1, lk. 87-89 ja joon. 2.

kalme ja kääpa üheaegse varisemise ja laialivalgumise tulemusena on siin segunenud ühe ja teise kalme materjal. Kuigi osa Lõuna-Eesti tarandkalmete, konkreetselt näiteks Virunuka kalmete äärevarede teket on seletatud kui stiihilist protsessi, dateeritakse see k a l m e k a s u t a m i s e a e g a . Seda on aga raske ette kujutada, sest korratus lasus kalme ümber vedelevad kivid oleksid muutnud korrapärase konstruktsiooniga kalme väljanägemise korratuks ja juurdepääsu kalmele ebamugavaks. Selline "hooletus" oleks olnud isegi praktiliseks tüliks, sest igakordsel kalme laiendamisel oleks tulnud teha palju tööd äärevare kõrvaldamiseks. Et aga äärevaret kalme ida- ja läänepoolsetel otstel ei ole jäetud kalmepõhja sisetäidiseks, sellest annab tunnistust nende kahe kivilademe täiesti erinev iseloom. Ilmselt on sellegi kalmistu äärevare tekkinud hiljem müüride varisemise ja sisetäidise kivide edasikandumise tulemusena. Lõuna-Eesti tarandkalmete äärevare koosneb müüri jalamil tavaliselt suurtest . raudkividest, mis sarnanevad kõige enam tarandi müürikividega ja pärinevadki tõenäoliselt tarandimüürist, samal ajal kui kaugemal äärevares on kivid juba väiksemad, pärinedes tõenäoliselt sisetäidisest. Kuna Lõuna-Eesti tarandkalmete ehituseks kasutatud võrdlemisi suured raudkivid on kõlvanud ka uuemal ajal ehituskivideks, tuleb siin peale loomuliku varisemise rohkem kui Lääne- ja Põhja-Eestis arvestada inimese hilisemat lõhkuvat tegevust. Seega arvame, et nii Põhja- kui ka Lõuna-Eestis on tarandkalmete äärevared tekkinud pärast kalmete kasutamist pika aja jooksul, kuni varisev tarandimüür ja selle jalamil kerkiv varisenud kivilasu jõudsid ühele tasemele. Seejärel kattus kalme rohukamaraga.

Et tarandkalmete äärevared oleksid olnud juba 5. - 6. sajandil (Kirde-Eestis aga koguni 4. sajandil) omaette matmispaigaks, mida on vastandatud taranditele, selleks on tõestusmaterjal vähene. See järeldus on tehtud mitte äärevaredest leitud m a t u s t e , vaid sealt kogutud ü k s i k l e i d u d e põhjal. Peale 5. - 6. sajandi üksikleidude on seal loomulikult ka teisi kalme varisemise käigus üle tarandimüüride sattunud esemeid. Et

aga just enamus 5. - 6. sajandi (s. o. tarandkalmete kasutamise lõppfaasi) esemeid on sattunud äärevaresse, sellele võib anda ka teistsuguse seletuse. Varisesid ju kalme ülemise, s. o. hilisema kihi matusejäänused kalme jalamile kõigepealt. Vanemad ja kalmes sügavamal asuvad matused jäid rohkem paigale. Igal juhul peab meeles pidama, et s e n i p o l e õ n n e s t u n u d l e i d a ü h e g i E e e s t i t a r a n d k a l m e ä ä r e v a r e s t o m a a l g s e l k o h a l p a i k n e v a t 4 - 6 s a j a n d i m a t u s t, hoolimata sellest, et 5 - 6. sajandil valitses juba enamasti laibamatmise komme ja laibamatuse avastamine kivikalmes oleks hõlpsam.

Tänapäeval ei ulatu paekividest laotud kivikalmete müürid enam maapinnale, vaid on mattunud kiviklibu ja kamara alla. Tarandkalmete raudkividest müürid siiski ulatuvad mõnel pool maapinnale. Varem aga on rahvapärimuste ja vanade kirjelduste järgi otsustades paljude tarandkalmete müürid palju selgemini välja paistnud. Aja jooksul on kalmetest kive välja murdes, samuti põldudelt kive juurde kogudes rikutud kalmete loomulik välimus. Tihti viitab selliselt maetud või lõhutud kalmevaredele rahvapärane kabeli- või kiriku-tüveline kohanimi (Kabelimägi, Kabeliase, Kirikumägi, Kirikuase). Selletaolisi kohanimesid, mille olemasolu ei tingi just uuemal ajal rajatud kirik või kabel, on Eestist teada enam kui 300 kohas. Nende kohanimede levik (joon. 3) langeb põhijoontes kokku tarandkalmete levikuga. Sellise rahvapärase kohanime tekkimine on arusaadav, sest meenutasid ju tugevad ristkülikukujulised müüripõhjad hoone (kiriku või kabeli, s. t. vanaaegse matmispaiga) vundamente. Surnuluude ja esemetegi leidmine neilt "kabeli-" ja "kirikuasemeilt" oli loomulik nähtus. Paljude kivikalmete teket seletab üle-eestiliselt levinud legend katsega ehitada sellele kohale kihelkonnakirikut. Ehitamine pole aga edenenud, sest mis päeval ehitatud, see öösel maha lõhutud. Ei aidanud siis muu, kui pandi kivid (mõnel pool ka palgid) härjavankrile ja kuhu härjad seisma jäid, seal olnudki see õige koht. Sellised pärimused seovad Hanila kirikut Kasekülaga, kus on suur tarandkalme, Haljala kirikut - Metsiku ja Sagadi rajal oleva Kirikumäega, Viru-Jaagupi kirikut Kehala küla Kirikuasemega, Simuna kiri-

Joon. 3. Kabeli- ja kiriku-tüveliste kohanimede levik Eestis.

kut Laekvere küla Ristikivi künkaga, Peetri kirikut ja Esna Kirikumäge ning Köisi Kabeli- e. Kirikumäge, Pärnu-Jaagupi kirikut ja Halinga Kirikuaset, Rapla kirikut ja Raiküla ning Kuusiku Kruusimäe "kirikuasemeid" jne.

Ülalesitatud uut tarandkalme rekonstruktsiooni tuleb loomulikult edaspidistel kaevamistel ikka ja jälle kontrollida, pidamata veel seda praeguse vähese materjali tõlgendamisel tehtud järeldust lõplikult tõestatuks. Eriarvamused kalmete konstruktsiooni küsimustes aga näitavad, kui teravat tähelepanu nõuavad kaevamisel kalmete lõhkumise ja loomuliku varisemise nähtused. Sõltub ju neist kahest tegurist äärevarede laius ja iseloom, samuti luude ja panuste paiknemine kalmes. Kõigest sellest tahame aga teha kaugeleulatuvaid ajaloolisi järeldusi.

В. Лнугас
(Таллин)

ПОПЫТКА НОВОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ КАМЕННЫХ МОГИЛЬНИКОВ С ОГРАДКАМИ

Резюме

Каменные могильники с оградками являются общераспространенным типом погребального сооружения у прибалтийских финнов в I-IУ вв. н.э. Особенности их конструкции (постепенное разрастание могильников путем пристраивания новых оградок) и многочисленность могильного инвентаря позволяют использовать результаты изучения этих могильников для решения важных социально-экономических, этнических и культурно-исторических вопросов. Исследования также показали, что и возникновение диалектов эстонского языка в древности связано прежде всего с образованием локальных групп каменных могильников с оградками.

В 1975 году исполняется сто лет с начала исследования этих могильников. В течение этого времени постепенно пополнялись представления о структуре каменных могильников с оградками и менялись их названия ("ладьевидные могильники", "могильники с каменными рядами", "могильники с оградками"). В данной статье предлагается новая реконструкция этих могильников (рис. I), которые, по мнению автора, не имели особой краевой насыпи (рис. 2), как это обыкновенно предполагалось раньше. Сохранившиеся основания каменных стен этих могильников в свое время послужили поводом для возникновения топонимов типа "Кирикумяги" ("Церковная гора"), "Кирикуазе" ("Место церкви") или "Кабелиазе" ("Место часовни"), которых в Эстонии зарегистрировано свыше 300 и распространение которых в основном совпадает с распространением каменных могильников с оградками (рис. 3).

V. L õ u g a s
(Tallinn)

EIN NEUER REKONSTRUKTIONVERSUCH DER TARANDGRÄBER

Z u s a m m e n f a s s u n g

Die Tarandgräber stellen eine im ostseefinnischen Gebiet im I - IV Jahrh. allgemein verbreitete Grabform dar. Die Besonderheiten ihrer Struktur (der fortlaufende Anbau der Tarands) und ihr Fundreichtum ermöglichen es die Ergebnisse ihrer Erforschung für sozial-ökonomische, ethnische und kulturgeschichtliche Schlußfolgerungen auszunutzen. Auch die in die Vorzeit zurückreichende Herausbildung der estnischen Dialektgebiete ist am frühesten und vor allem mit den Tarandgräbern in Verbindung gebracht worden.

Im J. 1975 vollziehen sich hundert Jahre seit dem Beginn der Tarandgräberforschungen. Im Laufe dieser Zeit haben sich die Vorstellungen von der Struktur dieser Gräber und selbst ihre Benennung geändert ("Schiffsgräber", "Steinreihengräber", "Tarandgräber"). Trotz den bemerkenswerten Fortschritten in der Untersuchung der Tarandgräber ist die Erklärung ihrer Struktur noch in mancher Hinsicht strittig, vor allem die Frage nach ihrem ursprünglichen Aussehen. Bildete die äussere Abgrenzung der Tarands ehemals eine gerade (geschrichtete) Mauer, wie eine solche heutzutage gewöhnlich einige Meter innerhalb der äusseren Grenze der Steingräber aufgedeckt wird (Taf. 2), oder war die Konstruktion der Grabanlage unter der sog. Randpackung begraben? Der Verfasser legt eine neue Rekonstruktion eines Tarandgrabes vor, praktisch ausgeführt nach einem im J. 1968 in der Nähe von Tallinn, in Lehmja Loo aufgedeckten, einen einzigen Tarand umfassenden Grabe (Taf. 1). Daß die Tarandmauern in früheren Zeiten noch nicht dermaßen zerfallen waren, davon zeugen manche Volksüberlieferungen und volkstümlichen Benennungen der Steingräber ("Kirchenberg", "Kirchenstätte"), wie solche in Estland an etwa 300 Orten registriert worden sind (Taf. 3). Eine Nachprüfung hat gezeigt, daß die Verbreitung dieser Ortsnamen bis zu einem gewissen Grade auch die Verbreitung der Tarandgräber wiederspiegelt.

К. Мокань
(Ленинград)

ЛАСКАТЕЛЬНЫЕ НАЗВАНИЯ ПТЕНЦОВ И ДЕТЕНЫШЕЙ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В ВЕНГЕРСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ОСТРОВКАХ ВОСТОЧНОГО ЗАКАРПАТЬЯ

Согласно показаниям венгерских письменных памятников, детеныши различных животных раньше назывались, в основном, словосложением типа: название взрослого животного + fi 'детеныш животного' (← 'сын; потомство'; TESz I 925). Ср., например, bárányfi 'ягненок' (дословно: овца + детеныш), таким же образом csukáfi 'щуренок', darufi 'журавленок', galambfi 'голубенок', battyúfi 'лебеденок', kecskefi 'козленок', lófi 'жеребенок', madárfi 'птенец, птенчик', rókafi 'лисенок', szarvasfi 'оленёнок' (I. Szamota, Gy. Zolnai, Magyar oklevél-szótár. Budapest, 1902-1906).[1] Однако, эти названия детенышей животных примерно с XVI в. стали вытесняться простыми названиями. Например, csirke (впервые засвидетельствовано в 1568 г.), csibe (1757 г.), cibe (1799 г.)

---

[1] Ср. аналогично образованные названия птенцов и детенышей различных животных в мансийском: аррӣ, ӑмр-пӣ 'щенок', lӯ-пӣ 'жеребенок', тӗri-pu 'журавленок' и т.д.; в удмуртском: kӑza-pi, kec-pi 'козленок', pars-pi 'поросенок', uz-pi 'жеребенок', ӵici-pi 'лисенок' и т.д.; в коми: bal'a-pi, mez-pi 'ягненок', porś-pi 'поросенок' ponpi 'щенок' и т.д.; в финском: hanhenpoika 'гусенок', kanapoika 'цыпленок', kissanpoika 'котенок' и т.д. (M. Kertesz, Az állatok kicsinyeinek neve a finnugor nyelvekben. - Magyar Nyelv VII. Budapest, 1911, стр. 295-6); в эстонском: kanapoeg 'цыпленок', karupoeg 'медвежонок', linnupoeg 'птенец', pardipoeg 'утенок', ussipoeg 'змеёныш' и т.д. (J. Tamm, Eesti-vene sõnaraamat. Tartu, 1949).

'цыпленок'; csikó (I525 г.), csëtkó (I533 г.), csikkó (I752 г.) 'жеребенок'; liba (I565 г.), pipe (I585 г.), 'гусенок' (→ 'гусь'); gedelle (I5I9 г.), gidó (I663 г.), 'козленок'; nyuszi (I866 г.) 'зайчонок' и т.д. Переход от словосложения к простому слову происходил не без влияния ласкательных названий птенцов и детенышей животных, в возникновении которых определенную роль сыграли как соответствующие подзывные, непроизвольные рефлекторные выкрики, так и иноязычные лексические элементы. Сказанное подтверждают и приводимые ниже ласкательные названия птенцов и детенышей домашних животных, которые мы собрали в следующих венгерских языковых островках восточного Закарпатья: Вышково (= Выш), Тячево (= Тяч), Округла (= Окр), Солотвиново (=Сол), Великий Бычков (= Быч), Кобылецкая Поляна (= КобП), Деловое (= Дел), Рахов (= Рах) и Ясиня (= Яс).[2]

I. Ласкательные названия цыплят: csibe, csike, cipuka (Выш), csibe, csibu, csibuka (Тяч), cibe, cibike, cipuka, cipku (Окр), cibuka, cipuka (Сол, Быч, КобП, Дел), cipika, cipuka, ciripika, drâguska, pityetka (Рах), cipuka, pityetka (Яс).

Сущ. drâguska - суффиксальное образование от слав. по происхождению drâga (лит. drága) I. 'очень дорогой', 2. 'любимый, милый' (TESz I 678). Сущ. ciripika образовалось в результате переразложения быстро произносимого подзывного ciri-piciri ciri-piciri.[3] Из контактирующих украинских говоров заимствованы cipku (< укр. диал. ціпку - звательная форма сущ. ціпка 'ласкательное название цыпленка') и pityetka (< укр. диал. піть'етко 'ласкательное название цыпленка'). Остальные ласкательные названия цыплят этимологически связаны с соответствующими подзывными (ср. csik-csik-csik, csike-csike-csike csi, csip-csip-csip, csibi-csibi-csibi и cip-cip-cip), которые являются имитативными междометиями, подражающими голосу цыпленка или птенца.

---

[2] Подробнее об этих говорах см.: К. Моканъ, О венгерских языковых островках в восточном Закарпатье. - СФУ УШ I972, стр. 59-64.

[3] Подробнее об этом см. там же, стр. I22.

2. Ласкательные названия гусят: bibuka, bibuska, bizsuka, zsuzsuka (Выш), bibika, buzsuka, zsuzsuka (Тяч), lìbuska, bibika, źuźuka (Окр), libuska, źuźuka (Сол), libuska, zuzuka, zsuzsuka (Быч), libuska, lil'uka, lili (КобП), libuska, źuźuka (Дел), libuska, źuźika, huszika, huszetka (Рах), libuska, husźa, huszatka, huszetka (Яс).

Из контактирующих украинских говоров заимствованы: husźa, huszatka и huszetka; ср. укр. диал. гуся 'гусенок' (Гринченко I, 343), гуса́тко и гуся́тко 'гусенок'. Вариант huszika является венгерским суффиксальным образованием от подзывного для гусят huszu huszu huszu, которое в свою очередь заимствовано из укр. диал. подзывного для гусей и гусят гу́су гу́су гу́су; ср. еще укр. гусь, гусю и гуся-на - подзыв для гусей (Гринченко I 343). Сущ. źuźuka и źuźika - суффиксальные образования от заимствованного из укр. подзывного для гусят źu-źu-źu; ср. укр. диал. ́зу-́зу-́зу.

Проблематичным является происхождение сущ. zuzuka, так как его можно рассматривать как видоизменение źuźuka и как вариант zsuzsuka. Сущ. zsuzsuka, как и остальные ласкательные названия гусят, этимологически связано с соответствующими подзывными bib-bib-bib, lib-lib-lib, buzsu buzsu buzsu, bizsu bizsu bizsu и zsu-zsu-zsu-zsu.[4]

Необходимо отметить, что в говоре Округа ласкательное название гусенка lìbuska вытеснило обычное название liba 'гусь'.

3. Ласкательные названия утят: tásuka, tášuka (Выш), tášuka, kistášu (Тяч), tàjku, tàszku, tàszka, tàszuka (Окр), tàszika, kistàsika (Сол), tàjku, tàsuka, sàpika (Быч), tàsika, tàsuka (КобП), tàszika, tàszuka (Дел, Яс), tàszika, tàszuka, tàsuka (Рах).

Сущ. sàpika - суффиксальное образование от подзывного (подражающего голосу утенка или селезня) sàp-sàp-sàp. Остальные ласкательные названия утят этимологически связаны с соответствующими (славянскими по происхождению) подзывными для утят tás-tás-tás, tàsź-tàsź-tàsź и taj-taj-taj; причем, tàjku и tàszku тождественны украинской звательной

---

[4] Подробнее об этом см. там же, стр. 126-7.

форме тайку и таску; ср. тайка и таська 'ласкательные названия утят'.

Определение kis(kicsi)'маленький, небольшой, малый' в словосложениях kistásu и kistàsika древнетюркского происхождения (TESz II 495).

4. Ласкательное название индюшонка выступает редко, только в говоре Солотвино: pujkuca. Оно заимствовано из румынского puicuţa 'цыпленок' (Dicţionarul limbii romîne moderne. Bucureşti, 1958, стр. 678).

5. Ласкательные названия поросят: cinka, cinkóu, kis-conkóu, (kis)conika (Выш), cikuli, canika, canyika, kiscsö (Тяч), conyika, conya (Окр), conyika, conyi (Сол, Быч, КобП, Дел), conyika, kicsi conyi, ćunyću (Рах), ćonyika, kicsi conyika (Яс).

Сущ. ćunyću, по всей вероятности, заимствовано из укр. диал. ćунćу то же. Не исключено, что conya также связано этимологически с укр. диал. цоня (~ ćоня) 'поросенок', хотя его можно рассматривать и как венгерское суффиксальное образование от подзывного cony-cony-cony. Остальные ласкательные названия этимологически связаны с соответствующими подзывными cony-cony-cony, cige cige cige, cigi cigi cigi (где -g- < -k-), cik-cik-cik, ćony-ćony-ćony и csö-csö-csö, которые подражают разным оттенкам чмоканья (чмоканья) поросенка(-сосуна) или свиньи.

6. Ласкательное название жеребят: csidi (Выш, Тяч, Окр), csidi, csikocska (Сол), csikòcska (Быч), kiscsiko (Дел), csiko (КобП, Рах, Яс).

Ласкательное название жеребенка csidi как и подзывные ne csidi ne, csidu csidu csidu, а также csikocska, csikò-cska и csiko (лит. csikó) являются суффиксальными образованиями от слова csi, которым подзывают или отгоняют жеребят (TESz I 525-6). По мнению Й. Келемена, csi звукоподражательного происхождения (MondSz 260, 261, 269).

7. Ласкательные названия телят: bic(c)i, bicike, kizs-bic(c)i (Выш), bocika (Тяч, Быч, КобП), boci, mic'ka (Окр), boci, bocika, bornyucska (Сол), boci, bocika (Дел), boci, màlà (Рах), bocika, màlà (Яс).

Сущ. bornyucska - суффиксальное образование от заимствованного из древнетюркского bornyu (лит. borjú)'теле-

нок' (TESz I 345). Из предполагаемой тюркской формы *burагu в венгерском (через burёu) образовались видоизменения borjú > bornyu (там же). Ласкательное название телят (и коров) boci (> bocika), по мнению авторов TESz (I 315), - субстантивированное междометие (ср. boci, boci boci - подзывное для телят и коров; MondSz 249-250), возможно, игривое ласкательное образование от сущ. borjú.

Вариант bici (> bicci) не засвидетельствован в других венгерских говорах. По нашему мнению, он является видоизменением распространенных в венгерских диалектах bece, bёce, bеccе, bёccе, béci, böci I. 'подзывное для телят или коров', 2. 'теленок, корова (в детском языке)', 3. 'избалованный ребенок', 4. 'девочка-подросток' (TESz I 264). Й. Келемен предполагает в подзывных bёccе!, böccе!, bece! звукоподражательный корень *bё! ~ *be!, подражающий голосу теленка, и уменьшительный суффикс -ce, или же видоизменение слова boci: *boca! > böce! > böccе! > bёccе! > beccе! (MondSz 246). Из контактирующих украинских говоров заимствованы сущ. màlà и micka; ср. укр. малий, -а,-е I. 'малый, маленький, небольшой', 2. у гуцулов употребляется для названия различных животных: малúм называют волка, малою - овцу; призывают теленка: малé! малé! (Гринченко II 401) и міц'ка 'ласкательное название теленка или коровы' (возможно, из клички теленка, коровы Міцка < личное имя Міцка).

8. Ласкательные названия ягнят: barikóu, (kizs)bárinkou (Вып), briska (Тяч), brika (Окр), bàrànyocska (Сол), bàrànyka (Быч, КобП, Дел, Яс), kizsbàràyka (Яс).

Сущ. bàràyka и bàrànyocska являются венгерскими суффиксальными производными от заимствованного из славянского bàràny (лит. bárány) 'ягненок'; ср., например, словацкое baran 'баран; ягненок' (TESz I 245). Ласкательные названия brika и briska - суффиксальные образования от заимствованного из румынского языка подзывного bri-brī; ср. румынское brī-brī 'подзывное для овец' (Atlasul Lingvistic Român. Serie nouă II. Bucureşti, 1956, карта 389).

Особого внимания заслуживают сущ. barikóu и bárinkóu. Ласкательное название barikóu (ср. еще bari, baris, bariska I. 'подзывные для ягнят', 2.'ягненок'; MondSz 262, 266, 354) - игривое ласкательное образование от bárány (TESz I 249), т.е. к усеченному корню bar присоединились

уменьшительно-ласкательные суффиксы -ikóu. Видоизменение bárinkóu образовалось аналогично рассмотренному barikóu, однако, без укорочения гласного á в усеченном корне и с прибавлением вставного (неэтимологического) -n-. Й. Келемен отмечает, что в подобных словах суффикс -kó (~ -kő) является редким. В современном венгерском языке Й. Келемену удалось найти только csikó I. 'подзывное для лошадей, коней' и сущ. csikó (~ диал. csitkó) 'жеребенок', которые "сохраняют следы" этого суффикса (MondSz 269). Кстати, этот же суффикс -kóu выступает и в ласкательном названии для поросенка kisconkóu в говоре Вышково (см. выше).

9. Ласкательные названия козлят: gidóucska (Выш, Тяч), koźa (Окр), birike (Сол, Быч, КобП, Дел), koźetka, kozetka (Рах), kozetka, kozánka, meme. (Яс).

Сущ. gidóucska – суффиксальное образование от gida (~ gidóu)I. 'козленок; детеныши небольших жвачных животных: серны, косули', 2. 'коза', которое возникло или из подзывного для козлят и коз gidi-gidi, gidili-midili, gëda ne!, gidu ne! или же венгерские ласкательные формы личного имени Gedeon ~ Gideon стали названием животного (TESz I 1059). Ласкательное название birike является суффиксальным образованием от подзывного biri biri, которое заимствовано из укр. языка; ср. бир! бирр! 'крик, которым гонят овец' (Гринченко I 56). Изменение значения 'ягненок' (ср. венгерские birka, berke, birke 'овца'; TESz I 304)→ 'козленок' произошло, по всей вероятности, в говорах Солотвина, Великого Бычкова, Кобылецкой Поляны и Делового. Из контактирующих украинских говоров заимствованы koźa, koźetka, kozetka и kozánka; ср. укр. козя (Гринченко II 266), козетка и козанка 'козленок'. Сущ. meme. этимологически связано с подражающим голосу козленка подзывным meee meee.

10. Ласкательные названия зайчат: (kis)nyuszika, nyuszi (Выш, Тяч, Сол, Быч, Дел), truszika (Окр), truszetka (Рах), truszëk (Яс), - (КобП).

Сущ. nyuszi (> nyuszika) является суффиксальным образованием от подзывного nyusz-nyusz (TESz II 1059). Подзывное с повторяющимся элементом nyusz – игривое образование (játszi szóképzés) от усеченного корня уральского по происхождению существительного nyul (лит. nyúl) 'заяц,

кролик' (там же). В TESz (там же) говорится только о том, что nyusz-nyusz является подзывным, а nyuszi - ласкательным названием кролика. В бывшем комитате Чик (Трансильвания), однако, nyusz выступает компонентом сложных выражений, с помощью которых отгоняют кролика (ср. nyuszi-ne, nyuszi-el--ne), а nyuszi-nyuszi (равно как и nyusz-nyusz) является подзывным для кролика (G. V á m s z e r, A csíkmegyei háziállatok elnevezési, keresztnevei, hajtó-, hívogató-, elűző(riasztó)- és megállító szavai. - Néprajzi Közlemények IV, № 1-2. Budapest,1959, стр. 244).

Ласкательное название truszika - суффиксальное образование от подзывного truszi truszi truszi (Окр). Подзывное с повторяющимся элементом truszi - суффиксальное образование от подзывного trusz-trusz-trusz (Тяч, Окр, Быч, Дел, Рах, Яс), которое заимствовано из контактирующих украинских говоров; ср. укр. трусь-трусь 'междометие для подзыва кроликов' (Гринченко IУ 290). Из контактирующих украинских говоров заимствованы также truszák (ср. укр. трусь, -ся 'кролик', трусик, -ка 'уменьшительное от трусь': Гринченко, там же; трус, трусик 'кролик'; В.И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка IУ. Москва, 1956, стр. 437-8, с пометой "южное, западное") и truszetka (ср. укр. диал. трусетко 'зайчонок').

II. Ласкательные названия котят: (kis)cicuka, cicuska (Выщ), cicuka, kiscica (Тяч, Сол, Дел), kiscica (Окр, Быч), kiscica, micuka (КобП, Рах), kiscica, micku, micke (Яс).

Ласкательные названия cica (в словосложении kiscica), cicuka и cicuska - суффиксальные образования от подзывного cic (cicic, cicicíc), которое, по мнению авторов TESz (I 426), подражает писку мышей; ср. глагол cicëg, cicög, cincëg, cincog 'издает тонкий, прерывистый звук (в особенности мышь)' (TESz I 426: cic 440: cincog). Это мнение подтверждает не только пример "Matskát hivnak egérszóval, Rút disztelen tzitzogóval" (1797 г.) 'Кошку подзывают мышиным писком, безобразным, недостойным "цициканьем"', но и подзывное для кошек misz misz (из словацкого myš 'мышь') в венгерских говорах центральной части бывшего комитата Земплен (G y. R o s z n á k y, Állathívogatók. Magyar Nyelv

V. Budapest 1909, стр. I4I): если подзывное cic имитирует писк мышей, то в подзывном misz misz называется желаемая добыча кошки - мышь.

Сущ. micku этимологически связано с подзывным micku mic (Яс). Подзывное micku mic (ср. еще mic-mic-mic) заимствовано из укр. міцку-міц, міцку-міц, мицку-миц, где міцку, міцку, мицку - звательная форма от мицька, міцка 'киска' (Гринченко II 429, 234). Сущ. micuka является суффиксальным образованием от mic. Видоизменение micke образовалось из міска путем замены конечного a на e.

I2. Ласкательные названия щенков: (kis)kutyuska (Выш), kutyus, kiskõjõk (Дел), kiskutya, piszu (Окр), (kis)kutyus, (kis)kutyuska (в остальных говорах).

Сущ. piszu - суффиксальное образование от подзывного с повторяющимся элементом pisz: pisz-pisz-pisz 'подзывное для щенка' (Тяч, Окр, Сол, Быч, КобП, Дел), piszú-piszú-piszú то же (Окр). Повторяющийся элемент pisz образовался из psz; ср. подзывные для щенка psz-psz-psz (Выш, Тяч, Рах, Яс), а также: ne, psz, psz, psz! - подзывное для щенка (Весприм; O. H e r m a n, A magyar pásztorok nyelvkince. Budapest, I9I4, стр. 595), pisz-ki I. 'убирайся вон!' (отгон для собаки), 2. 'запрещено': Piszki neki ëdegyünni! - запрещено ему придти сюда (Országi szótár. Kiss G. hagyatékából szerkesztette Keresztes K. Budapest, I952, стр. 439) и psz-psz, pisz-pisz - подзывные для кошки (G. Vámszer, A csíkmegyei háziállatok elnevezései ..., стр. 243). Междометие psz! pisz! (G. Bárczi, Magyar szófejto szótár. Budapest, I94I, стр. 243) в венгерском языке выступает как: I. 'призыв к молчанию, тишине'; 'слово, которым успокаивают, задерживают собаку', 2. 'слово, которым человек хочет привлечь к себе внимание кого-нибудь' (ср. образованный от psz! pisz! глагол pisszeget I. 'шикать', 2. 'приманивать к себе лошадь или иных животных'; MondSz 348), 3. 'отгон собаки', 4. 'запрет'. Кстати, звуковой ряд psz выступает и в иных языках, в основном, как призыв к молчанию или как желание привлечь к себе внимание кого-нибудь (E. Schwentner, Die primären Interjektionen in den indogermanischen Sprachen, Heidelberg, I924, стр. I6).

Сущ. kutyus (> kutyuska) также производное слово. Оно образовано от звукоподражательного по происхождению подзывного → (ласкательного) названия щенка → собаки kutya (TESz II 686). Слова, подобные венгерскому kutya, в идентичных или близких значениях выступают и в других языках. Ср., например, северно-мансийское kuśuw 'щенок'; эстонское kuśsikas 'щенок, собачонка'; итальянское диал. cuccicucci - подзывное для собаки, литературное cùcciolo, старое cùccio 'щенок; молокосос'; русское диал. кутя́ 'щенок' (TESz, там же); в языке волоф (Wolof) Сенегала kuţi kuţi - подзывное для щенка, kuţi 'щенок' и т.д.

Сущ. kölök 'детеныш хищных млекопитающих зверей, в особенности собаки, кошки' (A Magyar nyelv értelmező szótára IV, Budapest 1961, стр. 373: kölyök), заимствовано, вероятно, из древнетюркского языка (TESz II 608).

Таким образом, большинство ласкательных названий птенцов и детенышей домашних животных образовано от соответствующих (исконных или заимствованных) подзывных.

В двух случаях наблюдается интересный семантический перенос, а именно: румынское puicuţa 'цыпленок' > венгерское pujkuca 'индюшонок' и birka 'ягненок; овца' → biri 'козленок'. Аналогичный перенос наблюдается и в других языках. Ср., например, эстонское kuĺu! kuĺu! 'подзывное для индюков' ← 'подзывное для голубей' < русского гуля! гуля! 'подзывное для голубей' (P. Ariste, Miks räägitakse loomadega võõrast keelt? - KK 1968, стр. 268).

Сокращения

KK = Keel ja Kirjandus, Tallinn; MondSz = J. K e l e m e n, A mondatszók a magyar nyelvben. Budapest, 1970; TESz = A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára I-II. Budapest, 1967-1970;

K. Mokány
(Leningrad)

KOSEWÖRTER FÜR DIE JUNGEN DES GEFLÜGELS UND DER HAUSTIERE IN DEN MUNDARTEN DER UNGARISCHEN SPRACHINSELN IM ÖSTLICHEN TRANSKARPATIEN

Zusammenfassung

In dem Artikel werden Kosewörter für die Jungen des Geflügels und der Haustiere betrachtet, die die Verfasserin in neun ungarischen Mundarten des östlichen Transkarpatien gesammelt hat. Die Mehrheit dieser Benennungen sind aus den entsprechenden, ursprünglichen oder entlehnten Wörtern gebildet, mit deren Hilfe der Mensch die Tiere anruft; z. B. zsuzsuzsu 'Lockruf für ein Gänsenjunges' → Zsuzsuka 'Liebkosungswort für eine junge Gans'; rumänisch brî,brî 'Lockruf für ein Schaf und ein Schafjunges' > ungarische bri-brî id. → Brika, Briska 'Liebkosungswort für ein Schafjunges' usw.

In zwei Fällen beobachtet man eine interessante Bedeutungsübertragung: rumänisch puicuţa 'Küken' > ungarisch pujkuca 'junge Pute' und das ungarisch birka, berke, birke 'Schafjunges, Schaf' → biri 'junge Ziege'.

Ш. М о к а н ь
(Ленинград)

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

1. é k s z e r e s (l ó s z e r s z á m)

В Центральном архиве Словакии находится часть семейного архива угроцких Зай (Zay). Из этих документов (писем, завещаний, залоговых свидетельств, записей купленных товаров и т.п.) И. Ковач опубликовал выборку слов, имеющих определенное значение для венгерской исторической лексикологии. Среди них - прилагательное ékszeres, выступающее в контексте: "... ékszeres lószerszámokban: Homlok-elö, Pofára való ..." (I. K o v á c s, Szótörténeti adalékok. Magyar Nyelv LV. Budapest, I959, стр. 540). Документ, из которого приводится ékszeres, датируется I574 годом.

Авторы TESz (I 735) сомневаются в достоверности этого прилагательного на том основании, что существительное ékszer 'украшение; ювелирные изделия' (от которого считается образованным ékszeres) - словосложение, созданное обновителями венгерского языка в I833 г.

Мы присоединяемся к мнению авторов TESz в том, что слово ékszeres ни в коем случае не могло быть образовано в I574 г. от словосложения ékszer 'украшение; ювелирные изделия', созданного на два с половиной столетия позже. В то же время мы не сомневаемся в подлинности ékszeres в документе I574 г. Дело в том, что это прилагательное этимологически не связано со словосложением ékszer 'украшение; ювелирные изделия'. Оно образовано, по нашему мнению, от турецкого по происхождению существительного *ékszer 'гвоздь' посредством суфф. -(e)s (ср. тур. ekser 'Large nail'; C. H. H o n y, F. I z, Turkish-English Dictionary. Oxford, I947, стр. 90). Поэтому ékszeres 'отдаленный, оби-

тый гвоздями' такое же образование, как, например, szeg 'гвоздь' → szeges 'отделанный, обитый гвоздями' (ср.: "Hintó ezüstös szegekkel ... czikornyázva" 'Карета отделанная серебристыми гвоздями'; NySz I 1435: hintó). Таким образом, перевод приведенного выше отрывка со словом ékszeres будет таким: '... отделанная гвоздями конская упряжь (сбруя): налобник, намордный ремень...'. Известно, что такой способ украшения конской упряжи, сбруи (да и других предметов) специальными гвоздями, изготовленными из благородных металлов, был принят в то время у венгерской знати.

2. h á b o r b o t, h á p o r t y

В трансильванском венгерском говоре Сикейжомбор засвидетельствовано сложное слово hábòrbot 'шишка рогоза' (L. M u r á d i n, Mutatvány az RNK Magyar Nyelvjárási Atlaszának tájszóanyagából. 2. Székelyzsombor. - Nyelv- és Irodalomtudományi Közlemények VII. Cluj, 1963, стр. 117). Словосложение hábòrbot в тождественном значении выступает и в трансильванском венгерском говоре Халмадь (A Magyar Nyelvjárások Atlasz I. Budapest, 1969, карта 86). В данном сложном слове обращает на себя внимание первый компонент hábòr, так как до настоящего времени он не подвергался этимологическому анализу. По лингвогеографическим соображениям этимологию hábòr следует искать в первую очередь в румынском языке. И действительно, в румынском языке имеется существительное papură 'тонколистый рогоз: Typha angustifolia' (Dicţionarul limbii romîne moderne. Bucureşti, 1958, стр. 582), которое является источником венгерского hábòr. Расподобление p - p → h - p произошло в венгерском языке. Ср. аналогичный пример диссимиляции диал. (papulya, papula, pampulya) pampula (→) hampula I. 'большой рот у людей', 2. 'пасть, зев у животных', 3. 'бойкий на язык', которое заимствовано из слав. (вероятно, словацкого) papula 'морда, пасть', моравское papul'a 'большой рот' (SzlJsz I/I 387). Озвончение p (há-b=òrbot) произошло в результате регрессивной ассимиляции p - b→b - b. Фонетическое развитие данного словосложения можно представить так: *pápòrbot > *hápòrbot > hábòrbot. Доказательством верности нашего суждения служат выступающие в венгерских гово-

рах чангэу Молдовы pápura и pápor 'káka, nád, sáté, gyékény;камыш, тростник, рогоз', которые профессор Д. Мартон выводит из того же румынского papură 'Typha angustifolia' (G y. M á r t o n, A moldvai csángó nyelvjárás román kölcsönszavai. Bukarest, 1972, стр. 456).

Второй компонент словосложения: bot I. 'дубина', 2. 'палка', 3. 'скипетр', 4. 'надзор, господство, власть', 5. 'тяжесть на конце колодезного журавля' спорного (древнетюркского или славянского) происхождения (TESz I 353). Неисключено, что bot в значении 'шишка рогоза' является калькой тождественного по значению славянского palka. Об этом свидетельствует большая территория распространения славянского заимствования pálka (páka, pájka, pejkó^{u}, pákja и т.д.) 'шишка рогоза'. (О распространении pálka и его видоизменений в венгерских диалектах см.: A magyar nyelvjárások atlasza I. Budapest, 1969, карта 86; о его этимологии см.: SzlJsz I/I 377).

Теперь перейдем к рассмотрению этимологии венгерского háporty 'Typha angustifolia', которое засвидетельствовано в следующих видоизменениях: Haperyes (личное имя и топоним), hapory, háporja, Háports, Háporty, Háportya, Haponya, haportya и háponya (TESz II 51). Это старое, выступающее в трансильванских венгерских диалектах слово (видоизменение Haperyes датируется 1369 годом) в TESz считается по происхождению неизвестным.

Источником háporty и его видоизменений является, по нашему мнению, то же румынское papură 'Typha angustifolia', от которого происходят венгерские диал. hábòr(bot), pápura и pápor. Видоизменения háporty образовались, по всей вероятности, так: а) *pàpura → *papura → *papora → *hapora → haporja → haponya; б) *pàpura → pápura → *pápora → *hápora → háporja → háportya → *háporcsa → háporcs; háporja → háponya → háporty.

Двояксе изменение (т.е. с гласным a и á в первом слоге) приведенного слова связано с лабиализацией и удлинением губно-губного à. (Об изменении à > a и á > á в венгерском языке см.: B á r c z i, Htört^{2} 54-8, 64-5). Возникновение видоизменений haporja ~ háporja объясняется тем, что конечное a в *hapora ~ *hápora было воспринято

языковым чутьем как лично-притяжательное окончание 3 лица ед. ч. -a и заменено видоизменением этого же окончания -ja. Ср. примеры на параллельное употребление лично-притяжательных окончаний -a и -ja в словах ugar 'паровое поле' → ugara ~ ugarja 'его (ее) паровое поле'; agár, диал. (SzamSz I 25) ogár 'гончая собака' → agara и диал. ogárja 'его (ее) гончая собака'; sár 'грязь' → sara ~ sárja 'его (ее) грязь' и т.п. Относительно видоизменений с (r)j ~ (r)ty ~ (r)cs и (r)j ~ (r)ny ср., например, диал. (zsákjo > zsáktyo >) zsákcso ' его (ее) мешок' (G y. M á r t o n, Magyar nyelvjárástan.Cluj,1970, стр. 153); toporján ~ toportyán ~ toporcsán 'медведь'; gerebje ~ gerebnye 'грабли' (TESz II 51).

Старое видоизменение Haperyes состоит из корня haper-, лично-притяжательного окончания 3 лица ед. ч. -ye и суфф. -s. Существительное *Haperye (чит. hapërje или hápërje) возникло из *haporja или *háporja путем расподобления à (á) - o → à (á) - ë. (Об этом расподоблении подробнее см.: B á r c z i, Htört^2 106). Замена лично-притяжательного окончания -ja на -je могла быть вызвана ассимилятивным влиянием предшествующего гласного ë.

3. i c s k ö r ö m, f ü k ö r ö m

В венгерских говорах Дрисина и Жнятина Закарпатской области мы записали словосложение icsköröm в значении 'боковые копытца у крупного рогатого скота'. Первый компонент данного словосложения ics самостоятельно не выступает и конкретного значения не имеет. Второй же компонент köröm выступает в значении 'роговое образование на конце пальца, пальцев; ноготь' (TESz II 620). Таким образом, icsköröm- полузатемненное словосложение типа tegnap 'вчера' и holnap 'завтра', в которых nap 'день' употребляется и самостоятельно, а компоненты teg-и hol- деэтимологизировались.

Мы считаем, что ics в словосложении icsköröm состоит из угорского по происхождению корня i 'малый' ('молодой') и уменьшительного суффикса -cs. В венгерском языке имеется несколько словосложений, которые содержат указанный корень i. Ср., например, ifjú I. 'молодой', 2. 'парень', 3. 'паж', состоящий из i 'малый, молодой' и fiú 'сын'; ilány ~

ileány 'девочка', состоящий из того же i + lány ~ leány 'девочка, девушка' (TESz II 190). В свете приведенных примеров совершенно очевидной становится полная семантика существительного icsköröm 'маленький ноготь'. Правильность нашего объяснения подтверждается и диалектным дублетом kisköröm 'копытца' (Великий Добрань, Шаланки, Заболотье, Выково, Тячево Закарпатской области), первый компонент которого также имеет значение 'малый, маленький'.

Более спорной является этимология первого компонента fű ~ fü в словосложении fűköröm 'копытца у крупного рогатого скота' (Кишкунхалаш; MTsz I 651), füköröm то же (комитат Шопрон; там же), fűköröm ~ füköröm то же (Береги Закарпатской области) и füköröm 'копытца у крупного рогатого скота и свиньи' (Балатонфелвидек; J. É d e s, A balatonfelvidéki népnyelv. – Nyelvészeti Füzetek XL. Budapest, 1907, стр. 57). В венгерской этимологической литературе определение fű ~ fü в данном словосложении считается тождественным с угорским по происхождению fű (~ fü) 'трава' (EtSz XIV 615). Большой интерес в связи с изложенным материалом представляют дублеты icsköröm, kisköröm, а также fattyuköröm ~ csecsköröm (Ракошин Закарпатской области) и csecsköröm (Малые Геевцы, Гать, Узловое Закарпатской области). Любопытно, что первым компонентом приведенных словосложений выступают слова со следующей семантикой: 1. 'малый, маленький' (ics- и kis-), 2. 'не настоящий' (fattyu) и 3. 'сосок (женской груди или у животных)' (csecs-). Эти семантические параллели позволяют нам предложить иное объяснение fű ~ fü в словосложении fűköröm ~ füköröm.

Известно, что fü является одним из старых видоизменений финно-угорского по происхождению fi (< fiú) 'сын'. Ср. kiraly fü (современное: királyfi) 'королевич' (дословно: король + сын); vrfü (современное: úrfi) 'панич, молодой господин' (дословно: господин + сын); füaknak (современное: fiaknak) 'сыновьям' (EtSz XII 286). По свидетельству письменных памятников, fiú в роли определения имело значение 'малый, маленький' (TESz I 925). Исходя из этого, первоначальное значение определения fü в словосложении füköröm было также 'малый, маленький', т.е. мы имеем дело с одинаковой семантикой kis и ics в словосложениях kisköröm

fűm и iszkörüm. После того, как определение fű в füköröm деэтимологизировалось, языковое чутье присоединило его к существительному fű 'трава', что и вызвало удлинение гласного ü в ű в соответствующих вариантах.

4. k a p a r

Глагол kapar I. 'царапать, чесать, скрести, скоблить', 2. 'выгребать', 3. 'с жадностью хватать', 4. 'зарывать', (только с приставкой el-), 5. 'першить в горле от дыма, пряностей, песка', 6. 'писать каракулями, царапать', 7. 'преждевременно (искусственно) прекратить беременность'. В TESz (II 356) говорится, что это "по всей вероятности, производное слово: оно могло образоваться от глагола kap ('внезапным, резким движением схватить, ухватить, взять в руку, взять в рот'; TESz II 354) посредством суффикса многократности -r". Отмечается при этом, что у kapar первоначальным могло быть значение 3 (см. выше).

Доказательством правильности изложенного предположения могут служить записанные нами в говоре Вышкова Закарпатской области примеры: "Lekaparam a pokrócat a szágyrul" 'Резким движением снимаю одеяло с кровати'; "Lekaparam a kiteritet ruhát a spárgárul, mer itt a zesső" 'Резким движением (быстро) снимаю вывешенное бельё с верёвки, потому что вот-вот начнется дождь'; "Ha emeli a lábát a rugós tehén, akkor elkaparam a sajtárt" 'Если поднимает ногу лягающая корова (во время доения), то я резким движением выхватываю подойник'; "Ha nem kaparja, akkor nem sijet" 'Если резким движением не хватает, не схватывает, не снимает (что-нибудь человек), то он не спешит'. Образованный при помощи суффикса -ász глагол kaparász в указанном говоре также сохранил первичное значение 'хватать'. Ср. пример: "A puják kaparásztak egymás kezibül a cukorkát" 'Дети выхватывали из рук друг друга конфеты'. Приведенные примеры доказывают, что глагол kapar действительно дальнейшее образование от кар.

5. k e r e c s e n

В венгерских письменных памятниках kerecsen 'вид сокола: Falco cherrug cherrug' засвидетельствован с конечными согласными -n(y) и -t. Ср., например, ? Keerchen (топоним; I268 г.), Alsoukerechen, ? Felsu Kerechya (топонимы; I320 г.), kerechen (I65I г.), kelecheny(ek) (I653 г.), kelecsen (toll) (втор. пол. XVII в.), keretsény (tollu) (I798 г.), Kerecseny (I826 г.) и т.п. и Kerechet (около I282 г.), Kereshet (личное имя; I522 г.) (TESz II 453), Kerecsetkert (топоним; I935 г.) (SzamSz I 476).

И.Книежа видоизменения с конечным t выводит из древнерусского языка (ср. древнерусское krečet 'Jagdfalke'), отмечая, что не ясно "каким образом стало из kerecset-kerecsen" (SzlJsz I/I 263). Венгерские примеры с -t TESz (II 453) также считает древнерусским (= древневосточнославянским) заимствованием, подчеркивая следующее: "не выяснено, каким образом возникло бесспорно вторично видоизменение kerecsen". Здесь же высказывается предположение, что kerecsen(y) могло возникнуть из kereçset по аналогии со словами типа gereben ('чесалка для льна'), idegen ('чужой'), szelemen ('вид балки: прогон'), szerecsen ('арап, негр').

В картотеке словаря русских народных говоров Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР засвидетельствовано и видоизменение кречень 'кречет'. Ср., например, кречень в старинной былине "О Дюк Степановичъ":

"Из тоя Индѣи богатыя,
Со тоя Корелы упрямыя,
Не ясенъ-то соколъ вылетывалъ,
Не бѣлой то кречень перепуркивалъ:
Выѣзжалъ удалый-добрый молодецъ,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ"...[I]

I Былина записана в Кенозеро; см.: Песни собранные П. Н. Рыбниковым II. Народные былины, старины и побывальщины. Москва, I862, стр. I37.

В Прионежье название птицы 'кречет' засвидетельствовано в видоизменении крéчинь (Словарь местных и старинных слов. – А.М. А с т а х о в а, Былины севера II. Москва-Ленинград, I95I, стр. 823).

Из приведенного русского материала с полной очевидностью следует, что венгерские kerecset и kerecsen(y) – параллельные древнерусские заимствования.

6. s a n d a

В этимологической литературе sanda 'косоглазый' не имеет надежной этимологии. Его относят или к угорским по происхождению словам (ср. мансийское šunš- 'смотреть'), или же считают возможным этимологически связать со звукоописательным (?) по происхождению прилагательным sunyi 'хитрый' (об этом подробнее см.: G. B á r c z i, Magyar szófejtő szótár. Budapest, I94I, стр. 265 и Magyar értelmező kéziszótár. Budapest, I972, стр. II9I).

Прилагательное sanda, по свидетельству венгерских письменных памятников, раньше употреблялось в видоизменении sandal. Ср., например, личные имена Benedictus Sandal (I48I г.), Nicolao Sandal (I482 г.), Mathia Sandal (I523 г.) (I. S z a m o t a – G y. Z o l n a i, Magyar oklevélszótár. Budapest, I902-I906, стр. 828). Как нарицательное имя, sandal отмечено с первой пол. XVI в. (NySz III I503-4). Видоизменение sanda образовалось из sandal, по-видимому, сравнительно поздно, так как в венгерско-немецком словаре М. Баллаги sanda и sandal еще выступают параллельно (M. B a l l a g i, Iskolai és utazási magyar és német zsebszótár. Tizennegyedik kiadás. Budapest, I886, стр. 29I).

По нашему мнению, sandal образовалось из *santal. Об изменении t > d ср. banta > banda 'болтовня', hinta > hinda 'качели', untra > ondra 'углубление в клепках деревянной посуды, в которое бондарь вставляет дно' (MTSz II 28, II5, I083). Источник прилагательного *santal – славянское причастие прошедшего времени мужского рода *sętalъ (-ла, -ло) ~ *šątalъ (-ла, -ло) 'косивший (глазами)'. Ср. болгарские мятавый, -въ, -ва, -во I. 'косоглазый', 2. 'кривой, косоногий, косолапый, клешненогий'

и шятавый, -въ, -ва, -во 'косой, косоглазый, косоский, косыня' (Н. Г е р о в , Рѣчник на блъгарски язык с тлъкуване рѣчи-ты на блъгарски и на русски У. Пловдив, 1904, стр. 592).

Образование sanda из sandal связано, очевидно, с тем, что языковое чутье присоединило sandal к глаголам типа forr 'кипеть' → forral 'кипятить'; ín 'икра ноги' → inal I. 'следовать, преследовать кого-либо', 2. 'побуждать', 3. 'стремительно бежать', 4. 'убежать'; asz(ik) 'сохнуть' → aszal I. 'сушить', 2. 'вялить' и т.п. О категориальном переходе sandal 'косоглазый' → 'коситъ (глазами)' ср.: "Sandalsz s nem igyenesen nész" Ты косишь (глазами) и не смотришь прямо' (NySz III 1504); sandal[1] 'косоглазый' (Калотасег, Эрдёвидек) → sandal[2] I. 'смотреть искоса, сбоку, лукаво' (Хайдухадхаз), 2. 'идти медленно, втихомолку, боком; брести, плестись' (Сиксо) (MTsz II 341).

Таким образом, прилагательное sandal 'косоглазый' этимологически непосредственно связано с венгерским *sántál > sánta 'хромой' (< слав. *šętalъ, -a, -o 'шатавшийся'; B. S u l á n, Sánta, séta. - Magyar Nyelv L. Budapest, 1954, стр. 173-6), от которого отделилось в результате коррелятивных изменений в значении. Этот процесс можно представить так: слав. *sętalъ ~ *šatalъ I. 'шатавшийся', 2. 'косивший (глазами)' > венг. *sental ~ *santal I. 'хромой', 2. 'косоглазый' → *santál → sántál 'хромать' → sánta 'хромой'.

sandal 'косоглазый' → 'коситъ (глазами)'

↓

sanda 'косоглазый'

Отметим еще, что диал. видоизменения sangya и sandzsa 'косоглазый' (G. K i s s, Orménsági szótár. Budapest, 1952, стр. 462) являются вторичными образованиями от sanda.

Сокращения

Bárczi, Htört^2 = G. Bárczi, Magyar hangtörténet. Második, bővített kiadás. Budapest, 1958; EtSz = Z. Gombocz, J. Melich, Magyar etymologiai szótár I-XVII. Budapest, 1914-1944; MTsz = J. Szinnyei, Magyar tájszótár I-II. Budapest, 1893-1901; NySz = G. Szarvas, Zs. Simonyi, Magyar nyelvtörténeti szótár a legrégibb nyelvemlékektől a nyelvújításig I-III. Budapest, 1890-1893; SzamSz = B. Csűry, Szamosháti szótár I-II. Budapest, 1935-1936; SzlJsz = I. Kniezsa, A magyar nyelv szláv jövevényszavai I/1-2. Budapest, 1955; TESz = A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára I-II. Budapest, 1967-1970.

S. M o k á n y
(Leningrad)

ETYMOLOGISCHE BEMERKUNGEN

Z u s a m m e n f a s s u n g

Der Verfasser betrachtet in diesem Artikel acht ungarische Etymologien. Es werden die ersten Komponente folgender zusammengesetzter Wörter erforscht: icsköröm (ics-köröm) und fűköröm (fű-köröm) 'kleine Hüfchen des Hornviehs'; hábòrbot (hábòr-bot) 'Schilfzapfen'. Diese Komponente haben mit der Zeit ihre ursprüngliche Bedeutung verloren. Der Meinung des Verfassers nach besteht ics aus der Wurzel i 'klein' und dem Diminutivsuffix cs; fű ist eine Modifizierung des Wortes fi 'Knabe' → 'klein' und hábòr ist aus dem Rumänischen papură 'Typha angustifolia' entlehnt. Aus diesem rumänischen Wort kann auch die Entstehung des Wortes háporty 'Typha angustifolia' erklärt werden. In dem Artikel werden auch folgende Schlußfolgerungen gemacht: das Adjektiv ékszeres in einem Schriftdenkmal des Jahres 1574 ist türkischen Ursprungs (vergleich das türkische Wort ekser 'eine Art Nagel'); kerecsen(y) 'Falco cherrug cherrug' und szanda 'schieläugig' sind slawische Entlehnungen (vergleich das russische Wort кречень 'Falco cherrug cherrug' und das slawische *sętalъ ~ *sętalъ 'der mit den Augen schielende'); das Verb kāpar 1. 'kratzen', 2. 'scharren' usw. besteht in der Tat aus kap 1. 'ergreifen', 2. 'bekommen' usw. und dem iterativen Suffixs r.

V. P a l l
(Tallinn)

M u s t v e e

Peipsi kaldal asuva Mustvee linna (venekeelne paralleelnimi Чорна) nimi tuleb dokumentides esile 15. sajandist alates: 1493 Mustut, 1599 folwark Mostferstb alias Czarny. Wioska Musth Alias Czarne, 1624 Mustwet, 1696, 1697 Mustweddist jne.[1] Linnast voolab läbi jõgi, mille praegune nimi on antud asula järgi - Mustvee jõgi. Ühe 17. sajandi kirjapaneku põhjal võiks arvata, et jõe primaarnimeks oli *Mustjõgi.

Varasemates kirjapanekutes esinevat kuju Mustwet on L. Kettunen pidanud partitiiviks ja arvanud, et asula nimi on lähtunud jõe nimest Mustjõgi.[2] Usutavamaks tuleks siiski pidada dokumentides esinevat Mustwet idamurdelise genitiivi (veDe) märkijaks, vrd. 1696, 1697 Mustweddist. Kodaverest on tänapäevalgi kirja pandud muètveDen 'Mustvees'.

Mida aga on algselt märkinud nime teine komponent -vesi : vee (idamurd. veDe)? Kas võime eeldada, et kunagi eksisteeris nimekuju *Mustvesi, kus -vesi oli determinandiks ja märkis nimetatavat objekti?

Kõigepealt väike kõrvalepõige nimestruktuuri valda. Eesti liitnimede esikomponent võib olla nominatiivis või genitiivis (Kureküla, Verioja). Teine komponent on primaarnimedes nominatiivis (Emajõgi, Munamägi, Ilmjärv) ja sekundaarnimedes genitiivis (Saadjärve k., Pikknurme k.). Nii

[1] V. P a l l , Põhja-Tartumaa kohanimed I. Tallinn, 1969, lk. 145.

[2] L. K e t t u n e n , Etymologische Untersuchung über estnische Ortsnamen. Helsinki, 1955, lk. 268.

saame neli kombinatsiooni: nominatiiv - nominatiiv, nominatiiv - genitiiv, genitiiv - nominatiiv, genitiiv - genitiiv.

Nimisõnalise esikomponendi kääne ei näi sõltuvat teise komponendi käändest. Kui püüda Põhja-Tartumaa materjali põhjal süstematiseerida genitiivi ja nominatiivi esinemist adjektiivse täiendi puhul, võiks esile tuua järgmist. Eespool märgitud neljast kombinatsioonist on kaks (nominatiiv - genitiiv ja genitiiv - nominatiiv) üsna väikesearvulised, kaks ülejäänut (nominatiiv - nominatiiv ja genitiiv - genitiiv) tunduvalt arvukamad. Kahe suurema rühma põhjal võiks öelda, et liitnimes omadussõnaline täiend ühildub põhisõnaga: Mustmets - Mustametsa. Sellele ei räägi vastu ka rühma nominatiiv - genitiiv näited, kus on tegemist sekundaarnimedega, nagu Pikkjärve as., Pikknurme k., Pikkmetsa k. jne. Primaarnimed (osalt säilinudki) võiksid välja näha sellised: Pikkjärv, *Pikknurm, *Pikkmets. Hiljem, kui nime teist komponenti hakati tarvitama genitiivis, võis juba nimena väljakujunenud järjend jääda väljapoole kongruentsi.

V. Nissilä arvates on genitiivne omadussõnaline atribuut soome toponüümikas tulnud tarvitusele nimisõnalise atribuudi analoogial.[3] Eesti toponüümikas võiks selline seletus olla vajalik eelkõige üksnes rühmas genitiiv - nominatiiv. Ülejäänud genitiivsed atribuudid saaksid rahuldava seletuse sekundaarsete liitnimede põhisõna genitiivsusest ja kongruentsist: Mustjõgi → Mustjõe küla → Mustajõe. Sellele viitavad mõnede nimede varasemad kirjapanekud ja tänapäeval paralleelselt eksisteerivad mikrotoponüümid, näit. Lai Suursoon - Suuresoone hm., Kod Suurjõgi - Suurejõe hm., Trm Mustametsa k. - 1822-27 District Must Metz, Pikamurru t. - 1822-27 Pick Murd jne.

Oma struktuuri poolest sobib Mustvee sekundaarnimede (nominatiiv - genitiiv) rühma, kus nimena tarvitusel olnud järjendil oli eeldusi säilitada nominatiivne esikomponent vaatamata kongruentsi nõudele ja genitiivsete subs-

---

[3] Vt. V. N i s s i l ä , Suomalaista nimistöntutkimusta. Helsinki, 1962, lk. 80.

tantiivatribuutide mõjule.[4] Primaarnime kujuks peaks olema siis *Mustvesi.

Mida võis märkida oletatav *Mustvesi. Sellele vastamiseks peaks leidma sõnal vesi tähenduse, mis võimaldas sel esineda liitnimes determinandina. vesi tähenduses 'veekogu' on keeles üldiselt tuntud, vrd. näiteks VJg vette viĕres kaŝvavaD pikkaD rohuD. Mustvee asub nii järve kui ka jõe läheduses. ENSV TA Keele ja Kirjanduse Instituudi sõnavarakogust õnnestus leida ainult üks näide, kus vesi tähendas üht veekogu liiki, nimelt jõge: Lut v̂i haru, v̂ist lät haru. Sellest tähendusest lähtudes võiks arvata, et *Mustvesi on algselt olnud jõe nimi, Mustvee jõe oletatava varasema nime *Mustjõgi paralleelnimi.

Teiselt poolt taas tuleb arvestada, et soome toponüümikas esineb vesi teise komponendina eelkõige suuremate järvede nimedes, näit. Toisvesi, Ristivesi, Vaskivesi jne.[5] Seega oleks mõeldav ka antud juhul lähtuda -vesi võimalikust ennistähendusest 'järv' ja arvata *Mustvesi endiseks Peipsi paralleelnimeks, mis kandus järve kaldal tekkinud asulale: *Mustvesi → Mustvee k. vrd. Saadjärv → Saadjärve k., Pikkjärv → Pikkjärve k. Olgu mainitud, et *Mustvesi Peipsi paralleelnimena oleks Mustvee kandis vähemalt tänapäeval motiveeritav nimi. Peipsi on Mustvee kohal mudaste ja madalate kallastega.

Võib-olla ei olegi *Mustvesi ainuke Peipsiga seotud nimi, kus determinandina esines -vesi. Lohusuu venekeelseks paralleelnimeks on Логовесь, mille eestikeelse võimaliku lähtekujuna tuleks arvesse *Lohuvesi. See võiks peituda ka 1599. a. revisjonis esineva kirjapanekus Jugowiec taga.[6] Ka Lohusuu asub jõe (Avijõgi, 1695 Lohoso jeggi) ja järve naab-

---

[4] Vrd. V. P a l l , Eesti kohanimede struktuurist. - Keel ja Kirjandus 1968, lk. 150.

[5] Vt. K. J u s s i l a , Toisveden vesistönimistö. Pro gradu -tutkielma, 1967, lk. 21 (Käsikiri Soome Nimearhiivis); K. U o t i l a - P a l c k , Pälkäneen järvien, lampien, salmien, jokien ja ojien nimistä. Pro gradu -tutkielma, 1971, lk. 20 (Käsikiri Soome Nimearhiivis).

[6] Vt. V. P a l l , Põhja-Tartumaa kohanimed I, lk. 124.

ruses. Kui oletada, et -vesi on olnud järvenime determinandiks, tuleks Lohusuu arvata Avijõe suudmeosa sekundaarseks nimeks, mis hiljem võeti tarvitusele asustusmineena.

L ü h e n d i d

as. = asundus, hm. = heinamaa, k. = küla, Kod = Kodavere, Lai = Laiuse, Lut = Lutsi, t. = talu, Trm = Torma, VJg = Viru-Jaagupi.

В. П а д л ь
(Таллин)

M u s t v e e

Р е з ю м е

Mustvee является названием маленького города на берегу Чудского озера. На основе данных финской топонимии, где -**vesi** выступает в качестве детерминанта названий озер, предполагается, что и этот топоним первоначально был названием озера (*Mustvesi).

V. P a l l
(Tallinn)

M u s t v e e

Z u s a m m e n f a s s u n g

In dem Aufsatze wird der Name der am Peipussee gelegenen Stadt Mustvee behandelt. Es ist anzunehmen daß der Name (*Mustvesi) ursprünglich ein Gewässername gewesen ist.

P. P a l m e o s
(Tartu)

MÕNINGATE EESTI MURDESÕNADE PÄRITOLUST II

1. j o k u t a m a

Wiedemanni sõnaraamatus leidub Pärnumaa sõna jokatama, selle kõrval oleva jokutama esinemisala pole märgitud, mõlemad tähenduses 'stottern' (=kogelema). Õigekeelsuse sõnaraamat (1960) pakub jokutama murdesõnana tähenduses 'kokutama; mökutama'. Keele ja Kirjanduse Instituudi murdesõnade kartoteegi andmeil esineb viimane tähenduses 'kogelema, kokutama, puudulikult kõnelema' (Trm, Kod, Lai, Se). Kohati kasutatakse seda ka lapse kohta, kes kõnelemist õpib (Trm) ja noore kuke kohta (Kod). Lõunaeestis tuntakse jokutama aga ka tähenduses 'mõttetu tööga tarbetult aega surnuks lööma' (Urv). Sõna esineb kirjakeeleski peamiselt otseses kõnes tähenduses 'aega viitma, tarbetult venitama, mökutama'. "Sina oled tuntud kroonikakuli. Pole harjunud jokutama." (A. Beekman, Valgete vareste parv, 1967, lk. 102), "Mis me siin ikka enam jokutame. Selge on see, et kaup on koos ja selle kinnituseks võiks teha ühed liigud." (E. Maasik, Õhtud Rihmakülas, 1974, lk. 83).

Verb on ilmselt deskriptiivset laadi. Kuigi keeleuurijad on deskriptiivseid sõnu pidanud ealdasa üldiselt nooreks[1], ei tarvitse jokutama sellest hoolimata pärineda eesti keele eraldi arengu ajast, vaid võib olla tunduvalt vanem. Nimelt leidub sellele vaste karjala keele aunuse murdest jokottoa, mis "Karjalan kielen sanakirja" andmeil tähendab 'räusata, käratseda, lobiseda', halvustavalt '(abi-

[1] L. H a k u l i n e n , Suomen kielen rakenne ja kehitys. Kolmas, korjattu ja lisätty painos. Helsinki, 1968, lk. 262.

ellumisega) viivitada, mõkutada'. Samatüvelised on võimalikult ka soome jokellella, jokeltaa 'laliseda, lallitada'. Niisiis on jokutama läänemeresoome sõna.

2. k u l l e r d a m a

Wiedemann esitab kullerdama kahes tähenduses 'kollern, rollen; murren, brummen' (=veeretama; nurisema, torisema). Saareste "Eesti keele mõistelises sõnaraamatus" leidub sõna tähenduses 'hulkuma' (v. 3 vg. 535) ja 'aega (kuidagimoodi) mööda saatma' (v. 21 vg. 526). Keele ja Kirjanduse Instituudi murdesõnade kartoteegis on sõnal registreeritud tähendused '(teat. mängu) mängima - mune veeretama' (Trm, Hls); 'mängima, hullama' (Mih, Aud); 'mängima, - uperpalli laskma' (Hää); 'lõbutsema' (Krj); 'ümber hulkuma, kolama, ringi aelema' (Var, Aud, Hää, ? Lai); 'mööda saatma' (Kul).

Keele ja Kirjanduse Instituudi kirjakeele kartoteegi andmeil tuleb murdesõna ette ka kirjakeeles mitmes eri tähenduses. Kõigepealt tähendab see 'veeretama, keerama', näit. "... sest paat heideti kohe põiki tuule ette ja külglaine püüdis teda kullerdada kummuli" (A. Mälk, Rannajutud, 1937, lk. 48), "... temas /kivitäksi laulus/ on rohkem helisevat flööti, nagu kullerdaks ta oma kurgus väikesi helisevaid kivikesi" (B. Rea, "Eesti Loodus", 1967, nr. 6, lk. 380). Sõna esineb veel tähenduses 'veerema', näit. "Jah, aga kui sa alla kullerdad?" - "Ei ma kullerda ühti. Ja ega pole sellestki viga, kui peaksin kullerdama: preili Agaate lubas mulle patju alla tuua..." (O. Luts, Jutustused II, 1958, lk. 413). Ent verbi kasutatakse ka onomatopoeetilises tähenduses 'kulistama, kuristama, kudrutama', näit. "Äkki kostis õuest kisa: / kalkun hakkas kullerdama / kevadisel kuldsel ajal / pähapäeva hommikul" (J. Tamm, Kogutud luuletused, 1959, lk. 558), "... pöördus proua järjekorras kätt Jan Silbrile ulatades selle poole ja kullerdas, nii et kõik toasolijad pidid kuulma: "No teate, pan Jan ..."" (R. Sirge, Maa ja rahvas, 1956, lk. 142). Harva võib esineda tähendus 'kullendama, kuldsena paistma', näit. "Igal aastal kadusid kombainid tihedasse kullerdavasse vilja ..." (L. Promet, Meesteta küla, 1962, lk. 48).

Soome keele samatüvelisi sõnu kullertaa 'liikuda kiirelt ja kergelt'; kulleroita 'keerelda, veereda' ja kullero 'ümmargune, kergelt liikuv või veerev ese; pall' peetakse "Suomen kielen etymologinen sanakirja" II osas kõhklevalt rootsi laenudeks.

Ka eesti kullerdama on võõrast päritolu - laen saksa keelest. H. Pauli sõnaraamatu "Deutsches Wörterbuch" (1935) järgi on verbil kollern rahvakeeles domineeriv paralleelvorm kullern, mis onomatopoeetilise sõnana tähistab kalkuni või tuvi häälitsust või muidki seda laadi hääli. Teiseks tähenduseks esitatakse 'rollen intrans., selten trans.; öfter reflexiv' (=veerema; harvem veeretama). Meie kullerdama lähtubki saksa verbist kullern. Foneetiliselt sobivad sõnad teineteisega laitmatult. Tähenduse poolest ei näi samuti olevat takistusi eesti ja saksa verbide ühendamiseks. Sõna kirjakeelsed tähendused on täiesti kooskõlas saksa vastega, nimelt: 1. 'kulistama, kuristama, kudrutama', 2. 'veerema'. Ka 'veeretama' tähendus on kirjakeeles laiem: murdeis kullerdati üksnes mune, kirjakeeles võidakse ükskõik mis asja kullerdada. Peale selle on verbil murdeis tähendusi, mis kirjakeeles puuduvad, kuid mida pole ka saksa keeles. Nähtavasti tuleks eeldada tähendusemuutusi: 'veerema' → 'ümber hulkuma, ringi aelema' → 'mängima , hullama; lõbutsema' ja 'veeretama' →'mööda saatma, veetma'. Silma torkab seik, et soome keeleski tähistab verb liikumist. Harva esinev kirjakeelne tähendus 'kuldsena paistma' on tõenäoliselt tekkinud kullerdama - kullendama häälikulise sarnasuse tõttu.

Eesti keeles on verbile liitunud kausatiivi sufiks -da. Et aga meil on küllalt rohkesti rda-sufiksiga onomatopoeetilis-deskriptiivseid verbe, nagu näiteks kõnelemisega seotud lõhverdama, laterdama jt., eriti aga liikumist väljendavad komberdama, kooberdama, laaberdama; lokerdama 'lonkima, ümber hulkuma', kooserdama 'ringi lonkima, ümber hulkuma', paterdama 'lohakalt, laisalt käima' jne., siis on arvatavasti ka kullerdama-sõnas abstraheeritud -rda iseseisva sufiksina. Nii on sõna liitunud nende korduvat või kestvat tegevust väljendavate verbide rühmaga,

omandades frekventatiivse, osalt koguni pejoratiivse tähendusvarjundi 'ümber hulkuma, ringi aelema'.

3. r õ k e n d a m a

Soome keeles esinevad murdesõnad räkki 'tulikuum, tuline kuumus; päikese kõrvetus', räkkä 'palavus, kuum paiste', räkittää 'kuumalt paista, ära sulatada näit. võid (päikesest)', räkyttää, räköttää 'kuumalt paista', millele "Suomen kielen etymologinen sanakirja" IV osas antakse vasteid karjala ja vepsa keelest. Samas esitatud vadja sõnu ja eesti Alutaguse verbi räketama 'kuumalt paistma, kõrvetama' ning lapi sõna peetakse õigustatult soome laenudeks. Võimalikult samasse sõnapesasse arvatakse kuuluvat veel soome kogunimi räkkä 'sääsed, kihulased, parmud' ja adverb räkällään, räkillään, räkyllään 'kiimal, innal (sea kohta)'. Olgu siinjuures märgitud, et soome etümoloogilises sõnaraamatus esitatakse (Eesti Ingeri) sõnale räkki tähendus 'vastvalmistatud kuum toit', millele võiks lisada R. A. Nirvi "Inkeroismurteiden sanakirjas" leiduvad adjektiivid isuri keeles räkki 'kuum, äsja valmistatud (toit)' ja räkillin 'kiire, äkiline'.

Eesti keelest võiks mainitud sõnadele esitada vasteks tartu ja mulgi murdes leiduva verbi rõkendama 'heledasti põlema, leegitsema (tule kohta); kärekuumalt paistma (päikese kohta)' (Puh, Ran) ja deverbaalse tuletise rõke, g. rõkke 'leegitsev tuli; suur kiirus' (Puh, Ran) ning mulgimurdelise rõkendama ülekantud tähendusega 'punetama (har. inimese kohta)' (Trv, Hls, Krk), mille on esitanud H. Keem.[2] Peale selle tuntakse sõna veel Suure-Jaanis tähenduses 'punetama' ja 'eredalt paistma'. Viimases tähenduses leidub verb ka Saareste "Eesti keele mõistelises sõnaraamatus" (v. 3 vg. 442). Keele ja Kirjanduse Instituudi murdesõnade kartoteegi andmeil esineb rõkendama veel Audrus tähenduses '(palava ilmaga) virvendama'. Kirjakeele kartoteegis leidub sõnal tähendus 'punetama, lõkendama', mida harilikult kasuta-

[2] H. K e e m , Haruldast tartu murde sõnavaras. - ESA VIII, 1962, lk. 99, 105.

takse näo kohta. Näit. "Kui ta vaikis, erutuse tõttu näost päris rõkendades, olid juba teised julgust saanud Apeikale vastata, kust koolist nad on, mis klassist ..." (O.Jõgi (I. Melež), Äikese hingus, 1968, lk. 238).

Eesti ja soome sõnade ühendamise vastu võidakse ette tuua nende vokaalide erinevust: meie verb on algselt tagavokaalne, soome sõnad aga eranditult eesvokaalsed. On siiski sõnu, mille võrdlemisel pahatihti ei saa arvestada reeglipäraseid häälikulisi vastavusi. Need on onomatopoeetilised ja deskriptiivsed sõnad. Eelnimetatud sõnad ongi nii soome kui eesti keeles deskriptiivset laadi. Ka "Nykysuomen sanakirja" esitab räkittää 'kuumalt paista' deskriptiivse verbina. Onomatopoeetilistes ja deskriptiivsetes sõnades ei tundu kehtivat häälikuseadused. Sageli näib neis olevat oluline ainult teatavat üldist tähendust kandev häälikuline tuum, mida võidakse nii vokaalide kui konsonantide korrapäratute vaheldustega kaunis vabalt varieerida.[3] Foneetiliste variantide tähenduste erinevus on tihti üsna väike või puudub hoopiski. Võrreldagu selleks kasvõi eesti sõnu räme ~ rõme (Wied.) 'kare (hääl)', mõltsas ~ malts ~ melgas ~ meltsas ~ melts ~ mältsas (Wied.) 'roherähn', (hääl) käriseb ~ kõriseb, räksima ~ rõksima või räga ~ rõga ~ röga ~ sm räkä 'tatt; (ka) mäda', põrin ~ sm pärinä jne.

Jälgiksime veidi veel tüvevokaali, mis keeliti erineb. Soome keeles on selleks i, ä, ü, karjalas ja vepsas domineerib i, eestis aga ainuüksi e. Kuid Tveri karjalastelt on kirja pandud e-line räkettiä 'paista (päikesest)' ja "Salmin murteen sanakirja täydennysosa" andmeil esineb murdes mitme i-tüvelise sõna kõrval enamik e-lisi, nagu räkeksine 'pisut liiga kuum', räkendiä 'kuumutada', räkettšäne 'kuumavõitu' jt. Vepsa keeles on Zaitseva-Mullose sõnaraamatu järgi i-liste verbide kõrval ka e-line noomen: räk, räkk, g. räken 'kuumus, palavus (ahjust); palav, kuum, tuline, väle (näit. hobune)'. Järelikult puudub sõnal e-line vorm ainult soome keeles.

---

[3] E. I t k o n e n , Kieli ja sen tutkimus. Helsinki, 1966, lk. 204.

Eelöeldut arvestades võiks eesti rõkendama seostada soome sõnadega ja nende isuri, karjala ja vepsa vastetega ning seda pidada läänemeresoome sõnaks.

4. s e e t i m a

Kirjutises "Mulgi murde ja liivi keele suhetest"[4] on S. Tanning käsitlenud mõningaid mulgi murde ja liivi keele ühisjooni. Selles ühendab ta õigesti Halliste ja Karksi murrakus esineva teatud haiguse nimetuse sitš, sitše liivi sõnaga sièttõks 'Krebs'. Samas artiklis esitab autor aga ka lehtpuu mustaks ja mädanema minekut tähistava verbi sîDum, liivi vasteks sièttõ, prees. -B 'schwären'[5], mis ilmselt on ekslik, sest liivi geminaadile ei saa vastata eesti meedia. Tõsi küll, L. Kettunen oma liivi sõnaraamatus annab selle eraldi sièttõ 'sööta' sõnast, kuid E. Itkonen ja A. J. Joki esitavad "Suomen kielen etymologinen sanakirja" IV osas (lk. 1155) 'umbe ajada, mädaneda' ainult sièttõ verbi teise tähendusena, mis kahtlemata ongi õige. Liivi ja eesti ühiseks sõnaks on seeduma peetud hiljemgi.[6]

Ent liivi sõnale leidub siiski sobiv vaste Häädemeestelt, nimelt seetima 'pinnu või mustuse ihusse sattumisest mädanema' ja tuletis seetis 'mädanik, umbe' (Hää, Hls, Krk), mida S. Tanning mainib mõni aasta hiljem sõnaloendis "Lääne-eesti murdesõnu".[7] Tuletis on identne S. Tanningu artiklis esitatud sõnaga sitš. Lisaks leidub KKI murdesõnade kartoteegis viimasest veel järgmisi andmeid: sēttes 'mädanev koht pinnu või mustuse ihusse sattumisest' (Hää), seetis, seets 'mädanik' (Hls), seets, seetse 'torgatud koht kehal (sõrmel), kus pole haava, paistetav ja mädanev'(Krk).

---

[4] Keele ja Kirjanduse Instituudi uurimused II. Tallinn, 1958, lk. 105-115.

[5] Sealsamas, lk. 110.

[6] H. K e e m , op. cit., lk. 105.

[7] Kodumurre 5. Tallinn, 1962, lk. 82-91.

Eesti seetima sobib hästi nii häälikuliselt kui tähenduslikult liivi verbiga sie̯ttõ̯, samuti esimese tuletised liivi sie̯ttõ̯ks sõnaga.

Kas sõnad aga kuuluvad vana liivi-eesti ühissõnavara hulka? Ei kuulu. Eesti sõnad on usutavasti pigem liivi keelest laenatud. Liivi sõnades on i̯e saadud delabialisatsiooni tagajärjel üö-st, mis omakorda lähtub pikast vokaalist ȭ.[8] Juhul, kui oleks tegemist vana ühise sõnaga, olnuks selle esimeses silbis ootuspärane ȭ, mitte ē, mis võib vastata liivi i̯e-le.

[8] L. P o s t i, Grundzüge der livischen Lautgeschichte. - Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia LXXXV. Helsinki, 1942, lk. 25.

П. Пальмеос
(Тарту)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ ЭСТОНСКИХ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ II

Резюме

В статье рассматриваются этимологии 4 эстонских диалектных слов.

1. Слово jokutama значит в словаре Видемана 'заикаться'. В говорах оно имеет значения – 'заикаться' и 'тратить время на бессмысленную работу'. В современном литературном языке слово употребляется в значении 'бездельничать'. В статье дается из ливвиковского диалекта карельского языка соответствие jokottoa 'шуметь, болтать' и считается возможным, что и финские слова jokellella, jokeltaa 'лепетать' того же корня. Следовательно – jokutama прибалтийско-финского происхождения.

2. Слово kullerdama имеет в словаре Видемана значения 'катать; ворчать', в словаре Сааресте – 'бродить' и 'как-нибудь проводить время'. В говоре оно значит 'играть, шалить; веселиться; катать яйца; болтаться; проводить', в литературном же языке 'катать; катиться; кулдыкать, ворковать'. В статье указывается на заимствование слова из немецкого языка, где kullern обозначает 'кулдыкать, ворковать', а также 'катать; катиться'.

3. Слово rôkendama имеет в тартуском диалекте значения 'ярко гореть, пылать; горячо светить', в мульгиском диалекте 'краснеть', в литературном языке 'рдеть'. В статье объединяется это слово с финскими диалектными словами räkki 'жгучий; жар; солнцепек', räkittää, räkyttää 'палить' и указывается, что эти описательные слова могут быть соединены, несмотря на различие в фонетическом облике. Следовательно – rôkendama прибалтийско-финского происхождения.

4. Слово seetima встречается только в одном говоре в значении 'гнить (о теле)'. В статье указывается, что оно заимствовано из ливского языка.

P. P a l m e o s
(Tartu)

ÜBER DIE HERKUNFT EINIGER DIALEKTWÖRTER IM ESTNISCHEN II

Z u s a m m e n f a s s u n g

Der Beitrag erörtert die Herkunft von vier estnischen Dialektwörtern.

1. jokutama tritt im Wörterbuch von Wiedemann in der Bedeutung 'stottern' auf. Mundartlich trägt das Wort die Bedeutungen 'stottern' und 'mit sinnlosem Tun seine Zeit vergeuden'. Die gegenwärtige Schriftsprache akzeptiert die Bedeutungen 'seine Zeit verplempern, sinnlos zögern'. Der Beitrag führt an einen Beleg aus der Aunus-Mundart des Karelischen jokottoa 'lärmen, krakeelen, schwatzen; zaudern, hinausschieben (die Heirat)' und nimmt Stammverwandtschaft mit dem finnischen jokelella, jokeltaa 'lallen' an. Folglich ist jokutama ein ostseefinnisches Wort.

2. kullerdama steht bei Wiedemann in den Bedeutungen 'kollern, rollen; murren, brummen'; Saareste gibt die Bedeutungen 'herumstrolchen' und 'die Zeit (recht und schlecht) verbringen'. Mundartlich sind die Bedeutungen 'spielen, tollen, Eier rollen (~ kullern), sich belustigen; herumstreichen, sich herumtreiben; die Zeit verbringen' belegt worden. Die Schriftsprache kennt die Bedeutungen 'rollen (trans. u. intrans.), gurgeln, gurren'. Im Beitrag wird auf die Entlehnung des Wortes aus dem Deutschen hingewiesen, wo kullern die Laute des Truthahns, auch der Taube sowie ähnliche Geräusche bezeichnet, ferner auch 'rollen' (intrans., selten trans., öfter reflexiv) bedeutet.

3. rõkendama tritt auf in der Tartuer Mundart in der Bedeutung 'hell brennen, lodern, glühend heiss strahlen (über die Sonne)', die Mulgi-Mundart kennt die Bedeutung 'gerötet sein', die Schriftsprache gleichfalls 'gerötet sein (zur Gesichtsfarbe)'. Der Beitrag knüpft an die finnischen Mundartwörter räkki 'glühend heiss, glühende Hitze,

Sonnenbrand', räkittää, räkyttää 'heiss strahlen' an und weist darauf hin, dass trotz phonetischen Unterschieden diese Wörter zusammengehören dürften. Folglich ist rökendama ostseefinnischen Ursprungs.

4. seetima ist nur im Dialekt von Häädemeeste belegt, und zwar in der Bedeutung 'durch Splitter oder Verschmutzung (im Körper) eitern'. Der Beitrag weist auf die Entlehnung aus dem Livischen hin.

A. P e t e r s o n
(Tartu)

VEPSA о л у d , LÄTI a l u s

Taani Rahvusmuuseumi arheoloogid leidsid 1940. aastal vähemalt pronksiaega kuuluva kalme, kuhu koos naisega oli maetud tohunõu, milles oli nisuõlu.[1] Niisiis, õlle valmistamise ajalugu Ida-Euroopa põhjaosas elavatel rahvastel ulatub väga kaugesse minevikku. Käesolev kirjutis ei sea ülesandeks õlle kui joogi ajaloolis-arenguloolist vaatlust. See oleks liialt lai ja aeganõudev töö, kus nähtavasti koos etnograafidega peaksid uurimisest osa võtma veel paljude teiste naaberteaduste - arheoloogia, keeleteaduse, majandusteaduse, agraarajaloo, folkloori jne. - esindajad, sest väga paljudel rahvastel on õllel ainuüksi kombestikus tähelepanuväärіv osa täita olnud. Käesolevas artiklis võrreldakse baltlaste ja vepslaste õllevalmistamise protsessi ja mõneti asjaomast terminoloogiat. Sedagi ei saa teha järjekindla põhjalikkusega, sest läti-leedu õllevalmistamise kohta käiv allikaines on üsna napp. Mis puutub kirjandusse, siis kui kõrvale jätta käesoleva sajandi alguses ilmunud A. Bielensteini ülevaade läti rahvuslikest jookidest[2], on sõjajärgsel ajal etnograafide poolt meid huvitavat küsimusteringi väga tagasihoidlikult vaadeldud. Nagu allpool selgub, saame viidata ainult paarile asjaomasele artiklile.[3]

---

[1] K. S u u r o n e n , Ohrainen olut. Helsinki, 1969, lk. 18.

[2] A. B i e l e n s t e i n , Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten. St.-Petersburg-Petrograd, 1907-1918, lk. 285-318.

[3] A. K r a s t i ņ a , Zemnieku uzturs Vidzemē. Arheoloģija un etnogrāfija V. Rīgā, 1963, lk. 229-247. В. М и л ю с, Пища и домашняя утварь литовских крестьян в XIX и начала XX в. - Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклуха-Маклая. Новая серия XXXII. Москва, 1956, lk. 127-170.

Andmed näitavad, et baltlased on õlleks eelistanud otra, kuigi on teateid ka nisu, kaera ja rukki kasutamisest selleks.[4] Sama tuleb öelda soomlaste[5] ja eestlaste[6] kohta. Üldiselt kasutati 19. ja 20. sajandil ülalloetletud rahvaste juures õllelinnasteks ikkagi otra. G. Ränga teateil eelistasid vadjalased õllelinnasteks odra-rukki segu.[7] Mis puutub vepslastesse, siis möödunud sajandi teisel poolel ja viimasel ajal kasutati seal linnasteks domineerivalt rukkiteri, eriti Lõuna-Vepsas, kus õlletegemise traditsioon on hästi säilinud veel tänini. Lisati vähe kaerajahu heledama tooni saamiseks. Seevastu baltlased on kohati õllemeskile tumedama värvuse jaoks lisanud rukkijahu.

Joon. 1. Õlle keetmine tuliste kividega. Sidorovo (sodjärv). (EM Fk 1581:395. Foto V. Kutsar, 1968.)

[4] A. B i e l e n s t e i n , op. cit., lk. 296.

[5] I. T a l v e , Suomen kansanomaisesta ruokataloudesta. Turku, 1973, lk. 96.

[6] EM KV 104, lk. 44.

[7] G. R ä n k, Vatjalaiset. Helsinki, 1960, lk. 124.

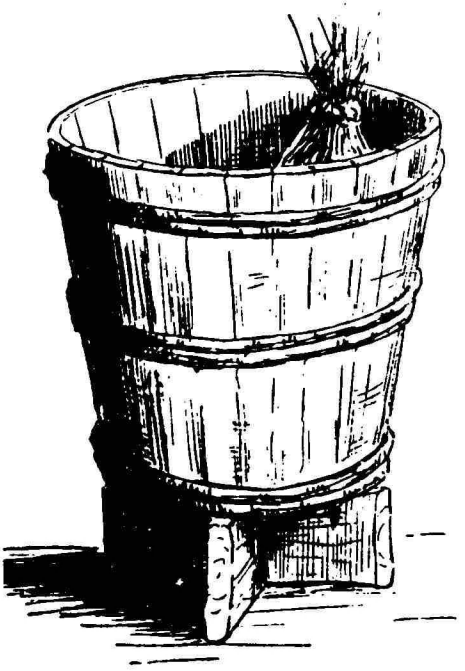
A. Bielensteini järgi pärineb 17. sajandi keskpaigast lätlaste esimene põhjalikum õllevalmistamise tehnika kirjeldus, mille kohaselt odrateri hoiti kolm päeva vees ning selle järel pandi idanema sooja rehte.[8] Vepslastel idanesid õlleterad harilikult elutoas. Linnased kuivatati ahju peal või soojas ahjus, ja sellele järgnes käsikiviga jahvatamine. Ka balti rahvad jahvatasid idanenud terad käsikiviga, kuid on teateid ka terade purustamisest uhmris, mis on nähtavasti selleks tööks vanim tööriist. Hilisemal ajal kasutati vesi- ja tuuleveskeid. Õhtul panid vepslased saadud jahule (lõunavepsa idujāh, keskvepsa iduǩauh) vett peale ja hoidsid nõuga soojas, tavaliselt ahjus. Järgmisel hommikul hakati õlut keetma spetsiaalses nõus - олудлаč (joon.1). Nimetatud puunõu paistis silma oma suuruse, mahutavusega. Tõrs paiknes erilisel jalal või alusel niimoodi, et tema alla omakorda võis panna küna meenutava anuma. Auku sulges pikk, õllenõust kõrgemale ulatuv kepp (joon. 1). Seesugused ümmargused laudadest õllekeetmise nõud olid ühesugused nii balti kui ka läänemeresoome rahvastel (vrd. joon. 1-2).[9] A. Bielensteini teateil oli lätlastel vanemaks õllekeetmise nõuks ühest puust õõnestatud seijas balla, millel väljalaskeava oli otsas (joon. 3). Täpselt samasuguse nõu kohta on teateid ka soomlastelt.[10] Õlletõrde pannakse vee ja linnasejahu segu meski(läti misa, leedu misà, vepsa harpal'), mida keedetakse kividega. Enne tünni asetamist, õlle värvuse saamiseks, riputatakse viimastele peale jahu. Kive kuumendatakse ahjus ning tõstetakse pihtidega (joon. 1). Tänapäeval on pihid rauast, sajandivahetusel ja varasemal ajal puust. Õllenõu põhja pannakse puust rist ja püsti oleva kepi ümber asetatakse õlest rõngad (joon. 2). Lisatakse veel hambuline puutükk, mille abil surutakse kividega õled tõrre põhja vastu. Meski keetmise kestvus olenes õllemeistri soovist. Keedetud meski jäeti Lätis seisma 1 - 1,5 tunniks, Vepsas isegi kuni nel-

---

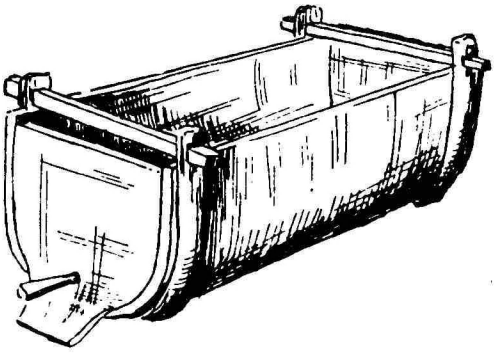
[8] A. B i e l e n s t e i n , op cit., lk. 296.

[9] EM KV 104, lk. 27.

[10] K. S u u r o n e n , op. cit., lk. 41.

Joon. 2. Läti õllekeetmise tõrs A. Bielensteini järgi. (A. B i e l e n s t e i n , Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten. St.-Petersburg-Petrograd, 1907 - 1918, lk. 297, joon. 247.)

Joon. 3. Läti künataoline õllekeetmise nõu A. Bielensteini järgi.

jaks tunniks. Seejärel lastakse meski tõrrest välja põhjas oleva ava kaudu, tõstes ava sulgevat keppi ülespoole.[11] Varem põhja pandud õlest rõngad on nüüd sõela eest. Vanema puust õõnestatud nõu puhul tõmmatakse eesotsas asetsev punn lahti (joon. 2) ja segu jookseb õllenõu all asetsevasse madalasse puuanumasse.

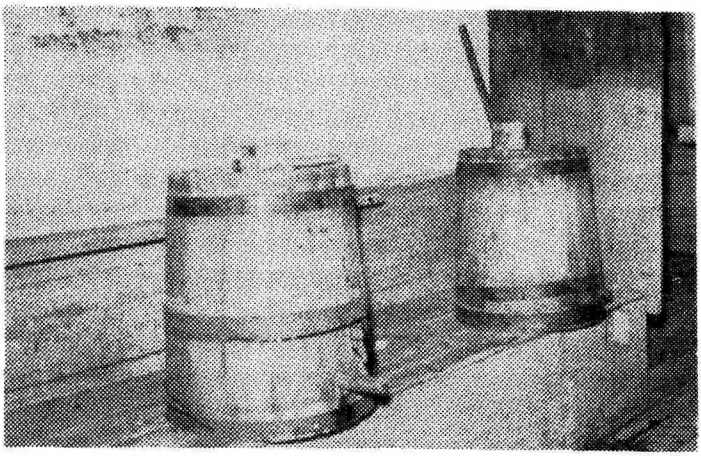
Kui õlu oli keetmisnõust ümber valatud, pandi juurde humalaid. Viimaseid keedetakse ja segu eraldatakse sõelumisel. Lätlased on humalaid enamjaolt kogunud metsast ning säilitanud puunõudes, kusjuures on olnud ka õueaiamaast eraldatud nurk humalakasvatuseks. Viimati mainitud humalakasvatamine õues oli eriti levinud kõigil läänemeresoome rahvastel. Nii märgitakse Satakunna talupoegade kohta 16. saj. keskel, et nad tegelevad kalastuse, humalakasvatuse ja alepõllundusega.[12] Veel praegu on igal lõunavepsa perel aiaga piiratud maatükk, kus kasvavad humalad. Sõna humal, lõunavepsa humaл päritolu läänemeresoome keeltes on tänapäevani segane. Seda on arvatud germaani laenuks, kuid uuemad soome uurijad osutavad türgi algupärale. Läänemeresoome keeltesse on ta tulnud volga bulgarite vahendusel (volgatürgi humlak, gumlag).[13] Kui humal (läti apiņi, leedu apyniaĭ) on lisatud, käib vepsa õlu 1,5 - 2 päeva ja siis valatakse see ümber kinnisesse õhukindlasse nõusse (joon. 4).

Õlut jõid vepslased puust kannudest, mille vanematel tüüpidel oli kaks käepidet (vepsa oлudenčašk). Vepslastel oli iseloomulik iidne õllejoomise traditsioon: kapp käis ringi laua ümber istuvate meeste hulgas. Kui kapp sai tühjaks, täitis selle peremees. Õlu toodi lauale erilise nõuga - oлudennosak. Kuna õlut valmistati tähtpäevadeks, pidude puhuks, siis harilikult pidustuste pikkus päevades olenes sellest, kui palju jätkus peredes õlut. Oli tavaks, et kui ühe peremehe õllevaat tühjaks sai, mindi järgmisse perre jne., kuni külas veel õlut leidus.

---

[11] A. K r a s t i ņ a , op. cit., lk. 238.
[12] K. S u u r o n e n , op. cit., lk. 52.
[13] I. T a l v e , op. cit., lk. 98.

Eelöeldu põhjal võime konstateerida kõigepealt seda, et õllevalmistamise tehnika baltlastel ja vepslastel, aga ka teistel läänemeresoome rahvastel on olnud samane veel lähedases minevikus. Teiseks tuleb juhtida tähelepanu õllekeetmisel kasutatavate nõude sarnasusele. Laudadest tõrre, nagu üldse laudnõude valmistamise tehnika, ulatub balti ja läänemeresoome rahvastel kaugesse minevikku tagasi.

Joon. 4. Kinnised õllenõud. Krasnõi Bor (krasnõi bor). (EM Fk 1580:91. Foto T. Pedak, 1967.)

A. Viires on tõestanud, et need rahvad tundsid laudnõude valmistamise tehnikat ammu enne sakslastest vallutajate sissetungi.[14] Väga vana, sealhulgas ühine nii läänemeresoomlastele kui baltlastele, oli künataoliste õllekeedunõude kasutamine. Ka teised õllega seotud nõud on olnud nii baltlastel kui vepslastel samased.

Lahkuminekuid esineb küll terminoloogias. Õlle puhul on vepslaste ja baltlaste vahel tegu nähtavasti niivõrd kaugesse minevikku ulatuvate kontaktidega, et on välja kujunenud iseseisvad nimetused. Ühine on kõigepealt nimetus

[14] A. V i i r e s , Eesti rahvapärane puutööndus. Tallinn, 1960, lk. 125.

läti alus, leedu alus, vepsa oJud, oJut, soome olut, karjala olut, eesti õlu.

Sõna on peetud läänemeresoome keeltesse laenatuks kas balti või germaani keeltest. Lõpuni pole seda probleemi lahendatud ka 1958. aastal ilmunud raamatus "Suomen kielen etymologinen sanakirja II".[15] Mis puutub vepslastesse, siis

Joon. 5. Tatjana Grigorjeva puhastab humalaid. Bobrozero (maigär). (EM Fk. 1581:89. Foto T. Pedak, 1969.)

tuleb oletada, et algne õllevalmistamise tehnika pole mitte germaanlastelt, vaid balti rahvaste eellastelt laenatud. Seda mõttekäiku segab aga õlle ühe olulisema lisandi, humala erinev nimetus balti ja läänemeresoome keeltes. Kui toetada

---

[15] Y.H. T o i v o n e n, E. I t k o n e n, A.J. J o k i, Suomen kielen etymologinen sanakirja II. Helsinki, 1958, lk. 428.

eespool mainitud uurijate arvamust, et sõna on laenatud viikingiajal volga bulgarite vahendusel muinastürgi keelest, mis paistab üsna tõenäoline olevat, siis tuleb arvata, et varem õlle valmistamiseks seda lisandit ei kasutatud, vaid humalat asendas mõni teine taim. Näiteks Saaremaalt on andmeid, et vahel pandi õllele juurde ka porssi (Myrica gale).[16] Sellealased teated pärinevad ka Soomest.[17] Kuid humala aseaine probleem vajab veel tõsist uurimist. Eelkõige on vaja selgitada selle taime vanus läänemeresoomlaste asualal. Tundub, et baltlaste levilas ja Lõuna-Eestis, kus humal kasvab metsas, on ta põline. Lisame, et mitmed etnograafid ja keeleteadlased ei toeta humala nimetuse levikut idast läände, vaid peavad seda germaani laenuks.[18] A. Bielenstein osutab läti asjaomase termini omakeelsusele, mis viitab läti õllevalmistamise suurele vanusele.[19]

Kui nüüd püüda arvata, millal toimus vepsa-balti kontakt, mil vepslased õppisid baltlastelt muu hulgas täiustatud õllekeetmist, mis mõningate muudatustega on säilinud tänini, siis tuleb kõne alla periood, kus baltlased liikusid intensiivselt läänemeresoomlaste asualadele ja nende rahvaste vahel tekkis tihe kontakt, kohati kakskeelsus. H. Moora järgi toimus see II aastatuhandel e. m. a.[20] Keeleteadlane E. v. Hertzen on balti laensõnade tuleku läänemeresoome keeltesse dateerinud ajavahemikku 2100 - 1800 e. m. a.[21] Võib arvata, et I aastatuhande esimesel poolel e. m. a. kujunes välja ka õlle valmistamise tehnika nii baltlastel kui läänemeresoome rah-

---

[16] EM KV 104, lk. 49.

[17] I. T a l v e , op. cit., lk. 98.

[18] M. Ф а с м е р . Этимологический словарь русского языка IV. Москва, 1973, lk. 249-250.

[19] A. B i e l e n s t e i n , op. cit., lk. 286.

[20] H. M o o r a , Eesti rahva ja naaberrahvaste kujunemisest arheoloogia andmeil. – Eesti rahva etnilisest ajaloost. Tallinn, 1956, lk. 55 jj.

[21] E. H e r t z e n , Itämerensuomen lainasanakerrostumien ikäämisestä. – Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja 72. Helsinki, 1973, lk. 100.

vastel. Tõsi, tolleaegne algeline põllundus ei võimaldanud õllevalmistamiseks suurtes kogustes teravilja. Õllekeetmine sai laia leviku alles I aastatuhande esimesel poolel, mil läänemeresoomlastel levis künnipõllundus.

Lõpuks märkigem, et vepslaste naabruses elavatel venelastel on õllevalmistamise tehnika põhijoontes ülalkirjeldatuga sarnane. Samas pole venelastel käesoleval ajal õllekeetmise traditsioon nii tuntud kui lõunavepslastel. Informaatorite andmetel polnud õllekeetmine eriti levinud venelaste hulgas ka möödunud sajandi lõpul ja käesoleva sajandi algul. Veelgi enam: vanemad inimesed kinnitasid, et õlut on valmistanud ikka enam vepslased kui nemad, s. t. venelased.

L ü h e n d i d

EM KV = Eesti NSV Riikliku Etnograafiamuuseumi korrespondentide vastuste arhiiv; EM Fk = Eesti NSV Riikliku Etnograafiamuuseumi fotokogu.

А. П е т е р с о н
(Тарту)

ВЕПССКОЕ O Л U D И ЛАТЫШСКОЕ A L U S

Р е з ю м е

А. Биленштейн отмечает, что если говорить о национальных напитках, то для латышей это, безусловно, пиво. В. Милюс подчеркивает, что любимым напитком литовцев также является пиво, особенно в юго-восточной Литве. В данной статье мы подробнее остановимся на способах пивоварения у южных вепсов, в технике которого сохранились многие древние черты. Хотя и у других прибалтийско-финских народов пиво было традиционным напитком, однако древнейший способ его изготовления уже позабыт.

Солодовое пиво как балты, так и вепсы, варили, в первую очередь, из ячменя, а южные вепсы - из ржи. К ячменному солоду иногда добавлялась ржаная мука или наоборот.

В первую очередь изготовлялся солод. Для этого зерно в мешке мочилось 2-3 дня в воде, затем помещалось в теплое место (например, в ригу) для проращивания. Затем его сушили на печи и ручными жерновами размалывали в муку. Вепсы заливали муку вечером водой и на следующее утро начинали варить пиво в специальной деревянной посуде oludlač, опуская в нее нагретые на костре камни (рис. I). Известно, что таким же образом варили пиво и латыши. Этот способ варки считается очень древним. Вокруг штыря посреди кадки укладывались соломенные т.н. гнезда (рис. 2), которые очередными камнями прижимались ко дну кадки. После того, как эта смесь простоит I,5-4 часа, через специальное отверстие на дне кадки сусло выпускается в корыто. При этом солома служит в качестве сита. Сусло выливают в новую посуду - в кадку-ходовик - и добавляют хмель (латышское apiņi, литовское apyniai, южно-вепсское humal. После этого пиво бродило I,5-2 дня и затем переливалось в специальную герметически закрывающуюся посуду - бочку (рис. 4). Такова была, вкратце, техника изготовления пива у южных вепсов. Русские, живущие по соседству с вепсами, пиво изготовляли таким же способом. Их инфор-

маторы однако добавляют, что вепсы всегда больше изготовляли и употребляли пива.

Вепсы пили пиво из деревянных кувшинов, наиболее старые типы которых имели две ручки. У вепсов в свое время сложилась традиция питья пива: кувшин пускали по кругу сидящих за столом мужчин. Когда пиво кончалось, хозяин снова наполнял кувшин. Живущие по соседству русские в XIX в. пили пиво из малых чашек, также изготовленных из дерева.

Вопрос о происхождении прибалтийско-финского названия пива (эстонское õlu, вепсское olud, финское olut и т.д.), да и техники приготовления этого напитка до сих пор не совсем ясен. Некоторые исследователи считают, что эти термины в прибалтийско-финских языках - германского происхождения, другие же относят их к балтийским заимствованиям. Интересно отметить, что название хмеля будто бы пришло в прибалтийско-финские и древнескандинавские языки из тюрко-татарских языков через волжских болгар. Однако, поскольку способ приготовления пива у южных вепсов очень похож на такой же способ у балтийских народов, то это позволяет предполагать, что мы имеем дело с заимствованием пивоварения у балтов, которое восходит, по меньшей мере, к первому тысячелетию до н.э.

A. P e t e r s o n
(Tartu)

WEPSISCHES oJud , LETTISCHES alus

Z u s a m m e n f a s s u n g

A. Bielenstein bemerkt, daß - wenn man von einem Nationalgetränk der Letten spricht - das Bier gewiss als ein solches angesehen werden darf. V. Milius unterstreicht, dass das beliebteste Getränk der Litauer ebenfalls das Bier ist und das vor allem in Südostlitauen. Der Verfasser des vorliegenden Artikels beschreibt kurz die Bierherstellung der Südwepsen und Balten, die viele altüberlieferte Verfahren aufweist.

Balten und Wepsen haben das Bier vor allem aus Gerste, seltener aus Roggen hergestellt. Manchmal wurde aber auch noch Hafermehl beigemischt, dem Gerstenmalz konnte auch Roggenmehl beigemischt werden und umgekehrt.

Zunächst wurde das benötigte Malz hergestellt. Das Getreide dafür wurde 2 bis 3 Tage in einem Sack im Wasser gehalten. Danach wurde es in die Wärme gestellt (z. B. in eine Riege), um es keimen zu lassen. Anschließend wurde das Malz auf dem Ofen gedarrt und mit Handmahlsteinen zum Mehl (südwepsisches idujäh)vermahlen.Diesem Mehl pflegten Wepsen am Abend Wasser aufzugießen, wonach sie am nächsten Morgen mit dem Bierkochen im speziellen Behälter(oJud-Jač), was durch Zugabe der im Feuer erhitzten Steine geschah (Abb. 1). Auch Letten kochten das Biergemisch (misa) mit erhitzten Steinen und dieses Verfahren wird für ein sehr altes Verfahren gehalten. Inzwischen werden an einem in der Mitte des Bierbottichs aufrecht aufgestellten Stock Strohkränze (Abb. 2) angebracht, welche dann durch die folgenden Steine gegen den Grund des Behälters gedrückt werden. Dieses Gemisch ließ man dann ca 1,5 bis 4 Stunden stehen, wonach man die Maische durch ein im Behältergrund befindliches Loch ablaufen liess, wobei das Stroh als Sieb zu dienen hatte. Die so gewonnene Flüssigkeit wurde in ein anderes Faß gegossen und erhielt einen

Hopfenzusatz (lettisch apīņi , litauisch apyniaĩ, südwepsisch humaļ). Anschließend ließ man das Bier 1,5 bis 2 Tage gären. Den Abschluß bildeten das Abfüllen und Schliessen in luftdicht verschließbare Fässer (Abb. 4).

Wepsen tranken Bier aus hölzernen Bierkannen, deren ältere Typen mit zwei Handgriffen versehen waren. Für Wepsen war eine überlieferte Tradition des Biertrinkens kennzeichnend: man reichte die Kanne zwischen den um einen Tisch sitzenden Männern im Kreis weiter. Wenn die Kanne ausgedrunken war, füllte sie der Hausherr wieder. Die in ihrer Nachbarschaft lebenden Russen tranken im 19. Jh. Bier aus kleinen hölzernen Tassen.

Die Frage nach dem ostseefinnischen Namen des Biers (estnisch õlu, wepsisch oļud, finnisch olut usw.) und der Herkunft des Bierherstellungsverfahrens kann heute noch nicht beantwortet werden. Einige Forscher haben den Namen für eine germanische Entlehnung in der Ostseefinnischen Sprache gehalten, andere wiederum sehen ihn als eine Entlehnung aus dem Baltischen an. Es dürfte nicht als uninteressant erscheinen, das der Name der wichtigsten Zugabe des Biers, des Hopfens also (estn. humal) sogar aus der türkisch-tatarischen Sprachgruppe herstamme und durch die Vermittlung der Wolgabulgaren in die Sprachen der Ostseefinnen und Urskandinavier aufgenommen worden sei. Dessenungeachtet soll hier hervorgehoben werden, daß das Bierherstellungsverfahren der Südwepsen eine große Ähnlichkeit mit dem der Balten aufweist, was Folgerungen zuläßt , daß dieses Verfahren von ihnen herstammt, wobei das Alter dieses Verfahrens wenigstens in das erste Jahrtausend v. u. Z. zurückreicht.

S. R a ǧ e
(Riia)

PISIETÜMOLOOGIAID

Läti ja liivi keele kokkupuute alal ning eriti läti ja eesti keele piiri ligidastes murrakutes esineb veel nii mitugi ainult kitsal territooriumil kasutatavat hilist laensõna, mis on kas sõnade päritolu uurijatel kahe silma vahele jäänud või on kirja pandud üpris viimasel ajal.

Allpool esitatakse mõningaid seda laadi läti sõnu.

1. i m̃ m a , i m̃ m ĝ s , i m̃ m ā t i ę̂ s

Sõnaraamatus ME I 707 leiduv imma 'Kaprize, Starrköpfigkeit' ja slikta imma 'schlechte Gewohnheit' Burtniekist ning Kārķist, samuti ka hiljem Ērģemest kirja pandud im̃ma (näiteks: tādu im̃mu iepēmis, viņč dara kā grib 'niisuguse tuju pähe võtnud, teeb ta, kuidas tahab') näivad pärinevat eesti sõnast himu. Semantiliselt toetab seda laenu eriti sõnast im̃ma tuletatud omadussõna immîgs 'kapriziös, eigensinnig' ME I 707; see meenutab sõna himukas kasutamist, näiteks sõnaühendis imukas laps, mida võib sageli kuulda vähemalt Valga kandis. Sõnale himutsema tähenduses 'begierig sein' Wiedemann 121 vastab omakorda Rencēnist üles märgitud immātiês 'kaprizieren, starrköpfig sein' ME I 707.

Samasse pesakonda peaks kuuluma ka vähemalt osa LV I 1, 361 antud seitsmest kohanimest, mis alluvad märksõnale im̃mas, näiteks talunimed im̃mas Allažis, im̃mas > im̃bas Naudītes, immas Vecauces ja Īles, imme Dobeles. Niisuguse seose toeks leidub teisi semantilisi paralleele, näiteks kasvõi LV I 1, 322 ja 323 antud talunimed gribiecēni Kalsnavas, gribietis Vaidavas, gribulis Limbažis jt., mis on seotud ni-

misõnaga gribētājs 'tahtja' ja tegusõnaga gribēt 'tahtma'. Aga on ka võimalik, et kuskil Läti rannikualal selle kohanime allikaks on olnud vana soome isikunimi Immo (vt. EO 32). LV I 1, 323 märksõna iĩmas (küsimärgiga) seostatakse eesti Himma külaga.

2. k ã k a u l i s , k a k a u l i s

Vandzenest on kirja pandud kãkaulis ja Salacast registreeritud sama sõna deminutiivvorm kãkauliņš 'eine grosse Möwenart' ME II 190, samuti ka samatähenduslikud kãkaulis Kaltenest (Nogāles?), kākaulis Mērsragast, kãkaulis[2] Kaugurciemsist (Slokas), Pabažist ning kãkauliņš 'ein schwarzer Meervogel von der Grösse einer Ente (schreit: ka-ka-kauliņ!)' Dundagast EH I 600. Vidzeme rannikul on kirja pandud kakaulis ka piilpardi (Anas creca) nimetusena.[1]

Siia kuuluvad samuti talunimed kãkaũļi Vandzenes, kãkauļi[2] Doles LV I 2, 82.

[1] Need linnunimetused võivad olla kas läti keeles iseseisvalt loodud onomatopoeetilis-deskriptiivsõnad või hilised laenud kõlaliselt lähedastest eestikeelsetest (võibolla ka liivikeelsetest - kahjuks polnud liigituseks kasutada vastavat sõnavara) välimuselt isegi küllalt erinevate veelindude soo- ja liiginimetustest. Vt. merikajaka (Larus marinus) nimetust kalakull saartel ja Loode-Eestis Mäger 84 - 85, tuttpüti (Podiceps cristatus) nimetust kalakaur Võrtsjärvel, Setus jm. Mäger 15 - 16, järvekauri (Gavia arctica) nimetust kalakaur Mäger 14 ja iseäranis auli (Clangula hyemalis) nimetust kaakaul, mis on kirja pandud Jämajast ja Ansekülast Mäger 35 ja millele adekvaatne sõna kākaulis on Clangula hyemalis ametlik nimetus läti keeles.[2]

Samasse perekonda peaksid kuuluma ka vormid lühikese a-ga: kakauliņš Salacast ja kakaulis 'die Eisente (Anas glacialis; nüüdse terminoloogia kohaselt - Anas platyrhyn-

[1] Vt. D. A v o t i ņ a , J. P e t e r s . Baltijas tovērī salīdzī ... Rīgā, 1973, lk. 9.

[2] Vt. Latvijas putni. Rīgā, 1969, lk. 27.

chos; S.R.)', mida ME II 137 katsutakse reduplikatsiooni abiga seostada ühesainsas leedu keele ürikus[3] esineva sõnaga kaulỹs 'род водяной птицы'.

Vrd. ka talunime kakauli Zūrasis LV I 2, 7.

Eesti laenu poolt räägivad nii vormi kui ka tähenduse ligidus. Laenuoletuse toeks näib olevat sõnaalguline k, mis esineb laialdaselt äsja mainitud linnunimetustest eesti keeles, aga puudub teistes keeltes, kus näiteks auli kõrvatorkava, iseäraliku, hästi imiteeritava häälitsuse tõttu on eesti keele sõnale aul väga ligidased nimetused: vrd. vn murd. ауйик, rts alla jne. (vt. Mäger 36). Pole vist ka võimatu, et kākaulis, kakaulis kuskil kujunes ülal mainitud eesti liitsõnadest kalakull, kalakaur.

Laenu võimalust toetab vaadeldud läti sõnade levikuala - Kuramaa ja Vidzeme mereranna murrakud.

3. k u s k a d

Valka väljendis kuskad jao par tùo runãja 'väga ammu aja eest räägiti ju sellest' registreeritud ebatavalise määrsõna kuskad komponent kus- on muutmatult ülevõetud eesti sõna kus. Seda arvamist toetab ka läti keeles kuuldud - kus'kuĩrad.

4. k u s ' k u ĩ r a d

Määrsõnana kasutatud, samuti Valkas registreeritud pejoratiivse varjundiga sõna kus'kuĩrad, mille tähendust võib väljendada umbes nii: 'eest ära (minema), kuhu jalad viivad' jne., on kirja pandud ainult ühes väljendis nu jãu tu vari iêt kus'kuĩrad! 'nüüd võid sa ju minna, kuhu tahad, kuhu nina näitab!' Vaadeldav sõna on eesti keele väljendi kus kurat! koopia.

---

[3] Vt. sellest Lietuvių kalbos žodynas V. Vilnius, 1959, lk. 434.

5. ķę̃rna

Kõige vanema Jeri põlvkonna keelest on 1970. aastal kirja pandud sõna ķę̃rn < eesti kärn. Näide: åda i ķę̃rn iêkša - tas i tâc sîkstums, tas i tã ķę̃rn; es jo bę̂rc bii, ka viņ liêtoi tuõ vârd. ka âd i trâûsl, čagan, nau ķę̃rn iêkša. tâd i stiprak âd, kam tã ķę̃rn iêkša. 'Nahas on kärn sees - see on niisugune sitkus, see on see kärn; ma olin ju alles laps, kui seda sõna kasutati. Kui nahk on habras, kohev, ei ole kärna sees. Niisugune nahk on tugevam, kus see kärn sees on'.

6. loñta, loñtinât

Salacast EH I 758 kirja pandud sõna loñta 'linadest keeratud side; vana köie tükk' seostub nii foneetiliselt kui ka semantiliselt eesti sõnaga lont, om. londi, mida esitab Saaremaalt Wiedemann 521 tähenduses 'hedene Schnur z. Binden des Flachses'.

Samasse pesakonda kuulub vist ka teine EH I 758 Salacast registreeritud sõna loñtinât '(saba) vibutama'. Vrd. eesti lont lant! lont lont! lonta lonta! 'schlink schlank (von langsamer Bewegung)' Wiedemann 521.

7. loñtrũzis, loñtrâusis

Lugažis (varem ka end. Liellugažis) küllalt laialdaselt tuntud loñtrũzis ja sellega paralleelselt Valkas esinev loñtrâusis 'vallatu, sõnakuulmatu inimene, (harvem) kohmakas, saamatu inimene' lähtuvad eesti sõnast lontrus.

Kasutatakse seda sõna harilikult emotsionaalses kõnes - hüüd- ja käsklausetes, näiteks tâc kâ loñtrũzis! 'nagu lontrus'; loñtrũzis tu tâc! '(oh) sa lontrus (inimesest)!; loñtrũzi, nâc šurp! 'lontrus, tule siia!'

8. l o r̃ c i s , l o r̃ c e̊ t

Valkas vanema põlvkonna keeles mõnikord esinev lo̍rcis 'märg lumi' ja sellest tuletatud tegusõna lo̍rce̊t 'sadama (märja lume kohta)' lähtub eesti sõnast lörts 'märg lumi'; vt. ka eesti lirts 'Sprützen, sprudelnder Strahl' jt. Wiedemann 506, lörtsima 'patschen, im Wasser laufen' jt. Wiedemann 531.

9. m a c i s

Valkas ja Lugažis, varem ka lätlaste seas Kaagjärvel (Kāǧeris) ja end. Liellugažis põlgliku tähendusega maainimeste nimetusena kasutatud, samuti ka maainimeste kommetega, käitumisega, riietusega jne. silma torkava isiku kohta veel kümmekond aastat tagasi kasutatud sõna macis (selle on viimasel ajal peaaegu välja tõrjunud varem sõnaga macis paralleelselt kasutusel olnud samatähenduslik mužiks < vn МУЖИК on laenatud eesti sõnast mats, mis tähenduses 'maamees, talupoeg (kohati neutraalselt, enamasti pilkesõnana)' on eesti murrete sõnaraamatu kartoteegi andmeil käibel laial maa-alal, ka Valga kandis.

Omaette uurimust pälvivad rikkalikult esinevad läti kohanimed, mis LV I 2, 363 - 364 on koondatud märksõnade maci ja mač alla. Väike osa nendest võiks olla seoses eesti keele apellatiiviga mats 'maamees, talupoeg'. Võimalikule eesti paralleelile (mats, Mats?) on viide ka märksõna maci juures, kus juhitakse tähelepanu eesti talunimele Matsi, mille kohta EO 749 on öeldud: "Dies ist der gewöhnlichste Tauf- und Gesindename auf -tsi ..." Eesti Mats on teatavasti laenatud saksa keelest: Matz < Matthäus.

10. m ù i s t ê̬ t , m ò i s t ê̬ t , m ò i s t â̬ t

Paar aastat tagasi esitas Nabest pärinev kirjakeelt rääkiv keskmise põlvkonna inimene vabal jutuajamisel sõna mùist, mis polnud seni kuskil kirja pandud: viṇa jàu kaût kùo mùist àr 'ta ju midagi saab (asjast) aru ~ oskab ka'. Ilmnes, et sõna mùistêt (ja teised ta variandid) 'aru saama' on Läti-Eesti piiri lähedal ka mujal tuntud. See lubab oletada, et varem on ta olnud laiemalt kasutatav murdesõna. Selle sõna praegusest kasutamisest rääkides, peab märkima, et tal on väga piiratud vormistik - vabas kõnes esineb peaaegu ainult kindla kõneviisi oleviku ainsuse 3. pööre.

Nabe vanema põlvkonna keeles esineb vaadeldav sõna peamiselt oi-lisena: mòistêt. Ērgemest hiljuti registreeritud tegusõna mòistât eitav vorm ebatavalise rõhuga teisel silbil osutab, et ka sõna ise on ebatavaline või ainult emotsionaalselt (pilke- või humoristliku varjundiga) kasutatav: viṇš tùr ne'kà ne'mòistà 'ta seal ei saa (sellest) midagi aru'.

Tirzas, kus vastav tegusõna on kirja pandud ainult ui-ga, esineb see kahes tähenduses: 1) 'aru saama', näiteks nu, vai tu mùist[1], kas tùr kàimiṇiem nùotiek? 'noh, kas sa saad aru, mis seal naabrite juures lahti on?'; 2) (ainult eitavas vormis) 'mitte välja tegema, mitte tähele panema', näiteks viṇč i nemùist, kad es kùo gribu nùo viṇa dabût 'ta ei tee väljagi (nagu ei taha märgatagi), et ma tahan temalt midagi saada', i nemùist ùn tik gùļ 'ei kuule ega näe (mis ümberringi sünnib) ja muudkui magab'.

Sõnad mùistêt, mòistêt, mòistât on laenud lõunaeesti sõnast mõistma.

11. p i ķ e l ê̬ t

Svētciemsis kirja pandud tegusõna piķelêt eesliitega sa- tuletatud vormis sapiķelêt, mida harilikult kasuta-

takse väljendis ziụs sapikẹlet 'kalu soolama': sapikẹlec kuõpa, ka ne atplẹst 'nii kõvasti kokku surutud, et ei saagi lahti', on arvatavasti laen eesti keelest; vrd. piki (ka pikikivi, pikitriip jt.). Kui nii, siis sõna pikẹlẽt algtähendus läti keeles võiks olla 'tihedasti üht teise kõrvale ritta laduma'.

12. r e b e k u l i s , r e b e k u l e

Jeris on ühe rahvamängu nimetuseks rebekuls. Selle mängu juht käib ümber mängijate ringi kaigas käes, et märkamatult ühele mängust osavõtjatest kaigast üle anda. Ringis seisjad sel ajal loevad salmi: rebekule lapsa nãk, liẽlam vĩram siltum bũs 'rebekule rebane tuleb, suurele mehele soojust saab'. Kaika saaja peab enesest paremal pool seisjat lööma, löödu peab omakorda mängu juhi eest ära jooksma, et uuesti oma koha peale tagasi saada. Kui see ei õnnestu, hakkab kinnipüütu mängu juhiks. Ja jälle hüüavad mängijad: rebekule lapsa nãk ... Kirjeldatud mänguga sarnaseid mänge tuntakse Lätis mitmes kohas. Peaaegu kõikjal on selle nimetus harilikult rebasega seotud: lapsiṇas 'rebasekesed', lapsas raut 'rebaseid tõmbama', lapsiṇãs iet 'rebasekestele minema', lapsas dzĩt 'rebaseid ajama', kõige sagedamini nähtavasti lapsas aste 'rebase saba' (vt. ME II 422 ja Läti TA KKI Rahvaluule sektori rahvamängude kartoteeki; kartoteegis esineb küll selle mängu nimetustes mõnikord ka tuhkru nimetus, enamasti kujul seṣkaste 'tuhkrusaba'; võib ette tulla mõni muugi loomanimetus). Tundub, et rebase nimetus rebekule lapsa on tekkinud eesti reinuvader rebase mõjul, sest epiteet (nimisõnaline täiend) selles väljendis seisab vastava põhisõna ees: rebekule lapsa (läti keeles asetseb epiteediline lisand harilikult põhisõna järel). Otseseks laenuks eesti keelest võib pidada sõna rebekule algusosa rebe-< reba- < eesti rebane. Algusosale järgnev k on arvatavasti siirdehäälik (vrd. brāļi mani brikuleni BW 3857, 2 ja brāļi mani britelẽni BM 28605, 1) rütmi säilitamise mõttes uue silbi moodustamiseks. Sõnalõpu -ulis, -ule annab nimetusele pejoratiivse varjundi.

On võimalik, et sõna rebane on moonutatud kujul säilinud ka Mazsalacas kirja pandud salmis, mida loeti väikestele lastele: rabi, rabi, lapsa nāk, lapsài aste ālin̦ģī, 'rabi, rabi, rebane tuleb, rebasel saba jääaugus'.

13. s i k u l i s

Samuti nagu koera pärisnimi Krancis on muutunud üldnimeks krancis 'tõuta koer', on ka oina pärisnimi Mi̦kelis, enamasti vormides mikulis, mi̦kis, muutunud üldnimeks 'oinas' (vt. ME II 626)[4], näiteks Āzīti, Mi̦kelīti, Kur tu nēmi bārdi̦ņu? 'Oinakene, Mikukene, kust sa võtsid habemekese?' BW 2220, Āzīti, Mikulīti, Kur liki bārdi̦ņu? 'Oinakene, Mikukene, kuhu panid habemekese?' Jaunlaicenest BW 2221, 9. Sama laulu järgmises variandis Jaunrozest aga loeme: Sikuli, Mikuli, Kur liki bārdi̦ņu? 'Sikuke, Mikuke, kuhu panid habemekese?'

Sufiksiga -ul- tuletatud oinanimetuse sikulis juureks on nähtavasti sama tähendusega sõna sikk.

Sõnaga sikulis samasse pesakonda kuuluvad ka EH II 485 antud sikiņa 'ein Kosename für Schafe' Vecpiebalgast, Ērglist ja sikiņš 'ein Kosename für Lämmer (besonders von einem hübschen Lamm)' Ērglist, mida selles sõnaraamatus seostatakse ME III 837 antud nimisõnaga vokatiivvormis sikiņ! Zaubest, kus seda kasutatakse rabeleva lamba rahustussõnana sik! 'Zuruf an Ziegen' Jaungulbenest. Sõna sik! (küsimärgiga) esitatakse laenuna eesti sõnast sikk 'Ziegenbock' ja seotakse edasi hüüdsõnaga siga!, sika!, sigu!

Sõnade sikulis, sikiņš, sikiņa ja sik! lähtumises samast juursõnast pole mingit kahtlust. Ka sõna sigu! sugulus nendega on selge: sellest räägib ME III 836 antud seletus: "In Bauske beschwichtige man Zicklein mit dem Zuruf sigu,

[4] Vt. ka A. O z o l s , Latviešu tautasdziesmu valoda. Rīgā, 1961, lk. 71.

sigu, kazlēniņ!" Variandid siga! ja sika! on fikseeritud ainult rahvaluulest, kus tähendust pole selgesti väljendatud. Seetõttu leidub märksõna siga[I] tähenduse seletuse kohal küsimärk; puudub märkus, et need sõnad võiksid olla kuskilt laenatud.

Näib siiski, et sõnade sikulis, sikiņš, sikiņa, sik!, sigu! tähendus ja esinemus lubavad samasse perekonda paigutada ka ME siga[I] ja sika ning nende tähenduseks küsimärgi asemel anda umbes järgmise seletuse: 'hüüdsõna, millega rahustatakse või kutsutakse lammast, oinast (sikku?)'. Seda võib enam-vähem julgelt oletada ka seetõttu, et siga BW 29068 var. antud rahvalaulus Siga, siga, avenin, Nelec rozu dārziņā 'Siga, siga, oinakene, ära karga roosiaiakesse' on Lielvārdest - see on koht, kus on samuti täheldatud lätlaste ja läänemeresoomlaste kokkupuuteid. Teise variandi Sika bika, avenin, N'ej krūmiņā maliņā 'Sika bika, oinakene, ära mine põõsakese juurde' BW 29068, 2 esinemiskoht pole kahjuks täpne.

Siinkohal peaks küll väitma, et ühtegi ME või EH antud sõna juurega sik-, sig- ei leidu V. Zepsi laias uurimuses läänemeresoome keelte laenudest läti keeles.[5] See seik lubab vist oletada, et V. Zeps ei pea neid sõnu laenudeks läänemeresoome keeltest.

14. u l̦ ę̄ n s , u l ę̄ n s

Ulatuslikust läti muinasjutukogust on pärit sõna ulens Valkast ME IV 298 tähenduses 'schwach', näiteks väljendites: gluži ulens 'päris rammetu' ulenās zāles 'rammetuse rohi'. Küsimärk sõna tähenduse juures näitab, et sõna on J. Endzelīnsile ja tema abilistele olnud tundmatu. Sõna ulęns on läti murdesõnade arhiivi sattunud kitsast piirkonnast - Valkast, Lugažist ja end. Liellugažist. Selle tähendus on 'rammetu - haiglaselt aeglane,

---

[5] Latvian and Finnic Linguistic Convergences by Valdis J. Zeps. Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series 9. Bloomington, 1962, lk. 184.

jõuetusest saamatu, mõne kahjustuse pärast toibumatu'. Nimetatud kohtades on see sõna viimase ajani vanema, osalt ka keskmise põlvkonna keeles üsna sagedane. Paar hiljem kirja pandud kasutusnäidet: es šùodìe ęsu pa'visàm uļęnc 'ma olen täna täiesti rammetu' Valka, viẽnc cãlĩc pa'visàm uļęnc, nez vai bûs dzîvâtãs 'üks kanapoeg on täiesti jõuetu, ei tea, kas temast saab elulooma' Liellugaži.

Näib, et omadussõna uļęns juurt uļ- võib seostada eesti keele sõnatüvega hulj- tegusõnades huljuma 'leise gehen', huljutama 'in leise, langsame Bewegung setzen', huljutus 'leises, langsames Bewegen' Wiedemann 1249, 1250. Foneetiliselt on selline sidumine võimalik, laenuvõimalust eesti keelest toetab ka läti uļ- ja eesti hulj- semantiline kokkulangevus.

Arvatavasti samasse pesakonda kuulub ka ME IV 297 Drustist fikseeritud uļęns 'unbegabt, ungeschickt': viņš jau pa'visam uļęns: nevar ne'kã ne apķert, ne padarĩt 'ta ju on täiesti saamatu (rammetu): ei saa millestki aru, ei jõua midagi teha'. Sõna uļęns kasutusnäide lubab ka siin põhitähendusena näha 'vaevaliselt, tasa liikuv'. Raskem on sõna uļęns ja ME järgi sellest sõltuvat sõna uļęns siduda sõnaga ullis[III], mida on kõrvutatud eesti sõnaga üll 'einfältig, dumm', samuti ka sõnaga uls, nagu seda tehakse ME IV 297.

L ü h e n d i d

BW = Latvju dainas I - VI. Kr. B a r o n a un H. W i s s e n d o r f f a izdotas. Jelgavā-Pēterburgā, 1894 - 1915; EH = J. E n d z e l Ī n s , E. H a u z e n b e r g a , Papildinājumi un labojumi K. Mülenbacha Latviešu valodas vārdnīcai I - II. Rīgā, 1934 - 1946; EO = = Etymologische Untersuchung über estnische Ortsnamen von Lauri K e t t u n e n . Helsinki, 1955; LV = Akadēmiķis

J. E n d z e l Ī n s , Latvijas PSR vietvārdi. I daļa. 1. sējums. A - J. Rīgā, 1956; 2. sējums. K - Ō. Rīgā. 1961; ME = K. M ü l e n b a c h a Latviešu valodas vārdnīca I - IV. Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. E n d z e l Ī n s . Rīgā, 1923 - 1932; Mäger = = M. M ä g e r , Eesti linnunimetused. Tallinn, 1967; Wiedemann = Ferdinand Johann W i e d e m a n n . Eesti-saksa sõnaraamat. Neljas, muutmata trükk teisest, Jakob Hurda redigeeritud väljaandest. Tallinn, 1973.

С. Рагс
(Рига)

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Резюме

В этой статье сделана попытка объяснить происхождение некоторых диалектизмов латышского языка.

iẽma 'каприз, прихоть, упрямство' и др. < ? эст. himu 'охота'.

kā̃kaulis, kakaulis 'местное название одной из водоплавающих птиц' < ? эст. kaakaul, kalakull и под. 'то же'.

kuskad 'когда-то давно' первая часть kus- < эст. kus 'где'.

kus'kur̃rad 'где угодно, куда хочется и под.' < эст. выражения kus kurat! 'к черту! куда, черт, ..,!'.

ķe̍r̃na 'затвердевшая кожа, парша' < эст. kärn 'парша, короста'.

loñta 'льняная веревка, перевясло' и др. < эст. диал. lont 'веревка из пакли и др.'.

loñtrũzis, loñtrȁusis 'озорник, шалун и под.' < эст. lontrus 'болван'.

lor̃cis 'мокрый снег' и др. < эст. lõrts 'то же'.

macis 'крестьянин' < эст. mats 'то же'.

mùistêt и др. 'понять' < южноэст. mõistma 'уметь'.

pi̍ķelêt 'аккуратно складывать в ряд' < ? эст. piki 'вдоль'.

rebekulis 'название одной из народных игр' создано под влиянием слова эстонского языка rebane 'лиса'.

sikulis 'баранчик' < эст. sikk 'козел'.

ul̀ẹ̀ns 'бессильный, слабый' и др. < ? эст. huljuma 'медленно идти, двинуться' и др.

S. R a ǧ e
(Riga)

KLEINE ETYMOLOGIEN

Z u s a m m e n f a s s u n g

In diesem Aufsatz wird ein Versuch unternommen, den Ursprung einiger lokal benutzten, früher nicht bemerkten Dialektismen zu belegen.

imma 'Kaprize, Starrköpfigkeit' u. a. < ? estn. himu 'das Begehren, die Sucht, die Gier'.

kakaulis, kakaulis 'eine Wasservogelart' < ? estn. kaakaul, kalakull u. a. 'dasselbe'.

kuskad 'vor langem' erster Teil kus- < estn. kus 'wo'.

kus'kurrad 'wohin die Augen zeigen u. ähnl.' < estn. Aussage kus kurat! 'zum Teufel! wo, Teufel ...!'

kerna 'die Verdickung der Haut, der Grind' < estn. kärn 'der Grind, der Schorf, die Räude'.

lonta 'ein Art von Band, ein alter Strick' u. a. < estn. dial. lont 'hedene Schnur zum Binden des Flaches'.

lontrūzis, lontrausis 'ein Ausgelassener, ein Mutwilliger, ein Lümmel u. ähnl.' < est. lontrus 'der Lümmel'.

lorcis 'nasser Schnee' u. a. < estn. lörts 'dasselbe'.

macis 'der Bauer, der Tölpel' est. mats 'dasselbe'.

mùistêt u. a. 'verstehen , begreifen' < estn. mõistma 'verstehen, begreifen, fassen'.

pikelêt 'ordentlich stapeln, eines neben dem anderen setzen?' < ? estn. piki 'länge'.

rebekulis 'die Benennung eines Volksspieles' ist unter dem Einfluß des estn. rebane 'Fuchs' entstanden.

sikulis 'ein Kosename für Schaf oder Lamm' < estn. sikk 'der Ziegenbock'.

ulèns 'schwach, kraftlos, erschöpft' u. a. < ? estn. huljuma 'langsam gehen, sich langsam bewegen' u. a.

A. M. R o t
(Užgorod)

PROBLEME DER SPRACHKONTAKTE UND BESONDERHEITEN DER OSTSLAWISCHEN LEHNÜBERSETZUNGEN UND LEHNÜBERTRAGUNGEN IN DEN FINNISCH-UGRISCHEN SPRACHEN

Die Entwicklung der finnisch-ugrischen Sprachen vollzieht sich dank einem komplizierten Mechanismus zahlreicher innerlinguistischer und extralinguistischer Faktoren.[1]

Unter den extralinguistischen Faktoren, die die Wirkung anderer Faktoren bei der Entwicklung der finnisch-ugrischen Sprachen beeinflussen, darunter auch die interlinguistischen, spielen die Sprachkontakte eine grosse Rolle.[2]

Die Forschungen auf dem Gebiet der Sprachkontakte[3] (Interlinguistik[4], Wechselwirkung der Sprachen, intersprachliche Beziehungen; früher auch Sprachmischung[5]) beschäftigen immer mehr Sprachwissenschaftler. Und es ist mit großer Freude und Genugtuung festzustellen, daß zwischen den begeisternden Pionieren des Studiums der Sprachkontakte unsere weltberühmte Finnougristen P. Ariste und B. A. Serebrennikov gewesen sind. Die Forschungen der intersprachlichen Beziehungen sind heute das Zentralproblem der Linguistik.[6] Durch diese Forschungen sollen die Ausarbeitung der teoretischen Prinzipien der historisch-vergleichenden Lexikologie, der

---

[1] A. M. P o t, О движущих силах и закономерностях развития языка. - Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию "Основные проблемы эволюции языка" I. Самарканд, 1966, S. 42–48.

[2] A. M. R o t, A nyelvi kontaktusok kérdéseiről. - NyK LXXIV/1 1972, S. 49–70.

[3] Dieser Fachausdruck wurde von A. Martinet geprägt.

[4] O. J e s p e r s e n, A New Science: Interlinguistics. Cambridge, 1930.

[5] A. M. P o t, Венгерско-восточнославянские языковые контакты. Будапешт, 1973.

[6] Р. Я к о б с о н, Итоги Девятого конгресса лингвистов. - Новое в лингвистике IV. Москва, 1965, S. 581.

linguistischen Interferenz beschleunigt und in Zusammenarbeit mit den Historikern, Archäologen und Ethnographen die "weißen Flecken" der Urgeschichte der materiellen und geistigen Kultur Sprachträger ausgemerzt werden.[7]

Die Theorie der Sprachkontakte wurde in den letzten Jahrzehnten durch zahlreiche interessante Forschungen bereichert.[8]

Dennoch existieren in der Fachliteratur über die Fragen der Sprachkontakte nicht nur unterschiedliche, sondern manchmal sogar diametral entgegengesetzte Meinungen, was eigentlich unter dem Begriff "Sprachkontakte" zu verstehen sei, welche Sprachkontakttypen bestehen und wie sich die Dynamik ihrer linguistischen Interferenz[9] vollzieht. Unseres Erachtens soll das Studium der Sprachkontaktprobleme nicht auf die einfache Analyse des Bilinguismus eingeschränkt werden, wie es U. Weinreich[10], E. Haugen[11], W. J. Rosenzweig[12] u. a. vorgelegt haben, man kann sie mit den Vorstellungen des Substrats nicht gleichstellen.[13] Der Terminus "Sprachkontakte" sollte die ganze Mannigfaltigkeit der Sprachbeziehungen umfassen.

Um eine richtige Einschätzung der linguistischen In-

---

[7] О. С. Ахманова, В. В. Виноградов, В. В. Иванов, О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-исторической лексикологии. - Вопросы языкознания 1956, № 3.

[8] Darüber ausführlich in: A. M. Рот, Особенности взаимодействия языков и диалектов Карпатского ареала. Ужгород, 1973.

[9] Vgl. Г. І. Мелі к а, Лінгвістична інтерференція - процес чи результат? - Іноземна філологія 31. Львів, 1973, S. 157-159.

[10] U. Weinreich, Languages in Contact. New York, 1953.

[11] E. Haugen, Language Contact. - Proceedings of the 8th International Congress of Linguists. Oslo, 1958.

[12] В. Ю. Розенцвейг, Языковые контакты. Ленинград, 1972.

[13] Р. А. Будагов, Введение в науку о языке. Москва, 1958, S. 595; В. Н. Ярцева, Теория субстрата в истории языкознания. - Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР 9. Москва, 1956.

terferenz intersprachlicher Beziehungen geben zu können, soll der Status in Wechselwirkung stehender Sprachen in Betracht gezogen werden. Die Resultate der linguistischen Interferenz können mit einem Etalon verglichen werden. Das bedeutet aber nicht, daß wir an die vielseitigen intersprachlichen Beziehungen mit fertigen Schemata und Formeln herangehen dürfen. Ein tiefes Eindringen in das Wesen der Erscheinungen sprachlicher Kontakte, ein allseitiges Studium der Interferenzbesonderheiten auf verschiedenen Sprachebenen sind Voraussetzungen, die eine erfolgreiche Lösung der interlinguistischen Aufgaben sichern können.[14]

Da die intersprachlichen Beziehungen in der Hierarchie der extralinguistischen Sprachentwicklungsfaktoren eine besondere Stelle einnehmen, die Einheit der innersprachlichen Faktoren in der Rezeptorsprache sprengen und damit auch unmittelbar die Zweckmäßigkeitsprinzipen ihrer Entwicklung[15] bewirken, muß die Klassifikation der Sprachkontakttypen von bestimmten extralinguistischen Kriterien ausgehen, zu denen auch interlinguistische Kriterien einbezogen werden sollen.[16]

Extralinguistische Kriterien, die uns helfen die intersprachlichen Beziehungen zu lokalisieren, oder bestimmte interlinguistische Beziehungen zwischen territorial nicht benachbarten Sprachen, Dialekten und Mundarten festzustellen, ermöglichen uns auch die Sprachkontakte in innere und äußere einzuteilen.[17]

Die inneren Sprachkontakte können a) marginal; b) interaregional sein.[18]

Die äußeren Sprachkontakte sind nichtmarginal.[19]

---

[14] А. М. Рот, Особенности взаимодействия языков и диалектов Карпатского ареала. Ужгород, 1973, S. 3-14.

[15] Die Zweckmäßigkeitsprinzipien der Sprachentwicklung wurden von der Vertretern der Prager Linguistischen Schule formuliert.

[16] Ю. О. Жлуктенко, Мовні контакти. Київ, 1966, S. 6-8.

[17] Б. А. Серебренников, О взаимодействии языков (Проблема субстрата).- Вопросы языкознания 1955, № 1.

[18] Е. В. Опельбаум, Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. Киев, 1971, S. 16-18.

[19] Ebenda, S. 20-21.

Die extralinguistischen Kriterien helfen dem Forscher, die Dauer und die Intensität der intersprachlichen Beziehungen festzustellen. Wir unterscheiden a) permanente Sprachkontakte, die dauerhafte intensive Beziehungen zwischen verschiedenen Sprachen, Dialekten und Mundarten kennzeichnen. Unsere Untersuchungen der finnisch-ugrisch - ostslawischen intersprachlichen Beziehungen[20], sowie der Sprach-, Dialekt- und Mundartkontakte in Mittel- und Südosteuropa[21] haben ergeben, daß bei genetisch nichtverwandten, strukturell unähnlichen Sprachen, Dialekten und Mundarten schon nach 10 - 15 Jahren intensiver Beziehungen die Kontakte als permanente betrachtet werden können; b) kausale Sprachkontakte, d. h. zufällige und zeitlich begrenzte Sprach-, Dialekt- und Mundartbeziehungen.[22]

Wesentlich in der Interlinguistik sind die Unterschiede zwischen a) natuürlichen Kontakten; b) künstlichen Kontakten.[23]

Doch die extralinguistischen Kriterien geben uns noch keine Möglichkeit, in dem Laboratorium der interlinguistischen Beziehungen die Besonderheiten des Spracheinflusses oder des "Kontaktmechanismus"[24] zu erklären und die Dynamik der linguistischen Interferenz bzw. ihre Typen zu beschreiben. Hierfür sind die innerlinguistischen Kriterien erforderlich. Diese sind aber noch nicht genügend festgelegt. Deswegen gibt es auch in der Fachliteratur so viele

---

[20] О. М. Рот, Проблеми інтерлінгвістики і фінно-угорсько-східнослов'янські мовні контакти найдавнішого періоду. - Мовознавство 1971, № 4.

[21] А. М. Рот, Особенности взаимодействия языков и диалектов Карпатского ареала. Ужгород, 1973.

[22] Ю. О. Жлуктенко, Мовні контакти, Київ, 1966, S. 7.; Е. В. Опельбаум, Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. Киев, 1971, S. 17.

[23] Ю. О. Жлуктенко, Мовні контакти, ...S. 9.

[24] В. Ю. Розенцвейг, "Влияние" или "механизм контактов"? - Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов (Бухарест, 28 VIII - 2 IX 1967). Москва, 1967, S. 123-126.

Auseinandersetzung zu diesem Problem. Diametral entgegengesetzte Meinungen und Schlußfolgerungen bestehen insbesondere über die Dynamik der linguistischen Interferenz und die Tiefe der eindrungenden fremden Elemente in die Struktur der verschiedenen Sprachen, Dialekte und Mundarten.[25]

In ihrer Mehrheit beziehen sich diese Schlußfolgerungen auf geringes, verstreutes Material der linguistischen Interferenz zwischen indoeuropäischen Sprachen, Dialekten und Mundarten; ohne die interlinguistischen Verhältnisse zu berücksichtigen, handelt es sich um a) nicht verwandte Sprachen, Dialekte und Mundarten; b) verwandte Sprachen, Dialekte und Mundarten, aber mit wesentlich unterschiedlichem grammatikalischem Aufbau und Wortbestand; c) nahe verwandte Sprachen, Dialekte und Mundarten, die große strukturelle Ähnlichkeit und eine beträchtliche Anzahl allgemeiner Stammwörter aufweisen.[26]

Die Sprachkontakttypen unterliegen jedoch keiner universalen Klassifikation. Man kann nicht mit Sicherheit die Dynamik der linguistischen Interferenz bei diesem oder jenem Typ der sprachlichen Kontakte projizieren oder anhand der Ergebnisse der Kontakte eine absolute Retrospektion aufbauen und sagen, von welchem Typus interlinguistischer Beziehungen sie abstammen.[27] Einerseits sind die Beziehungen der Sprachentwicklungsfaktoren mannigfaltig, anderseits haben die strukturellen Besonderheiten der im Kontakt stehenden Sprachsysteme einen verschiedenen Status. Doch diese Fragen dürfen nicht ungelöst bleiben. Konkrete Forschungen der linguistischen Interferenz, die auf "Feldarbeiten" beruhen und Erscheinungen verschiedener Sprachbeiziehungen in Betracht ziehen, können unserer Meinung nach zur richtigen Lösung der wichtigen Aufgaben der Interlinguistik führen.

---

[25] Vgl. die Meinungen von P. Ariste, W. D. Whitney, K. Stegmann von Pritzwald, A. Dauzat, A. Meillet, E. Sapir, H. Schuchardt, C. E. Bazel, Al. Rosetti, E. Petrovici, A. Sauvageot, U. Weinreich, B. A. Serebrennikov, J. M. Werestschagin, Gy. Décsy, J. Juhász, G. M. Kert, W. Slobina u. a.; ausführlich darüber in A. M. R o t , A nyelvi kontaktusok kérdéseiről, S. 49-70.

[26] Ebenda.

[27] Ebenda.

In der letzten Zeit beschäftigt man sich ernsthaft mit diesem Problem in den vielnationalen Staaten, insbesondere in der UdSSR, wo dem Marxschen Gedanken "eine Nation soll und kann von der andern lernen"[28], Geltung verschafft wird und wo die Sprachbeziehungen von mehr als 130 Nationen und Völkerschaften eine Mannigfaltigkeit an linguistischen Interferenz zustande gebracht haben.[29]

Von großer Bedeutung für die Theorie der Sprachkontakte und der linguistischen Interferenz kann die Forschung der mehr als 12 Jahrhunderte lang andauernden finnisch-ugrisch - ostslawischen Sprachbeziehungen[30] sein, die von verschiedenen Kontakttypen - a) inneren (marginalen, z. B. die urostseefinnisch - altrussischen Sprachkontakte; intraregionalen, z. B. die udmurtisch - russischen intersprachlichen Beziehungen; mit verschiedenen Abarten von subordinativen und koordinativen Bilinguismus); b) äußeren (nichtmarginalen, z. B. die ungarisch - russischen Sprachkontakte). Dank den gedankenanregenden Arbeiten unseres Jubilars, Prof. P. Ariste, sowie den Aufsätzen von D. W. Bubrich, J. O. Dzendzeliwskij, J. Erödi, A. P. Feoktistow, J. Kalima, B. Kálmán, W. Kiparski, W. I. Lytkin, P. M. Lisanec, E. Martins, G. I. Melika, A. A. Mokány, A. I. Popow, K. Rédei, A. A. Sawatkowa, I. W. Salo, D. N. Schmeljowa, W. Veenker u. a. wurde auf diesem Gebiet viel geschafft.

Die meisten Forscher haben die Wirkung des finnisch-ugrisch - ostslawischen "Kontaktmechanismus" hauptsächlich auf der lexischen Ebene studiert und eine Anzahl von ost-

---

[28] K. M a r x , Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Moskau, 1932, Vorwort zur ersten Auflage, S. 7.

[29] І. К. Б і л о д і д, Розвиток мов соціалістичних націй СРСР. Київ, 1967, S. 41; Ю. Д. Д е ш е р и е в, Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. Москва, 1966; Ю. Д. Д е ш е р и е в, И. Ф. П р о т ч е н к о, Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. Москва, 1968.

[30] А. М. Р о т, Венгерско-восточнославянские языковые контакты. Будапешт, 1973, S. 161-457.; А. М. Р о т, Проблеми інтерлінгвістики і фінно-угорсько-східнослов'янські мовні контакти найдавнішого періоду. - Мовознавство 1971, № 4.

slawischen Entlehnungen und Eindringungen[31] in den einzelnen finnisch-ugrischen Sprachen festgelegt.[32]

Die komplexe Etymologisierung wie die Assimilationskonstruierung dieser Ostslawismen, insbesondere deren, die von der nördlichen Dialektengruppe des Altrussischen (z.B. est. sääs (Gen. sääsa) < altr. сѣ(д)жа; wot. sūkkuna < altr. сукъно; fin. kuontalo < altr. кудель; kar. joakkeŕi < altr. якорь; fin. taltta < altr. долото; kar. kuosali < altr. кужель; ostfin. kuuria < altr. курить (спирт); liw. snuappu < altr. снопъ (aus Gen. снопа); fin. naatti, kar. noatti < altr. нать (vgl. russ. натина картофелй ; kar. rieppo < altr. рѣпа; fin. lääva < altr. хлѣвъ; kar. sīttā < altr. сито; fin. kartta < altr. корыто; kar. voasa ~ voašša < altr. квасъ; ostfin. luota < altr. блюдо; fin. kaatio < altr. гать ~ гачи; fin. saapas, kar. soappoa < altr. сапогъ; est. värb, fin. varpu(nen) < altr. вороб(ий) ~ воробинъ; fin. raamattu 'Bibel', est. raamat < altr. грамота; ostfin. tuuhu < altr. духъ; kar. zoakkun, ostfin. saakkuna ~ sakkuna < altr. законъ; fin. saali, kar. žoali < altr. жаль; ostfin. kuoma < altr. кума u. a. (sowie aus der südlichen Dialektengruppe des Altrussischen), z. B. ung. szégye ~ szegye < altr. сѣ(д)жа; ung. tanya < altr. тоня (< топ+ня); ung. zsír < altr. жиръ; ung. ikra < altr. икра; ung. pelyva ~ polyva < altr. пелева ~ полова; ung. borona < altr. борона; ung. széna ~ szina < alt. сѣно; ung. parlag < altr. перѣлогъ; ung. verēb < altr. вереб(ий); ung. karácsony < altr. корочюнъ; ung. szereda ~ szerda < altr. середа u. a.) in den VII.-XI. Jh. entlehnt worden sind, ist für die historische Lexikologie, diachronische Phonologie und Dialektologie der finnisch-ugrischen, wie auch der ostslawischen Sprachen von großer Bedeutung.[33]

---

[31] В. В. Мартынов, Славянско-германское лексическое взаимодействие древней эпохи. Минск, 1953, S. 30.

[32] Ausführlicher in: O. M. Rot, Проблеми інтерлінгвістики і фінно-угорсько-східнослов'янські мовні контакти найдавнішого періоду, S. 16-27.

[33] Solche Bedeutung hat auch das Studium der Finnougrismen in den ostslawischen Sprachen, das von P. Ariste, J. O. Dzendzelivskij, W. I. Dobosch, P. P. Čučka, P. M. Lizanec, A. A. Mokány, W. I. Oros, I. W. Salo u. a. durchgeführt worden ist.

Aber die linguistische Interferenz des finnisch-ugrisch - ostslawischen "Kontaktmechanismus" hat sich dank der auf lexischer Ebene der Rezeptorsprachen hervorgerufenen "Kettenreaktion" auch in ihren übrigen Sprachuntersystemen (manchmal sogar an der morphologischen Ebene) geltend gemacht.[34] Oft hat sich die linguistische Interferenz dieses "Kontaktmechanismus", sogar auf der lexischen Ebene der Rezeptorsprache diskret vollzogen, was ihre Forschung erschwert.

Auf der lexischen Ebene der finnisch-ugrischen Sprachen wird diese diskrete linguistische Interferenz auch durch ostslawische Lehnübersetzungen und Lehnübertragungen manifestiert. Sie sind aber bis in die letzte Zeit nur sehr gering erforscht worden.

Die Lehnübersetzungs- und Lehnübertragungstheorie, deren Entwicklung mit den Namen von P. Ariste, W. I. Abajew, P. Alvre, Ch. Bally, W. Betz, I. K. Bilodjid, P. Bugát, L. A. Bulachowskij, I. G. Campre, E. Hexendorf, J. Lotz, E. Martins, A. J. Matwejew, F. Mauthner, P. Papahagi E. Petrovici, L. A. Ponomarenko, K. Sandfeld, E. Sapir, L. W. Stscherba, L. Tamás, B. O. Unbegaun u. an. verbunden ist, steht in den letzten Jahren im Mittelpunkt der Forscher.

Das Studium einer bedeutenden in lexisch-semantische Mikrostrukturen gruppierten Anzahl (mehr als 8500) von ostslawischen Lehnübersetzungen und Lehnübertragungen in den finnisch-ugrischen Sprachen gab uns die Möglichkeit, die allgemeine Lehnübersetzungs- und Lehnübertragungstheorie mit neuen Schlußfolgerungen zu bereichern. Wir haben die ostslawischen Lehnübersetzungen und Lehnübertragungen der finnisch-ugrischen Sprachen analysiert a) vom Standpunkt der intersprachlichen Beziehungen und der diskreten linguistischen Interferenz; b) vom Standpunkt der linguistischen Prozesse der lexischen Nomination.

Diese beiden Aspekte sind miteinander verbunden.

Unsere Analyse hat gezeigt, daß die diskrete linguistische Interferenz des finnisch-ugrisch - ostslawischen "Kontaktmechanismus" an der lexischen Ebene der finnisch-

---

[34] A. M. Р о т, Венгерско-восточнославянские языковые контакты, S. 363-419.

ugrischen Sprachen manifestiert sich in der Form von a) strukturell-semantischen Lehnübersetzungen (z. B. est. täitevkomitee < russ. исполнительный комитет; finn. sosialistinen rakennustyö < russ. социалистическое строительство; mokscha-mord. ингольдень вал < russ. предисловие; komi-syrj. шом чеплялан < russ. угольные щипцы; komi-perm. сёрӥи тор < russ. часть речи; udm. азьмынӟьсь < russ. передовик; mans. товалттанкве < russ. выполнить (план); ung. űrhajó < russ. космический корабль u. a. - von 36 bis 58 % der lexischen Ostslawismen); b) semantischen Lehnübertragungen (z. B. est. agiteerima < russ. агитировать; finn. neuvosto < russ. совет; wot. pesä < russ. гнездо; izor. havaiDa < russ. пробудиться; liw. pē < russ. голова; mar. рывыж < russ. лиса; ers.-mord. рисьме < russ. цепь; komi-perm. дорӧны < russ. защищать, mans. юрт < russ. товарищ; ung. pártosság < russ. партийность (alle als politische Termini) u. a. - von 23 bis 39 % der lexischen Ostslawismen); c) Hybridlehnübersetzungen und Abbreviaturen (z. B. mar. ялькор < russ. селькор; chant. комсомол < russ. комсомол; mans. колхоз < russ. колхоз; ung. kolhozelnök < russ. председатель колхоза u. a. - von 4 bis 11 % der lexischen Ostslawismen).

Wir haben beobachtet, daß die finnisch-ugrischen Sprachen bei der Bildung der lexischen strukturell-semantischen Lehnübersetzungen bestrebt sind, möglichst genauer die Struktur und die Semantik des ostslawischen Prototyps zu übersetzen. Da die im Kontakt stehenden finnisch-ugrischen und ostslawischen Sprachen genealogisch nicht verwandt und strukturell-typologisch unähnlich sind, kann die Stufe dieser Genauigkeit, d. h. Adäquation der Übersetzung verschieden sein. Wir waren bemüht festzulegen, auf welche Art und Weise die finnisch-ugrischen Sprachen die Struktur des ostslawischen Prototyps übersetzen. Sie sind eigentlich Ergebnisse des "Kampfes" im Prozeß der Lehnübersetzung zwischen dem Bestreben der finnisch-ugrischen Sprachen, möglichst vollkomen und genau die Struktur des ostslawischen Prototyps zu übersetzen, und der Tendenz, diese Übersetzung an die durch die Normen der lexischen Nomination niedergelegten Strukturen der Rezeptor-

sprache anzupassen. Das alles hilft den Lehnübersetzungen, die höchste Adäquation des Prototyps zu erreichen und zu realisieren.

Im Prozeß der semantischen Lehnübertragung werden den finnisch-ugrischen lexischen Elementen, dank der diskreten linguistischen Interferenz, aus dem ostslawischen Prototyp neue Bedeutungen verliehen (z. B. ung. levél < ukr. лист 'Brief'), die von den Kernbedeutungen der Rezeptorsprache im verschiedenen Grad abweichen. Wir haben beobachtet, daß sich die ein semantisches Konglomerat bildende Sinnstruktur der finnisch-ugrischen lexischen Elemente, dank der Einwirkung des ostslawischen Prototyps differenziert und in unterschiedliche Begriffe übergeht. Die Bedeutungsumwandlungen der lexischen Elemente in der Rezeptorsprache sind wie im ostslawischen Prototyp. Aber die finnisch-ugrischen Sprachen verwirklichen diese Bedeutungsumwandlungen viel schneller als die ostslawischen Prototypsprachen.

Die ostslawischen Lehnübersetzungen und Lehnübertragungen in den finnisch-ugrischen Sprachen, die dank der diskreten linguistischen Interferenz entstanden sind, wurden nach Akkommodation und Adaptation von den Rezeptorsprachen assimiliert. In den finnisch-ugrischen Sprachen haben sie nur eine sehr geringe "Kettenreaktion" auf der syntaktischen Ebene hervorgerufen.

А.М. Р о т
(Ужгород)

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ И ОСОБЕННОСТИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ КАЛЕК В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

Р е з ю м е

Наши изыскания показали, что широкое толкование понятия "языковые контакты" полнее всего отражает многообразие а) внутренних (маргинальных и интрарегиональных); б) внешних (не маргинальных, пограничных); в) каузальных; г) перманентных; д) естественных; е) искусственных межъязыковых отношений. Для теории интерлингвистики большое значение имеет изучение "механизма контактов" и их лингвистической интерференции свыше 12 векового взаимодействия финно-угорских и восточнославянских языков. Лингвистическая интерференция этих контактов проявляется на разных языковых уровнях как финно-угорских, так и восточнославянских языков и, в первую очередь, на их лексическом уровне, в том числе дискретно, в виде лексических калек. Нами выявлено в финно-угорских языках и проанализировано свыше 8.500 лексических калек, имеющих своим историческим источником заимствования восточнославянские языки. С лингвистической точки зрения исследуемые лексические кальки делятся на а) структурно-семантические; б) семантические; в) гибридные (полукальки). Мы изучили процесс лексического калькирования в финно-угорских языках с точки зрения структурно-семантической и семантической интерференции, а также особенностей лексической номинации языков-рецепторов. Мы стремились общую теорию лексического калькирования обогатить новыми выводами, положениями.

T. S e i l e n t h a l
(Tartu)

ANDRUS SAARESTE KEELEFILOSOOFILISTEST VAADETEST

A. Saareste keelealases tegevuses on erilisel kohal keelefilosoofiliste probleemide lahkamine ja tutvustamine Eesti haritlaskonnale. Et A. Saareste on üks väheseid Eesti lingviste, kes üldse on keelefilosoofiliste probleemidega tegelnud, peaks olema õigustatud tema seisukohtade lähem tutvustamine tollest perioodist, mil ta töötas Tartu ülikooli professorina.

Seoses Eestis 1922. a. alanud laialdase murdeainestiku kogumisega on Saareste järgmiselt põhjendanud keeleteoreetiliste vaatluste vajalikkust (Akadeemilise Emakeele Seltsi aastakoosolekul 1926. a.):

"Et aga rahuldust leida endi töös ka praegu, kus me puid alles metsas valime, neid raiume ja langetame, saeme ja tahume, peame pilgud pöörama kaugemale ilma, et näha, mis seal, kus mustem töö juba enam-vähem seljataga, neist pakkudest, laudadest ja palkidest lõpuks siis valmistatakse."[1]

A. Saareste ise esines korduvalt Akadeemilise Emakeele Seltsi koosolekutel, ajakirjas "Looming" ja mujal ülevaadetega tolleaegse keeleteooria uusimatest seisukohtadest. Keskse kohal seisavad neis arutlused keele olemusest ja keele seosest mõtlemisega.

Keelt on A. Saareste määratlenud järgmiselt: "Keel ... on teatavasti psühhofüüsiline tegevus, mis eriliselt omane inimsoole ja mis oskuse kõrval tarvitada esemeid (tööriistu, kaitsevahendeid, kehakatteid jne.) on nimelt selleks oraduseks, mis inimest eraldab loomast ... Nimelt suu-

[1] A. S a a r e s t e , Vooludest ja liikumistest praeguses keeleteaduses. - Eesti keel 1926, nr. 1 - 2, lk. 2.

dab elajate "kõnend" avaldada ainult tundeid ja aistinguid, kuna inimkõnend[2] on võimeline edasi andma peale nende ka mõisteid."[3]

"Keel on teatavasti oma olemuselt peamiselt ühiskondlik nähtus, vahend, mille abil oleme vaimses ühenduses omasarnastega, vahend, millega me kaasinimestele oma vaimset sisu teadustame ja väljendame. Et ennast mõistetavaks teha, peame seda sisu avaldama sääraste märkide varal, mis on teistele inimestele mõistetavad. Kõneldes me peame kogu aeg arvestama vastaspoolt. Kui inimene poleks sotsiaalne olend, kui puuduks perekond ja üldse ühiskond, kui inimene, nagu mitmed loomad, elaks harilikult omaette ja üksi "nagu jumala puu", siis ta keelt ka ei vajaks."[4] Keele varal säilivad ja antakse põlvest põlve edasi inimsoo kogemused ja teadmised, s. o. kultuur.[5]

Keele kui inimsoole spetsiifiliselt omase fenomeni suhtes resoneerivad Saareste seisukohad marksismi seisukohtadega.[6]

Keele sotsiaalse determineerituse osas arvab Saareste järgmist: "... inimkeel on see vahend, mille abil algeline intelligents on arenenud kõrgemaks intelligentsiks, mida lõpuks kroonib teaduslik mõtlemine. See inimkõnend on ühtlasi ka selleks peegliks, milles kogu inimmõistuse areng kajastub."[7]

Samas väidab Saareste õigesti, et keele arenemine "on sündinud rööbiti inimese mõistuse arenguga, see võime on saanud ühtlasi kogu inimvaimu arengu tunnuseks, selle arengu taseme peegelduseks ja ühtlasi selle arengu teguriks."[8]

---

[2] A. Saareste eristab, toetudes F. de Saussure'ile, termineid k e e l (langue), kõne (parole) ja k õ n e n d (langage).

[3] A. S a a r e s t e , Keele osast vaimu arengus. - Akadeemia 1939, nr. 8, lk. 3.

[4] A. S a a r e s t e , Isiksus ja keel. - Eesti Üliõpilaste Seltsi Album XI. Tartu, 1940, lk. 1.

[5] A. S a a r e s t e , Keele osast vaimu arengus, lk. 6.

[6] Vt. eriti F. E n g e l s , Looduse dialektika, Tallinn, 1962, lk. 127 - 128.

[7] A. S a a r e s t e , Keele osast vaimu arengus, lk. 4.

[8] Sealsamas, lk. 3

Kuid toetudes P. Janet'le väidab Saareste, et keele kaudu on arenenud niisugused põhimõisted, nagu kvantiteet, aeg, ühiskondlikud vahekorrad. ("Sõna on saanud selleks "korviks" (panier), kuhu me üksikuid asju kogume ... näit. üksikuid puid, üksikuid puuliike üldistame, abstraheerime üldmõisteks puu ...").[9] Ka arvu mõiste on välja kujunenud tänu artikuleeritud kõnele.[10] Saareste leiab: "... ühiskondlik elu inimeste vahel võis hakata kõrgemale arenema alles siis, kui inimene leiutas märgid ja sümbolid, s. o. keele, millega oma soove ja oma tahet ning käskusid omasarnastele edasi anda, millega ennast teistele teatada."[11]

Esitatud tsitaatides ilmneb Saareste idealistlik arusaamine keele tekke probleemist (vrd. seisukohti, et inimene leiutas keele, et abstraktsioonid tekivad tänu keelele jms.), ta ei mõista ühiskondlikku praktikat kui keele ja mõistete tekke tõelist alust. Marksistliku keelefilosoofia põhiline ja printsipiaalne seisukoht on, et "tegelik elu" määrab ära keele, ei keel ega mõtted moodusta omaette riiki, vaid on tegelikkuse ilminguiks. Ühiskondliku praktika primaati keele tekkes on Marx ja Engels mitmetes teostes korduvalt rõhutanud, näiteks "Saksa ideoloogias", "Anti-Dühringis" jm.[12]

Läbi aegade üldkeeleteaduse põhiprobleemiks olevat keele ja mõtlemise vahekorda käsitledes esitab A. Saareste tollal uudseid Leo Weisgerberi seisukohti. Teatavasti väidab L. Weisgerber, et inimene jääb kogu eluks oma emakeele võimupiirkonda, tõeliselt mõtleb tema eest tema emakeel.

Nende vaadetega polemiseerides kirjutab Saareste: "On küll juhtumeid, kus keelendeis ehk kajastub vastava rahva mõtte- ja tundelaadi, nii vahest näit. osa- ja täissihitise eraldamises eesti keeles, ... rahvustele eriomastes

---

[9] A. S a a r e s t e, Keele osast vaimu arengus, lk. 3-4.

[10] Sealsamas, lk. 4.

[11] Sealsamas.

[12] К. М а р к с, Ф. Э н г е л ь с, Немецкая идеология. - Сочинения 3, lk. 25, 29, 499; F. E n g e l s, Anti-Dühring. Härra Eugen Dühringi poolt teaduses teostatud pööre. Tallinn, 1954, lk. 35-36.

mõistenimetustes, nagu eesti oht (poisikese ohtu, selle vastu pole ohtu), ... asja eest teist takka, ... ingl gentleman, humour, sport, ... mis on teatavasti raskesti tõlgitavad. ... Kuid enamik iga keele sõnavarast on siiski vabalt ja päris täpselt tõlgitav, sest muidu oleksid ju sõnaraamatud vaevalt mõeldavad. Suurem osa keeltele omaseid erijooni on siiski faktid, mis kuidagi ei anna seletada erisuguste vaimuilmadega ... Kas tõesti käsitleb lõunaeestlane näo pesemist teisiti, kui ta ütleb suud mõskma, kuna põhjaeestlane lausub silmi pesema? ... märgid on küll väga lahkuminevad (mis faktid on erisuguste arenemistega seletatavad), kuid nad annavad edasi samu sisusid, vähemalt mis intellektuaalsematesse sisudesse, mõistetesse puutub. Vahed on nii-öelda enam t e k s t i s kui k o n t e k s t i s ... Kõrgemalt mida keeles võib leida, on eri rahvuste v a i m u i l m a ü k s i k u i d k a j a s t u s i või j ä l g i nende kaugete e s i v a n e m a t e e r i l a a d s e i s t k u j u t e l m a d e s t ."[13]

A. Saareste kriitikat iseloomustab mõningane ühekülgsus. Väiksem viga on see, et kuigi Saareste tunnustab keele teatud mõju mõtlemisele ja leiab, et Weisgerber ületähtsustab keele osa mõtlemises, ei esita Saareste ise kindlat väidet, missugusel määral toimib antud nähtus. (Weisgerberi, Sapir-Whorfi jt. teooriate kriitika samalaadsele puudulikkusele kaasaegsetel nõukogude autoritel on tähelepanu juhtinud J. Rebane.[14])

Kriitikaks ei piisa ilmselt gnoseoloogilisest seisukohast, et tunnetus on objektile lähenemise lõputu protsess, mis on igal antud momendil suhteliselt adekvaatne objektiga, ja et adekvaatsuse aste selgub inimese praktilistes suhetes objektiga. Katse tunnistada keelelise mõtlemise erinevused eri rahvastel mõttetegevuse praktika seisukohast mitteolulisteks ei anna tulemusi, sest küsi-

---

[13] A. S a a r e s t e, Keele osast vaimu arengus, lk. 9-11.

[14] Я. К. Р е б а н е, О влиянии языка на категориальную структуру мышления. – Труды по философии XI. Tartu, 1968, lk. 55.

mus keelelise mõtlemise (mis teostub alati mingis konkreetses keeles) invariantsest sisust - s. o. ta objektiivsusest - jääb vastuseta. Kuid ainult keelelise mõtlemise invariantsuse puhul on võimalik tekstide tõlkimine kõigist keeltest kõigisse keeltesse, iga konkreetse keele suhtelisus väljendub aga tema semantika omapäras. Keelelised väljendusvahendid on küll teatud määral ühekülgsed, ei hõlma objektiivset tähendust täielikult, ent keele suhtelisus ületatakse kõne abil. Kõne peab suutma "mõtelda" asjadest, mis ei peegeldu või peegelduvad osaliselt keeleelementide (sõnade, fraseologismide, grammatiliste vormide) semantikas. Kõne ületab need piirid, luues uusi situatiivselt ja kontekstuaalselt tingitud kõnelõikude tähendusi, milles ka sõnade fikseerunud tähendused muutuvad labiilseiks.

Olulisem viga A. Saareste kriitikas on aga see, et ta ei suuda näha seda peamist, millest sõltuvad mõlemad, nii keel kui ka mõtlemine - ühiskondlikku praktikat.[15]

Õigesti leiab aga A. Saareste, et keel ja mõtlemine on lahutamatud protsessid: "... pole olemas "puhast" mõtlemist, mõtlemist ilma millegi konkreetseta, mõtlemist, mis ei tugineks mingeil esemeil. Mõtlemiseks on vajaline teadvus asjadest ja nende suhteist, muidugi sel teel, et need esemed või kujutlused esemeist avalduvad sümboleis, märkides, skeemides, teatavais vormelites, olgu need keelelised või matemaatilised. Ühesõnaga, mõtlemine vajab väljenduslikkude märkide süsteemi, m õ t e v a j a b k õ n e n d i t ... oluliselt nad mõlemad on teineteisest tingitud, mõte soetab kõnendit ja kõnend kujundab mõtet."[16]

Eelesitatut kokku võttes võime tõdeda, et A. Saareste vaated keele olemusele ja tekkimisele kalduvad idealismi. Sellele vaatamata esitab ta mitmeidki paikapidavaid väiteid ja seisukohti. Nii märgib ta keele ja mõtlemise lahutamatut seost,

---

[15] Selle kohta vrd. ka J. R e b a n e , Keele seosest mõtlemise loogikaga. Ühest keelefilosoofilisest hüpoteesist. - Keel ja Kirjandus 1967, nr. 4, lk. 210; В. И. А б а е в, Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка. - Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. Москва, 1970, lk. 252-256.

[16] A. S a a r e s t e , Keele osast vaimu arengus, lk. 11.

keelt kui inimsoole spetsiifiliselt omast nähtust, keelt kui inimkogemuste ja -kultuuri kandjat jne.

Hinnatav on ka A. Saareste kriitika (kuigi ühekülgne) L. Weisgerberi vaateile. Märkigem, et kriitika on avaldatud 3 aastat pärast L. Weisgerberi ettekandega tutvumist (L. Weisgerber esines ettekandega "Sprache und Begriffsbildung" IV rahvusvahelisel keeleteadlaste kongressil Kopenhaagenis 1936. a.).

A. Saareste vaated on tihti esitatud vaid teiste autorite arvamuste kaudu, nii et juhul, kui ta pole esitanud vastuväiteid, tuleb neid pidada ta endagi seisukohtadeks. Et Saareste ei esita vaadeldud artikleis omapoolseid lõpuni väljaarendatud seisukohti, vaid jääb n.-ö. poolele teele (need artiklid olid mõeldudki eeskätt antud probleemideringi tutvustusena Eesti lugejale), on raskendatud - ja oleks ehk A. Saareste suhtes ebaõigegi - tema vaadete üksikasjalisem, detailne kriitika. Pole aga kahtlust, et kirjutamise ajal püstitatud eesmärgi - laiemast aspektist keeleküsimusi tutvustada - need artiklid ilmudes täitsid.

Samuti on suur väärtus nendel Saareste uurimustel, milles ta eesti keelematerjalile toetudes käsitleb keelefilosoofilisi üksikküsimusi. Nii näiteks on artikkel "Isiksus ja keel" pühendatud kõne ja keele, s. o. okasionaalse ja usuaalse vahekordadele. A. Saareste on järgmisel seisukohal: " ... keeltes toimunud paljudegi häälikuliste, vormiliste, tähenduslikkude, sõnavaraliste ja lauseehituslikkude muutuste algupära võib otsida üksikute indiviidide keelelistest komistustest, nende paljuhurjutatud keelevigadest, nende isiklikust stiilist ja teadvuseta loomingust. Kui meie keel oleks täielikult normitud, kui kõik kõneleksid täpselt samasugust, n.ü. "korralikku" keelt, kui õpetus koolides pääseks (mille eest taevas meid hoidku!) nii kaugele, et keegi meist enam keelevigu ei teeks, siis keel ju enam ei muutuks, poleks enam olemas keelelist arengut ega edu, siis kogu keeleelu tarduks, sureks, kõngeks. Muidugi paljudegi keeleliste vääratuste, "vigade", normist kõrvale kaldumiste ja loominguaktide põhjused peituvad keeles endas, neid teostavad keelelise ühiskonna mitmed liikmed korraga, nad on n.ü. keelelised "üldpahed" ehk "tõved", ja

sel puhul meil pole tegu keelearengus monogeneesiga (üksiktekkimisega, vaid p o l ü g e n e e s i g a (eraldi- või lahustekkimisega."[17]

Illustreerides kõneilmingute muutumist keelenähtusteks vaatleb Saareste tundmusi kui üht keele arenemise mõjutajat: " ... afektiivne kõnend kuulub õieti k õ n e (parole, Gesprochenes) valdkonda. Teatud ühiskonnale normiks muutunud kõnend sotsiaalse instituudina, s. o. k e e l (langue, Sprache), - olgu kõnekeelena või kirjutatud keelena - kannab aga oluliselt intellektuaalset iseloomu. Arusaadav, et lingvistikale peamiselt tähtis on siin probleem, ... kuivõrra võiksid afektiivsele kõnendile omased erinevused saada lõpuks ka normiks, okasionaalne saada usuaalseks, individuaalne muutuda traditsiooniks, kuna ju teame, et keel ongi ju kõne, mis teatavale sotsiaalsele üksusele saanud on normiks. Et s õ n a v a r a s afektiivse iseloomuga keelend pikapeale oma tundelise iseloomu võib kaotada ja lõpuks neutraliseeruda, mõistuslikuks muutuda, on pikemata selge, kui vaatleme sõnu nagu: h a m m a s (balti laen, kõrvale tõrjunud genuiinse p i i), v ä g a (< x väen kansak), l a i s k , m a g u 'kõht', sm p u h u a 'kõnelda', k e k s i ä 'leiutada', t u t k i a 'uurida' jne."[18]

A. Saareste arvab, et suur osa meie laensõnadest, kui nad eesti keelde ei ole tulnud ühes uute mõistetega, on tarvitusele võetud afektiivse kõnestiili kaudu, näit. siva, pergel, plika, trimpama (« saksa trinken), kleenuke, tassima (≤ vn тащи-), tirima (< vn дери-), mehkeldama (< sks schmeicheln), tots (< vn дочь) jt. Sama tegur on ilmselt mõjutanud ka mitmete vanemate laenude omaksvõtmist, nagu tütar, kael, hammas, kord, laisk, märg, armas, kaunis, kaval, pajatama jne.[19]

---

[17] A. S a a r e s t e , Isiksus ja keel, lk. 3.

[18] A. S a a r e s t e , Tundmused tegurina keele arengus. - Eesti Keel 1937, nr. 3, lk. 168.

[19] Sealsamas, lk. 167-168.

Kõnenähtuse keelenormiks muutumisega, s. o. üksiku üldiseks muutumisega seoses pakub huvi ka A. Saareste artikkel "Hilinenud lastekeelest Eestis". Selles vaadeldakse Jäärja vallast pärit 10- ja 8-aastase lapse omaloodud keelt. Kõne all oleva erikeele sõnavara koosneb enamasti emakeele sõnade moonutistest, vähemal määral kõlajäljendustest; vormiehitus on lihtne ja kehv - nii noomeneil kui verbidel esineb ainult üks vorm; laused on holofrastilised.

A. Saareste esitab selles artiklis huvitava hüpoteesi põhjustest, miks Eesti keeleala jaguneb paljudeks üksteisest suhteliselt nii erinevateks murrakuteks: "Eestis varemail aegadel oli rahvastik nüüdsest veelgi hõredam, looduslikud tõkked olid veelgi tõhusamad, liikumise olud ja võimalused märksa raskemad, lastevanemate kodunt eemal (mõisas teol) viibimine hoopis sagedasem ja pikaajalisem, koolide mõju pisem või üldse puuduv ja seega laste kõne õiendamine veel tunduvalt väiksem. Seesugusest s o t s i a a l s e s t o l u s t i k u s t tuleb kahtlemata otsida üht tähtsamat põhjust, miks meie väikese rahva ja kitsaulatuselise maaala keel ni¥ väga on killustunud rohkeiks ja üksteisest vägagi erinevaiks murreteks."[20]

A. Saareste on uurinud ka häälikusümboolika küsimust. Toetudes O. Jesperseni asjaomastele töödele peab ta võimalikuks, et "hääliku i varal erisugustes keeltes, olgu sõnade tüves või sufiksites, väljendatakse sagedasti väiksust, vähesust, lühidust, peensust, nõrkust, tähtsusetust, feminiinsust, lühiaegsust või kiirust."[21] Muidugi ei tähenda, lisab Saareste, i mitte alati ja igal pool väiksust (näit. ingl big ja small), vaid i-lised sõnad pääsevad väiksuse väljendamise võistluses muude sünonüümidega võrreldes keeles hõlpsamini võidule.

Neist seisukohtadest lähtudes etümologiseerib A. Saareste 25 seni etümologiseerimata sõna, näit. kikas ~ kukk, sikk ~ sokk jt., sealhulgas ka e kilu, sm kilo < *kiloi < *kaloi, s. o. kala + deminutiivsufiks (o)i, nõnda siis 'ka-

---

[20] A. S a a r e s t e , Hilinenud lastekeelest Eestis. - Eesti Keel 1935, nr. 4 - 6, lk. 123 - 124.

[21] A. S a a r e s t e , Sõna kilu algupärast ja sisetunnus i-st. Eesti Keel 1940, nr. 5, lk. 90.

lake, väike kala', vrd. eriti sm praegust tähendust 'väikekala, kalakudu'.[22]

Need olid ühtlasi mõned näited selle kohta, kuidas Andrus Saareste rakendas oma keelefilosoofilisi vaateid tegelikus uurimistöös.

[22] A. S a a r e s t e , Sõna kilu algupärast ja sisetunnus i-st. Eesti Keel 1940, nr. 5, lk. 89.

Т. Сейлентхаль
(Тарту)

ОБ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ АНДРУСА СААРЕСТЕ НА ЯЗЫК

Резюме

В статье рассматриваются общетеоретические взгляды известного эстонского языковеда Андруса Сааресте на язык. Автор приходит к выводу, что в отношении взглядов на язык как специфически свойственное человечеству явление точки зрения Андруса Сааресте правильны. Но в отношении взглядов на социальную обусловленность языка Андрус Сааресте был идеалистом.

Далее приводятся некоторые примеры на то, как он применял свои общетеоретические взгляды в практических исследованиях.

T. Seilenthal
(Tartto)

ANDRUS SAARESTEN KIELIFILOSOFISISTA NÄKEMYKSISTÄ

Tiivistelmä

Kirjoituksessa tarkastellaan tunnetun eestiläisen kielitieteilijän Andrus Saaresten kielifilosofisia näkemyksiä. Kirjoittaja päätyy tulokseen, että Andrus Saaresten näkemykset kielestä ihmiskunnalle ominaisena ilmiönä ovat oikeita. Sen sijaan kielen yhteiskunnallisiin suhteisiin nähden Andrus Saareste oli idealisti.

Lisäksi esitetään kirjoituksessa esimerkkejä siitä, miten hän käytti kielifilosofisia näkemyksiään varsinaisessa tutkimustyössään.

М.И. З а й ц е в а
(Петрозаводск)

ТЕРМИНЫ РОДСТВА В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ

Терминология родства и свойства является важным источником при исследовании эволюции структуры семьи, ее форм, взаимоотношений между членами семьи и родственниками, на всех этапах истории развития народа. Сведения, добытые лингвистикой, уточняют и подкрепляют выводы, полученные археологами, этнографами и фольклористами, ибо решить вопросы основных этапов развития семейных и брачных отношений с доисторических времен до наших дней не под силу ни одной науке в отдельности.

Количество форм и степеней родства теоретически бесконечно, поскольку "с точки зрения моногенеза человеческого рода все люди, живые и умершие, являются между собой родственниками, и все дело только в большей или меньшей близости или отдаленности этого родства".[1]

Для финно-угорских систем родства не характерна сложность родственной терминологии. Из всех бесконечно разнообразных отношений родства лишь малая часть имеет обозначения в финно-угорских языках.

Изучение терминологии родства в финно-угорских языках началось еще в прошлом веке. А. Альквист первым обнаружил, что многие термины родственных отношений являются общими для финно-угорских языков.[2] Позднее вопросы термино-

[1] С.А. Т о к а р е в , К вопросу о методике изучения терминологии родства. – Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия 1958, № 4, стр. 191.

[2] A. A h l q v i s t, Die Kulturwörter des Westfinnischen Sprachen. Helsingfors, 1875.

логии родства в финно-угорских языках исследовались многими учеными-финноугроведами.[3]

В прошлом семейные узы и понятия имели гораздо большее общественное значение чем теперь, вследствие чего требовались дифференцированные названия для этих понятий.

С течением времени изменение структуры семьи, форм брака приводило к изменению значения слова, появились новые слова, утрачивались в языке старые термины, т.е. наблюдается общая тенденция языков - упрощение терминов родства. Вепсский язык, естественно, не составляет исключения.

Кроме того, многие термины родства заменяются заимствованными из соседнего русского языка, с которым вепсский язык контактирует уже на протяжении многих столетий.

Однако, анализ терминологии родства в вепсском языке свидетельствует о том, что в нем сохранились многие исконные прибалтийско-финские термины для выражения родственных отношений.

Особенной устойчивостью в вепсском языке отличаются термины кровного родства, выражающие наиболее близкие родственные отношения.

Мать и отец

В современном вепсском языке понятия "мать" и "отец" выражаются словами, заимствованными из русского языка: mam, tat, baťa (mama, tata, baťa - при обращении). Часто они употребляются с притяжательными суффиксами, например: mamaiń 'мать моя', baťeiž 'отец твой' и т.д.

---

[3] Назовем лишь некоторые из них: И.Н. Смирнов, Черемисы, 1889; его же, Вотяки, 1890; его же, Пермяки, 1891; его же, Мордва, 1892-95; E. N. Setälä, I. N. Smirnows Untersuchungen über die Ostfinnen. - SUSA XVII. Helsingfors, 1900; М. Маркелов, Системы родства у угрофинских народностей. - В кн.: Этнография, Москва-Ленинград, 1928, № I; U. Harva, Suomensukuisten kansain sukulaisnimiston rakenne. - Virittäjä 1938; R. E. Nirvi, Synonyymitutkimuksia sukulaisnimiston alalta. Helsinki, 1952; Э. Вяяри, Терминология родства в прибалтийско-финских языках. Автореферат канд. дисс. Тарту, 1953.

Заимствованным из русского языка является и слово roditeĺad 'родители'.

Однако, в языке сохранились и исконные, общефинноугорские слова ema (~ emä), iža (~ ižä), которые, очевидно, в вепсском языке (как ныне в других родственных языках) употреблялись в значении "мать" и "отец" (ср. кар. emä, водск., эст. ema 'мать'; isa, фин. isä 'отец'). Это подтверждается, на наш взгляд, в первую очередь наличием ema и iža в качестве компонентов сложных слов: ristĺima 'крестная мать' и ristĺiž(a) 'крестный отец'. Далее, слова ema и iža в рассматриваемом значении выступают в производных emindam 'мачеха', ižindam 'отчим', emag 'хозяйка' (в восточном говоре среднего диалекта также 'свекровь'), ižand 'хозяин' (в восточном говоре среднего диалекта также 'свекор').

Кроме того, слово iža зафиксировано Л. Кеттуненом у южных вепсов в значении 'отец'.[4]

В вепсском языке слова ema и iža широко употребляются в другом (также общефинноугорском) значении: emač(~emäč) 'самка', ižač 'самец' (в форме ema-, iža- - как компонент сложных слов). Например: emäkońdi (ср. końdiemač) 'медведица', emämecoi 'глухарка', emäkala 'самка рыбы'; ižakaži 'кот', ižasiga 'боров', ižakala 'самец рыбы' и т.д.

Для обозначения понятий "бабушка" и "дедушка" употребляются заимствованные из русского языка слова: bab (при обращении baba, baboi, babkoi и т.п.), ďed (при обращении ďeda, ďedoi, ďedkoi и т.п.).

Дочь и сын

Понятие "дочь" в вепсском языке выражается общеприбалтийско-финским (заимствованным из балтийских языков) словом tütär (~ tütar). Предполагается, что понятие "дочь" передавалось прежде посредством слова, имеющего в совре-

[4] См. L. Kettunen, Lõunavepsa häälik-ajalugu. Tartu, 1922, стр. 26.

менных прибалтийско-финских языках значение "девушка"[5] (ср. вепс. neidĺńe, neidohťem, фин. neito ~ neiti).

Деминутивно-ласкательные формы слова tŭťei, tŭťĭm и т.п. могут употребляться как при обращении к родной дочери, так и при обращении пожилого человека к молодой женщине, девушке, девочке. Употребляется слово tŭtăr также в сложных и производных словах, например: ŕisťintŭtăr 'крестница', tŭtŕindam 'падчерица' и др.

Общим для всех прибалтийско-финских языков термином передается в вепсском языке и понятие "сын" - poig. Слово в этом значении употребляется в сложных и производных словах, например: ŕisťimpoig 'крестник', poigindam 'пасынок' и др.

Во многих родственных языках, кроме значения "сын", слово сохранило значение "мальчик". В вепсском языке это значение утратилось и передается как и в карельском, словом priheińe 'мальчик', priba 'парень'. Этимология этого слова не совсем ясна.[6]

Сохранилось же слово poig в значении "детеныш какого-либо животного или птицы", например: kananpoig 'цыпленок', kažinpoig 'котенок', końdjanpoig 'медвежонок' и т.п.

С е с т р а и б р а т

Слово sizaŕ (~ sizar), выражающее понятие "сестра" (как и tŭtar 'дочь'), является заимствованным из балтийских языков и относится к далекому прошлому. Свой исконный термин для понятия "сестра" в прибалтийско-финских языках, в т.ч. в вепсском, не сохранился.

Термин для понятия "брат" veĺ (~ veĺĺ) имеет соответствия во всех прибалтийско-финских языках.

---

[5] См. Э. В я а р и , указ. работа, стр. 6.

[6] См. R. E. N i r v i, указ. работа, стр. 80-81.

Жена и муж

В большинстве говоров вепсского языка понятие "жена" передается словом ak, имеющим соответствия во многих родственных языках. Кроме того, слово сохранило и значение "женщина". (В финском языке слово akka содержит некоторый негативный оттенок). Часто употребляется в сложных и производных словах, например: akaĺńe 'незнакомая женщина', akpoĺ 'женщина' (преимущественно в семье) и др.

Кроме того, в значении "жена" в отдельных говорах вепсского языка встречается общефинноугорский термин naińe. (В среднем диалекте слово naińe употребляется также в значении "невестка".) Очевидно, naińe в значении "жена" прежде употреблялось значительно шире. Об этом свидетельствуют такие словосочетания как: ouda naižiš 'быть женатым', sina ed naižiš 'ты не женат?', naižekaz 'женатый', naiburí пренебрежительно о женатом человеке и др.

Для обозначения "молодой жены, молодухи" во всех диалектах вепсского языка употребляется термин murźein. Слово имеется во многих прибалтийско-финских языках с различным значением. murźein в северном диалекте может обозначать кроме того вообще "молодую женщину". В среднем диалекте встречается в значении "невестка".

Кроме murźein в значении "молодая жена, молодуха" можно встретить (правда, очень редко) другое слово - norík (северный диалект, Каскесручей). В этом же значении слово употребляется в финском, эстонском, водском, ливском языках.

Для обозначения понятия "муж" в вепсском языке употребляется заимствованное из русского языка слово mužik. Одновременно слово имеет значение "мужчина" (ср. также производные: mužikpoĺ, mužikaĺne 'мужчина (в семье)').

Однако, в вепсском языке сохранился и исконно финно-угорский термин mez, который в большинстве родственных языков имеет значение "муж" и "мужчина" вообще. Правда, в вепсском языке значение его сузилось, оно имеет только значение "мужчина", а в некоторых сочетаниях - "человек", например: ńi üht meśt 'ни одного человека', radinmeź 'усерд-

ный человек', pämeź 'глава' (букв. 'главный человек') и т.п. В своем первоначальном значении слово сохранилось в таких словосочетаниях, как olda mehe 'быть замужем', mändä meheźe 'выйти замуж', meheluz 'замужество'.

О существовании в прошлом у финно-угорских народов сознания родства по крови свидетельствует наличие во многих прибалтийско-финских языках терминов, указывающих на кровное родство (кроме ближнего родства).

В вепсском языке эта категория терминов почти не сохранилась. Здесь наиболее ясно видна тенденция к исчезновению своих терминов и передача их терминами, заимствованными из русского языка, или передача описательным путем. Укажем на некоторые из них.

Тетя и дядя

Наряду с заимствованным из русского языка словом tot (при обращении tota) 'тетя', в южном диалекте вепсского языка сохранилось свое исконно прибалтийско-финское слово täti.

Понятие "дядя" передается также заимствованным словом däd (däda - при обращении). Кроме того, имеется специальный термин dädin (при обращении dädińka), означающий "жена дяди". Слово имеется также в кар. (dädin) и водском (däädi) языках.

Заимствованиями из русского языка являются в вепсском языке и другие термины кровного родства, например: sestrii 'двоюродная сестра', bratan 'двоюродный брат', plemännica 'племянница', plemännik 'племянник', vonuk (~vunuk)'внук' и др.

Путь развития, который прошли все народы - это путь от группового брака к моногамной семье. Об этом свидетельствует прочно сохранившаяся в финно-угорских языках исконная терминология свойства или родства по браку. Сравнительный анализ этой категории терминов показывает, что уже при финно-угорской общности существовали упорядоченные брачные отношения. Уже тогда различались отец и мать обоих супругов, мужья и жены детей, братья и сестры супругов.[7] Рассмотрим некоторые из них.

[7] A. Ahlqvist, указ. работа, стр. 195.

Родители супругов

Первоначально, видимо, значение терминов ap и anoʹp было шире, т.е. они выражали понятия "мать жены" и "отец жены", "мать мужа" и "отец мужа".[8] В вепсском языке значение этих терминов сузилось: ap и anoʹp в основном выражают только понятия "отец жены" и "мать жены", т.е. "тесть" и "теща". Значения же "отец мужа" и "мать мужа" передаются заимствованными из русского языка словами śokor и śokrov. Оба значения имеют термины ap и anoʹp в среднем диалекте вепсского языка (ср, также фин. appi 'тесть; свекор', anoppi 'теща; свекровь'). Кроме того, в отдельных говорах в значении "свекровь" можно встретить свой исконное слово emag, в значении "свекор" - iž̌and. В других же прибалтийско-финских языках (ливский, эстонский) этимологические соответствия терминов ap и anoʹp начинают исчезать.

Аналогичное явление, т.е. сужение значения терминов, видим и на примере наименований супругов дочери и сына и супругов брата и сестры.

В большинстве говоров вепсского языка эти два понятия выражаются разными терминами, т.е. для понятия "жена брата" сохранился древний исконный термин miĺĺ (~miń́d), тогда как "жена сына" - neʹvesk. И только в некоторых говорах термин miĺĺ (~miń́d) означает то и другое понятие. Кроме того, в среднем диалекте вепсского языка в значении "невестка" (жена сына) встречается слово naiʹne.

Сужение значения в этой категории терминов имеет место и в других прибалтийско-финских языках (в карельском, водском).

Термин väʹvu, имеющий соответствия во многих финно-угорских языках, выражает в вепсском языке понятия "муж дочери" и "муж сестры".

Сохранились в вепсском языке и другие исконно финно-угорские термины свойственного родства: küdu 'деверь (брат мужа)', käĺu 'жена брата мужа', käĺused 'невестки (жены

---

[8] R. E. N i r v i, указ. работа, стр. I7I-I66.

братьев между собой)', nado 'свояченица (сестра жены)', а также 'золовка (сестра мужа)'.

Заимствованными из русского языка терминами передаются следующие понятия: šurjak (~ šürdak) 'брат жены', svajak 'муж сестры жены', svajakosed 'мужья сестер между собой', svat и svatk 'отец и мать одного из супругов по отношению к отцу и матери другого супруга'; svatused 'отцы супругов между собой', svatkased 'матери супругов между собой'.

Общими со всеми прибалтийско-финскими и хорошо сохранившимися терминами являются и вепсские

термины,, обозначающие общие понятия родства

В значении "семья" в одних диалектах вепсского языка употребляется слово pereh в других - kanz. То и другое слово имеют соответствия во всех прибалтийско-финских языках.

В значении "родня, родственники, родство" употребляется в среднем диалекте вепсское слово hiim. Встречаются такие производные как olda hiimos 'быть в родственных отношениях', hiimostadakse 'родниться', hiimostuda 'породниться', hiimokund 'родня, родственники', perzeniim 'кровный родственник' и др. В выражении suguiž i hiimoiž 'род твой и племя твое'. Слово имеет соответствия во многих родственных языках.

Слово -kund в вепсском языке выступает как компонент сложных слов в значении "коллектив, группа, общество", например: hiimokund 'родня', lautkund 'застолье', pezakund 'выводок'.

Понятие "народ" передается в вепсском языке словом rahvaz.В финском языке слово иногда приобретает пренебрежительный оттенок значения.

Сохранилось в вепсском языке и слово sugu 'род, родня', например: unohtad suguiž i hiimoiž 'забудешь свой род и племя'.

Термины, выражающие приравнивание неродственных людей к кровнородственным или термины т.н. приобретенного родства также являются общеприбалтийско-финскими: emindam 'мачеха', iždam 'отчим', tütrindam 'падчерица', poigindam 'пасынок'. Иногда суф-

фикс -indam присоединяется к заимствованным из русского языка корням, например: mamindam, tatindam.

Понятия п р е д п о л а г а е м о г о р о д с т в а выражаются заимствованными из русского языка терминами: nevest 'невеста', ženih 'жених'. В восточном говоре среднего диалекта слово neižńe. употребляется в значении "сосватанная девушка, невеста". В том же говоре наряду с заимствованным ženih бытует слово oluh в значении "жених, возлюбленный" (ср. также oluhased 'жених и невеста, возлюбленные'). Каково его происхождение - сказать трудно.

Термин leśk служит для названия понятий "в д о в е ц", "в д о в а". Иногда для различения генетического рода употребляется слово leśkiek.

Для некоторых прибалтийско-финских языков, в т.ч. и для вепсского языка, характерным является употребление при обращении к старшей сестре и к старшему брату специальных терминов, соответственно, čiža, čika и т.п. и vijk, vijka и т.п.[9]

Этими же терминами пользуется говорящий при обращении не только к старшей сестре и старшему брату, но и к старшей сестре мужа (жены), к жене старшего брата, к мужу старшей сестры. В северном диалекте при обращении к женщине или мужчине старше себя (только к родственникам или знакомым) указанные слова присоединяются к собственному имени, например: Anna-čika, Peša-vijka и т.п.

Аналогичное различение братьев и сестер по возрасту наблюдается и в других родственных языках (в карельском, водском).

Кроме рассмотренных выше терминов, употребляющихся при обращении в зависимости от возраста говорящего, можно выделить еще особые формы при обращении, т.е. звательные, вокативные формы, например, mamoi (~ mamkoi), tatoi (~ tatkoi), čikei, vijkei, dedoi, baboi, dädińko 'тетушка' и др.

---

[9] Об этом см. R. E. N i r v i, указ. работа, стр. 97-98, I00-I0I; A. A h l q v i s t, указ. работа, стр. I87; U. H a r v a, указ. работа, стр. 302-303.

Из краткого анализа видно, что в основном терминология родства вепсского языка либо финно-угорского, либо прибалтийско-финского происхождения. В то же время имеется немало терминов, заимствованных из русского языка, что вполне понятно, ибо вепсы (как и карелы) веками жили бок о бок с русскими, вступая с ними в браки. Постепенно свадебные обряды вепсов впитали в себя много русского, в т.ч. и терминологию родства. В связи с окончательным переходом к малой семье и по мере ослабления необходимости дифференцировать отдельные понятия родства, предан забвению ряд специальных терминов, означающих те или иные степени родства.

M. I. Z a j c e v a
(Petrozavodsk)

THE TERMINOLOGY OF KINSHIP IN THE VEPS LANGUAGE

S u m m a r y

The terminology of kinship and relationship by marriage is an important source in investigating the main developmental stages of family and conjugal relations.

Complexity of kinship terminology is not characteristic of the Fenno-Ugric relationship systems. Only a small part ot the infinitely diverse relations is denoted.

The analysis of kinship terms in the Veps language shows that these are on the whole of either Fenno-Ugric or Baltic-Fennic origin. At the same time there are lots of terms borrowed from Russian. Moreover, a number of special terms denoting one or another kinship relation are buried in oblivion.

The most stable terms in the Veps language are those of blood relationship (tütär, poig, veli, etc.), though some words borrowed from Russian are used along with primordial ones (mam, bat, tat). The category of terms denoting blood relationship (except for the nearest kinship) has hardly survived. The terminology on relationship or kinship by marriage (e.g. vävu, miňď, etc.) has kept its stable position in the Veps language. Common to all Baltic-Fennic terms are those denoting kinship concepts (pereh, hiim, sugu, etc.). Characteristic of the Veps language is the use of special terms (čika, viika, etc.) when addressing one's elder sister or brother.

И. З и к а н ь
(Ужгород)

ВЕНГЕРСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Фразеологизмы необходимо рассматривать не только с лексической и семантической стороны, но и проследить их грамматическую природу: в каких отношениях находятся между собой компоненты фразеологизма, как они реализуют грамматические формы для построения фразеологической единицы и т.п. По своему строению фразеологизмы венгерского языка делятся на два больших разряда: I. Фразеологические обороты, выступающие в роли самостоятельного предложения. II. Фразеологические обороты, являющиеся по своей структуре отдельными словосочетаниями и выступающие в роли отдельных членов предложения.

I. Фразеологические обороты, структурно равнозначные предложению, называются также закрытыми словосочетаниями. Они представляют собой такие конструкции, которые в своей постоянной форме просто вплетаются в текст наравне с другими предложениями.[1] Эти обороты, структурно составляющие целое предложение, по значению являются коммуникативными единицами и передают целое сообщение.[2] Это могут быть п о л н ы е п р е д л о ж е н и я , которые делятся по своему значению на: а) Повествовательные предложения: kéz kezet mos 'рука руку моет', szegény, mint a templom egere

[1] D. S z a b ó, A mai magyar nyelv I. Budapest, 1958, стр. 124.

[2] Н.М. Ш а н с к и й , Лексикология современного русского языка. Москва, 1972, стр. 216.

'очень бедный' (досл. 'бедный как церковная мышь') и др. б) Восклицательные предложения: többet ésszel, mint erővel! 'умно!' (досл. 'больше умом, чем силой!'), hogy volt! 'браво!' (досл. 'как было!') и др. в) Вопросительные предложения: hogy vagy? 'Как твои дела?' (досл. 'как ты есть?'), hol jár az eszed? 'о чем ты думаешь?' (досл. 'где ходит твой ум?') и др. г) Побудительные предложения: de jó is volna! 'Как хорошо было бы!', legyen béke! 'пусть будет мир!' и др. - Фразеологические единицы делятся по форме на утвердительные (примеры см. выше) и отрицательные: ne bántsd a madarat! 'не трогай птиц!', ne félj semmitől! 'ничего не бойся!' и др. - Фразеологические единицы можно классифицировать и по структуре на простые и сложные предложения.

I. П р о с т ы е предложения: а) Простое нераспространенное предложение: az idő pénz 'время - деньги', a tudás hatalom 'знание - сила' и др. б) Неполное предложение: jó napot! 'добрый день!' и др. в) Распространенные предложения: megmondtam és lelkem megkönyebbült 'сказал и на душе стало легче' и др.

2. С л о ж н ы е предложения: 1) Сложносочиненные предложения: а) nemcsak dicsérni kell a jót, hanem követni is 'не только хвалить надо хорошее, но и наследовать его' и др. (соединительные). б) akár volnál, akár se 'ничего не стоишь' (досл. 'все равно был бы ты или нет') и др. (разделительные). в) kicsiny a bors, de erős 'маленький, но удаленький' (досл. 'хотя черный перец маленький, но сильный') и др. (противительные). г) megmondtam, hát jól vigyázz 'сказал я, значит берегись' (следственные). д) kár a benzinért, úgy sem sikerül 'все равно ничего не получится' (досл. 'зря тратишь бензин, и так не удастся') и др. (уточнительные). 2) Сложносочиненные предложения: а) aki nem dolgozik, ne is egyék! 'кто не работает, тот не ест!' и др. (подлежащее). б) amit megtehetsz ma, ne halaszd holnapra 'что можешь сделать сегодня, не откладывай на завтра' и др. (дополнительное). в) hol a szabadság, ott van a haza 'где свобода, там родина' и др. (обстоятельственное). г) a munka az, ami értékessé teszi az életet 'работа есть то, что делает ценным жизнь' и др. (сказуемое). д) amely kutya ugat, az nem harap 'собака, которая лает, не кусает' и др. (определительное).

Среди венгерских фразеологических единиц встречаются такие закрытые словосочетания, которые в определенных ситуациях выступают открытыми словосочетаниями. Иногда они могут выполнять как номинативные, так и коммуникативные функции. Эти предложения связаны с другими членами предложения. Например, *még a levegőt is bérbe adná* 'очень скупой' (досл. 'он даже и воздух сдал бы в аренду') связывается с подлежащим, а *könnyű Katát táncra vinni* 'имеет охоту к чему-то' (досл. 'легко Катю к танцу вести') – с другими членами предложения. В этом случае фразеологическая единица изменилась даже с точки зрения семантики, так как пословица стала поговоркой.

П. Фразеологические обороты, по своему строению представляющие собой то или иное сочетание слов, называются **открытыми словосочетаниями**, т.е. это такие конструкции, которые в своей относительно постоянной форме вплетаются в состав предложения, при необходимости изменяя порядок слов и окончания.[3] Они выступают как номинативные единицы.[4] Такие обороты выступают как часть предложения в виде каких-либо его членов. Например, *úszik a boldogságban* 'счастливый' (досл. 'плавает в счастье') связывается с подлежащим, а *se füle, se farka* 'бессмысленно' (досл. 'ни ушей, ни хвоста') – с другими членами предложения. Основную массу венгерских фразеологизмов, представляющих номинативное или открытое словосочетание слов, составляют именные, глагольные и модальные фразеологизмы.

I. **Именные** фразеологические единицы в зависимости от того, какими частями речи выражены их компоненты, распадаются на: а) Обороты, состоящие из прилагательного и существительного: *egészséges gondolat* 'здравая мысль', *légi erőd* 'воздушный замок', *jó barát* 'хороший друг' и др. б) Обороты, состоящие из существительного в номинативе и существительного в генитиве: *az idő szelleme* 'дух времени', *a haza bölcse* 'мудрец отечества' и др. в) Обороты, состоящие из прилагательного и существительного в аккузати-

---

[3] D. Szabó, указ. раб., стр. 124–126.

[4] Н.М. Шанский, указ. раб., стр. 216.

ве, комитативе, суперлативе (предложно-падежная форма): jó napot 'добрый день', jó szívvel 'с добрым сердцем', nagy lábon 'на широкую ногу' и др. г) Обороты, состоящие из существительного в генитиве и существительного в генитиве, терминативе, инессиве (предложно-падежная форма): Ádám kosztümben 'в костюме Адама', csontja velejéig 'до мозга костей', a lelke mélyéig 'до глубины души' и др. д) Обороты, состоящие из существительного в элативе, делативе, аблативе (предложно-падежная форма) и существительного в иллативе, сублативе (предложно-падежная форма): cseberből vederbe 'из огня да в полымя' (досл. 'из чаши в ведро'), szemtől szembe 'с глазу на глаз', napról napra 'день ото дня' и др. е) Обороты, состоящие из существительных в разных падежах с сочинительными и подчинительными союзами: égen és földön 'на небе и земле' (в значении 'везде'), se pénz, se posztó 'ничего' (досл. 'ни денег, ни сукна'), mint hal a vízben 'хорошо' (досл. 'как рыба в воде') и др.

2. В глагольных фразеологических единицах глагол является грамматическим и смысловым центром всего словосочетания; вторым компонентом выступают существительное и другие части речи в разных формах. Примеры: а) Обороты, состоящие из существительного в аллативе, иллативе, суперэссиве (предложно-падежная форма) и глагола: férjhez menni 'выйти замуж', munkába lép 'вступает в работу', magasba emel 'поднимает вверх, стоит на руках'. б) Обороты, состоящие из наречия и глагола: jól áll 'подходит ему' (досл. 'хорошо стоит'), itt felejt 'забывает здесь', ott hagy 'оставляет там'. в) Обороты, состоящие из существительного в аккузативе и глагола: célt téveszt 'потеряет цель', igazat ad 'соглашается с ним' (досл. 'дает правду'), helyet foglal 'садится' (досл. 'занимать место '). г) Обороты, состоящие из существительного в номинативе и глагола: verekedés adódik 'образуется драка', fennforog a lehetőség 'возможно' (досл. 'вверху крутится возможность'). д) Обороты, состоящие из существительного с послелогом и глагола: nevetés nelkül megállja 'обходиться без смеха', gomdolkodás nélkül csinálja 'делают не задумываясь', föld alatt pihen 'умер' (досл. 'отдыхает под землей'). е) Обороты, состоящие из деепричастия или глагола и существитель-

ного в аккузативе или наречия: lehajtva (lehajtja) a fejét 'нагибая (нагибает) голову', tótágast állva (áll) 'стоя (стоит) на голове', elölről kezdve 'начиная сначала'. ж) Обороты, состоящие из отрицательной частицы и глагола: nem veszi be 'не принимает, не согласен', rá sem bagózik 'не замечает' (досл. 'не курит на него'), nincs tekintettel rá 'не принимает во внимание' (досл. 'не имеет на него взгляда').

Необходимо отметить, что открытые словосочетания слов в определенных ситуациях выступают как закрытые словосочетания, т.е. предложения, например: se pénz, se posztó 'ничего' (неполное предложение), jó napot! 'добрый день!' (неполное предложение), az idő pénz 'время - деньги' (простое предложение). Это явление в описательной грамматике венгерского языка до сих пор является проблематичным, так как не решен вопрос о том, является ли простым предложением словосочетание, состоящее из подлежащего и сказуемого.[5]

3. М о д а л ь н ы е фразеологические единицы, используются в предложении в роли т.н. вводных слов или предложения, значит, они лишены номинативной функции. По своей грамматической структуре модальные фразеологические единицы подразделяются на глагольные и именные. Глагольные фразеологизмы - обороты, состоящие из глагола и местоимения или наречия: úgy mondják 'так говорят', úgy hallatszik 'так слышно' и др. В именных модальных фразеологических единицах можно выделить сочетания, состоящие из имен с разными окончаниями и подчинительных союзов: annak ellenére, hogy ... 'несмотря на то, что ...', anélkül, hogy ... 'без того, что ...' и др.

Необходимо отметить, что приведенная классификация фразеологизмов венгерского языка представляет собой лишь предварительное деление.

---

[5] J. B e n c s é d y и др., A mai magyar nyelv. Budapest, 1971, стр. 264.

I. Zékány
(Ushgorod)

DIE UNGARISCHEN PHRASEOLOGISCHEN EINHEITEN VOM GESICHTSPUNKT DER GRAMMATIK AUS

Zusammenfassung

Die ungarischen phraseologischen Einheiten teilen sich ihrer grammatischen Konstruktion nach in zwei Gruppen: I. Phraseologische Einheiten, die selbständige Sätze sind. II. Phraseologische Einheiten, die besondere Redensarten bilden.

I. Der Verfasser klassifiziert die phraseologischen Einheiten als Sätze der ungarischen normativen Grammatik nach.

II. Die phraseologischen Einheiten wurden als Redensarten in drei Gruppen eingeteilt: 1. Nominalphraseologismen (jó barát 'guter Freund', a haza bölcse 'der Weise des Vaterlandes' u. a.). 2. Verbalphraseologismen (célt téveszt 'das Ziel verfehlt', őszintén szólva 'aufrichtig gesagt' u. a.). 3. Modalphraseologismen (úgy hallatszik 'so zu hören' u. a.).

И.В. Тараканов
(Ижевск)

ОБОЗНАЧЕНИЕ МАСТИ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Для цветообозначения в удмуртском языке существует специальная терминологическая система, состоящая главным образом из непроизводных качественных имен прилагательных. По составу данная категория слов весьма разнообразна и устойчива: многие из них восходят к общепермскому языку-основе : удм. gord, k. gord 'красный'; удм. liźz, k. leźz 'синий'; удм. śĕd, k. śĕd 'черный'; удм. vož, k. vež 'зеленый'.

Характерно то, что в ряде случаев одно и то же качественное имя используется в речи для обозначения и цвета, и масти, например: kureń (kureń kišet 'коричневый платок', kureń val 'каурая лошадь'), puriś (puriś inbam 'серое небо', puriś užpi 'серый жеребец').

Однако, наряду с этим, в удмуртском языке для обозначения масти существует специальная, хотя и небольшая по количеству, терминология. По нашим подсчетам, она не превышает 16-18 слов. К ней относятся: kubo 'темно-рыжая' (о корове), sud 'русый, русые' (только о волосах), mit 'темно-коричневый' (о волосах и глазах), kureń 'коричневый, бурый', čibor 'пестрый', čagir 'голубой', kučo 'пегий, пестрый', kaška или šumjo 'с белой полоской на лбу', keĺit 'рыжая, бледная', kubo 'саврасая', burlį 'чалая', sari 'буланая', sürį 'темно-серая', sur 'пепельно-серая', teri 'каурая, гнедая', čaptar 'игреневая'. Последние 8 слов употребляются только для обозначения масти лошадей.

Поскольку в рамках небольшой статьи нельзя подробно рассмотреть все слова, обозначающие масть, то мы подвергаем анализу лишь те качественные имена, которые представляют собой тюркские заимствования. В лексике современного удмуртского языка данная категория слов образует особую, весь-

ма специфическую тематическую группу, малоизвестную для широкого круга говорящих на родном языке, особенно для молодежи, так как относится к специальной терминологии коневодства. Кроме того, в связи с бурным ростом техники разведение коней утратило былую экономическую необходимость. Поэтому термины коневодства стали забываться и из активного словарного запаса перешли в пассивный. Они стали достоянием лишь старшего поколения говорящих. Поэтому с точки зрения истории языка подробнее рассмотрение данной семантической группы слов представляет определенный интерес, тем более, что в лингвистической литературе они всестороннему анализу еще не подвергались.

Для удобства рассмотрения анализ каждого слова даем в виде отдельной этимологической статьи.

burlį 'чалая, чалая лошадь'.

Данное слово в опубликованных двуязычных словарях зафиксировано лишь в одном варианте - burlį. В современных диалектах оно выступает в формах burlį (нк., ср.), burlį (бавл., кукм.), birlį (бт.); в северных диалектах вместо него употребляется русское слово čalko. По нашим наблюдениям, оно сочетается только со словами val 'лошадь, erval 'кобыла', užpi 'жеребец' и koňi 'белка', обозначая чалую масть с вкрапленными белыми волосами в шерсть основной краски. В родственных языках слово burlį соответствующих параллелей не имеет.

По происхождению это слово представляет собой тюркское заимствование, проникшее через посредство татарского языка, ср.: тат. бурлы, башк. бурыл, чув. пурла. Оно встречается также в алт., шор., саг., карач. языках: пуурул 'чалый' (Радл.[1] IУ, I366).

kulo, külo 'саврасая, саврасая лошадь'. В словаре Б. Мункачи[2] рассматриваемое слово зафиксировано в двух фонетических вариантах kulo, kẽlo (Munk., 223) в значениях 'буланая, светло-гнедая, т.е. саврасая'. Форма külo ха-

---

[1] В.В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий. (Далее: Радл.)

[2] B. Munkácsi, A votják nyelv szótára. Budapest, 1896. (Далее: Munk.)

рактерная для бавлинского диалекта, в печатных словарях не фигурирует.

В словаре Б. Мункачи kulo переводится и как 'буланая', и как 'саврасая'. Это объясняется, с одной стороны, по-видимому, тем, что 'буланая' и 'саврасая' - масти, очень близкие друг другу, и, с другой, тем, что в языках-источниках - в татарском и башкирском - откуда, должно быть, заимствовано данное слово, оно тоже переводится двояко: тат. кола 'буланая, саврасая', башк. кола в том же значении.

Татарско-башкирское слово на удмуртской почве в различных диалектах получило, очевидно, разное фонетическое оформление потому, что на месте древнетюркского *u в указанных языках, а также в казахском, каракалпакском и ногайском языках, развился более широкий редуцированный гласный, средний между o и ĭ (ъ), ср.: тат. кода, башк. кода (< *kuda 'кум, сват') [3]. Нам кажется, что сюда же относятся примеры типа: тат., башк. кола вместо кула (кстати, у Радлова келә = кула - Радл. II, 679), тат., башк. йорт 'дом', жилище, строение' вместо jурт (Радл. III, 548). На наличие чередования древнетюркского u ~ o указывают также М. Рясянен[4] и Н.К. Дмитриев.[5] Следует отметить, что древнетюркское u в самом татарском языке, даже в отличие от башкирского, заменяется разными фонемами, ср.: башк. һоло, тат. соло 'овес'; башк. һора, тат. сура 'спрашивай'; башк. донъя, тат. дөнья 'мир, вселенная'; башк. бүстау, тат. пошау 'сукно'.

При этом само o по акустико-артикуляционным признакам весьма неопределенный звук. По мнению специалистов по татарскому и башкирскому языкам, o - один из самых кратких гласных татарского языка. При его произношении язык "принимает то же положение, что и при ы, а губы то же положе-

---

[3] А.М. Щербак, О тюркском вокализме. - В сб.: Тюркологические исследования. Москва-Ленинград, 1963, стр. 35.

[4] М. Рясянен, Материалы по исторической фонетике тюркских языков. Москва, 1955, стр. 77.

[5] Н.К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка. Москва-Ленинград, 1948, стр. 10.

ние, что и при у. Губы раскрываются и вытягиваются, но в меньшей степени, чем мы это наблюдаем при артикуляции у".[6] Поскольку в удмуртском языке фонемы с подобной артикуляцией нет, то в различных диалектах она могла усваиваться по-разному: в у-вых диалектах о субституировалось через у, в ӱ-вых диалектах - через ӱ, в і-вых - через і (кулo, кӱлo, кіlo тат. кола 'саврасая'; пуд, пӱд, під 'пуд, пудовка'; дуńńе, дӱńńе, діńńе 'мир, вселенная').

Слово кулo сочетается только со словами вал'лошадь', ервал 'кобыла', ужпі 'жеребец', обозначая масть лошадей и являясь одновременно как бы их кличкой. Оно имеет соответствующую параллель только в родственном марийском языке: кула 'саврасая'.

сарі 'буланая (или саврасая), буланая (или саврасая) лошадь'.

В диалектах удмуртского языка встречается в фонетических вариантах сарkай (бавл.), сӓрі (бт.). С определяющим словом чуж слово сарі (чуж сарі) чаще обозначает саврасую масть. Употребляясь без определяемых слов, сарі субстантивируется и используется в функции клички лошадей, обозначая понятие 'булан, буланка, буланочка' или 'саврас, савраска, саврасочка'.

Слово сарі имеет соответствие в родственном марийском языке: сапе 'желтый', сапе имне 'буланая лошадь'.

На тюркское происхождение данного слова впервые указал Б. Мункачи[7], считая его татарским заимствованием. М.Р. Федотов[8] возводит его к чувашскому источнику сарӑ 'желтый, русый' (ср. сарӑх 'желтеть, бледнеть, линять'), которое имеет соответствия почти во всех тюркских языках: тат., азерб., туркм. сары, башк. һары 'желтый', др.-тюрк., КБ, чеч. сары, уйг. серик ... .[9] Мы придерживаемся последнего

---

[6] Н.К. Дмитриев, указ. соч., стр. 9.

[7] В. Munkácsi, указ. соч., стр. 417.

[8] М.Р. Федотов, Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Чебоксары, 1968, стр. 216.

[9] В.Г. Егоров, Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 178.

мнения, так как слово sari, с одной стороны, имеет общеудмуртское употребление, за исключением бавлинского sarkaj и буйско-таныпского säri, что могло развиться уже позднее - под влиянием татарского языка (ср. тат. сарга 'желтеть, пожелтеть'), а ä в слове säri, очевидно, возникло по аналогии; с другой стороны, древнечувашская (булгарская) форма сохранилась также в некоторых топонимах УАССР, ср. название города на Каме Sarapul (sară 'желтая' + pulă 'рыба').

К сожалению, в лексических сопоставлениях М.Р. Федотова имеются некоторые недоразумения. Чувашское сара 'желтый, русый' он неправильно сопоставляет с мар. сур 'серый', тат. соры, башк. һоры 'серый', тогда как ее нужно было сравнивать с мар. саре 'желтый', тат. сары, башк. һары 'серый'. Кстати, и в чувашском языке понятие 'серый' обозначается через редуцированное а: сăра.[10]

sur, sürį 'серая, пепельно-серая'.

В словаре Б. Мункачи первое слово зафиксировано в двух вариантах - sur как сарапульское и глазовское, sür как уфимское, казанское со значением 'серый' (Munk. ,436). В других словарях оно дается лишь в варианте sur, но в разных значениях: в удмуртско-русском словаре в значении 'пепельно-серый'[11]; в словаре Т. Борисова в значении 'бурая'.[12] В буйско-таныпских говорах данное слово выступает в форме sįr в значении 'серый', в бавлинском диалекте - в варианте sürį со значением 'пепельно-серый' или 'темно-серый'.

В отличие от других слов, sur, sürį могут обозначать темно-серую или пепельно-серую масть не только лошадей, но и других животных, например, sur val 'серая лошадь', sur kočįš 'серая кошка' (Munk., 436), sürį skal 'серая корова', sürį pünį (бавл.) 'темно-серая собака'. В бавлинском диалекте sürį используется также для обозначения темно-серого или пепельно-серого оперения птиц: sürį kučįran 'серый филин', sürį papa 'серая птичка', sürį ďadeg 'серый гусь'.

[10] В.Г. Е г о р о в , указ. соч., стр. 183.

[11] Удмуртско-русский словарь. Москва, 1948, стр.279. (Далее: УРС.)

[12] Т. Б о р и с о в , Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1932, стр. 264. (Далее: Т. Борисов.)

В родственных языках sur имеет соответствия в марийском языке: сур 'серый, седой', кандалге-сур 'сизый'.

Поскольку рассматриваемые слова употребляются в нескольких фонетических вариантах и имеют в различных диалектах хотя и сходные, но различные значения ('серый','бурый'), то нам кажется, что они восходят к двум источникам. Слово sur, характерное для массовых диалектов удмуртского языка, восходит к чувашскому сăрă 'серый'. Не исключена возможность, что в удмуртском sur сохранилась древнетюркская форма, так как чув. сăрă, тат. соры, башк. һоры, 'серый, бурый' развились из древнетюркского *sūr. Долгое ū в чувашском языке отразилось в редуцированном гласном ă; в татарском и башкирском языках фонема ū, утратив длительность, заменилась редуцированным гласным о (ŏ).[13] Форма сур в тюркских языках сохранилась в уйгурском, киргизском, казахском, каракалпакском, якутском, туркменском (суур) языках.[14] Что же касается бавлинского sürį, то оно, по-видимому, проникло непосредственно из татарского языка в более позднее время (< тат. соры, башк. һоро в том же значении).

tęri 'карий'.

Данное слово во всех диалектах удмуртского языка употребляется только для обозначения темной масти лошади. При наличии различных оттенков темной масти к слову tęri добавляются определения śęd 'черный' или keĺįt 'рыжий'. Подобное словосочетание выражает одно понятие 'вороная (лошадь)', keĺįt-tęri 'гнедая (лошадь)'.

В словаре Б. Мункачи рассматриваемое слово зафиксировано в трех фонетических вариантах: teri (Sar.Mal.), tűri (Kaz.), turi. Обозначение фонемы ę разными графемами объясняется тем, что в кукморском (по Б. Мункачи - казанском), а также в бавлинском и шошминском диалектах фонема ę имеет огубленную артикуляцию, тогда как в других диалектах удмуртского и коми языков ę является нелабиализованным. Поскольку кукморский и шошминский огубленные гласные ǫ́, ų́ имеют весьма близкую акустико-артикуляционную окраску, то в

[13] А.М. Щ е р б а к , указ. соч., стр. I5I, I52.
[14] В.Г. Е г о р о в , указ. соч., стр. I83.

словаре Б. Мункачи огубленное ӧ обозначается знаком ӱ, а близкая по артикуляции фонема ӱ обозначается без точки снизу, ср.: todĕ, tüdĕ 'белый', но tüj 'береста' (Munk., 370). Что же касается третьего варианта произношения слова teri через u, то такое произношение в отдельных говорах кукморского диалекта, очевидно, когда-то имело место, так как в языках-источниках - в татарском и башкирском - оно произносится через u: тат., башк., туры 'гнедая', тат. кара туры 'каре-гнедая', туры бурлы 'гнедо-чалая', башк. коба туры 'каурая'. На татарское происхождение данного термина впервые указал Б. Мункачи.[15]

В родственных языках слово teri не встречается.

ćukdor, ćabdar, ťaptar 'игреневая, игреневая лошадь'

Указанными словами называют белоногую лошадь рыжей масти со светлой гривой и таким же хвостом. В УРС зафиксирован первый вариант - ćukdor с пометой "ср". (средний) в значении 'игреневый', в словаре Т. Борисова дается форма ćabdar с переводом 'белоножка'. В бавлинском диалекте распространен третий вариант - ťaptar. С подобным звучанием данное слово бытует также в восточном диалекте марийского языка, ср. чаптар с тем же значением. Как в удмуртском, так и в марийском языке оно ни с какими другими словами не сочетается.

Отсутствие соответствующих параллелей в других финно-угорских языках, в том числе в близкородственном коми языке, позволяет утверждать, что данное наименование масти не является по происхождению исконным, а заимствовано из каких-то соседних тюркских языков. Фонетические различия, обнаруживаемые в пределах этого слова, дают основание сделать вывод о том, что удмуртские ćukdor, ćabdar (ťaptar) заимствованы из разных тюркских языков в разное время. Выступление в первом слоге слова гласной фонемы u в слове ćukdor наводит на мысль, что оно восходит к чувашскому чуптар 'игреневая', где u развилось из древнетюркского *a .[16] Во

---

[15] B. M u n k á c s i, указ. соч., стр. 370.

[16] М. Р я с я н е н , указ. соч., стр. 55, 72-73.

втором слоге о возникло из чувашского а под ассимилятивным воздействием огубленного у первого слога.[17] Озвончение согласных в середине слова для пермских языков не чуждо.[18] Фонема к (? г) вместо ожидаемого р в середине слова, очевидно, возникла в результате диссимиляции.

Второй вариант čabdar (čaptar) по-видимому, заимствован непосредственно из татарского языка, ср. тат. чаптар, башк. саптар. Переход анлаутного č > č для бавлинского диалекта закономерен.[19] Что же касается звонкого произношения сочетания -pt- как -bd- в середине слова, то следует сказать, что подобный вариант произношения, по-видимому, имел место в диалектах самого татарского языка, так как аналогичное произношение мы встречаем в ряде других тюркских языков, сравните: кирг. чабдар, казах, каракалп. шабдар, алт. чабдар, чабыдар, монг. цавьдар.[20]

x x
x

Из тюркских заимствований для обозначения масти животных и лошадей употребляются также слова-цветообозначения kureń, küren (бавл., шошм.), kiren (бт.) 'коричневый, бурый', čibor 'пестрый', čagir 'голубой'.

Слово kureń по происхождению, по всей вероятности, древнебулгарское заимствование, проникшее через предков современных чувашей, ср.: чув. кӗрӗн 'розовый, малиновый' тат., башк. көрән 'буровато-коричневый, кирг. күрөн, ойр., хак. күрен, тув. хүрен, якут. күрэнг 'коричневый, бурый', казах. кызыл күрен 'малиновый', монг. күрен, хүрен 'коричневый'.[21]

---

[17] См. И. Тараканов, Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке. - Труды Института языка и литературы АН ЭССР У. Таллин, 1960, стр. 128.

[18] Д.В. Бубрих, Историческая фонетика удмуртского языка. Ижевск, 1948, стр. 36; В.И. Лыткин, Историческая грамматика коми языка. Сыктывкар, 1957, стр. 88.

[19] И.В. Тараканов, Фонетические осооенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных). АКД. Тарту, 1959, стр. 7.

[20] В.Г. Егоров, указ. соч., стр. 327.

[21] Там же, стр. 107.

Слово čibor 'пестрый, пестро, пестрота' в словаре Б. Мункачи зафиксировано в форме čębor, čubor 'пестрый', в бавлинском диалекте оно произносится как čibor.

Данное слово используется в речи для выражения и цветового признака предметов, и масти животных, и оперения птиц (čibor kišet 'пестрый платок', čibor užpi 'пестрый (чубарый) жеребец', čibor kureg 'пестрая курица').

Из родственных языков čibor встречается в марийском: чувар 'пестрый'.

По непонятной для нас причине Б. Мункачи данное слово снабдил пометой "(or.)" (Munk., 321), что значит русское. М.Р. Федотов возводит его к чувашскому чăпар 'пестрый, пегий'.[22] В других тюркских языках данное слово имеет разное звучание: тат. чуар, башк. сыбар, уйг. чипар, узб. чипор, казах., каракалп. шубар < перс. чебар 'серая масть (с мушками)'. Удмуртский čibor по своему фонетическому облику больше напоминает персидский источник. Поэтому не исключена возможность, что оно проникло в удмуртский язык в древнебулгарский период, т.е. до развития редуцированного ă в чувашском языке.[23] Об этом свидетельствуют также слова типа удм. čidam, čidan < чув. чăтам, тат. чыдам 'терпение' и удм. čigin < чув. чăхăм, тат. чыгым 'норов (лошади), норовистый; упрямый, с норовом (о лошади), если указанные слова не заимствованы непосредственно из татарского языка.

Слово čagir в диалектах фонетических вариантов не имеет и употребляется в значении 'голубой'. Со словом val 'лошадь' оно сочетается лишь в некоторых диалектах - в вавожском и кукморском (čagir val 'лошадь иссиня-серой масти').[24] По мнению М.Р. Федотова[25], оно восходит к чувашскому источнику, ср.: чув. чакар 'голубой, светло-голубой, серый', тат. чагыр 'косой (о глазах)'.

---

[22] М.Р. Ф е д о т о в , указ. соч., стр. I6I.

[23] А.М. Щ е р б а к , указ. соч., стр. I49.

[24] Устное сообщение кандидатов филологических наук С.В. Соколова и В.К. Кельмакова.

[25] М.Р. Ф е д о т о в , указ. соч., стр. I59.

Проведенный анализ слов показывает, что в ходе исторического развития удмуртского языка в его словарном составе сложилась весьма стройная лексико-семантическая группа слов, с помощью которых лаконично и четко выражается масть лошадей. В преобладающем большинстве своем они представляют собой заимствования из древнебулгарского и татарского языков. В самих пермских, да и во всех других финно-угорских языках специальной терминологии для выражения масти животных, очевидно, не было в связи с невысоким развитием в прошлом скотоводства и земледелия. Масть животных первоначально выражалась, по-видимому, описательно. Для этого использовалась существующая номенклатура цветовых обозначений. Следы употребления таких терминов наблюдаются и в настоящее время, ср.: удм. pejmit-gord, к. pemid-gerd или śed-gord, к. śedev-gord 'коричневый'; удм. liz-puriś, к. lezen-pert-maśiś 'серый, темно-серый'; удм. śeden-tędijen 'пегий'; к. una rema 'пестрый'.

Проникновение тюркских элементов в систему обозначений масти обогатило словарний состав удмуртского языка новыми словами, расширило синонимические ряды многих слов, с одной стороны, а, с другой, породило дублетность, что постепенно способствовало выходу из употребления ряда описательных наименований масти. Поэтому по сравнению с коми языком удмуртская терминология, обозначающая масть, более развита и лаконична.

Сокращения

Азерб. = азербайджанский язык; алт. = алтайский язык ; бавл. = бавлинский диалект; башк. = башкирский язык; бт. = = буйско-таныпский диалект; др.-тюрк. = древнетюркский язык; каз. = казанский диалект; казах. = казахский язык; каракалп. = каракалпакский язык; карач. = карачаевский язык; киргг. = киргизский язык; кукм. = кукморский (казанский) диалект; к. = коми язык; КБ = Кутагду билиг (древнеуйгурский памятник, написанный Юнусом Баласагунским в 1069 г.); Мал. = = С.Е. М а л о в , Памятники древнетюркской письменности. Москва-Ленинград, 1951; мар. = марийский язык; монг. = мон-

гольский язык; ойр. = ойротский язык; перс. = персидский язык; саг. = сагатайский язык; сев. = северный диалект; сред. = средний диалект; тат. = татарский язык; тув. = тувинский язык; туркм. = туркменский язык; тур. = турецкий язык; удм. = удмуртский язык; узб. = узбекский язык; уйг. = = уйгурский язык; хак. = хакасский язык; чаг. = чагатайский язык; чеч. = чеченский язык; чув. = чувашский язык; шошм. = шошминский диалект; шор. = шорский язык; юх. = южный диалект; якут. = якутский язык.

I. V. Tarakanov
(Ishevsk)

BEZEICHNUNG DER HAARFARBE IM UDMURTISCHEN

Zusammenfassung

In dieser Arbeit analysiert der Autor als einzelne etymologische Beiträge folgende Wörter, die die Farbe von Pferden bezeichnen: kulo 'der Rehbraune', burli der Graue (mit anderen Farben vermischt), sari 'der Falbe', süri 'der Graue, der Dunkelgraue', sur 'der Aschgraue', teri 'der Braune', čukdor, čaptar 'ein Pferd mit einer fransenverzierten Mähne an der Seite', kurem 'der Braune, der Graubraune', čibor 'der Bunte', čagir 'der Blaue'.

Alle obenangeführten Wörter sind der Herkunft nach türkisch-altbulgarisch oder tatarisch. Das Eindringen der türkischen Elemente ins System der Bezeichnung der Tierfarbe, besonders der Farbe von Pferden, wird verständlich mit der hohen Entwicklung der Pferdezucht bei der türkischen Völkerschaften, während dieses Gebiet der Wirtschaft bei der permischen und den finnisch-ugrischen Völkern in der Vergangenheit nicht so stark entwickelt war, in diesem Zusammenhang werden zum Ausdruck der Haarfarbe die Wörter benutzt, die in diesen und jenen Sprachen allgemein sind.

Д.В. Цыганкин
(Саранск)

ДИАЛЕКТНЫЕ ПОДСИСТЕМЫ ПОСЕССИВНЫХ АФФИКСОВ И МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ В ПОСЕССИВНЫХ СЛОВОФОРМАХ ЭРЗЯ-МОРДОВСКОГО ЯЗЫКА

В системе показателей принадлежности грамматически выражены три категории: I) лицо, 2) число обладателей, 3) число обладаемых. Их соотношение образует систему посессивных аффиксов (СПА).

Соотношение этих категорий и показателей в говорах эрзя-мордовского языка представлено различно. В зависимости от этого все говоры объединяются в диалектные группы, в каждой из которых своеобразно реализуется общемордовская СПА в виде отдельных подсистем посессивных аффиксов (ППА).

П - I - А

Категория обладателя	Лицо	Категория обладаемого			
		одно обладаемое	много обладаемых	одно обладаемое	много обладаемых
		в номинативе		в косв. падежах	
Один обладатель	I.	-м	-н	-н	
	2.	-т, -т́		-т, -т́	
	3.	-з...[I]	-нз...	-нз...	
Много обладателей	I.	-н...к, -н́...к		-н...к, -н́...к	
	2.	-нк, -н́к		-нк, -н́к	
	3.	-ст		-ст	

[I] Вместо точек может быть гласный заднего или переднего ряда, в зависимости от фонетической структуры корневой морфемы.

П - II - Б

Один обладатель	I.	-м		-м
	2.	-т, -т́		-т, -т́
	3.	-з...	-нз...	-нз...
Много обладателей	I.	-н...к, -н́...к		-н...к, -н́...к
	2.	-нк, -н́к		-нк, -н́к
	3.	-ст		-ст

П - Ш - В

Один обладатель	I.	-н		-н
	2.	-т, -т́		-т, -т́
	3.	-з...	-нз...	-нз...
Много обладателей	I.	-н... к		-н...к
	2.	-нк		-нк
	3.	-ст		-ст

П - IУ - Г

Один обладатель	I.	-м	-н, -н́	-н
	2.	-т, -т́	-нт, -н́т́	-нт, -н́т́
	3.	-з...	-нз...	-нз...
Много обладателей	I.	-м...к	-н...к, -н́...к	-н...к, - н́...к
	2.	-нк,	-н́к	-нк, -н́к
	3.	-ст, -ск		-ст, -ск

П - У - Д

Один обладатель	I.	-м	-н, -н́	-н, -н́
	2.	-от, -ет -т, -т́	-ут, -ит́	-т, -т́
	3.	-з...	-нз..., -нд	-нд..., -нз...
Много обладателей	I.	-м...к	-н...к, -н́...к	-н...к
	2.	-нк, -н́к, -ук		-нк, -н́к
	3.	-ск, -ст		-ск, -ст

П - УI - Е

Один обладатель	I.	-м	-н	-н
	2.	-т, -т́	-нт, -т́	-т, -т́
	3.	-з...к	-нз...к	-нз...к

Много обладателей	I.	-м...к	-н...к, -н́...к	-н...к, -н́..к
	2.	-нк, -н́к		-нк, -нк
	3.	-ст	-нст, -ст	-ст

П - УП - I

Один обладатель	I.		-м	-м
	2.		-т	-т
	3.	-з...	-нз...	-нз
Много обладателей	I.		-н...к	-н...к
	2.		-нк	-нк
	3.		-ст	-ст

П - УШ - З

Один обладатель	I.	-з...	-н...	-н
	2.	-ц...	-тн...	-т
	3.	-ц	-нд...	-нз...
Много обладателей	I.		-н́...к...	-н...к
	2.		-нк...	-нк
	3.		-сн...	-ст

Анализ приведенных подсистем показывает несомненную общность их составляющих в ее определенных звеньях. Вместе с тем в каждой подсистеме есть и значительные различия, связанные, с одной стороны, с характерной вариантностью диалектных систем, проявляющейся в частных различиях даже весьма общих систем, с другой стороны, с тем, что говоры разных пунктов представляют как бы разные этапы происходящих изменений, а в отдельных случаях и разные варианты таких изменений.

Любая из ППА отражает развитие древнемордовской СПА, в которой категория обладателя и обладаемого находила формальное выражение во всех рядах.[2]

---

[2] Д.В. Бубрих, Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953, стр. 82; Б.А. Серебренников, Историческая морфология мордовских языков, Москва, 1967, стр. 53-56; А.П. Феоктистов, Категория притяжательности в мордовских языках. Саранск, 1963, стр. 64-69.

Категория обладателя	Лицо	Категория обладаемого	
		Одно обладаемое	Много обладаемых
Один обладатель	I.	-м	-нм
	2.	-т	-нт
	3.	-з...	-нз...
Много обладателей	I.	-м...к	-нм...к
	2.	-т...к	-нт...к
	3.	-с...к	-нс...к

Древнемордовская СПА этимологически не первоначальна, она продолжает развитие домордовской системы, которая в свою очередь является наследием СПА финно-угорского языка - основы. Наличие данной системы в языке-основе подтверждено исследованиями многих финно-угроведов и, по предположению Б.А. Серебренникова,[3] может быть реконструирована в следующем виде:

Категория обладателя	Лицо	Категория обладаемого	
		Одно обладаемое	Много обладаемых
Один обладатель	I.	* -mə	* -nmə
	2.	* -tə	* -ntə
	3.	* -sə	* -nsə
Много обладателей	I.	* -mək	* -nmək
	2.	* -tək	* -ntək
	3.	* -sək	* -nsək

Ни в одном из современных финно-угорских языков предположительная СПА языка-основы не сохранилась. В каждом языке она подверглась изменениям. Аффиксы категории обладания и обладателя перемещались, одна парадигма аффиксов вытеснила другую, в некоторых языках исчезли показатели множества обладаемого и обладателей, возникли новые ПА с омонимическими грамматическими значениями. Несмотря на перестройку древней СПА, сохранились, однако, в каждом из

[3] Б.А. Серебренников, указ. работа, стр. 51.

родственных языков следы того, что в структуре посессивных аффиксов (ПА) были представлены, кроме показателя лица, два ряда грамматических показателей, которые соотносились с числом обладателя и обладаемого. Это - показатель к, который указывал на число обладателей и н, употребляемый для обозначения нескольких предметов владения. Они являлись непременными компонентами древней СПА во всех финно-угорских языках. На их основе в каждом отдельном языке возникли новые посессивные аффиксы, образуя своеобразные СПА. Об этом свидетельствуют, например, ПА в финском языке, которые некогда содержали, как древнемордовские ПА, две серии суффиксов с наличием в них -к-ового и -н-ового компонентов. По предположению исследователей финского языка,[4] СПА в глубокой древности имела следующий вид:

Категория обладателя	Лицо	Категория обладаемого	
		Одно обладаемое	Много обладаемых
Один обладатель	I.	-mi 'мой'	-nni (-nmi) 'мой'
	2.	-ti 'твой'	-nti 'твои'
	3.	-san (-sän) 'его'	-nsan (-nsän) 'его'
Много обладателей	I.	-mek 'наш'	-nnek (< -nmek) 'наши'
	2.	-tek 'ваш'	-ndek 'ваши'
	3.	-sak (-säk) 'их'	-nsek 'их'

В процессе развития языка в древнефинской СПА, как и в древнемордовской, произошло смещение аффиксов категории обладания, исчез бесследно показатель категории обладателя. Возникшие на основе этих кардинальных изменений новые аффиксы стали означать в одинаковой мере как единичный предмет обладания, так и множество предметов обладания: poika--ni 'сын-мой', 'сыновья-мои', poika-si 'сын-твой, сыновья-твои', poika-nsa 'сын-его, сыновья-его'. Почти то же са-

[4] Л. Х а к у л и н е н , Развитие и структура финского языка I. Москва 1953, стр. 176; Д.В. Б у б р и х , Историческая грамматика финского языка. Москва-Ленинград, 1955, стр. 44; J. M a r k, Die Possessivsuffixe in den uralischen Sprachen (=MSFOu LIV).Helsinki,1925, стр. 104--242.

мое обнаруживается в диалектных группах эрзянского языка, имеющих подсистемы ПА – П – Б, Ш – В, УП – Ж, ср. цора-м 'сын-мой, сыновья-мои', цора-т 'сын-твой, сыновья-твои', цора-нок 'сын-наш, сыновья-наши', цора-нк 'сын-ваш, сыновья-ваши', цора-ст 'сын-их, сыновья-их'.

Довольно просты в структурном отношении марийские ПА:

	Ед. число	Мн. число
I.	-м(-ем)	-на
2.	-т(-ет)	-да
2.	-же(-жо, -жӧ), -ше(-шо, -шӧ)	-шт(-ышт)

Как видно, в них не обнаруживается -к-овый показатель числа обладателей, а -н-овый показатель множественности обладаемого выступает лишь в I л. мн. числа. Однако, как предполагает И.С. Галкин, в древнемарийской СПА также наличествовали две серии притяжательных аффиксов, в структуре которых обязательными были -к-овый и -н-овый показатели. Исходя из таких предпосылок, им восстанавливается предположительная СПА, функционирующая в древнемарийском языке:

Категория обладателя	Лицо	Категория обладаемого	
		Одно обладаемое	Много обладаемых
Один обладатель	I.	-ме	-нме
	2.	-те	-нте
	3.	-се	-нсе
Много обладателей	I.	-мӓк	-нмӓк
	2.	-тӓк	-нтӓк
	3.	-сет	-нсет

Как видно, в древнемордовской системе произошли разительные перемены. Формы на -мӓк, -тӓк вытеснились -н-овыми, которые стали выполнять роль -к-овых форм. ПА с -н-овым компонентом полностью заменились новыми суффиксами множественного числа – -влак, -шамыч.[5]

[5] И.С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка I. Йошкар-Ола, 1934, стр. 81.

К-овый показатель категории обладателей исчез во многих финно-угорских языках. Наиболее ясные его реликты сохранились в саамском,[6] венгерском[7] и в мордовских языках. Особенно показательны в этом отношении диалектные группы, имеющие подсистемы ПА-IУ-Г, У-Д, УI-Е. В них обнаруживается былое наличие двух серий притяжательных суффиксов почти во всех рядах, исключение составляет ряд тынк 'ваш, ваши'.

А

I. кудо-м 'дом-мой'	I. кудо-н 'дома-мои'
2. кудо-т 'дом-твой'	2. кудо-нт 'дома-твои'
3. кудо-зо 'дом-его'	3. кудо-нзо 'дома-его'

Б

I. кудо-мок 'дом-наш'	I. кудо-нок 'дома-наши'
2. кудо-нк 'дом-ваш'	2. кудо-нк 'дома-ваши'
3. кудо-ск 'дом-их'	3. кудо-нст 'дома-их'

В других диалектных группах в результате выравнивания лично-притяжательных форм функции показателей -к и -н, как выразителей множественности предмета обладания и обладателя, стерлись в языковом сознании и слились в сложных суффиксах как показатели, главным образом, лица обладателя в рядах минек 'наш, наши', тынк 'ваш, ваши', а в рядах мон' 'мой, мои', тон' (тонт') 'твой, твои' они совсем исчезли. Процесс выравнивания и, следовательно, разрушения древней общемордовской СПА привел к тому, что в этих новых подсистемах стало невозможно отличать форму, выражающую множественное число обладаемого, от формы, выражающей единственное число обладаемого, и наоборот. Создалось своеобразное противоречие между грамматической формой и грамматическим содержанием. Но поскольку идея одного или нескольких предметов обладания требовала от носителей языка различных форм ее выражения, поскольку появляются новые, главным образом, аналитические формы для выражения множественного числа обладаемого. Этими формами устраняется указанное противоречие не только в номинативе, но и в косвенных падежах. Весьма широко используются для этих целей аналитические конструкции с участием форм указательного склонения, например: ёорам 'сын-мой,

[7] К.Е. Майтинская, Венгерский язык I. Москва, 1955, стр. II2.

сыновья-мои' - мо́н ю́рас́ 'сын мой' - мо́н ю́ратне 'сыновья-мои', ю́ранок 'сын-наш, сыновья-наши' - ми́нек ю́рас́ 'сын-наш' - ми́нек ю́ратне 'наши сыновья'.

Среди диалектных групп особое место занимает группа говоров с подсистемой ПА-УШ-З. В этих говорах заметны элементы мокшанского языка.[8] Таковыми являются и ПА. Отличие от мокшанских ПА состоит лишь в том, что диалектный аффикс ряда минек -не́ка(ни́ка) и ряда тынк -нкя оформились по типу эрзянских аффиксов -нек и -нк, к которым примкнула ӓ, очевидно, под влиянием ПА этой же подсистемы -зӓ 'мой', -цӓ 'твой', -нӓ 'мой'. Мокшанский ПС -нкӓ 'наш, наши' является более поздним образованием и в основе его лежит суффикс -нэк. Как видно из таблицы, в данной подсистеме достаточно четко дифференцировано ед. и мн. число обладаемого в рядах мо́н, то́н, сонзэ: пакс́а-зӓ 'поле-мое' - пакс́а-нӓ 'поля-мои', пакс́а-цӓ 'поле-твое' - пакс́а-тнӓ 'поля-твои', пакс́а-ц 'поле-его' - пакс́а-нза 'поля-его'. Множество обладаемых остается не дифференцированным: пакс́а-ни́кӓ 'поле-наше, поля-наши'. Подсистема ПА УШ-З отражает процессы смешения эрзянских и мокшанских говоров, и на основе скрещения двух разнотипных подсистем возникла новая подсистема ПА, содержащая в себе аффиксы вторичного образования. В новообразованиях заметную роль сыграли указательные местоимения с́ӓ 'этот', нӓ 'те'. Вторичными аффиксами являются: -зӓ (ю́ран+с́ӓ > ю́ранзӓ > ю́ра-зӓ), -цӓ (ю́ра-т+с́ӓ > ю́ра-цӓ), -ц (ю́ра-н+с > ю́ра-ц), -нӓ (ю́ра-н+нӓ > ю́ра-нӓ), -тнӓ(ю́ра-т+нӓ > ю́ра-тнӓ), -сна(ю́ра-ст+нӓ > ю́ра-сна) На основе эрзянских ПА -нек, -нк возникли -не́кӓ, -нкӓ.

В косвенных падежах, за исключением генитива и датива, в рассматриваемой диалектной группе употребляются первичные суффиксы, т.е. такие, которые характерны для говоров с подсистемой ПА УК-К: -н, -т, -нза, -нек, -нк, -ст. Формы генитива и датива образуются с участием вторичных суффиксов: пакс́а-зь-е-нь 'поля-моего', пакс́аст́и 'полю-моему' и т.д.

---

[8] М.Т. Б и б и н , Говоры наскафтымской мордвы. - Уч. зап. Мордовского ун-та № 43, серия мордовская филология. Саранск, 1964, стр. 124-125; В.Д. О б ъ е д к и н , Говор села Мордовское Давыдово бывшего Кочкуровского района Мордовской АССР. - Очерки мордовских диалектов III. Саранск, 1963, стр. 62-64.

Посессивные аффиксы характеризуются консонантным началом и образуют в диалектной СПА восемь основных структурных типов: С, СС, ССУ, СУ, СУС, ССС, СУСУ, ССУС. Из одночленных структур тип С объединяет 4 аффиксальных морфемы и их аллоформы, тип СС – соответственно 4, тип ССУ – 5, тип СУ – 4, тип СУС – 3, тип ССС – I, тип СУСУ – I, тип ССУС – I. В качестве вокалического элемента в этих структурах используются все гласные фонемы, кроме а. Фонетическое строение ПА, инвентарь используемых в них гласных, всецело зависит от фонетической формы корневой морфемы, в которой заметно проявляются фонетические особенности того или иного эрзянского говора.

Основные типы ПА и их аллоформы могут быть представлены в виде следующей таблицы, где ОТ – основной тип ПА, ВА – – вариант аффикса, ДП ПА – диалектные подсистемы ПА.

	ОТ	ВА	ДП ПА	Примеры
	-м	–	А.Г.Д.К.Е.	пакс́а-м 'поле-мое'
			Б.	пакс́а-м 'поле-мое, поля-мои'
	-т	-т́	А.Б.В.	пакс́а-т 'поле-твое, поля-твои'
				вел́е-т 'село-твое, села-твои'
I			К.	вел́е-т 'село-твое, села-твои'
	-з...	-зо, -зу	А.Б.В.Г.Д.К.	пакс́а-зо, пакс́а-зу, пакс́а-зâ
		-зâ, -зэ	Д.К.	'поле-его', вел́е-зэ, вел́изâ 'село-его'
	-з...к	-зок, -зэк	Е.	пакс́а-зок 'поле-его', вел́е-зэк 'село-его'
	-з́...	-з́е	З.	вел́е-з́е 'село-мое',
		-з́ä		пакс́а-з́ä 'поле-мое'
	-ц...	-ц́е	З.	вел́е-ц́е 'село-твое'
		-ц́ä		пакс́а-ц́ä 'поле-твое'
	-ц		З.	пакс́ац 'поле-его'
	-н	–	А.К.	пакс́а-н 'поля-мои', вел́е-н 'села-мои'
		–	В.	пакс́а-н 'поле-мое, поля-мои'
II	–	-н́	Г.Д.	пакс́а-н 'поля-мои' вел́е-н́ 'села-мои'
	-н...	-н́ä, -н́е	З.	пакс́а-н́ä 'поля-мои'
	-нт	-н́т́	Г.Е.	пакс́а-нт 'поля-твои', вел́е-н́т́ ,села-твои,

333

	-тн...	-тнӓ, -тне	З.	пакса-тнӓ 'поля-твои'
	-нз...к	-нзок, -нзэк	Е.	пакса-нзок 'поля-его' веле-нзэк 'села-его'
	-нз...	-нзо, -нзу, -нзâ	А.Б.Г.Д.Е.Ж.З.	пакса-нзо, пакса-нзу, пакса-нзâ 'поля-его'
	-нд...	-ндо, -нду	Д.	пакса-ндо 'поля-его'
	-м...к	-мок, -мук, -мек	Г.Д.Е.	пакса-мок 'поле-наше'
III	-нст	-	Е.	пакса-нст 'поле-их'
	-ск	-ск	Д.	пакса-ск 'поле-их, поля-их'
	-н...к	-нок, -нук -нэк, -ник	А.Б.	пакса-нок, пакса-нук 'поля-наши, поле-наше', веле-нек 'село-наше, села-наши'
		-но, -нэ	Г.Д.Е.	пакса-нук, пакса-но 'поля-наши', веле-ник, веле-не 'села-наши'
IУ		-нык, -нэк, -нэк	В.Ж.	пакса-нык 'поле-наше, поля-наши', веле-нэк 'село-наше, села-наши'
	-нк	-нк	А.Б.Г.Д.Е.	пакса-нк 'поля-ваши, поле-ваше', веле-нк 'село-ваше, села-ваши'
			В.Ж.	пакса-нк 'поля-ваши, поле-ваше', веле-нк 'село-ваше, села-ваши'
	-ст	-	А.Б.В.Г.Д.Е.Ж.	пакса-ст 'поля их, поле их', веле-ст 'села-их, село-их'
	-н...к...	-никӓ, -некӓ, -нека	З.	пакса-никӓ 'поля-наши, поле-наше'
	-нк...	-нкӓ, -нке	З.	пакса-нкӓ 'поля-ваши, поле-ваше'
	-сн...	-сна̂, -снӓ -цна̂, -цнӓ	З.	пакса-сна 'поля-их, поле-их'

Структура ПА, их связь с корневой морфемой с точки зрения морфонологии имеют ряд особенностей. В отдельных подсистемах обнаруживается чередование гласных, выступающее в качестве единственного средства выражения формальной оппозиции ед. и мн. числа обладаемого. Так, например, если рассматривать ПА подсистемы У-Д в отношении с ПА других подсистем, можно с уверенностью констатировать следующее морфонологическое правило: I) чередование гласных о ~ у, е ~ и на стыке корневой морфемы с конечным согласным и ПА ряда тонь 'твой' -т, -т́ служит маркирующим признаком дифференциации ед. и мн. числа обладаемого при одном обладателе. Например: вал 'слово' - вал-о-т 'слово-твое' вал-у-т 'слова-твои', кедь 'рука' - кедь-е-т́ 'рука-твоя', кедь-и-т́ 'руки-твои'. Однако существительные с гласной основой такого различия не имеют, что обусловило появление грамматической омонимии: кудо 'дом' - кудо-т 'дом-твой' и 'дома-твои', селме 'глаз' - селме-т' 'глаз твой' и 'глаза-твои'.

Особый интерес представляет группа говоров подсистемы У-Д, где обнаруживается весьма примечательное морфонологическое явление - чередование ПА -т и его алломорфа -т́ с интерфиксирующимися гласными у, и, являющимися средством выражения грамматических сведений. Ср., например: вал-о-т 'слово-твое' - вал-у 'слова-твои', вал 'слово'; тев-е-т́ 'дело-твое' - тев-и 'дела-твои', тев 'дело'; куз-о-т 'ель-твоя' - куз-у 'ели-твои', куз 'ель'; кедь-е-т́ 'рука-твоя' - кедь-и 'руки-твои', кедь 'рука'. При наличии корневой морфемы с конечным гласным отсутствие ПА -т и его алломорфа -т́ способствовало возникновению омонимов, например: кудо 'дом' - кудо-т 'дом-твой' - кудо 'дома-твои', 'дом'; веле 'село' - велет 'село-твое' - веле(и) 'села-твои', 'село'.

Различие между нулевой формой и корневой морфемой устанавливается по: I) определяемому местоимению тонт: тонт кудо 'твои дома', тонт веле 'твое слово', 2) глаголу-сказуемому в форме мн. ч., сочетающемуся с данным существительным: пиле кельмест 'уши твои обморозились' (ср. лит. пилет, кельмест), 3) числительному или количественному слову, употребляемому в препозиции: кавто кире муинь 'два клубка твоих я нашла'.[9]

[9] Г.И. Ермушкин, О нулевой морфеме мн. числа обладаемого притяжательной конструкции в эрзя-мордовском языке. - Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970, стр. 39.

Сопоставление аффиксов ряда мине́к -н...к и ряда тынк -нк показывает их общность консонантных элементов во всех диалектных подсистемах. Ср. кудо-нок 'дом-наш, дома-наши' - кудо-нк 'дом-ваш, дома-ваши'. Опознавательным маркером в них является гласный, выступающий между согласными компонентыми аффиксальной морфемы -нок (его алломорфы -не́к, -нек, -нык, -нук). Первоначально аффикс -нк также имел в положении между согласными гласный элемент (-нк < *тнэк), но впоследствии в связи с утратой показателя лица -т возник аффикс аналогичный по структуре с аффиксом ряда мине́к. Возникла необходимость различения этих форм. Выпадение гласного устранялась омонимичность форм I и 2 л. мн. числа. Выпадение гласного в данном аффиксе произошло во всех диалектных группах эрзянского языка. Сочетаемость посессивных аффиксов с корневой морфемой имеет ряд особенностей, которые обусловлены морфонологическими возможностями диалектных групп. Законами морфонологии допускается сочетаемость ПА с корневой морфемой только с помощью гласного. При отсутствии гласного на морфемном шве появляется асемантическая прокладка-интерфикс: вие́р 'лес' - вие́р-и-м, вие́р-е-м 'лес-мой'; вал 'слово' - вал-о-нок 'слово-наше, слова-наши'. Эта особенность характерна для преобладающего большинства диалектных групп.

Однако в некоторых говорах, главным образом в говорахс ППА IУ-Г, взаимоприспособление корневой морфемы и ПА имеет отличительные особенности. Они проявляются в том, что ПА Зл. -зо (его алломорфа -зэ) и I л. мн. числа -мок (-мек) присоединяются непосредственно к корневой морфеме, оканчивающейся на согласный. Ср. вие́р 'лес' - вие́р-мек 'лес-наш' (IУ-Г), ср. вие́р-е-нек (I-А, П-Б), брат-со (IУ-Г), брат-о-зо (I-А), брат-у-зу (У-Д, П-Е), брат-ы-за̂ (УШ-Ж) 'брат-его', ле́м-зэ (IУ-Г), ле́м-е-зэ (I-А и др.) 'имя его', кардас-со (IУ-Г, УI-Е), кардаз-ы̂-за̂ (УП-Ж) 'двор-его' и т.д.

В некоторых ППА широко представлены "твердые" и "мягкие" варианты. Этим отличаются ПА рядов мон -н, -н́, тон -т, -т́, мине́к -нок, -не́к, тынк -нк, -н́к. Их появление обусловливается фонетической моделью корневой морфемы. Корневая морфема с конечным гласным заднего ряда или твердым согласным сочетается с "твердым" вариантом ПА, а основы, имеющие

в своем составе гласные переднего ряда или оканчивающиеся на мягкий согласный принимают ПА с "мягким" вариантом. В результате этого притяжательная словоформа в целом звучит или только "твердо", или только "мягко", например: кудо-нок, но веле-нек, тол-о-нок, но вир-е-нек. В отдельных диалектных группах с ППА-Ш-В и УП-Ж притяжательные форманты ряда мон 'мой, мои, тон 'твой, твои', минек 'наш, наши', тынк 'ваш, ваши' в отличие от других говоров выступают лишь в "твердом" варианте, независимо от модели корневой морфемы. ПА не подвергаются влиянию прогрессивной ассимиляции по мягкости и употребляются в одном варианте. Ср. вир-и-н 'леса-мои', вир-и-т 'леса-твои', вире-нек 'леса-наши, лес-наш', вир-и-нк 'лес-ваш, леса-ваши'. Благодаря твердым ПА в этих говорах произошла дифференциация: I) формы множественного числа основного склонения от формы притяжательности 2 лица ед. числа пил-и-т 'ухо-твое, уши-твои' - пил-и-т 'уши'; 2) формы комитатива от притяжательной словоформы I л. мн. числа: реве-нек 'овца-наша, овцы-наши' - реве-нек 'с овцами вместе'; 3) формы генитива от формы притяжательности I л. ед. числа при многих обладаемых: вир-и-н 'леса-мои' - вир-и-н 'леса'. В других эрзянских говорах, например с ППА I--А, П-Б и др., в подобных случаях выражение этих грамматических значений остается не маркированным. Перед нами факты омонимии грамматических формантов. Ср. вали-т 'село твое, села твои' - вали-т 'села' (IУ-Ж), но веле-т 'село-твое, села-твои', 'села' (I-А, П-Б, Ш-В). Таким образом, в говорах, где произошла дифференциация, "твердые" варианты ПА стали маркирующими признаками выражения принадлежности, а соответствующие омонимичные форманты стали показателями других грамматических значений.

Если же модель корневой морфемы имеет на конце гласный среднего и заднего образования, то в говорах с ППА УI-Ж, как и во многих других говорах, формант -т обозначает разные формальные категории: число и принадлежность предмета второму лицу. Например: валма-т 'окна', 'окна-твои, окно-твое', кудо 'дом' - кудо-т 'дома', 'дом-твой, дома-твои'. Из этой группы слов особо следует выделить слова с корневой морфемой с конечной гласной заднего ряда, которому предшествует сочетание согласных или согласные к и г. При образо-

вании от этих основ притяжательной словоформы гласный сохраняется, а при образовании формы множественного числа основного склонения он выпадает. Ср. сардо 'заноза' – сартт 'занозы', сардо-т 'заноза-твоя, занозы-твои'; карга̂ 'журавль' – карк(т) 'журавли', карга̂-т 'журавль-твой, журавли-твои'; латка̂ 'овраг' – латк(т) 'овраги', латка̂-т 'овраг-твой, овраги-твои'. Как очевидно, маркером идеи принадлежности в данной группе слов выступает морфологизированный гласный между корневой морфемой и посессивным аффиксом. В некоторых диалектных группах, в частности в говорах с ППА IУ-Е, формантная омонимия в этой группе слов сохраняется, т.е, при образовании формы множественного числа конечный гласный сохраняется: карго-т 'журавль-твой, журавли-твои', 'журавли'.

Функцию маркера выполняет также гласный, выступающий в качестве интерфикса перед ПА в словоформах ряда мине́к. После непарных и твердых парных, которым предшествует гласный заднего ряда, ПА -ны̂к (его алломорфы -нек, -нык), присоединяется посредством интерфикса: ваз 'теленок' – ваз-ы̂-нек (ваз-ы-нык) 'теленок-наш, телята-наши'. Гласный между основой слова и ПА является приметой притяжательной словоформы и различителем последней от форм комитативного назначения. Ср. сал 'соль' – сал-ы̂-нек 'соль-наша' и сал-нек 'с солью'. В других говорах дифференциация этих форм производится не только интерфиксальным гласным, но и гласным между компонентами ПА, например: сад-ы̂-нек – сад-нек (УП-Ж), сад-о-нок – сад-нэк (А-I, Б-П) 'сад-наш, сады-наши', 'с садом'. Интерфиксы, являясь одним из видов взаимоприспособления корневой морфемы и ПА, широко представлены в притяжательных словоформах в номинативе, в косвенных падежах они являются лишь исключением. Это объясняется тем, что ПА в косвенных падежах присоединяются к аффиксам, имеющим структуру СУ или ССУ, исключение составляет латив, у которого аффикс состоит из одного консонантного элемента. Ср. кудо-со 'в доме' – кудо-со-нок 'в доме-нашем, в домах-наших', кудо-с 'в дом' – кудо-з-нок 'в дом наш, дома-наши'.

Диалектные группы отличаются более или менее заметными особенностями в интерфиксации ПА. Для одних диалектных групп распространенными интерфиксами являются о, ӧ: скал

'корова' - скал-о-нт 'коровы-твои', вир́ 'лес' - вир́-е-н 'леса-мои', тев 'дело' - тев-е-нек 'дела-наши'. Другие диалектные группы в качестве таковых используют у, н: сад-у-нк 'сад-ваш, сады-ваши', кед́ 'рука' - кед́и-нт 'руки-твои', сад-о-з-у-нок 'в сад-наш, сады-наши', кед́-е-з-н-нек 'в руки-наши'. Имеется диалектная группа, где интерфиксами выступают редуцированные ӈ, ӗ: сад-ӈ-т 'сад-твой, сады-твои', тол 'огонь' - тол-ӗ-зӑ 'огонь-его'. Выбор того или иного интерфикса зависит от разнообразия фонетических подсистем, наблюдаемых в диалектных группах.

Интерфиксация, действующая в строго определенных морфонологических позициях, отличается строгостью и неизбежностью. Взяв диалектную корневую морфему, мы можем с уверенностью сказать, какой именно интерфикс будет содержать посессивная словоформа. Исключением являются некоторые говоры диалектной группы с ППА II-Г. Здесь взаимоприспособление основы и аффикса при образовании посессивной словоформы происходит без интерфикса.

Таким образом, диалектная система эрзя-мордовского языка в отношении морфологических форм принадлежности неоднородна. Эта неоднородность определила несколько диалектных подсистем ПА. Основные различия между диалектными подсистемами связаны с оформлением категории обладателя и обладаемого. По своему происхождению такие диалектные ПА представляют собой или остатки старых формантов, бывших когда-то общемордовскими, или новообразования, возникшие на диалектной почве. Имеются значительные расхождения между диалектными группами и в морфонологии посессивных словоформ. Их изучение даст возможность проследить общие тенденции в организации морфем в системе именного словоизменения.

D. V. C y g a n k i n
(Saransk)

DIALEKTALE SUBSYSTEME DER POSSESSIVAFFIXE MIT MORPHONOLOGISCHEN BESONDERHEITEN IN POSSESSIVEN WORTFORMEN DER ERSÄ-MORDWINISCHEN SPRACHE

Z u s a m m e n f a s s u n g

Das dialektale System der ersä-mordwinischen Sprache in Bezug auf morphonologische Formen ist nicht gleichartig gestaltet. Man unterscheidet darin mehrere dialektale Subsysteme von possessiven Affixen (ППА). Die wichtigsten Unterschiede dazwischen sind mit den formellen Ausdrucksmöglichkeiten der Kategorie des Besitzers und der Besitzung verbunden. Es werden ПП А erschlossen, wo das gewesene Vorhandensein von zwei Serien der Possessivsuffixe fast in allen Reihen erhalten bleibt: П-У-Д und П-УІ-Е (vgl. die Tabellen). Unter den dialektalen Gruppen nimmt die Gruppe von Ersädialekten mit dem Subsystem П-УШ-З, wo die Elemente der Mokschasprache fühlbar sind, besonderen Platz ein. Solcherart Elemente sind auch ПА . Ihrer Herkunft nach sind die dialektalen ПА entweder Überreste von alten Formanten, jemals gemeinmordwinisch, oder sie sind Neubildungen, die auf dialektaler Grunglage entstanden sind.

In dem Artikel werden morphonologische Besonderheiten von ПА und von possessiven Formen eingehend betrachtet. Von morphonologischen Erscheinungen werden diejenigen Wechselsarten hervorgehoben, die durch gewissen morphologischen Inhalt gekennzeichnet werden, Interfixation und andere Erscheinungen.

M. V e i n b e r g a
(Tartu)

ÜHISEID 'KÄSI' JA 'JALG' SÕNADEGA FRASEOLOGISME EESTI JA LÄTI KEELES

0.1. Eesti ja läti keele suhteid pole seni laiemalt uuritud. Läti keeleteadusest võib nimetada J. Endzelīnsi teoseid[1], samuti S. Rağe, M. Rudzīte, A. Breidaksi ja mõnede teiste autorite artikleid üksikutest (peamiselt eesti resp. läänemeresoome keeltest laenatud sõnavara) küsimustest. Samasugune olukord valitseb ka eesti keeleteaduses. Laiemalt tuntakse P. Arumaa ja K. Abeni artikleid.[2]

0.2. Mõlema keele kontakti küsimus nõuab siiski suuremat tähelepanu ja süvenemist. Et saada selgemat ettekujutust nende keelte suhetest, püütaksegi käesolevas kirjutises vaadelda neid fraseoloogia tasemel. Just somaatilised[3] fraseologismid on võrdlusobjektiks valitud sellepärast, et suur osa neist on vana päritoluga; seda tunnistavad arhaismid antud fraseologismide struktuuris[4] ja vanade grammatiliste vormide kasutamine.[5] Samuti on selgeks tehtud, et mingi kehaosa nimetusega seotud fraseologismi

---

[1] Я. Э н д з е л и н, О латышско-финских языковых связях. - Памяти академика Льва Владимировича Щербы 1880–1944. Ленинград, 1951, lk. 300-304; üksikmärkused monograafias И. Э н д з е л и н, Латышские предлоги I. Юрьев, 1905; II. Юрьев, 1906.

[2] P. A r u m a a , Eesti-liivi ja läti ühisest fraseoloogiast ning süntaksist. - Eesti Keel 1935, lk. 124-136; K. A b e n , Eesti ja liivi laene läti sõnavaras. - ESA III 1957, lk. 199-215.

[3] Kr. sõma 'keha'; fraseologismid, mille koosseisu kuuluvad inimese või looma kehaosade või organite nimetused.

[4] Näit. läti laist ļekas vaļā 'jalga laskma'; sõna leka tähenduses '(jala)tald' tänapäeva keeles enam ei tunta.

[5] Näit. somaatilise lekseemi käsi või jalg kasutamine ainsuses mitmuse asemel.

erikaal sõltub selle kehaosa tähtsusest.[6] Niisuguselt seisukohalt väärivadki tähelepanu mõlemad jäsemed - käed ja jalad, sest oma spetsiifiliste funktsioonide tõttu on nad meie teadvuses seotud mingi konkreetse aktiivse seisundiga või selle muutumisega, liikumisega, igasuguste töö- ja tegevusvormidega - kõige sellega, milleta pole üldse mõeldav inimese täisväärtuslik olemine.

0.3. Võrdluseks on kasutatud 1) Läti Riikliku Ülikooli Filoloogiateaduskonna läti keele kateedri fraseoloogiakartoteegi materjali ja väljakirjutusi P. Šmitsi läti muinasjuttude ja muistendite kogust "Latviešu tautas pasakas un teikas", 2) autori väljakirjutusi järgmistest allikatest: Wiedemanni sõnaraamat (1893), A. Saareste "Eesti keele mõisteline sõnaraamat", "Eesti-saksa sõnaraamat" (1970), peale selle ilukirjandusest ja perioodikast. Võrdluseks on kasutatud ka K. Abeni sõnaraamatut "Igauņu-latviešu vārdnīca" (1967).

0.4. Ülevaates fraseoloogia kui lingvistilise distsipliini tekkimisest läti keeleteaduses rõhutab A. Laua teoreetiliste probleemide lahendamise vajadust.[7] Selline küsimusele lähenemine on tinginud ka käesoleva artikli struktuuri: eelkõige esitatakse materjali analüüsi tulemused ja seejärel eesti ja läti ühiste fraseologismide tabel, milles materjal on grupeeritud.

1.0. Materjal on grupeeritud põhiliselt semantika järgi, samal ajal silmas pidades ka fraseologismide abstraktsiooniastet ning võimaluse piires ka seost inimese psüühiliste protsesside ja seisunditega.

1.1. I osa 1. rühma fraseologismid näitavad inimese psüühilist seisundit konkreetses situatsioonis. Seejuures on nad kõik selliste vabade sõnaühendite homonüümid, mille sõnaline vormistus on vastavas emotsionaalses seisundis

---

[6] F. V a k k , Suured ninad murdsid päid ... (Pea ja selle osad rahvalike ütluste peeglis). Tallinn, 1970, lk. 260.

[7] A. L a u a , Vārda semantiskā struktūra un frazeoloģija (ilmumas).

tehtud žesti või liigutuse otsene, konkreetne kirjeldus, näit. käega (käpaga) lööma ~ heitma (~viskama), endale käega otsaette ~ vastu otsaesist lööma, käsi laiutama ~ laotama jne. Näit. "Mina olen kõik ära katsunud. Nüüd ei jää muud üle kui ähkida ja puhkida ja käsi laiutada." (O. L u t s , Suvi. Tallinn, 1970, lk. 129).

1.2. Ka osale 2. rühma fraseologismidele võivad vastata vabad sõnaühendid, ometi on vahet teha juba kergem, sest oma otseseski tähenduses kannavad need ühendid suuremat üldistust: nad iseloomustavad viisi, koguni protsessi võrreldes esimese rühma momentaansete žestide ja lühiajaliste tegevuste tähistamistega. Üldiselt väljendavad need fraseologismid seisundit (näit. tühjade (tühja) kätega, peost suhu) või millessegi või kellessegi suhtumist (näit. mõlema (kahe) käega ~ mõlemi käsi, käte peal hoidma ~ kätel kandma jne.).

1.3. Et nii läti kui ka eesti materjal on olnud võrdselt uurimisobjektiks,[8] siis moodustavad 3. rühma fraseologismid (kus sõna käsi funktsioneerib pars pro toto printsiibil) omakorda kaks rühma, millest teine sisaldab enamasti eesti näiteid, somaatiline sõna käsi kohakäänetes.

1.4. II osa 1. rühma allrühm on moodustatud analoogiliselt I osa 1. ja 2. rühmaga (psüühilist seisundit või kellessegi suhtumist väljendavad fraseologismid), et ta aga II osa fraseologismide taustal on väike ja väheütlev, on ta tinglikult viidud jalgade põhifunktsiooni rühma (kuigi liikumisega otseset seost ei olegi, näit. jalge alla tallama (trampima), jalga taha (ette) panema).

1.5. Ülejäänud rühmade iseloom peaks selguma tabelist endast. Sellist materjali grupeerimist ei tule muidugi võtta lõplikuna, ometi annab ta mõningaid objektiivseid kriteeriume ja lubab vältida ebasoovitavat materjali killustust ning rühmade omavahelist kattumist.

---

[8] Võimalikud on aga ebavõrdsed tulemused eelkõige kasutatud eestikeelse materjali vähesuse tõttu.

2.1. Nagu tabelist nähtub, saab kinnitust tees, et "somaatilised fraseologismid on üheks kõige internatsionaalsemate püsivate sõnaühendite kihistuseks"[9] - ka siit on peaaegu alati leida otsemaid või kaugemaid vastavusi eesti ja läti fraseologismide vahel. Ühine tuleneb esiteks žestide ja nende sümboolika ühtsusest (eriti käega seotud fraseologismide puhul). Teiseks võivad sarnased metafoorid tekkida kehaosade ühiste funktsioonide tõttu.

2.2.1. Kuid mitte alati ei vasta ühe keele fraseologismile teises keeles püsiv sõnaühend; sama mõttekäik võib olla ka teiste keelevahenditega väljendatud. Nii kohatakse veel läti keeles fraseologismi pirmā roka /esimene käsi/ 'eelistus'[10]. Tänapäeva läti kirjakeeles võib see ette tulla ainult arhaismine, selle asemel kasutatakse substantiivi priekšroka (< priekšējā e. pirmā roka). Eesti keeles vastavat fraseologismi küll ei ole, kuid sama printsiibi järgi on tekkinud liitadverb eeskätt. Analoogilist seost näeme eesti fraseologismi kellegi käsi jääb peale 'kellegi käes on ülekaal' ja läti substantiivi virsroka (< virsējā roka 'pealmine käsi) 'ülekaal' vahel. Üldiselt on liitsõnade kasutamine kunagiste sõnaühendite (fraseologismide) asemel eesti keelele iseloomulikum, näit. roku rokā - käsikäes (< käsi käes), pa rokai - käepärast (< käe pärast) jms.

2.2.2. Eesti fraseologismidele, milles sõna käsi on sisekohakäänetes, võib lätikeelne fraseologism mitte vastata ka sellepärast, et antud mõiste väljendamisel somaatilist lekseemi üldse ei kasutata. Näiteks funktsioneerib ühendverb kätte võtma vahel teise verbi omamoodi stiililise tugevdajana tähenduses 'tõesti (midagi tegema)', ta rõhutab selle verbiga väljendatud toimingut, juhib sellele tähelepanu; seega tulebki käsitada seda ühendverbi fraseologismina. Näit. "Ei aita vanaemal muud, võta aga kätte ja räägi." (O. L u t s , Kevade, lk. 76), "Talv võt-

---

[9] F. V a k k , Suured ninad ..., lk. 16.

[10] Siin ja edaspidigi järgneb lätikeelsele fraseologismile tema sõnasõnaline tõlge nurksulgudes, siis tähendus.

tis kätte ja tuli seekord juba viimakuul." (P. R u m m o , Kodumaal rännates. Tallinn, 1970, lk. 131). Sama väljendusviisi tuntakse ka läti keeles, ainult selle vahega, et stiililine rõhutaja on üksnes verb ņemt(-ies) 'võtma'. Näit. "tie nu ņēma un nuoplēsa kalnu" (K. M ū l e n b a c h a Latviešu valodas vārdnīca II. Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. E n d z e l ī n s . Rīgā, 1925 - 1927, lk. 898), "vęcākais nemas tev un nuomirst" (sealsamas, lk. 899). Märgitagu, et ka eesti keeles võib võtma vahel üksi esineda, näit. "On T. Lepiku hobune /fotonäitusel/, see tänapäeva muinasjutuline olend. Võta ja sõida temaga maailma otsa ja aegade hämarusse!" (Edasi 1971, nr. 83, 2_4).

2.3.0. Üldse on fraseologismidel, millel sõna käsi on sisekohakäänetes, vähem läti vasteid (vt. I osa 3. rühma 2. allrühm), sest somaatilise sõna kasutamissfäär (ühendverbides ja postpositsioonidena) ei ole seal nii lai, ka eesti ühendverbiga sarnane verbi ja adverbi (s. o. adverbialiseerunud kohakäände rokā) kasutamine on tekkinud eesti ja liivi keele mõjul.[11]

2.3.1. Läti keeles on verbi perfekteerijaks prefiks. "Niisiis, kus pole vaja väljendada lõpetatud tegevust, seal kasutatakse vastavat mitte-liitverbi ilma prefiksita; seejuures prefiksit millegagi asendamata, sest tal on üksnes perfektiivne tähendus. --- Kus aga prefiks mitte ainult ei perfekteeri, seal väljendatakse tema erilist tähendust mingi asendava sõnaga - harilikult adverbiga."[12] Selle põhjal võiks arvata, et 3. rühma 2. allrühma eesti fraseologismidele vastavad läti fraseologismid on laenatud.

2.3.2. Suhted on siin ometi üpris keerulised; väljendusviisi laen üksi ei tarvitse veel olla fraseologismi laenulisuse kriteeriumiks. Näit. fraseologism ohjasid ~ ohje oma kätte võtma ~ enese käes hoidma - (sa)ņemt ~turēt grožus savās rokās. Ohjade kätte võtmine, käes hoidmine ja käest

---

[11] И. Э н д з е л и н, Латышские предлоги II. Юрьев, 1906.

[12] J. E n d z e l ī n s , Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951, lk. 960.

laskmine võib ka täiesti konkreetne olla. Ohjadega sõitja valitseb hobust. Tähendus 'valitsema' on ka fraseologismidele üle kantud. Et ese ise - ohjad - oli tuttav niihästi eestlastele kui ka lätlastele, siis on võimalik, et siin polegi tegemist eesti laenuga, fraseologism võis tekkida paralleelselt mõlemas keeles. Seda näitab ka läti somaatiline sõna mitmus eesti ainsuse kõrval. Võrreldes omakorda fraseologisme jalga laskma, varvast laskma ~ viskama ~ väristama, sääred tegema, putket tegema läti fraseologismidega laist ļekas ~ kājas ~ pekas ~ ļepas ~ kātus valā, likt ļekas (valā), näeme, et eesti fraseologismides e i o l e ühendverbi. See võiks kinnitada, et valā on siin tõesti vana adverbialiseerunud substantiivi vaļa 'vabadus' (vrd. leedu valià, vene ВОЛЯ) kohakääne, mitte aga eesti keele mõjul imperfektiivse grammatilise aja väljendamiseks kasutatav verbi prefiksi asendaja, nagu a priori võiks arvata.

3.0. Eesti ja läti keele somaatilise fraseoloogia küsimusi on siin käsitletud ainult visandlikult. Et päriselt veenduda somaatilise fraseoloogia kasutamis- ja levimisfääris ning tähtsuses, peab teda vaatlema ulatuslikult muu fraseoloogia taustal. Ka keelekontakte uurides peab võrdlema võimalikult laiemat (ja mitmekülgsemat) materjali - ainult sel teel on võimalik rahvuskeele fraseoloogia spetsiifikale läheneda ja omavaheliste mõjude üle otsustada. Suurt tähelepanu tuleks pöörata võimalike ühiste laenude kindlaksmääramisele, eriti vene ja saksa keelest. Peale selle peaks nii iga keele fraseoloogiat eraldi uurides kui ka kontaktiküsimusi lahendades kasutama ka murdematerjali. Eriti tähtis oleks lõunaeesti murrete fraseoloogia, samuti ka fraseologismid Põhja-Lätis ja liivipärastes murretes.

I. K ä s i

1. Fraseologismid, mis näitavad inimese psüühilist seisundit konkreetses situatsioonis

Eestikeelne fraseologism	Tähendus	Lätikeelne fraseologism
endale käega otsaette ~ vastu otsaesist lööma	äkilist selgust saama, midagi mäletama	iesist sev ar roku pa pieri
kätt südamele pannes	oma sõnu uskuma panema (pannes)	likt (liekot, likdams) roku (sev) uz sirds
käed ~ sõrmed (näpud) sügelevad[13]	on tugev soov midagi teha	rokas ~ pirksti niez
näppu suu peal hoidma	vaikima; hoiatama, vaikimisele sundima	pielikt pirkstu pie lūpām
käega (käpaga) lööma ~ heitma (viskama	millestki loobuma, millestki keeldumа, ükskõiksust väljendama	atmest (mest) ar roku
käsi laiutama ~ laotama	võimaluste puudumist, võimatust, kaotust tõendama	(no)plātīt rokas(-ām)
käsi hõõruma	rahuldust tundma, rahuldust väljendama	berzēt rokas ~ plaukstas
käsi ~ kaht(e) kätt kokku lööma	üllatust, imestust väljendama	sasist ~ saņemt rokas

2. a) Seisundit või b) millessegi (kellessegi) suhtumist väljendavad fraseologismid

a)

tühjade (tühja) kätega	ilma	tukšām rokām ~ ar tuksu roku
palja käega	ilma mingi vahenditа	ar plikām rokām

[13] Fraseologism on paigutatud siia rühma tinglikult.

käsikäes < käsi käes	üheskoos	roku rokā
käsi rüpes (süles) hoidma ~ rüppe panema	mitte midagi tegema, passiivselt millegi peale lootma	turēt ~ salikt (saņemt) rokas klēpī
peost suhu /elama/	vaeselt	no rokas mutē /dzīvot/
b)		
lahtiste kätega	meeleldi	(ar) atplestām rokam
mõlema (kahe) käega ~ mõlemi käsi	erilise heameelega	(ar) abām rokām
kergel käel	muretult, vastutustundeta	ar vieglu roku
kätt jalga mööda	hooletult, nagu juhtub, pealiskaudselt	pa roku galam
käte ja jalgadega (käsi-jalu) /vastu/	kõigest jõust	(ar) rokām (un) kājām ~ ar kājām un rokam
oma käe peal (peale) ~ omal käel	ise, iseseisvalt, nõu (abi) küsimata	us savu roku
käega ~ käpaga katsutav	ilmne	rokām taustāms
oma käega ~ kätega	ise, omal jõul	savām rokām
kätt sirutama	abistama, toetama; leppimist pakkuma	(pa)sniegt roku
käte peal hoidma ~ kätel kandma	erilist heatahtlikkust, armastust väljendama, hellitama	nēsāt (nest) uz rokam
kätt sirutama (millegi järele)	millegi järele püüdlema; (püüdma) varastada	izstiept roku (pēc kaut ka)
(kellegi peale) kätt tõstma	lööma, füüsilist mõju avaldama	pacelt roku (pret kadu)
kätele voli andma	füüsilist mõju avaldama	dot ~ laut rokām valu

3. Fraseologismid, kus sõna käsi funktsioneerib pars pro toto printsiibil[14]

(kellegi) käsi käib hästi ~ halvasti	(kellelgi) läheb hästi ~ halvasti	roka (rokā) labi iet
kätt paluma	abieluettepanekut tegema	lūgt roku
käsi ~ kätt külge panema ~ lööma ~ pistma	1. midagi tegema, tööle asuma; 2. kellelegi füüsilist mõju avaldama; 3. ennast tapma	pielikt ~ piedurt roku(-as)
kätt proovima	proovima, katsuma	izmēģināt ~ (iz)provēt roku
käsist-jalust ~ kätest ja jalgadest siduma	kedagi tegutsemisvõimetuks tegema,	sasiet kādam rokas (un kājas) ~ sasiet kādu pie rokām un kājām
	piirama	saistīt (kādam) rokas (un kājas)
käsi vabaks saama	ennast vabastama	atbrīvot rokas
kellelgi on vabad käed	keegi on vaba, sõltumatu	kādam ir brīvas (kājas un) rokas
käsi /süüst/ puhtaks pesema	süüd enda pealt maha veeretama	mazgāt rokas nevainība
parem käsi	asendamatu abiline	labā roka
käed-jalad tööd täis	palju tööd	(darba) pilnas rokas
käest kätte	ühelt teisele	no rokas rokā
käega katsuda	kergesti kättesaadav, lähedane (lähedal)	ar roku aizsniegt
käepärast < käe pärast	1. lähedal; kergesti, hõlpsasti saavutatav; 2. soodus, sobiv (sobivalt), mugav (mugavalt)	pa rokai

[14] Tähendus on tulnud metonüümia (sünekdohhi) kaudu.

käe-jala juures ~ jala juures	1. lähedal; 2. käepärast; 3. juhuslikult, kogemata, valikuta; 4. üldse olemas[15]	pie rokas
ohjasid ~ ohje oma kätte võtma (nõudma) ~ enese käes hoidma	võimu haarama (nõudma), võimul olema, midagi või kedagi valitsema	saņemt ~ turēt grožus savās rokās
ohjad on kellegi käes	keegi on võimul, keegi valitseb	kādam ir groži rokas
ohjasid ~ ohje käest ära ~ lahti laskma	võimust loobuma, võimu kaotama	izlaist grožus no rokam
enda ~ oma kätte oma käes (enda kätes)	ise, endale, enda teada	savās rokās
end ~ ennast kätte (mitte) andma	(mitte) alistuma	(ne)dotiės rokās

II. J a l g

1. Fraseologismid, mille tähendus on seotud jalgade põhilise funktsiooniga - liikumisega

1) Fraseologismid, mis iseloomustavad käimist

Eestikeelne fraseologism	Tähendus	Lätikeelne fraseologism
jalgu järele vedama	1. viimase jõuga käima; 2. (mitte) ära elama[16]	(ne)pavilkt kājas
jalad ei taha sõna kuulata	on raske (v. kerge) kõndida, pole jõudu	kājas (ne)klausa ~ negrib klausīt
tee on jalge all	peab kuhugi minema, teele asuma	ceļš ir zem kājām

[15] Eesti fraseologismil on seni konstateeritud üksnes 1. tähendus.

[16] 2. tähendus on konstateeritud ainult läti fraseologismil.

kuhu jalad kannavad ~ viivad	ükskõik kuhu	kur kājas nes

2) Fraseologismid tähendusega 'ära jooksma, põgenema'

jalgu selga võtma	ära jooksma, põgenema	ņemt ~ likt kājas par ~ par ~ pa pleciem
jalga laskma, varvast laskma ~ viskama ~ väristama sääred tegema putket tegema (putku panema ~ pistma)	- " -	laist ļekas ~ kājas ~ pekas ~ ļepas ~ katus valā' (laist ~ likt ļekas (valā))

3) Fraseologismid, mis näitavad jooksmise intensiivsust

et kannad välguvad	väga kiiresti	ka kājas ~ papēži nozib
kellelgi läheb pind jalge all tuliseks	ei tohi paigale jääda; kellelgi on väga kiire	kādam zeme deg zem kajām

4) Fraseologismid, mis väljendavad inimese psüühilist seisundit konkreetses situatsioonis või iseloomustavad kellessegi suhtumist

jalge alla tallama (trampima)	füüsiliselt või moraalselt hävitama, alandama	(ar) kājām (sa)mīt ~ (sa)mīdīt ~ sabradāt
jalga taha (ette) panema	nimme takistama, halba tegema	(aiz)likt ~ palikt kāju priekšā

2. Fraseologismid, mis väljendavad seisundi muutmist: üleminekut passiivsest (ebamäärasest) aktiivsesse (kindlasse) seisundisse ja vastupidi

jalul olema	1. ärkvel, üleval olema; 2. rahutu, erutatud olema; 3. tekkima, algama, juhtuma[17]	būt kājās

[17] 2. ja eriti 3. tähendus esineb ainult läti fraseologismil.

jalul olema[18]	1. terve olema; 2. materiaalselt kindlustatud, iseseisev olema	būt uz kājām (pekām, nagiem)
jalule saama[19]	1. terveks saama; 2. materiaalselt kindlustatuks saama	tikt uz kājām (pekām)
omal jalal ~ omil jalul seisma	iseseisev olema	stāvēt uz savām kājām
	iseseisvaks muutuma	nostāties uz savām kājām
jalge alt pinda kaotama	kindlat tunnet, kindlustatud olemist kaotama	zaudēt pamatu zem kājām
koibi sirgu ajama	surema, kārvama	atstiept kājas (ķepas, ļepas)

3. Fraseologismid, mis iseloomustavad olukorda

kuivi jalu ~ kuiva jalaga	noomituseta, karistuseta	sausām kājām
raske jala peal	rase	uz grūtām kājām
pealaest jalatallani (jalatallast pealaeni ~ jalust peani ~ peast varbani)	üleni, väga	no galvas līdz kājām ~ papēžiem
kahe (mõlema) jalaga	stabiilselt, üleni, kindlalt	abām kājām
ühe jalaga hauas olema	surma lähedal olema	stāvēt ar vienu kāju kapa
voodist pahema ~ vasaku jalaga välja astuma	hommikust saadik arusaamatu põhjuse pärast (põhjuseta) halvas tujus olema	ar kreiso kāju no gultas izkāpt ~ piecelties
teise jala jaoks	1. esimest korda; 2. teist korda[20]	uz vienu kāju; us otru kāju

[18] 1. tähendusega.

[19] 1. tähendusega.

[20] Toostid; eesti keeles ainult 2. tähenduses.

4. Fraseologismid, kus sõna jalg funktsioneerib pars pro toto printsiibil

jalga(gi) mitte tõstma	(mitte) minema, (mitte) tulema	(ie)spert (iecelt) ~ nespert (necelt) (ne) kāju(-as)
jalge ees	takistuseks /olema/	pa kājām
jala eest	tee eest	nost no kājām

Eespool on käsitletud ainult eesti ja läti keelele ühiseid fraseologisme; vaatlusest on välja jäetud juhud, millele teises keeles vastet ei leidu.

М. В е й н б е р г а
(Тарту)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО СЛОВАМИ 'РУКА' И 'НОГА', ОБЩИЕ ДЛЯ ЭСТОНСКОГО И ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКОВ

Р е з ю м е

В эстонском и латышском языках встречается много общих соматических фразеологизмов со словами 'рука' и 'нога'. В большинстве случаев они выражают определенное психическое состояние человека, а также отношение к кому-нибудь или к чему-нибудь. Такими фразеологизмами являются, например, эст. käsi laiutama ~ laotama - лат. plātīt rokas, эст. käega (käpaga) lööma ~ viskama - лат. atmest ar roku.

M. V e i n b e r g a
(Tartto)

EESTIN JA LÄTIN 'KÄSI' JA 'JALKA' -SANOIHIN PERUSTUVIA FRASEOLOGISMEJA

T i i v i s t e l m ä

Eestissä ja lätissa on runsaasti ruumiinosia koskevia yhteisiä fraseologismeja, jotka sisältävät sanoja 'käsi' ja 'jalka', erityisesti sellaisia, jotka ilmaisevat ihmisen henkistä tilanneta sekä hänen suhtautumistapaa johonkin. Sellaisia ovat esim. eestin käsi laiutama ~ laotama - lätin plātīt rokas, eestin käega (käpaga) lööma ~ viskama - lätin atmest ar roku.

A. V i i r e s
(Tallinn)

NÖÖBILUGU

See oli 35 aastat tagasi, kui Tartu Ülikooli noor õppejõud Paul Ariste ergutas üht algajat üliõpilast aktiivsemale tööle, soovitades talle omase innuga, et kirjutagu see ometi millestki, kirjutagu või püksinööpidest, aga kirjutagu. Nimetatud üliõpilane hakkaski tasapisi ühest ja teisest kirjutama. Kuigi ta püksinööpidest pole siiamaani veel midagi kirja pannud, jäi see naljavarjundiline õpetus talle alatiseks meelde oma targa metoodilise alltekstiga: teaduses väärib ka näiliselt kõige tühisem küsimus läbivaagimist, põhimõtteliselt ei ole olemas tähtsusetuid teemasid. Multum, non multa.

Niisiis nööbid. Üritan lõpuks lunastada seda ammu võlgu jäänud nõuannet.

Nööbid on tavaline pisiasi. Iga päev on nad meil näpus. Raske on kujutleda riideid nööpideta. Kuid veel kolmnelikümmend põlvkonda tagasi tulid meie esivanemad toime ilma hõlmu kinni nööpimata. Sellal kasutati kogu Euroopas peamiselt hõlmadeta umbkuubi ja keebitaolisi üleviskemantleid, mis kinnitati sõlgede jm. ehtenõeltega. Ja muidugi oli tähtsaks rõivaste kooshoidjaks ka vöö, mis selle funktsiooni säilitas kuni rahvariiete kandmise lõpuni. Arheoloogia andmeil ulatub sõlg rõivakinnitina ja ehtena Euroopas pronksiaega, olles oma mitmesuguste ajas ja paikkondlikult muutuvate vormidega oluliseks kronoloogia abivahendiks kuni noorema rauaajani. Põline on samuti kinniti nimetus sõlg, mille etümoloogilisi vasteid leiab ka mari ja ersamordva keeles.

Sõlest usutavasti vanemgi rõivaste kinnitusvahend on sõltus e. kinnituspael, millega eesti 19. saj. rahvarõivastes sageli sõlmiti kinni veel särgikaelused. Ka vani-

mal teadaoleval eesti pikk-kuuel, Rabivere rabaleiu naisekuuel 17. saj. II poolest seoti hõlmad kahe nahksõltusega.[1] Euroopa moerõivastuses olid paelkinnitid kuni 17. saj. alguseni tähtsal kohal.[2] Eesti murretes üldine sõltus, millest 20. saj. on tuletatud üldkasutatav verb sõltuma, seisab eesti keeles üsna üksi. Kas ei seostu see algupäralt sama sõlg-tüvega (< *sõlgtus)?

Nööbitaolisi sarvest, luust ja merevaigust mõnesentimeetrise läbimõõduga kettakesi võib Euroopa arheoloogilises materjalis leida alates neoliitikumist. Pronksiajast peale leidub juba ka üksikuid sanga e. kannaga pronksnööpe. Pole aga mingeid tõendeid, et neid varaseid nööpe oleks kasutatud rõivaste kinnitamiseks. Arheoloogid peavad neid pigemini eheteks.[3] Kogu Euroopa rõivastusajaloo materjal näitab, et nööpide regulaarne kinnitusvahendina kasutamine algas nii Lääne- kui Ida-Euroopas idamaistest eeskujudest lähtudes alles 14. sajandil, seoses üleminekuga umbkuubedelt hõlmadega kuubedele.[4] 15. saj. keskpaiku taandusid nööbid Euroopa moerõivastusest veel korraks, et siis 16. sajandist peale kujuneda eriti meeste rõivastuses lõplikult tähtsaimaks kinnitusvahendiks.[5]

Ka Baltimaadel leiavad nööbid mainimist juba 14. sajandil, Riia rae 1380. (või 1384.) a. antud korralduses, millega naistel ja neiudel keelati igasuguste kuld- ja hõbesepiste ning -poortide kandmine, välja arvatud kuubede nööbid ("knope to den rocken").[6] Koos saksa linnakodanluse

---

[1] Eesti rahvarõivaid XIX sajandist ja XX sajandi algult. Tallinn, 1957, lk. 19.

[2] R. P y l k k ä n e n , Säätyläispuku Suomessa vanhemmalla Vaasa-ajalla 1550-1620. - SMYA 55. Helsinki, 1955, lk. 163-164.

[3] M. E b e r t , Reallexikon der Vorgeschichte VII. Berlin, 1926, lk. 10 (A. G ö t z e).

[4] E. T h i e l , Geschichte des Kostüms. Berlin, 1963, lk. 170, 199; A.-M. N y l é n , Folkdräkter ur Nordiska museets samlingar. - Nordiska museets handlingar 77. Lund, 1971, lk. 45; Г. С. М а с л о в а, Народная одежда русских, украинцев и белоруссов в XIX - начале XX вв. - Восточнославянский этнографический сборник. Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия XXI. Москва, 1956, lk. 699.

[5] R. P y l k k ä n e n , op. cit., lk. 165.

[6] F. G. B u n g e , Archiv für die Geschichte Liv-, Esth- und Curlands IV. Dorpat, 1845, lk. 187.

ja aadli poolt sissetoodud uue rõivamoega, mida kajastab tol ajal levinud nimetus kuub (< kasks *schube),[7] levisid eestlaste hulgas nähtavasti hiljemalt 16. sajandil ka nööbid, nagu selgesti näitab nende üldtarvitatav nimetus nööp, eL nöps (< kasks knœp, pl. knœpe, knöppe).[8] Sõna esineb juba vanimates eesti keele sõnastikkudes (Stahl 1637: nöph, nöhpist; Göseken 1660: nöhp, nöhpiken). Sama nimetus oli varem üldine ka läti keeles (lt knuope), kuni selle 18. saj. II poolest peale järk-järgult kõrvalisemaks tõrjus puoga, millel algselt oli tähendus 'kuljus, krõll'.[9]

Murdeti esineb Eestis teisigi häälikuliselt lähedasi nööbinimetusi, mille päritolu aga on mõneti erinev. Wiedemanni järgi Hiiumaal kasutatud, 20. saj. murdekeeles haruldane a-tüveline (k)näpp pärineb eestirootsist (< erts knäpp).[10] Vaivara nappU taas on soomepärasus (< sm nappi < rts knapp 'nööp').[11] Põhja-Eesti keskosas (Juu, JMd, Kad, Hlj, Lai, VJg) levinud vananenud nööbinimetus nupp on jälle keskaegne alamsaksa laen (< kasks knuppe 'Knoten, Verknüpfung; Knospe'),[12] mille nööbi-tähendus näikse olevat kohalik edasiareng eesti keeles.

Kõrvuti nööbiga levis ka teine, naiste rõivastuses kaua aega nööbist hoopis tähtsam rõivakinnitusvahend - vasktraadist haak koos öösi e. vastusega, vrd. Göseken 1660, 225: "hake / (am kleide) haaki". Siingi on nimetused pärit saksast (e haak, lt ākis < kasks hāke; e öös <

---

[7] A. S a a r e s t e , Leksikaalseist vahekordadest eesti murretes I. - ACUT B VI 1. Tartu, 1924, lk. 167-168; P. A r i s t e , Saksa laensõnad Heinrich Stahli eesti keeles. - Emakeele Seltsi Aastaraamat IX 1963, lk. 94.

[8] P. A r i s t e , op. cit., lk. 98. Vrd. A. L a s c h, G. B o r c h l i n g , Mittelniederdeutsches Handwörterbuch II. Neumünster, lk. 601.

[9] J. S e h w e r s , Sprachlich-kulturhistorische Untersuchungen vornehmlich über den deutschen Einfluss im Lettischen. Leipzig, 1936, lk. 229-230.

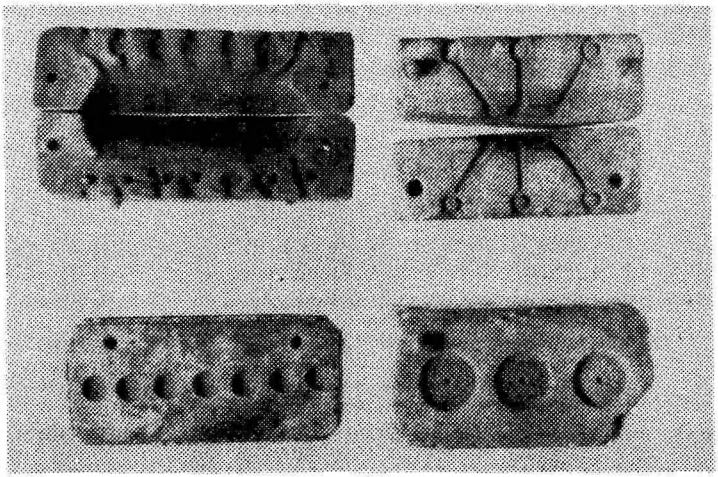
[10] P. A r i s t e , Eesti-rootsi laensõnad eesti keeles. - ACUT B XXIX 3. Tartu, 1933, lk. 84-85.

[11] Vrd. SKES II, lk. 365.

[12] Vrd. A. L a s c h , G. B o r c h l i n g , op.cit., lk. 602; SKES II, lk. 402 (nuppi).

sks Öse).[13] Erinevalt nööbist jäi haak kinnitamisel enamasti nähtamatuks.

Eesti rahvarõivaste nööbid, nii nagu me neid peam. 19. sajandist tunneme, olid eeskätt vask- ja tinanööbid, mille pealispinda tihti kaunistas reljeefne ornament. Vasknööpe osteti enamasti harjuskitelt või linnast, ka valasid neid sepad. Tinanööpe valati ka ise koduste vahenditega. Liiva- või lubjakivist nööbivalemeid (joon. 1) on Etnograafiamuuseumi kogudesse korjatud vaid saartelt ja Lääne-Eestist

Joon. 1. Nööbivalemid (all) koos juurdekuuluvate sangavalemitega. Vasakul EM 11670 Märjamaa (sangavalem puidust); paremal EM 14490 Karuse, dat. 1801 (sangavalem kivist).

(Mus, Pöi, Phl, Kse, Kul, Mär, Mih, PJg, Vän). See on piirkond, kus kodus nööpe valati veel 19. saj. keskpaiku. Säilinud rahvarõivanööpide järgi otsustades harrastati seda tööd varem ka Harju- ja Järvamaal. Nööbivalemi eri külgedesse oli sisse lõigatud tavaliselt 3 - 7 nööbivormi. Valemi juurde kuulus kahest poolest koosnev puust (harva kivist) sangavalem, mis valamisel asetati kokkupandult nööbivalemi pea-

[13] Vrd. J. S e h w e r s , op. cit., lk. 5.

le. Valemite õige omavahelise asendi kindlustas pulkühendus nende vahel. Nööp koos sangaga valati seega korraga, valamine toimus läbi sangavalemi, mille pealisosas oli selleks vastav ava. Tinast nööpide valamine oli veel 18. sajandil Euroopas üldlevinud käsitöö. Kutselises käsitöös kasutati selleks tavaliselt messingvalemeid.[14] Eesti kivist nööbivalemid kuuluvad selle käsitööharu tehnoloogias vanemasse kihistusse. Need on väga lähedased pronksiajal sangaga nööpide valamiseks kasutatud kolmeosalistele kivivalemitele.[15]

Metallnööpe kasutati põhiliselt villaste pealisrõivaste ees. Neist vanim, pikk-kuub, kinnitati küll enamasti 1 - 3 haagiga (ja meestel vööga). Nööpkinnitus on pikkkuubedel haruldane, ainult setu naiste rõbikud kinnitati harilikult üksiku nööbi ja aasa abil. Küll aga on Põhja-Eesti läänеosas ja paiguti ka saartel kasutatud arvukalt nööpe meeste pikk-kuubede kaunistamiseks.[16] Kuue avara laialihoiduva rinnalõike üht äärt palistas siin tihe tina-, paiguti ka vasknööbirida, teist aga punasest või sinisest nöörist käänatud aasarida. Andmeid seesugusest kaunistusviisist on Karjast ja Käinast läänes kuni Kadrina ja Paide ümbruseni idas ning Tori ja Suure-Jaanini lõunas. Loode-Pärnumaal (PJg, Tõs, Aud, Tor) ilustati ka meeste vattide hõlmu samal viisil.[17] Just eriti selleks kaunistusotstarbeks kasutatigi väikesi lihtsaid kodus valmistatud tinanööpe. Need kinnitati nii, et läbi riide torgatud nööbisangadest tõmmati tagaküljel läbi ühine nöör, mille katkemisel oleks kogu nööbirida maha varisenud (joon. 2). Nähtavasti nööpkaunistuse eeskujul oli samas piirkonnas naiste pikk-kuubedel mitmel pool kaunistuseks tihe haagirida.[18]

---

[14] J. G. K r ü n i t z , Oekonomisch-technologische Encyklopädie 41. Berlin, 1795, lk. 630 jj.

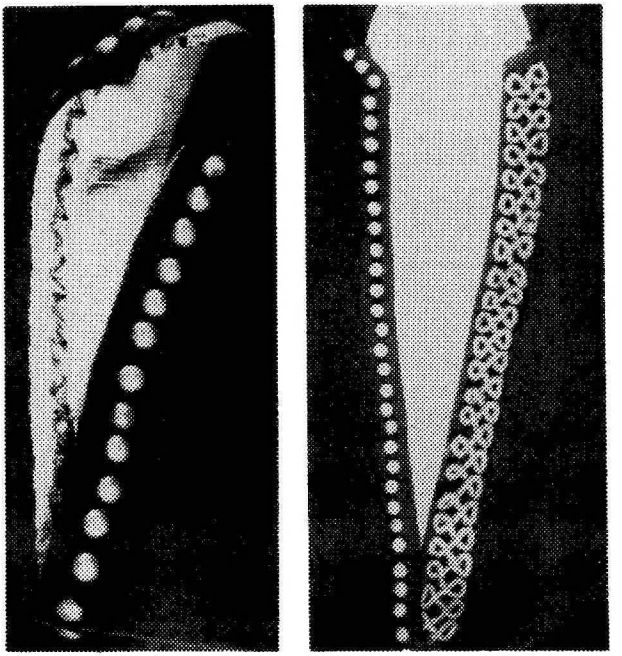
[15] Vrd. M. E b e r t , Reallexikon II. Berlin, 1925, lk. 152 (A. Götze).

[16] Vt. lähemalt I. M a n n i n e n , Eesti rahvariiete ajalugu. Tartu, 1927, lk. 193-196.

[17] Vt. Eesti rahvarõivaid, lk. 125, joon. 173a, c; H. K u r r i k , Eesti rahvarõivad. Tartu, 1938, lk. 126.

[18] Lisaks I. M a n n i n e n , op. cit., lk. 196 mainitud Mihkli naisekuuele näit. ka Märjamaal (EM 115 32), Juurus (EM 15152) ja Järva-Jaanis (EM A 509:2170).

Seesugune tihedast väikeste nööpide reast rinnakaunistus on üsna vanade juurtega. Selle Lääne-Eesti levila meretagustel naaberaladel on Rootsis Birka ja Edela-Soomes Masku Humikkala viikingiaegseist kalmistuist mitmeis meestematusekohtades leitud kaelast vööni ulatuvaid väikeste ümmar-

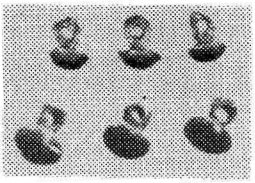

Joon. 2. Pikk-kuue tinanööpkaunistus, EM 12035 Martna. Vasakul näha tagaküljel läbi sangade tõmmatud nöörkinnitus, paremal üldvaade.

guste pronks- (Humikkalas ka hõbedasegaste ? tina-) nööpide ridu.[19] Neid erandlikke 9. - 11. saj. leide seostatakse viikingite idakaubitsusel ja idaretkedel saadud idamaiste luksusrõivastega, mis tolleaegsele kohalikule rõivamoele tõsi-

[19] A. G e i j e r , Birka III. Die Textilfunde aus den Gräbern. Uppsala, 1938, lk. 143, tahv. 40:1; S. P ä l s i, Puvustoaineksia Maskun Humikkalan kalmistosta. - Suomen Museo 1928, lk. 77, joon. 3-5.

semat mõju ei avaldanud.[20] Kas see aga oli päris nii? Lääne-Eesti pikk-kuubede tinanööbid on nii välimuselt kui suuruselt üllatavalt sarnased Birka pronksnööpidega (joon. 3).

Joon. 3. Ülal - kodus valmistatud tinanööbid, EM 14771 Türi; all - viikingiaegsed pronksnööbid Birkast (A. Geijeri järgi).

Nende paigutus on sama. Eesti nööbivalemid on lähedased esiaegsetele. Ja Humikkala leius on osa nööpe sedavõrd hävinud, et neist on järele jäänud vaid vaevu märgatavad jäljed, mis näib osutavat oksüdeerunud tinanööpidele.

Eesti pikk-kuubede nööpkaunistus võib siiski olla ka hilisemat päritolu. 14. - 15. saj. armastati vastseid nööpe Euroopas väga kasutada ka rõivaste kaunistamiseks; mitmeile rõivastele olevat sellal kulunud 300 ja enamgi nööpi.[21] Paljudel tolleaegsetel kujutustel näeme taas kaelast kuni vööni tihedalt nööbitud kuuehõlmu.[22] Ja lõpuks olid tihedad väikeste nööpide read Euroopa meestemoes kogu 17. saj. vältel jälle väga armastatud.[23] Kõige lähemad vasted eesti 19. saj. pikk-kuubede hõlmanööpidele näikse siiski pärinevat nööpide kasutamise varasemaist etappidest.

Vasknööbid olid eesti rahvarõivastes juba ehtsate kinnitusnööpidena eriti iseloomulikud meeste vattidele, kus nad sageli paiknesid dekoratiivselt kahes reas. Üksnes Kagu-Eestis (Plv, Räp, Rõu, Har) eelistati vattidel nööpidele haake, nagu see oli üldiselt tavaks naiste kampsunitel ja liistikutel. Vatid hakkasid Lääne-Euroopa talurahva hulgas

---

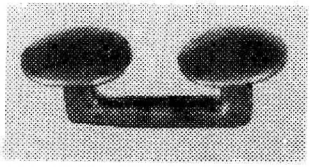
[20] A. G e i j e r , op. cit., lk. 149-150; R. P y l k k ä n e n , op. cit., lk. 420, viide 200.

[21] E. T h i e l , op. cit., lk. 212.

[22] R. P y l k k ä n e n , op. cit., lk. 165.

[23] Vrd. näit. E. T h i e l , op. cit., tahv. 25, 26, 29, joon. 301, 337, 347, 352 jmt.; R. P y l k k ä n e n , Barokin pukumuoti Suomessa. - SMYA 71. Helsinki, 1970, lk. 91-92, joon. 37, 128, 204 jt.

umbkuubede asemel levima 15. saj.[24] ja jõudsid arvatavasti koos oma nööbimoega peagi ka Eestisse. Iseloomulikud olid vasknööbid ka meeste pidulikele põlvpükstele, eriti nahkpükstele. Uuemat päritolu vestidel kasutati nende kõrval mitmeid muidki, 19. saj. levinud poenööpe. Kui rahvarõivastes üldiselt olid vanemaks nööpimisvahendiks riide serva kinnitatud aasad, siis kõigil nimetatud rõivastusesemetel toimus nööpimine juba nööpaukudesse, mida Lääne-Euroopas tunti hiljemalt 14. saj.[25]

Joon. 4. Kaksiknööp ("püksi pungas"), EM A 316:408 Mustjala.

Saaremaal kasutati püksivärvli kinnitina vähemasti Mustjalas ja Karjas ka vasest kaksiknööpe (joon. 4), mida nimetati <u>püksihaak</u>, või ka <u>püksi pungas</u> või <u>pööras</u> (EM A 316:408 Mus). "Püksihaake valati vasest. Nende otstarve on kahte püksivärvli otsa hoida koos. Mõlema värvli otsasse on tehtud nööpauk, millest "haakide" ümmargused pead läbi aeti. Teise püksivärvli otsa sees oli mitu auku, nii sai värvlit lõdvemale ehk pingumale lasta. Asju on sepad ise valanud" (EM A 332:2 Mus). Samasugused vasksed kaksiknööbid olid püksikinnititena tuntud Soomes Karjala kannasel ja Põhja-Pohjanmaal; väiksemad tinast kaksiknööbid olid Kagu-Soomes juba 18. saj. tarvitusel särgikätiste kinnititena.[26] Seegi nööbiliik on arvatavasti üle võetud varasemast Euroopa moerõivastusest.

Peamiselt linastel suvistel tööpükstel kasutati veel 20. saj. algul harva väikesi umb. tollipikkusest lihtsast viimistlemata puupulgakesest pöörasid.[27] Nende puhul me puu-

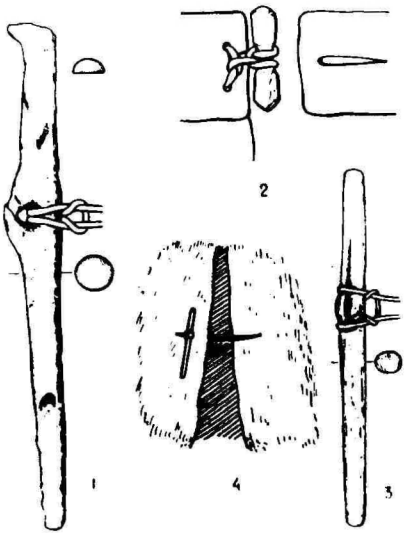
[24] E. T h i e l , op. cit., lk. 238.

[25] Sealsamas, lk. 170, joon. 168.

[26] U. T. S i r e l i u s , Suomen kansanpukujen historia. - SUSA XXXI. Helsinki, 1916, lk. 269-270, joon. 366, 367, 370.

[27] Vt. I. M a n n i n e n , op. cit., lk. 347 - 348, pilt 306.

tume kokku rõivastuse ühe kõige vanema kinnitusvahendiga, mida arenguloolisel võib pidada otseselt nööpide esiisaks. Feldhaus esitab pöörast hilispaleoliitikumi Madeleine'i kultuurist pärineva näite Lõuna-Prantsusmaalt Laugerie Basse'ist.[28] Eestis on neoliitilise venekirveste kultuuri kalmistust Ardus leitud paar luupulka, üks ca 19 cm, teine 13 cm pikk, mida R. Indreko on pidanud võimalikeks kehakatte kinnituse pööradeks, kõrvutades neid 19. saj. väikeste puust püksipööradega (joon. 5).[29] Nimetus pöör ise on läänemeresoomeline ja tähendab mitmesuguseid ringi käivaid või pööratavaid esemeid, millest eriti tavaline oli funktsioonilt püksipöörale lähedane uksepöör. Muhus oli püksipööra nimetuseks luur. Selle päritolu on ebaselge. Vrd. laiemalt, eriti lõunaeesti murdes levinud luuri vedama 'vägikaigast vedama'.

Joon. 5. Oletatavad esiajaloolised pöörad ja etnograafiline püksipöör. 1, 3 - Ardu kalmistust leitud luupöörad koos oletatava kinnitusviisiga; 2 - püksipöör a-st 1897, KM 11531 Märjamaa; 4 - esiajaloolise pööra kasutusviisi rekonstruktsioon. (R. Indreko järgi.)

---

[28] F. M. Feldhaus, Die Technik der Vorzeit. der geschichtlichen Zeit und der Naturvölker. 2. Aufl. München, 1965, lk. 576, joon. 395.

[29] R. Indreko, Ein Hockergrab in Ardu, Ksp. Kose. - Liber saecularis. (ÕEST XXX.) Tartu, 1938, lk. 196-198.

Kuigi püksid on teinud kaasa hilisemad moemuudatused ja neil eesti keeles puudub vana nimetus, kuulusid nad ühel või teisel kujul oletatavasti juba esiaegsesse eesti meherõivastusse. Nii säilis just selle põlise meheülikonna osa juures visalt ka vana kinnitusvahend. See polnud mitte üksi Eestis nii. Tavalised olid puupöörad ka Lätis ja Leedus[30], samuti oli pöör rootsi ja ukraina rahvarõivastes püksikinnitiks.[31]

Eestis kasutati ka luupöörasid. Põlvast pärit lamba sääreluu epifüüsist valmistatud pööra[32] kohta märgitakse, et veel 1850. a-il olevat vanemad mehed selliseid "nööpe" teinud oma kuubede jaoks (EM A 227: 38). Sangastes taas tehti sea varbaluudest kasukapöörasid (KV 203, 66).

Kasukate ees olid pöörad üldse võrdlemisi sagedased. Kasukate kui esindusrõivaste puupöörad olid korralikult töödeldud ja sageli nahaga kaetud. Tavalisem oli aga kasuka hõlmade ühendamine kasukanaha ribast valmistatud rullnööbiga, mis olemuselt oli samuti pöör (joon. 6). See tehti järgmiselt. Võeti umb. 3 cm laiune nahariba, kaabiti see noaga villast puhtaks ja keerati kõvasti rulli. Rulli keskelt torgati kääri- või noaotsaga pikuti auk läbi. "Sellest august tõmmati läbi rullimise juures vabaks jäänud umbes 10 cm pikkune nahariba ots, kasuka külge sidumiseks lõigati rullist välja ulatav riba ots kuni rullini pikuti lõhki. Kasuka hõlmale nööbi asukohta torgati 2 auku umbes ühe sentimeetri kaugusele üksteisest. Aukudest topiti rulli küljes olevad ribad, teine teisest august läbi ja sõlmiti all, kasuka karva küljel kokku" (KV 86 II, 67 Tori). Vastashõlmale kinnitati nahkaasad. Nahast rullitud kasukapöörasid kasutasid ka lätlased ja soomlased.[33] Rootsis on nahkpööradega kinnitatud pükse.[34]

---

[30] A. B i e l e n s t e i n , Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten. St.-Petersburg - Petrograd 1907 - 1918, lk. 704, joon. 636.

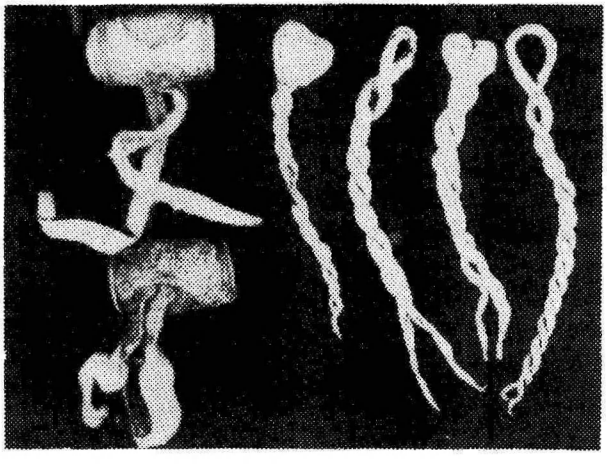
[31] A.-M. N y l é n , op. cit., lk. 51, joon. 78; Г. С. М а с л о в а , op. cit., lk. 593, joon. 2:3a.

[32] Vt. I. M a n n i n e n , op. cit., lk. 348, pilt 305.

[33] A. B i e l e n s t e i n , op. cit., lk. 704, joon. 637,638; U. T. S i r e l i u s, op. cit., lk. 269.

[34] A.-M. N y l é n , loc. cit.

Lõuna-Eestis oli kasukate ees nahkpöörast sagedasem ümmargune sõlmitud nahknööp (joon. 6), mis samuti oli tuntud ka Lätis.[35] Räpinas tehti nahknööp (puugnits) järgmiselt: rätsep võttis kasukanaha äärest umb. 20 cm pikkuse ja kuni 1 cm laiuse riba, "too ahtake nahariba esmalt mässiti keskkohaga paar-kolm korda nii pliiatsi jämeduse pulga ümber, et auk oleks, millest siis järgimööda kummagi nahariba otstega kõvasti läbitõmmati, et puugnits kõva saaks ja suurus oleks nii pähkla suurune. Puugnitsad õmmeldi kasuka parema hõlma äärde puugnitsast ülejäänud naharibadega. Puugnitsa vastused - aasad keerutati ka naharibadest ja kinnitati kasuka vasaku hõlma külge" (KM 203, 59). Valmistusviis oli tavaline ka mujal.[36] Põhja-Eestist on sõlmitud kasukanööpidest andmeid Viru-Jaagupist (KV 203, 31), Nissist (EM A 623:235) ja Reigist (KV 86 II).

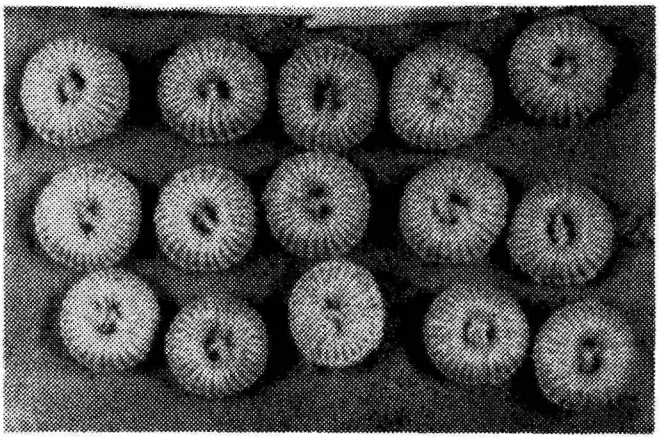
Joon. 6. Kasukate nahknööpe. Vasakul rullnöövid, EM A 636:36 Järva-Jaani; paremal sõlmnöövid, EM A 291:69 Setumaa.

---

[35] A. B i e l e n s t e i n , loc. cit.

[36] Vrd. samalaadseid kirjeldusi KV 203, 144 Tori, 183 Mulgimaa; KV 86, 368 Halliste.

Umbes samal viisil valmisid varem ka linaste rõivastele (särkidele, vattidele, pükstele jm.) iseloomulikud niitnööbid (joon. 7): "Pesu särkidele tegid naised ise kõik nööbid linasest niidist, ka mind õpetas ema niidist

Joon. 7. Niidist särginööbid, EM 19919 teadm. päritolu.

nööpe tegema. See oli lihtne, pulga otsa mässiti vähe niiti, keskele jäi pulga auk, millest nõel läbi torgati ja nööpaugu silmus serva kinni tõmmati; poolenisti valmis nööbile mässiti keskele nööbi sanga tarvis niiti, mida nööbi ettetõmblemiseks kasutati. Pesu oli linasest ja takusest riidest, seda taoti tõlvaga-kurikuga, siin poleks ükski teine nööp vastu pidanud" (KV 86 II Plv).

Kasukate nahknööpe ei nimetatud varem nööpideks. Põhja-Eestis oli nende tavaline nimetus pung, mida paiguti mäletatakse ka tähenduses 'puupöör' (Kad) või üldisemalt vana nööbinimetusena (Khk, Kuu, Kod). See usutavasti eesti vanemaid nööbinimetusi on ilmselt sama mis pung 'Knospe'.[37] Nahknööbi tähenduses tunneb seda juba Helle 1732. Göseken 1660 aga teab: "die grosse silbern knöpffe der Bauren

[37] Vrd. SKES III, lk. 641 (punka[2]).

/ Helm / pungk". Saaremaal on telka pungad 'sedelga vasknupud' (Khl, Krj). Viimaste tähenduste puhul vrd. lt puoga algset tähendust.

Kagu-Eestis (peam. võru murdes) on kasuka nahknööp puugnits (Võn, Kan, Plv, Räp, Rõu, Vas, Se, Lut), puugmits (Krl), puunits (Har, Se), puumits (Har, Lei). Nähtavasti alles uuema arenguna tähendab see paiguti (Krl, Har, Vas, Lei) muidki nööpe. Vene alluvuses olnud setu alal näib üldtähendus 'nööp' aga olevat vana. Sõna, mis leidub juba Clare lõunaeesti sõnastikus 1731 (Pugnitz), ongi ilmne vene laen (< vn пуговица).[38] Lääne-Eestis harva esinev puguvits(a) 'nööp' (Khk, Tõs, Tor) tohiks olla hilisem uuslaen venest. Mulgi murdes (ka Saa) nahkset kasukanööpi tähendanud poogen ei tulene arvatavasti vene sõnast, vaid on pigem laen lätist (~lv puogõs 'schelle, knopf' < lt puoga).

Kagu-Eesti puugnits on veel üks tõend vene mõjust eesti kasukates, millest eelkõige räägib vene keelest saadud nimetus kasukas (< läänevene кожух id.) ise; sõna on levinud ka naaberkeeltes (sm kasukka, lv kõ̆sk̆ə̂ , lt kažuoks).[39] Nimetus on nii eesti kui läti keeles tuntud hiljemalt 17. saj. Ka lambanahkade kasukateks parkimine toimus eestlastel samal viisil hapendades ja nahakooguga koogutades kui idaslaavlastel. Nii võeti kasukate nahknööbidki Eestis usutavasti tarvitusele vene eeskujul.[40] Nahast sõlmnööbid olid vene rõivastuses 16. - 17. saj. hästi tuntud.[41] On tõenäoline, et nööpimist vajavad hõlmadega kasukad astusid seniste umbkasukate asemele üheaegselt muu hõlmadega rõivastusega, s. o. alates 14. sajandist. Kus-

---

[38] P. A r i s t e , Vene laensõnadest vanemas eesti kirjakeeles. - Keel ja Kirjandus 1958, lk. 31; M. M u s t, Vene-eesti suhete kajastumine Lõuna-Eesti murrete sõnavaras. Tallinn, 1954, lk. 243 (käsikiri TRÜ Teaduslikus Raamatukogus, Tartu).

[39] Vrd. J. K a l i m a , Slaavilaisperäinen sanastomme. Helsinki, 1952, lk. 96-97; J. S e h w e r s , op. cit., lk. 233-234.

[40] Vt. ka Крестьянская одежда населения европейской России. Москва, 1971, lk.48 (А. А. Л е б е д е в а).

[41] Г. С. М а с л о в а , op. cit., lk. 707.

kil ajavahemikus 14. - 17. saj. pidi siis ka venepärane kasukas Baltimaadel levima. Pole võimatu, et siin liikus ringi vene kasukseppi, kes siis levitasid kasukanööpidegi tegemise oskust. Soomes Pohjanmaal igatahes on 19. saj. algul lambanaha parkijaina ja kasukseppadena teotsenud vene rändkäsitöölisi.[42] Nahknööpidele valmistusviisilt lähedased midist pesunööbid aga kuuluvad üleeuroopalise keskajal levinud näputöö hulka.[43]

Oma nööbilugu lõpetades võime nentida, et kui mitte arvestada pöörasid, siis on kõik meie 19. saj. rahvarõivaste nööbid keskaja hilisjärgust peale sajandite vältel koos uute rõivamoodidega ühelt või teiselt poolt sisse rännanud. Midagi ürgset me nendes ei leia. Sellest oli väga hästi teadlik juba Jaan Jung oma 1883. a. Viljandist eesti rahvarõivastest peetud kõnes.[44] Nööbid koos oma nimetustega kajastavad sealjuures küllaltki ilmekalt neid Euroopa moevoolude kaas- ja järellainetusi, mis on aidanud vormida ja kujundada eesti rahvarõivaid.

---

[42] U. T. S i r e l i u s , op. cit., lk. 194.

[43] Vrd. J. G. K r ü n i t z , op. cit., lk. 655 jj.

[44] J. J u n g , Eesti rahva riietest. - Linda 1900, lk. 418, 450.

А. В и й р е с
(Таллин)

ПУГОВИЦЫ НА ЭСТОНСКОЙ НАРОДНОЙ ОДЕЖДЕ

Р е з ю м е

Пуговицы на эстонской народной одежде наглядно отражают те или иные течения в европейской моде. Распашная одежда появилась среди эстонского деревенского населения с XIУ–XУ вв. через посредничество немецких господствующих классов. Мужская распашная одежда застегивалась медными и оловянными пуговицами (эст. nöör < ср. – нижненем. knōp), а женская – на медные крючки (эст. haak < ср. – нижненем. hāke). Старейшая верхняя распашная одежда обоих полов (кафтаны) застегивалась, как правило, на I–3 крючка. В западной Эстонии грудная часть мужского кафтана украшалась длинным частым рядом маленьких оловянных пуговиц (рис. 2), которые отливались самими крестьянами. Это украшение является наиболее старым видом употребления пуговиц, который сохранился в эстонской народной одежде.

Уже с периода каменного века происходит застегивание деревянными (или костяными) кляпышами (эст. pöör), которые удержались вплоть до XIX в. у льняных рабочих штанов и овчинных шуб (рис. 5). Шубы больше застегивались на кожаные пуговицы, которые свертывались или связывались из длинных полосок кожи (рис. 6). В северной Эстонии такие пуговицы назывались pung (старое дескриптивное слово), в южной Эстонии – puugnits (< рус. пуговица). Изготовление овчинных шуб в Эстонии вообще было русского происхождения. Рубахи и др. льняная одежда снабжались нитяными пуговицами (рис. 7), по происхождению из европейского средневекового рукоделия.

A. V i i r e s
(Tallinn)

DIE KNÖPFE DER ESTNISCHEN VOLKSTRACHTEN

Z u s a m m e n f a s s u n g

Die neue Mode der mit Schössen versehenen Röcke wurde vom 14. - 15. Jh. an durch Vermittlung der deutschen herrschenden Klasse auch unter den estnischen Landbevölkerung bekannt. Die Männerkleidung wurde mit Kupfer- und Zinnknöpfen(estn. nööp ∠ mnd. knôp) verschlossen, die der Frauen - mit Kupferhaken (estn. haak ∠ mnd. hāke). Die ältesten Überkleider mit Schössen, die Langröcke, wurden in der Regel mit 1 - 3 Haken zusammengehalten. In Westestland wurde der Brustteil der Männerröcke mit einer dichten Reihe kleiner Zinnknöpfe, die von den Bauern selbst gegossen wurden, verziert (Abb. 2). Diese Knopfverzierung kann man als die älteste erhaltene Verwendungsform der Knöpfe in den estnischen Volkstrachten ansehen.

Weit zurück in die vorgeschichtlische Zeit gehen kleine hölzerne drehbare Knebel (estn. pöör), die noch bei den leinenen Arbeitshosen und Schafspelzen gebräuchlich waren (Abb. 5). Bei den Pelzen waren aber viel gewöhnlicher die aus einem Lederstreifen zusammengerollten oder zusammengeknüpften Lederknöpfe (Abb. 6). Diese wurden in Nordestland mit dem alten deskriptiven Wort pung genannt, in Südostestland aber mit dem aus dem Russischen entlehnten Namen puugnits (∠ russ. пуговица 'Knopf'). Die Verfertigung der Schafspelze war bei den Esten überhaupt russischer Herkunft. Hemde und andere leinene Kleidungsstücke wurden meist mit aus Leingarn geknüpften Knöpfen (Abb.7) versehen, die ein Erbe der mittelalterlichen europäischen Nadelarbeit sind.

E. V ä ä r i
(Tartu)

LIIVI VERBISUFIKSID -b- JA -g-

Tänapäeva liivi keeles on pelgalt 7 algupärast verbisufiksit, mille kasutamissfäär osutub ebaühtlaseks. Palju on tuletatud sufiksiga -tt- kausatiive, ka l-liitelisi frekventatiive ja retsiprooke on arvukalt.[1] Suhteliselt vähe on aga sufiksitega -b- ja -g- tuletatud refleksiive.

Järgnevalt esitatakse kõikidest kirjalikest, käsikirjalistest ja suulistest allikatest registreeritud -b- ja -g- sufiksilised refleksiivid, selgitatakse nende kasutamise aste tänapäeva liivi keeles ning märgitakse tüvede etümoloogia vastavalt sõnaraamatute andmeile. Kõrvutavalt esitatakse käsitletavad verbid Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatust (LDW), kui need on seal olemas, kusjuures säilitatakse muutmatult ortograafia ja saksakeelne tõlge. Lühidalt selgitatakse ka sufiksite -b- ja -g- kujunemist.

1. S u f i k s -b-

Sufiksi -b- levik on vähenenud ning piirdub pelgalt üksikute verbidega.

arȁbȏ 'praguneda, lõhkeda, puruneda'.

Arāb pr. arābob zerbersten, auseinander gehen, zerreissen; arābon undicht (LDW, 5); mis madon ju kads piddos arābob (LG 440) 'Mis meil käes hoides puruneb'; tämmȏn arȁbiz vȅedȁm järȁ (LW, 13) 'Tal lagunes koorem'; arȁbȏn vȉedȁm (Kl) 'Lagunenud koorem'.

[1] E. V ä ä r i , Frekventatiivse ning retsiprookse l-liitega verbid ja algupäraste liidetega adverbid liivi keeles. - Töid eesti filoloogia alalt IV. Tartu, 1974, lk. 35 jj.

Verb aràbə̑ on tuletatud genuiinsest sõnast ar̀ 'haru'.

ēttabə̑ 'saaki anda'.

vīla ēttabup tämnàigast jevìst (LW, 49-50) 'Vili annab sel aastal head saaki'.

Verb ēttabə̑ on Irast fikseeritud individuaaltuletis läänemeresoomelisest verbist eittə̑ 'heita'.

ērbə̑ 'hõõrduda'.

kʲeùž um järà ērbə̑n (LW, 53)'Kõis on hõõrdunud';ērbə̑n jälga ka kittə̑B (Kl) 'Hõõrdunud jalg ka õeldakse'.

Verb ērbə̑ on tuletatud soome-ugrilise tüvega sõnast ērə̑ ,hõõruda'.

ìebə̑ 'jahtuda'.

alà pidà ukš valdin, tubà ìebə̑b jarà (LW, 66) 'Ära hoia ust lahti,tuba jahtub ära'.

Verb ìebə̑ on tuletatud varasemast *jä-tüvest (LW,66).

jošsàbə̑ 'eksida'.

Josābon (õsagon) pl. josābond (õsagond) verirrt (LDW, 26); järà jošsàbə̑n (LW, 92) 'Ära eksinud'.

Verb jošsàbə̑ ei kuulu keeletarvitusse. Vasteiks on e osatama, Se oZaĥhutma 'liiget jätkust välja käänama'(KKI).

jùobə̑ 'joobuda, joobnuks muutuda'.

Júobon pl. juobond betrunken, trunken (LDW, 27); äb jùob järà(LW, 95) 'Ei jää joobnuks'; jõn um jarà jùobõn(Va) 'Jaan on joobnud'; rāz jùobə̑n kà(Pz)'Natuke joobnud ka'.

Verb jùobə̑ (vrd. e joobuma, sm juopua, krL ďuobua) on tuletatud soome-ugrilist päritolu tüvest *jō.

kᵘojàbə̑ 'kosuda, tüseneda'.

se ristìnG, se lùomə̑z äp kᵘojàb emìn (LW, 173) 'See inimene, loom ei kosu enam'; ku se mā ōdriksõb un kuojabõb täm ama vāljikšijiz kaitsimiz allõ (JL, 78) 'Et see maa õitseb ja kosub tema valitsemise ja kaitse all'; kᵘojàbə̑B / sie um selli / ku sõp tʲerrə̑ks / jo braŋgə̑ks sõB (Kl)

'Kosub, see on selline, et saab terveks, tugevamaks saab'; k^{u}ojàbôst (Va) 'Kosusid'.

Verb k^{u}ojàbô on L. Kettuse järgi seostatav soome tüvega koja = koi[2]. Võimalikuks vasteks on ka Wiedemanni sõnaraamatus leiduv kohenema besser werden, stärker werden, in bessere Lage kommen (EDW, 322). Varasemaks tüveks saab taastada *koba-~*koja.

rikàbô 'rikki minna, rikneda'.

Rikābon pl. rikābond verderben (LDW, 92); vettim rikkàbiž järà (LW, 337) 'Võti läks rikki'; j^{i}erà rikàbõn (Pz) 'Riknenud'.

Verb rikàbô on tuletatud läänemeresoomelise tüvega sõnast rikkô 'rikkuda'.

sadàbô 'langeda, sadada'.

veˇžˇum sadàbin jõkst (LW, 351) 'Vesi on jões langenud'.

Verb sadàbô ei kuulu keeletarvitusse. Kettuse sõnaraamatus leiduvat lauset väljendatakse tänapäeval veiˇžˇum saˇddõn (Va) 'Vesi on langenud' ja veiˇšˇsadàB (Kl) 'Vesi langeb'. Tuletamisel on lähtutud läänemeresoomelise tüvega verbist saˇddô 'sadada'.

s^{i}egàbô 'seguneda; eksida'.

Šegābon pl. šegābond irre, verwirrt (LDW, 98); ma um s^{i}egàbõn (LW, 371) 'Ma olen eksinud'; um s^{i}egàbõn (Va) 'On segaduses'.

Verb s^{i}egàbô on keeletarvituses mineviku kesksõnana s^{i}egàbõn 'eksinud, segunenud, segaduses'. Läänemeresoomeline tüvi leidub põhiverbis s^{i}eggô 'segada', millest on tuletatud refleksiiv.

vaˇnbô 'vanuda'.

Vanb pr. vanbob walken (intr.), zusammengehen; vanbond lakād verfilzte Mähnen (LDW, 129); um järà vaˇnbõn (LW, 469) 'On vanunud'; ibùkst agà lāngad atˇtô vaˇnbõnD (Va) 'Juuksed või lõngad on vanunud'.

[2] L. K e t t u n e n , LW, lk. 173.

Verb vanbə̑ on tuletatud algupärasest tüvest (vrd. e vanuda, sm vanua).

vērbə̑ 'võõrduda'.

vērbə̑ (LW, 484) 'Võõrduda'.

Verb vērbə̑ on Kettuse poolt registreeritud Sīkrõgist. Juhuslik individuaaltuletis ei kuulu keeletarvitusse. Läänemeresoomeline tüvi *vēr- on aluseks nii b-liitelisele vērbə̑ kui ka g-liitelisele vērgə̑.

Liivi keelest on registreeritud 12 refleksiivset verbi. Neist kuulub keeletarvitusse 8, passiivseid on 4 (ēttabə̑, jošsàbə̑, sadàbə̑, verbə̑). Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatus leidub 7 refleksiivi (aràbə̑, jošsàbə̑, jùobə̑, *kᵘojàbə̑, rikàbə̑, *sⁱegàbə̑, vanbə̑). Kõik b-liitelised verbid on tuletatud algupärastest tüvedest.

Sufiks -b- pärineb varasemast *-βu ~ *-pu, mida on koos refleksiivide loetlemisega näidanud E. N. Setäla.[3] Sufiksi soome-ugrilisust kinnitavad T. Lehtisalo arvukad näited kaugemaist sugulaskeelist.[4]

2. S u f i k s -g-

Vähestes verbides leidub refleksiivsust väljendav g-liide.

gabàgə̑ 'segaduses olla'.

ma vo'l' nei gabàgən (LW, 55) 'Ma olin nii segaduses'.

Verb gabàgə̑ ei kuulu keeletarvitusse. Sõna tarvitamise kohta on andmeid esitanud L. Kettunen, kes viitab Wiedemanni sõnaraamatus leiduvale eesti sõnale kabama (kabatama) ungeduldig sein, zappeln, hin und her werfen (EDW, 175). Oletatavasti on tegemist deskriptiivse või onomatopoeetilise tüvega, milles sõnaalguline heliline klusiil on häälikuseaduslik.

---

[3] E. N. S e t ä l ä . ÄH, lk. 104-105.

[4] T. L e h t i s a l o , Über die primären ururalischen ableitungssuffixe. - Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia LXII. Helsinki, 1936, lk. 38-42.

gobàgə̑ 'paisuda, kerkida'.

gobàgə̑ (LW, 59) 'Paisuda, kerkida'.

Verb gobàgə̑ ei kuulu keeletarvitusse. Aluseks on onomatopoeetiline tüvi, millel on vasteid eesti, vepsa ja karjala keeles. Tüves *kopa- on muutus *k > g sõna alguses onomatopoeetilistes sõnades võimalik.

lə̄bagə̑ 'lõdvaks muutuda, rammestuda'.

ma um jərà lə̄bagə̑n (LW, 212) 'Ma olen nõrgaks muutunud'; rə̄z um lə̄bagə̑n (Kl) 'On natuke rammestunud'; lə̄bagə̑n ristinG (Pz) 'Rammestunud inimene'.

Verb lə̄bagə̑ on harva tarvitatav läänemurrakuline sõna. L. Kettunen rekonstrueerib varasemaks tüveks *läiba-, *läuba-, oletades diftongi muutumist pikaks vokaaliks.[5] Tõenäolisemalt seostub lə̄bagə̑ verbi läpə̀tə̑ 'nõrgestada' tüvega.

oššàgə̑ 'eksida, eksituses olla'.

Õsag pr. ōsagob irren: schwärmen, verwirrt sein (LDW, 73); nei ka ùoʹdžil itt jera ōsagon (LG, 440) 'Nii ka hommikul päris ära eksinud'; ku um oššàgə̑n /siz oššàgə̑b i[i]erà (Pz) 'Kui on eksinud, siis eksib ära'.

Verb oššàgə̑ on harva tarvitatav läänemurraku sõna, mis erineb üksnes liitelt tegusõnast joššàbə̑.

rabàgə̑ 'tungida, tulla (meelde)'.

Rabāg pr rabāgob; rabāgob mielo es fällt mir ein (LDW, 90); miʹnnə̑n äb rabàg mʹielə̑ (LW, 327) 'Mulle ei tule meelde'; Minnon rabagub mielo, ku nänton voʹĺto sellist papierod (RA I, 59) 'Mulle tuleb meelde, et neil olid niisugused paberid'; rabàgə̑b mìelə̑ / nei ku minà uʹnnə̑n (Kl) 'Tuleb meelde, siis kui ma olen ära unustanud'; rabàgub mìelə̑ / miʹnnə̑n rabàgiz mìelə̑ (Pz) 'Tuleb meelde, mulle tuli meelde'.

Verb rabàgə̑ kuulub keeletarvitusse ühendis mìelə̑ ra-

---

[5] L. K e t t u n e n , LW, lk. 212.

bâgə̂ 'meelde tulla'. Tuletamisel on lähtutud soome-ugrilise tüvega verbist rabbə̂ 'rabada, lüüa'.

räbàgə̂ 'jahtuda'.

ǭi um räbàgə̂n (LW, 351) 'Ahi on jahtunud'; ǭi um räbàgə̂n / ǭi um katki (Kl) 'Ahi on jahtunud, ahi on katki'; räbàguB / ǭi um kilmaks ìenD (Pz) 'Jahtub, ahi on külmaks jäänud'.

Verb räbàgə̂ kuulub keeletarvitusse. Etümoloogiliselt pole tüvi selge. L. Kettunen viitab eesti sõnale räbal ja soome sõnale räpä.[6] Ilmselt on lähtutud lähedasest deskriptiivsest tüvest.

vēlagə̂ 'kuluda; hajuda'.

am kīndərbū (od. bikšət_pùǫla) um järà vēlagə̂n (LW, 480) 'Kuue küünarnukk (või püksipõlv) on ära kulunud'; pīlad vēlagə̂bə̂D / vimə̂ tämbə̂ äb_lī (Kl) 'Pilved hajuvad, vihma täna ei tule'; vēlagə̂n (Va) 'Kulunud'; lopùb jaràndə̂Z / sis_ta ìeb jǫ vēlaks / um vēlagə̂n (Pz) 'Lõpeb ära, siis ta jääb õhemaks, on kulunud'.

Verb vēlagə̂ seostub adjektiiviga vēla 'õhuke, kulunud', mille L. Kettunen viib tagasi varasemale kujule *väljä (vrd. e väli, sm väljä).[7]

vērə̂gə̂ 'võõraks muutuda'.

vīrgə̂ (vūrgə̂) (LW, 484) 'Võõraks muutuda'; vērə̂gə̂B (GLL, 197) 'Muutub võõraks'; ta um vērə̂gə̂n (Kl) 'Ta on võõraks jäänud').

Verb vērə̂gə̂ (vērgə̂) on tuletatud läänemeresoome tüvest, mille koos liitega L. Posti taastab kujul *verahek-.[8]

viegə̂ 'tõrges olla, tusatseda'.

Vieg pr. viegob necken, reizen, ärgern, erzürnen (LDW, 133); läps viegə̂B (LW, 485) 'Laps tujutseb'; viegə̂ (ÄH, 99) 'Vihane olla'; viegə̂B (< *vihar-) (GLL, 197) 'Vihat-

---

[6] L. K e t t u n e n , LW, lk. 351.
[7] L. K e t t u n e n , LW, lk. 480.
[8] L. P o s t i , GLL, lk. 197.

seb, tusatseb'; vanà riĕtìng vi'egôB kà (Kl) 'Vana inimene ka tusatseb'.

Verb vi'egô on tuletatud läänemeresoomelise tüvega sõnast vijà 'mürk, viha'.

ädàgô 'ehmuda, kohkuda'.

Adāg pr. adāgob (lv Sal edag pr edagub) in Ängst, Noth sein (LDW, 8); ma vo'ĭ nei jarà ädàgôn, ku bĭksôd ve'ržist (LW, 512) 'Ma olin nii kohkunud, et püksid värisesid'; ne e'bbist ăttă-dàgônD (LT, 52) 'Hobused on ehmunud'; Un ama rouž adāgist jera un kĭtist (EMW, 42) 'Ja kõik inimesed kohkusid ja ütlesid'; adāgis ta vaggi jara (EMÖ, 4) 'Ta kohkus väga'; ädahgi/t ne un kihti/t (MEL, 35) 'Nad kohkusid ja ütlesid'; minà ädàgiz lăndz ie jarà (Kl) 'Mina kohkusin möödunud öösel'; ädàguB / kuì ma ädàgiZ (Ii) 'Kohkub, kuidas ma kohkusin'; ädàktô / ta mĭnda ädàktiZ / ma v^{u}o'ĭ jarà ädàgôn (Kl) 'Kohutada, ta mind ehmatas, ma olin kohkunud'.

Verb ädàgô on tuletatud läänemeresoome tüvest, mille koos liitega L. Posti taastab kujul ^{x}hätäγ-[9], esitades g-elemendi kohta näitena vepsa vi'ugandeb.

ärmagô 'härmatama'.

Ărmaton (ārmagon) pl. ărmatond (ārmagond) bereift, beglatteist (LDW, 8).

Verb ărmagô on tuletatud balti laensõnast ărma 'härma'. Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatus on esitatud mineviku keksõna, muid vorme pole liivi keelest fikseeritud. Keeletarvitusse kuulub tänapäeval samatüveline ărmaĭtô 'härmatada'.

Üldse on liivi keelest fikseeritud 11 g-sufliksilist verbi. Keeletarvitusse kuulub neist 8, passiivseid on 3 (gabàgô, gobàgô, ărmagô). Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatus leidub 5 g-liitelist verbi. Kõikide vaadeldud verbide tüved on genuiinsed.

Sufiks -g- märgib refleksiivsust ning on taastatav

[9] L. P o s t i , GLL, lk. 197.

nõrgarõhulise silbi järel kujul *ɣa. Samaelemendiline liide leidub vepsa keeles.[10]

L ü h e n d i d

EDW = F. J. W i e d e m a n n , Ehstnisch-deutsches Wörterbuch. St. Petersburg, 1893; EMÖ = Das Evangelium Matthäi in den östlichen Dialect des Livischen zum ersten Male übersetzt von dem Liven N. P o l l m a n n . London, 1863; GLL = L. P o s t i , Grundzüge der livischen Lautgeschichte. - Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia LXXXV. Helsinki, 1942; JL = P. D a m b e r g , Jemakīel lugdõbrāntõz skūol ja kuod pierast I. Helsinki, 1935; KKI = ENSV TA Keele ja Kirjanduse Instituudi kogud; LG = F. J. W i e d e m a n n , Joh. Andreas Sjögren's Livische Grammatik nebst Sprachproben. - Joh. Andreas Sjögren's Gesammelte Schriften II, St. Petersburg, 1861; LT = J. M ä g i s t e , Liiviläisiä tekstejä. Helsinki, 1964; LW = L. K e t t u n e n , Livisches wörterbuch mit grammatischer einleitung. Helsinki, 1938; MEL = Pūwa Matteus Ewangelium lihbi∫chki. Pehterburgs, 1880; RA I = Rāndalist Ājgarāntõz 1933. Ājgastọn. kien at 365 pävvọ I, RĪgā; ÄH = E. N. S e t ä l ä , Yhteissuomalainen äännehistoria. Helsinki, 1899.

e = eesti keel; Li = liivi keele Īra küla murrak; Kl = liivi keele Kolka küla murrak; krjL = karjala keele lüüdi murre; Pz = liivi keele Piza küla murrak; Se = eesti keele setu murre; sm = soome keel; Va = liivi keele Vaide küla murrak.

[10] E. N. S e t ä l ä , ÄH, lk. 99 - 100.

Э. В я а р и
(Тарту)

ЛИВСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ -b- И -g-

Р е з ю м е

В статье рассматриваются глагольные суффиксы -b- и -g- в ливском языке. Автор приводит многочисленные примеры как печатных изданий, так и из рукописей, и реконструирует праформы этих суффиксов. Отмечается, что оба суффикса имеют рефлексивный характер.

E. V ä ä r i
(Tartto)

LIIVIN VERBISUFFIKSIT -b- JA -g-

T i i v i s t e l m ä

Kirjoituksessa tarkastellaan liivin verbisuffikseja -b- ja -g-. Kirjoittaja esittää runsaasti esimerkkejä painetuista lähteistä ja käsikirjoituksista sekä rekonstruoi suffiksien kantamuodot. Todetaan, että kumpikin suffiksi on refleksiivinen.

PAUL ARISTE TÖÖDE BIBLIOGRAAFIA (1965 - 1974)

(P. Ariste tööde bibliograafia 1921 - 1964 on ilmunud teoses "Sõna sõna kõrvale. Paul Ariste teaduslikust tegevusest". Tallinn, 1965.)

1965

Eesti keele foneetika. Õpik Ajaloo-Keeleteaduskonna keeleosakondade üliõpilastele. Tartu, 1965. 202 lk. (TRÜ. Soome-ugri keelte kateeder.) Rotaprint.

Gooti kirja lugemisharjutusi. Tartu, 1965. /7/ lk. (TRÜ.) Rotaprint.

Kuidas omal ajal eksameid tehti. - TRÜ 25. VI 1965, nr. 17.

Lehekülgi P a u l A r i s t e uurimustest: Ülevaade hiiu murretest. - Lausefoneetilisest kvantiteedist eesti keeles. - Läänemere keelte kujunemine ja vanem arenemisjärk. - Vadja keele ja eesti murrete suhetest. - Kalevist. - Mustlas-sõnu eesti keeles. - Mõningaid sõnaseletusi : jaanalind. - Sunnik. - Saksa laensõnad Heinrich Stahli eesti keeles. - Reigi. - Sõna sõna kõrvale. Tallinn, 1965, lk.63-127, ill.

Meilegi vajalikust teatmeteosest. /Latviešu literatūras darbinieki. Biogrāfiska vārdnīca. (Läti kirjanduse tegelased. Biograafiline sõnaraamat.) Rīgā, 1965./- Edasi 28. XI 1965, nr. 234.

Moo ja mõis. - Emakeele Seltsi Aastaraamat, 1965, 11, lk. 105-111.

Резюме: Этимология эстонских слов moo и mõis.

Mõni sõna aspirantide juhendamisest. - Teadusliku kaadri ettevalmistamine Nõukogude Eestis. Tallinn, 1965, lk. 28-29.

Muljeid soome-ugri kongressist. [23.-26. aug. 1965 Helsingis.] - Kodumaa 15. IX 1965, nr. 37.

Märjamaa õpilaste keelepäevast osavõtjatele. - Märjamaa 3. õpilaste keelepäev 18. mail 1965. [17 lk.

Paljust kõnelev kaaslane. Raamat minu elus. - Kultuur ja Elu, 1965, nr. 2, lk. 32-35, ill.

75 aastat Dmitri Bubrichi sünnist. - Keel ja Kirjandus, 1965, nr. 7, lk. 432-434, ill.

Vadja kohanimedes. - Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost. Tallinn, 1965, lk. 91-106.
Резюме: Водь в топонимике.
Zsfass.: Woten in Ortsnamen.

Vadjalased Vaiamaal. - Jõgeva rajoonis. Eesti NSV 25. aastapäevale pühendatud kodu-uurijate seminar-kokkutulek. Ettekannete lühikokkuvõtted. Tallinn, 1965, lk. 20-22.

A case of language contact in the East Baltic Area. - Сов. финно-угроведение, 1965, № 1, с. 21-25.
Резюме: Случай языкового контакта в восточной Прибалтике.

Ein ostseefinnisches Wort im Rumänischen. - Там же, № 2, с. 69-70.
Резюме: Прибалтийско-финское слово в румынском языке.

Estnisches in der niederdeutschen Sprache im Baltikum. - Lingua viget. Commentationes Slavicae in honorem V. Kiparsky. Helsinki, 1964 (kaanel: 1965), S. 9-10.

Etwas über das Ižorische. - Сов. финно-угроведение, 1965, № 3, с. 183-186.
Резюме: К исследованию ижорского языка.

Fenno-ugric studies in Estonia. - Native Land (Tallinn), 1965, p. 10-11. (Special issue of the weekly "Kodumaa".)

Hebräische Wörter im Estnischen. - Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literaturforschung (Steinitz-Festschrift). Berlin, 1965, S. 31-38.

Rets.: B u r d e - S c h n e i d e w i n d, G. - Deutsches Jahrbuch für Volkskunde, 1966, Bd. 12, H. 1, S.102-103.

Reduktion der Stimmhaftigkeit als morphologischer Faktor. - Omagiu lui Alexandru Rosetti la 70 de ani. Bucureşti, 1965, S. 15-17.

Suomalais-ugrilaisten kielten opettamisesta ja tutkimisesta Tarton yliopistossa. - Kommunisti (Helsinki), 1965, n:o 11, s. 394-395.

Suomalais-ugrilaisten kielten tutkimisesta Eestissä. - Kotimaa (Tallinna), 1965, s. 10-11. (Sanomalehden "Kodumaa" erikoisnumero.)

Vatjalaisten čivirõukko. - Kotiseutu (Helsinki), 1965, n:o 5, s. 155-157, kuv.

Vatjalaisten vesiämmä. - Juhlakirja R. E. Nirvin 60-vuotispäiväksi 16. 12. 1965. Helsinki, 1965, s. 82-84.

Idem. - Virittäjä, 1965, n:o 4, s. 430-432.
Zsfass.: Die vesiämmä 'Wassergrossmutter' der Woten.

Vērtīgs pētījums valodniecībā. - Padomju Students (Rīgā) 5. III 1965, nr. 6.

Über wotische Ortsnamen. - Deuxième congrès internationalis des finno-ougristes. Résumés des exposés et des communications. Helsinki, 1965, S. 4.

"Baltistica", Vilnius. /Vilniuse ülikooli leedu keele kateedri väljaandel ilmuv ajakiri./ - Keel ja Kirjandus, 1966, nr. 5, lk. 324.

Eesti keele foneetika. Õpik Ajaloo-Keeleteaduskonna keeleosakondade üliõpilastele. 2. tr. Tartu, 1966. 201 lk., tab. (TRÜ. Soome-ugri keelte kateeder.) Rotaprint.

Eesti keele hääldamist soomlastele. /Rets.: Vôrk, L. Viron kielen ääntämys. Jyväskylä, 1966. (Studia Philologica Jyväskyläensia. 2.)/- Keel ja Kirjandus, 1966, nr. 10, lk. 641-642.

Georg Mülleri mitmekeelsusest. - Ibid., nr. 6, lk. 351-355.

Ikka veel apartheidist. /Õigekirjast./ - Ibid., nr.3, lk. 184.

Karl Aben 70-aastane. - Fotoga. - Emakeele Seltsi Aastaraamat, 1966, 12, lk. 240-242.

Kas Friedrich Engels oskas vanajuudi keelt? - Keel ja Kirjandus, 1966, nr. 6, lk. 371-372.

Kui mets on vaikne. - Kultuur ja Elu, 1966, nr. 9, lk. 16-19.

Lisaandmeid Jõgõperä vadjalaste laulude keele kohta. - Emakeele Seltsi Aastaraamat, 1966, 12, lk. 227-236.
Резюме: Новые данные о языке народных песен води в деревне Краколье.

Mida on teada mustlastest ja nende keelest? - Küsimused ja Vastused, 1966, nr. 6, lk. 33-38.

Mõnest mehest, kes on jätnud jälgi. /Mälestusi kokkupuuteist professoritega: W. Anderson, M. J. Eisen, L. Masing, A. Saareste, J. Mark, J. Mägiste, J. V. Veski, J. Aavik, A. ja G. Suits./ - Noorus, 1966, nr. 5, lk. 34-36.

Mõningaid sõnaseletusi. - Emakeele Seltsi Aastaraamat, 1966, 12, lk. 73-78.
Резюме: Некоторые этимологии.

Pent Nurmekund 60-aastane. - Ibid., lk. 251-253.

Pole sõna murdnud. [Mälestusi noorusmaalt.] - Noorte Hääl 17. IV 1966, nr. 90.

Tbilisis kaitstud doktoriväitekiri. [P. Vaarask.] - Fotoga. - Keel ja Kirjandus, 1966, nr. 8, lk. 518.

Uus soome-ugri keeleteaduse doktor. [P. Alvre.] - Fotoga. - Ibid., nr. 6, lk. 388-389.

"Vainu vettä vaeldama". [vainu etümoloogiast.] - Ibid., nr. 1, lk. 34-36.

Veidi sorbide ja eestlaste suhetest. [19. saj. elanud sorbi rahvusest pedagoogi ja ühiskonnategelase J. A. Holani tähelepanekutest Läänemeremaade ja Lausitzi olukorra kohta.] - Edasi 3. VII 1966, nr. 154.

Läti (Латвия, латвийский, латышский) в Эстонской топонимии. - Конференция по топонимике Северо-Западной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений. Рига, 1966, с. 225-226.

[Рец.:] R a u n, A. and S a a r e s t e, A. Introduction to Estonian linguistics. Wiesbaden, 1965. (Uralaltaische Bibliothek. 12.) - Сов. финно-угроведение, 1966, № 2, с. 130-133.

А р и с т э П. А. и Вяари Э. Э. Прибалтийско-финские языки. Введение. - Языки народов СССР. 3. Москва, 1966, с. 26-34, табл.

Muinaisista itämerensuomalaisista heimokielistä. - Kotiseutu (Helsinki), 1966, n:o 2, s. 41-47.

Omaa ja vierasta vatjalaisten kalenterissa. - Kalevalaseuran Vuosikirja, 1966, 46, s. 196-205.

[Rez.:] М а й т и н с к а я К. Е. Местоимения в мордовских и марийских языках. Москва, 1964. - Сов. финно-угроведение, 1966, № 1, с. 81-83.

Russisch ле́ньгас 'Faulpelz' und estnisch lõngus 'Halbstarker'. - Сов. финно-угроведение, 1966, № 2, с. 89-90.

Резюме: Русское ле́ньгас 'лентяй' и эстонское lõngus 'стиляга'.

Sirms profesors raksta dzejniecei. - Ķempe, M. - Karogs, 1966, nr. 11. Anonīmi.

Suomalaisten ja eestiläisten tiedemiesten yhteistyöstä. - Kotimaa (Tallinna), 1966, s. 6-7. (Sanomalehden "Kodumaa" erikoisnumero.)

Über einige Zigeunerische Lehnwörter im Lettischen. - Acta Baltico-Slavica (Białystok), 1966, 3, S. 23-24.

1967

Alati liikuv. [Prof. A. Kask 65-aastane.] - Edasi 10. VIII 1967, nr. 187.

Kas vadjalased on tundnud Kalevipoega? - Keel ja Kirjandus, 1967, nr. 9, lk. 549-554.

Kõbe vanamees. - Spordileht 6. III 1967, nr. 28. Tõlge: Futás a halál elől. - Népsport (Budapest) 2. X 1967.

Kõigile huvitav ning vajalik raamat. [Rets.: Rajandi, E. Raamat nimedest. Tallinn, 1966.] - Keel ja Kirjandus, 1967, nr. 4, lk. 248-249.

Maailma keeled. 1. Euroopa ja Aasia keeled. Õpik Ajaloo-Keeleteaduskonna keeleosakondade üliõpilastele. Tartu, 1967. 87 lk. (TRÜ. Soome-ugri keelte kateeder.) Rotaprint.

Mõnda Tartu ülikooli õppejõududest. - TRÜ 11. I 1967, nr. 1.

"Noorte Hääle" lugejate küsimustele vastab akadeemik professor P a u l A r i s t e. - Fotoga. - Noorte Hääl 15. III 1967, nr. 62. (Meie sõbrad, meie tuttavad.)

Sätsuvere külakool. [Mälestusi 1913.-1916. a.] - Punalipp (Jõgeva) 1. VIII 1967, nr. 90. (Meie Kodu. 4.)

Tükike lõunamaad Laiusel. [Laiuse mustlaste päritolust, keelemurdest ja rännakuteest eestlaste aladele 18.-20. saj.] - Ibid. 15. IV 1967, nr. 45. (Meie Kodu. 2.)

Vanu eesti keele foneetiliselt kirja pandud tekste. - Kodumurre, 1967, 8, lk. 18-20.

Ed. Wahl - interlingvistika arendaja. [Rahvusvahelise keele oktsidentaali looja.] - Noorte Hääl 14. I 1967, nr. 12.

Wolfgang Steinitzi mälestuseks. - Keel ja Kirjandus, 1967, nr. 6, lk. 381.

Ühest avastamist ootavast eesti keele õpikust. [E.Schomeruse keeleõpetus 17. saj.] - Edasi 6. VIII 1967, nr. 184.

Ühest püramiidtammest. - E. Loodus, 1967, nr. 7, lk. 433.

Ühest Tartu ja Tallinna fennougristide lähema tuleviku ülesandest. - Kodumaa 22. XI 1967, nr. 47.

Wolfgang Steinitz. [1905-1967.] In memoriam. - С портр. - Сов. финно-угроведение, 1967, № 3, с. 206-208.

Ночь в Туркестане. - Павел Иванович Страдынь - врач, ученый, человек. [Сборник воспоминаний]. Рига, 1967, с. 346-348, ил.

Пути отмирания двух прибалтийско-финских языков. - Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X международном конгрессе лингвистов. Москва, 1967, с. 115-119.

Пути отмирания двух прибалтийско-финских языков. - Résumés des communications. Bucarest, 28. août - 2. septembre 1967. [Bucarest, 1967], p. 15-16.

/Рец.:/ С а й н а х о в а А. И. Служебные слова в мансийском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 1966. - Сов. финно-угроведение, 1967, № 2, с. 155-156.

Aarne Thompson MT 161 A* ja MT 163 B* vatjalaisena satuna. - Kalevalaseuran Vuosikirja, 1967, 47, s. 49-53.

/Rez.:/ Л а а н е с т А. Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование. Таллин, 1966. - Сов. финно-угроведение, 1967, № 2, с. 153-154.

Le mot estonien ait est-il un emprunt? - Там же, № 3, с. 169-170.

Резюме: Является ли заимствованием эстонское слово ait?

/Rez.:/ L e h i s t e, I. Consonant quantity and phonological units in Estonian. Bloomington, 1966. (Indiana Univ. Publ. Uralic and Altaic Series. 65.) - The Slavonic and East European Journal (Michigan), 1967, vol. 11, No. 4, p. 495-497.

Südestnisch kõrik. - Сов. финно-угроведение, 1967, № 1, с. 7-9.

Резюме: Южно-эстонское слово kõrik.

Über wotische Ortsnamen. - Там же, № 2, с. 77-84.

Резюме: Водские местные названия.

Vatjalainen "mä kehtäB". - Virittäjä, 1967, n:o 3, s. 312-314.

Zsfass.: Wotisch mä kehtäB.

Wie der Este Litauen und den Litauer nennt. - Baltistica, 1967, Bd. 3, H. 2, S. 205-207.

Eesti keele foneetika. Õpik Ajaloo-Keeleteaduskonna keeleosakondade üliõpilastele. 3. tr. Tartu, 1968. 201 lk. (TRÜ. Soome-ugri keelte kateeder.) Rotaprint.

Eesti kirjakeele ajalugu ingliskeelsele lugejale. [Rets.: Kurman, G. The development of written Estonian. Bloomington, 1968. (Indiana Univ. Publ. Uralic and Altaic Series. 90.)] - Keel ja Kirjandus, 1968, nr. 11, lk. 699-700.

Eestit tšehhi leksikonis. Slovník spisovatelů národů SSSR. "Svět sovětů", Praha, 1966. 550 lk. - Ibid., nr.1, lk. 53-54.

Häda väikemehega. [Tõlkevigadest ajalehes "Edasi".] - TRÜ 23. II 1968, nr. 5.

Joosep Paljak. - Fotoga. - Emakeele Seltsi Aastaraamat, 1968, 13, lk. 253-254.

Kolmas rahvusvaheline fennougristide kongress Tallinnas 1970. - Kodumaa 21. VIII 1968, nr. 35.

Kuidas eestlast on nimetatud. - Keel ja Kirjandus, 1968, nr. 10, lk. 603-606.

Kust on eestlased läänemeremaile tulnud? - Kalender. 1969. Tallinn, 1968, lk. 83-87.

Külalisraamat on ajaraamat. - Kultuur ja Elu, 1968, nr. 12, lk. 2-3.

Lisamärkusi eesti keeles olevatest hebraismidest. - Emakeele Seltsi Aastaraamat, 1968, 13, lk. 71-74.

Резюме: Некоторые дополнительные данные о древнееврейских словах в эстонском языке.

Miks räägitakse loomadega võõrast keelt? - Keel ja Kirjandus, 1968, nr. 5, lk. 267-270.

Mõista, mõista, mis see on? [Mõistatamistest ja viktoriinidest.] - Kultuur ja Elu, 1968, nr. 1, lk. 12-14.

Professor P a u l A r i s t e - Edgar V. Saksale. [Soome-ugri ja samojeedi keelte uurimisest.] - Kodumaa 27. III 1968, nr. 13.

Некоторые проблемы трилингвизма. - Диалектологическая конференция по изучению русских говоров Прибалтики. Тарту, 1968, с. 78-79.

[Рец.:] Т е р е ш к и н Н. И. Ваховский диалект хантыйского языка. (Фонетика и морфология.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ленинград, 1968. - Сов. финно-угроведение, 1968, № 3, с. 230-232.

A case of language shift. - Там же, № 2, с. 81-84.
Резюме: Об одном случае языкового контакта.

A grammar of the Votic language. Bloomington - The Hague, 1968. IX, 121 p. (Indiana Univ. Publ. Uralic and Altaic Series. 68.)
Rets.: A l v r e, P. - Сов. финно-угроведение, 1969, № 3, с. 221-223.
Rets.: S u h o n e n, S. - Ural-altaische Jahrbücher, 1971, Bd. 43, S. 213-214.

Fennougristien lähitulevaisuuden tehtävästä. - Neuvosto-Eesti. Tallinna, 1968, s. 98-99.

Johannes Voldemar Veski. - С портр. - Сов. финно-угроведение, 1968, № 2, с. 140-141.

A. Ozola korespondences ar Igaunijas PSR ZA akademiķi prof. doktoru P. A r i s t i . - Arturs Ozols. Raksti folkloristikā. Rīgā, 1968, 355 -357, 359. lpp.

Sirms profesors raksta dzejniecei. - Mirdza Ķempe. Dzintara spogulis. Rīgā, 1968, 12. lpp. Anonīmi.

[Rez.:] T a u l i, V. Structural tendencies in Uralic languages. The Hague, 1966. - Сов. финно-угроведение, 1968, № 2, с. 146-148.

[Rez.:] V e e n k e r, W. Die Frage des finno-ugrischen Substrats in der russischen Sprache. Bloomington, 1967. (Indiana Univ. Publ. Uralic and Altaic Series. 82.) - Там же, с. 148-150.

[Rez.:] V é r t e s, E. Die ostjakischen Pronomina. Budapest, 1967. - Там же, № 1, с. 73-75.

Viimeisten vatjalaisten etnologinen anti. [Vatjan kansanperinnöstä.] - Kotiseutu (Helsinki), 1968, n:o 7/8, s. 172-175.

Welche Sprache spricht die ostseefinnische Bevölkerung in Vaipooli? - Fenno-Ugrica. Juhlakirja Lauri Postin kuusikymmenvuotispäiväksi 17. 3. 1968. Helsinki, 1968, s. 12-19. (Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. 145.)

Wotisch čürü. - Сов. финно-угроведение, 1968, № 3, с. 165-168.

Резюме: Водское слово čürü.

Über wotische Ortsnamen. - Congressus secundus internationalis fenno-ugristarum Helsingiae habitus 23.-28. VIII. 1965. 1. Acta Linguistica. Helsinki, 1968, S. 24-30.

a. - Eesti nõukogude entsüklopeedia. 1. 1968, lk. 11, vrg. 1.

abasiini keel. - Ibid., lk. 33, vrg. 2.

abhaasi keel. - Ibid., lk. 36, vrg. 2.

abreviatuur. - Ibid., lk. 39, vrg. 2.

adõgee keel. - Ibid., lk. 50, vrg. 2.

afrikaani keel. - Ibid., lk. 56, vrg. 1.

ainud. - Ibid., lk. 67/68.

akadi keel. - Ibid., lk. 77, vrg. 2.

alamsaksa keel. - Ibid., lk. 88, vrg. 1.

albaania keel. - Ibid., lk. 91, vrg. 2.

aleuudid. - Ibid,, lk. 98, vrg. 2.

alfa. - Ibid., lk. 99, vrg. 2.

amhaara keel. - Ibid., lk. 139, vrg. 2.

analoogia. - Ibid., lk. 146, vrg. 2.

Anderson, N. - Ibid., lk. 150, vrg. 1.

araabia keel. - Ibid., lk. 177, vrg. 1.

aramea keel. - Ibid., lk. 181, vrg. 1.

armeenia kiri. - Ibid., lk. 196, vrg. 1.

artikulatsioonibaas. - Ibid., lk. 204, vrg. 1.

Arumaa, P. - Ibid., lk. 205, vrg. 2.

aspekt lgv. - Ibid., lk. 215, vrg. 2.

assimilatsioon lgv. - Ibid., lk. 217, vrg. 1.

avaari keel. - Ibid., lk. 263/264.

b. - Ibid., lk. 267, vrg. 1.

balti keeled. - Ibid., lk. 285, vrg. 2.

balti laemud. - Ibid., lk. 286, vrg. 2.

beeta. - Ibid., lk. 309, vrg. 2.

bretooni keel. - Ibid., lk. 381, vrg. 2.

Būga, K. - Ibid., lk. 396, vrg. 1.

bulgaaria keel. - Ibid., lk. 401, vrg. 2.

c. - Ibid., lk. 415, vrg. 1.

d. - Ibid., lk. 455, vrg. 1.

dagestani keeled. - Ibid., lk. 457, vrg. 2.

dargi keel. - Ibid., lk. 464, vrg. 1.

delta. - Ibid., lk. 478, vrg. 1.

digraaf. - Ibid., lk. 503, vrg. 1.

dissimilatsioon lgv. - Ibid., lk. 513, vrg. 1.

dorsaal. - Ibid., lk. 526, vrg. 2.

dzeeta. - Ibid., lk. 533, vrg. 2.

1969

Ebatavaline mees Ferdinand Johann Wiedemann. - Noorus, 1969, nr. 5, lk. 73-75.

Gooti kirja lugemisharjutusi. 2., täiend. tr. Tartu, 1969. [9] lk.; 1 lk. teksti. (TRÜ.) Rotaprint.

Kas ism võib olla sõna? - Emakeele Seltsi Aastaraamat, 1969, 14/15, lk. 79-86.
Резюме: Является ли ism самостоятельным словом?

Keel võib grammatika laenata. - Nõuk. Õpetaja 1. III 1969, nr. 9.

"Kolm kohalikku keelt". [Mitmekeelsusest.] - Keel ja Kirjandus, 1969, nr. 3, lk. 140-147.

"Eesti Kirjanduse" toimetuses. [Kultuuriloolisi meenutusi.] - TRÜ 21. III 1969, nr. 9.

Maailma keeled. 2. Aafrika keeled. Õpik Ajaloo-Keeleteaduskonna keeleosakondade üliõpilastele. Tartu, 1969. 48 lk. (TRÜ. Soome-ugri keelte kateeder.) Rotaprint.

Midagi kogumishobist. - TRÜ 17. X 1969, nr. 30.

Professor meenutab. [Lugusid üliõpilastest.] - Ibid., 27. XII 1969, nr. 40.

Sada aastat Wiedemanni sõnaraamatut. - Keel ja Kirjandus, 1969, nr. 5, lk. 260–267.

Soome-ugri keelte uurimisest Eestis. - Kalender. 1970. Tallinn, 1969, lk. 129–133.

Sõber tuhkur. - E. Loodus, 1969, nr. 3, lk. 155–156.

Sõna on Eesti keeletarkadel. [Küsimustele vastab ka P. Ariste.] - Fotoga. - Noorus, 1969, nr. 10, lk. 73–74.

Vadja rahvakalender. Tallinn, "Valgus", 1969. 158 lk. (ENSV TA Emakeele Seltsi Toimetised.8.)
Rets.: T e d r e, Ü. Vadja kombestikust. - Keel ja Kirjandus, 1969, nr. 10, lk. 635–636.

Valame õnne. [Vana-aasta õhtu ja uusaasta hommiku kombeid.] - Kultuur ja Elu, 1969, nr. 12, lk. 2–3.

Vanaküla isuri murrakust. - Emakeele Seltsi Aastaraamat, 1969, 14/15, lk. 173–180.
Резюме: Ижорские тексты из дер. Илкино.

Verbum habet professor. [Vanade ja noorte vahelistest suhetest.] - Fotoga. - TRÜ 24. I 1969, nr. 2.

F. J. Wiedemanni eesti-saksa sõnaraamatu jutumärgistatud tõlked. - Emakeele Seltsi Aastaraamat, 1969, 14/15, lk. 239–250.
Резюме: Переводы в кавычках в эстонско-немецком словаре Ф. И. Видемана.

Ühest lektorist. [A. Suits.] - Fotoga. - TRÜ 27. XII 1969, nr. 40.

Üks XVII sajandi kirjavahetus. [Rets.:] Brev till Georg Stiernhielm utgivna och kommenterade av Per Wieselgren med bistånd av Gerhard Bendz och Maria Widnäs. Skrifter utgivna av Vetenskapssocieteten i Lund. Lund, 1968. - Keel ja Kirjandus, 1969, nr. 7, lk. 444–445.

Второе рождение [финно-угроведения в ТГУ]. – Сов. Эстония 15. XI 1969, № 266.

Läti 'латвийский, латышский, Латвия' в топонимии Эстонии. [Доклад, прочитанный на конференции по топонимике северо-западной зоны СССР в Риге в 1966 году]. – Baltistica, 1969, т. 5, № 1, с. 97–100.

Ein lettisches Ableitungssuffix im Zigeunerischen. – Ibid., H. 2, S. 179–181.

Estnisch Kose, deutsch Kosch. – Сов. финно-угроведение, 1969, № 1, с. 1–2.

Резюме: Эстонский топоним Kose, немецкий Kosch.

Etwas über den Kontakt zwischen dem Wotischen und dem Schwedischen. – Там же, № 2, с. 103–104.

Резюме: К вопросу о контактах между водским и шведским языками.

Die Expansion einer lettischen Konjunktion in den ostseefinnischen Sprachen. – Там же, № 3, с. 167–169.

Резюме: Экспансия одного латышского союза в прибалтийско-финских языках.

[Rez.:] B e ö t h y, E. Die Bezeichnungen für Himmelsrichtungen in den finnisch-ugrischen Sprachen. Bloomington, 1967. (Indiana Univ. Publ. Uralic and Altaic Series. 84.) – Там же, № 1, с. 86–88.

Zwei mordwinische Sprichwörtersammlungen. [Rez.: Устно-поэтическое творчество мордовского языка. Т. 4. Кн. 1. Пословицы, присловия и поговорки. Саранск, 1967; Мордовские пословицы и присловия. Саранск, 1968]. – Proverbium (Helsinki), 1969, 12, S. 331–333.

Über die Dreisprachigkeit unter einigen finnisch-ugrischen Völkern. – Сов. финно-угроведение, 1969, № 4, с. 245–254.

Резюме: О трехъязычии у некоторых финно-угорских народов.

P a u l A r i s t e. [Küsimustele vastuseks.] – Fotoga. – Meie sõbrad, meie tuttavad. 2. Tallinn, 1970, lk.62–72.

Eessõna. – Saaremaast Sajaanideni ja kaugemalegi. Tallinn, 1970, lk. 5–7.

Eneseintervjuu. [Spordist ja võimlemisest.] – TRÜ 30. X 1970, nr. 31.

Fennougristika Eesti NSV-s. – Horisont, 1970, nr. 2, lk. 19–20.

Fennougristika Nõukogude Liidus. – Kodumaa 25. III 1970, nr. 12.

Fenno-ugric in the Soviet Union. – Native Land (Tallinn), 1970, p. 14–15. (Special issue of the weekly "Kodumaa".)

Fenno-ugristiikka Neuvostoliitossa. – Kotimaa (Tallinna), 1970, s. 15. (Sanomalehden "Kodumaa" erikoisnumero.)

Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft in der Sowjetunion. – Heimatland (Tallinn), 1970, S. 6–7. (S.-Ausg. des Wochenblattes "Kodumaa".)

Ferdinand Johann Wiedemanni kirjad Jakob Hurdale. – TRÜ Toimetised, 1970, 259, lk. 5–54, ill.

Резюме: Письма Фердинанда Йоханна Видеманна Якобу Хурту.

Zsfass.: Die Briefe Ferdinand Johann Wiedemanns an Jakob Hurt.

FU-1970 Tallinnas. [17.–23. aug. toimuvast fenno-ugristide kongressist.] – Nõuk. Õpetaja 4. VII 1970, nr. 27.

Johannes Aavik 90-aastane. – Fotoga. – Sirp ja Vasar 11. XII 1970, nr. 50.

200 aastat ühe Tartu mehe sünnist. [A. Chr. Lehrberg (1770–1813), Peterburi TA akadeemik, soome-ugri rahvaste ajaloo ja keelte uurija.] – Keel ja Kirjandus, 1970, nr. 8, lk. 499–501.

Kas kabrist ei võiks velmata? [Metskitse nimetusest läänemere keeltes.] - E. Loodus, 1970, nr. 8, lk. 459-460.

Резюме: Об эстонском названии козули.

Summary: Concerning the name of the roe-deer in Estonian.

Lenin. [Mõtteid ja arvamusi temast.] - Kultuur ja Elu, 1970, nr. 4, lk. 8.

Nimi raamatus. [Autograafi tähtsusest.] - TRÜ 13. III 1970, nr. 8.

Pool sajandit Emakeele Seltsi. - Edasi 22. III 1970, nr. 68.

Rootsi väjsta 'nuga'. - Emakeele Seltsi Aastaraamat, 1970, 16, lk. 115-120.

Резюме: Шведское слово väjsta 'нож'.

[Sissejuhatus.] - Congressus tertius internationalis fenno-ugristarum. Programm. Tallinn, 1970, lk. 3-5.

Vadja rahvaluule võlus. - Saaremaast Sajaanideni ja kaugemalegi. Tallinn, 1970, lk. 89-99, ill.

Õpetaja minu elus. - Nõuk. Õpetaja 15. XI 1970, nr. 46, ill.

Ühest lektorist. [A. Suits.] - Kodumaa 4. II 1970, nr. 5.

Ühest Vaipoole vadja laulust. - Emakeele Seltsi Aastaraamat, 1970, 16, lk. 207-210, noot.

Резюме: Об одной водской песне в Кракольском сельсовете.

Седой профессор пишет поэтессе. - Кемпе М. Янтарное зеркало. Рига, 1970, с. 37-38. Анонимно.

Congressus tertius internationalis fenno-ugristarum. 17.-23. VIII 1970 Tallinn. - Сов. финно-угроведение, 1970, № 3, с. 163-167.

Der dritte Finnougristenkongress. Eröffnungsansprache. - Heimatland (Tallinn), 1970, S. 2-3, Ill. (S.-Ausg. des Wochenblattes "Kodumaa".)

[Rez.:] L e m c h e n a s, Ch. Lietuvių kalbos įtaka Lietuvos žydų tarmei, Lietuviškieji skoliniai. Vilnius, 1970. - Baltistica, 1970, Bd. 6, H. 2, S. 250-252.

Über den inneren Kontakt zwischen den ostseefinnischen Sprachen. - Congressus tertius internationalis fenno-ugristarum. Thesen. 1. Tallinn, 1970, S. 41.

Vatjalaisia sananlaskuja. - Kalevalaseuran Vuosikirja, 1970, 50, s. 221-243.

Die Wege des Aussterbens zweier finnisch-ugrischen Sprachen. - La monda lingvo-problemo, 1970, Nr. 2, S. 77-82.

Zum 70. Geburtstag Julius Mägistes. - Mit Foto. - Сов. финно-угроведение, 1970, № 4, с. 299-301.

e. - Eesti nõukogude entsüklopeedia. 2. 1970, lk. 5, vrg. 1.

eenetsi keel. - Ibid., lk. 12, vrg. 2.

eeta. - Ibid., lk. 171, vrg. 1.

egiptuse keel. - Ibid., lk. 176, vrg. 2.

egiptuse kiri. - Ibid.

eksplosioon lgv. - Ibid., lk. 180, vrg. 2.

elisioon. - Ibid., lk. 218, vrg. 2.

emakeel. - Ibid., lk. 227, vrg. 2.

Endzelīns, J. - Ibid., lk. 234, vrg. 1/2.

epentees. - Ibid., lk. 244, vrg. 1.

epsilon. - Ibid., lk. 247, vrg. 1.

ergatiiv. - Ibid., lk. 250, vrg. 1.

eskimo keeled. - Ibid., lk. 262, vrg. 1.

esperanto. - Ibid., lk. 264, vrg. 2.

etiooopia keel. - Ibid., lk. 272/273.

etioopia kiri. - Ibid., lk. 273, vrg. 1.

f. - Ibid., lk. 291, vrg. 1.

fii. - Ibid., lk. 314, vrg. 1.

foiniikia keel. - Ibid., lk. 334, vrg. 2.

foiniikia kiri. - Ibid.

friisi keel. - Ibid., lk. 358, vrg. 1.

fäärri keel. - Ibid., lk. 366, vrg. 1.

g. - Ibid., lk. 372, vrg. 1.

gaeli keel. - Ibid., lk. 380, vrg. 1.

gamma [1. osa]. - Ibid., lk. 388, vrg. 1.

germaani keeled. - Ibid., lk. 416, vrg. 1.

gooti keel. - Ibid., lk. 440, vrg. 2.

gooti kiri. - Ibid.

grafeem. - Ibid., lk. 447, vrg. 2.

Gyarmathi, S. - Ibid., lk. 481, vrg. 2.

h. - Ibid., vrg. 1.

hamiidi keeled. - Ibid., lk. 508, vrg. 1.

haploloogia. - Ibid., lk. 517, vrg. 1.

heebrea keel. - Ibid., lk. 534, vrg. 1.

heebrea kiri. - Ibid., vrg. 1/2.

Asjalik uurimus rootsi ja eesti keele kontaktist. [Rets. Lagman, H. Svensk-estnisk språkkontakt. Studier över estniskans inflytande på estlandssvenska dialekterna. Stockholm, 1971.] - Keel ja Kirjandus, 1971, nr. 9, lk. 568-571.

Dotsent Paula Palmeose juubeli puhul. - Fotoga. - TRÜ 19. XI 1971, nr. 33.

Eesti keele ja soome-ugri keelte uurimine Eesti NSV Teaduste Akadeemias. - Eesti NSV Teaduste Akadeemia. Tallinn, 1971, lk. 42-47, ill.

Ferdinand Johann Wiedemann. Tartu, 1971. 93 lk. (TRÜ. Soome-ugri keelte kateeder.) Rotaprint.

Friedebert Tuglas in memoriam. (2. III 1886 - 15. IV 1971.) Kõne matusetalitusel 20. aprillil 1971.-Emakeele Seltsi Aastaraamat, 1971, 17, lk. 3-7; 1 l. ill.

Karl Aben 75-aastane. - Fotoga. - Sirp ja Vasar 24. IX 1971, nr. 39.

Karts ja kärts. [Etümoloogiast.] - Emakeele Seltsi Aastaraamat, 1971, 17, lk. 67-70.
Резюме: Эстонские слова karts и kärts.

Mõni sõna tehiskeelest. - Noorus, 1971, nr. 10, lk. 70-71.

[Mõttemõlgutusi keelest.] - Tallinna 10 Keskkooli keelepäev 22. II 1971. [Tallinn, 1971], lk. [3].

Nooruk ja alkohol. [Intervjuu.] Üles kirjut. K. Helemäe ja J. Paalma. - Noorte Hääl 12.X 1971, nr. 241, ill.

Paula Palmeose juubel. - Fotoga. - Emakeele Seltsi Aastaraamat, 1971, 17, lk. 230-233.

Idem. - Sirp ja Vasar 19. XI 1971, nr. 47.

Professor Paul Alvre 50. - TRÜ 8. I 1971, nr. 1.

Puhkus. - Kultuur ja Elu, 1971, nr. 7, lk. 2–4, ill.

Riiklik preemia "Keti keele" eest. [A. Dulsonile.] - Edasi 23. XI 1971, nr. 276.

Idem. - Kodumaa 1. XII 1971, nr. 48.

Uhiuut soomeugrilaste kaugest minevikust. [Rets.: Mark, K. Zur Herkunft der finnisch-ugrischen Völker vom Standpunkt der Anthropologie. Tallinn, 1970.] - Keel ja Kirjandus, 1971, nr. 7, lk. 440–441.

Uut vadjalaste ja isurite minevikust. [Rets.: Õpik, E. Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul. Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale F. Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses. Tallinn, 1970.] - Ibid., nr. 2, lk. 114–115.

Ühest halvasti viimistletud ilusast raamatust. [Rets.: Jaagosild, I. Soome-ugri rahvaste kogud. Kataloog. Tallinn, 1971. (ENSV Etnograafiamuuseum).] - Edasi 19. VIII 1971, nr. 195.

Шочмо йылме йытыра, куштылго да раш. - Ямде лий (Йошкар-Ола) I7 IУ I97I, № I6.

Die ältesten Substrate in den ostseefinnischen Sprachen. - Сов. финно-угроведение, I97I, № 4, с. 25I–258.
Резюме: Старейшие субстраты в прибалтийско-финских языках.

La III-a Internacia Kongreso de finno-ugristoj. - Paco (Moskvo), 1971, n-ro 2, p. 50–51.

Luigamaa der setukesischen Volkslieder. - Baltistica, 1971, Bd. 7, H. 2, S. 183–184.

[Rez.:] U e s s o n, A.-M. On linguistic affinity. The Indo-Uralic problem. Malmö, 1970. - Сов. финно-угроведение, I97I, № 2, с. I44–I46.

Wieselgren, P., Suits, G. och A r i s t e, P. Svensk-estnisk ordbok. 2. uppl. Omarbatęd, förkortad och kompletterad av H. Meister. Uppsala, 1971. 384 s. Parall. pealk.: Rootsi-eesti sõnaraamat.

hetiidi keel. - Eesti nõukogude entsüklopeedia. 3. 1971, lk. 10, vrg. 2.

hetiidi kiri. - Ibid.

hieroglüüfid. - Ibid., lk. 12/13.

hii. - Ibid., lk. 13, vrg. 2.

hollandi keel. - Ibid., lk. 64, vrg. 1.

häälikkiri. - Ibid., lk. 95, vrg. 2.

häälikusubstitutsioon. - Ibid., lk. 96, vrg. 1.

i. - Ibid., lk. 112, vrg. 1/2.

ideogramm - Ibid., lk. 118, vrg. 2.

iiri keel. - Ibid., lk. 123, vrg. 1.

illüüria keel. - Ibid., lk. 131, vrg. 1.

ioota. - Ibid., lk. 193, vrg. 2.

islandi keel. - Ibid., lk. 209, vrg. 2.

ivriit. - Ibid., lk. 230, vrg. 2.

j. - Ibid., lk. 231, vrg. 1.

jafetiidi keeled. - Ibid., lk. 243, vrg. 2.

juudi keel. - Ibid., lk. 296, vrg. 1.

k. - Ibid., lk. 324, vrg. 1.

kapa. - Ibid., lk. 404, vrg. 2.

kartveli keeled. - Ibid., lk. 441, vrg. 2.

kaukaasia keeled. - Ibid., lk. 475, vrg. 1.

keldi keeled. - Ibid., lk. 502, vrg. 2.

kiilkiri. - Ibid., lk. 560, vrg. 1/2.

Arhiividest esiletoodud uurimusi läänemere ja balti keelesuhete kohta. [Rets.: Kalbininko Kazimiero Jauniaus rankraštinis palikimas. Katalogas ir publikacijos. Parengė S. Skrodenis. Vilnius, 1972.] - Keel ja Kirjandus, 1972, nr. 10, lk. 637-638.

Carl Robert Jakobson Ferdinand Johann Wiedemanni kaastöölisena. - Kodumurre, 1972, 10/11, lk. 56-60.

Erakordne inimene. [Mälestusi J. Smuulist.] - Rahva Hääl 18. II 1972, nr. 41.

Kes oli Ivan Mihhailovitš Golan? [End. Tallinna Nikolai gümnaasiumi direktor sorb J. A. Holan.] - Sirp ja Vasar 26. V 1972, nr. 21, lk. 5.

Maailma keeled. 1. Euroopa, Aasia ja Aafrika keeled. Õpik Ajaloo-Keeleteaduskonna keeleosakondade üliõpilastele. Tartu, 1972. 133 lk. (TRÜ. Soome-ugri keelte kateeder.) Rotaprint.

Mu ümber on raamatud. [Soome-ugri rahvaste kirjandusest.] - Kultuur ja Elu, 1972, nr. 12, lk. 12-13.

Professor Arnold Kask 70-aastane. - Rahva Hääl 10. VIII 1972, nr. 186.

Päka suguvõsa. - Emakeele Seltsi Aastaraamat, 1972, 18, lk. 109-124.
Резюме: Слово päkk и его родственники.

Raamatust. - Edasi 14.IV 1972, nr. 88. (Lugejaga vestleb.)

Sõna sealt, teine tealt. - Sõnasõel. 1. Tartu, 1972, lk. 5-11.

[Vastus raamatuaasta ankeedile.] - Edasi 31. XII 1972, nr. 307.

Ühest viimasest. [Keelejuhtidest.] - Kodumurre, 1972, 10/11, lk. 97-101, ill.

Академик А р и с т э. [Беседа]. Записал Л. Раннаметс. – Комс. правда 5 III 1972, № 55.

Вопрос балтийских заимствований. – Вопросы советского финно-угроведения. Языкознание. (Тезисы докладов и сообщений на XIУ всесоюзной конференции по финно-угроведению, посв. ...). Саранск, 1972, с. 3.

Зайцева, М. И. и Муллонен, М. И. Словарь вепсского языка. Ред. П. А. А р и с т э и А. В. Петухов. Ленинград, "Наука", 1972. 746 с. (АН СССР Карельский филиал. Ин-т языка, литературы и истории). Ротапринт.

The earliest substrata in the Balto-Finnic languages. – Néprajz és Nyelvtudomány, 1971-1972, 15-16, old. 5-11.

Einige Sprichwörter der Čuchny-Zigeuner. – Proverbium (Helsinki), 1972, Nr. 18, S. 692-693.

The Estonian S.S.R. as a centre of Fenno-Ugric studies. – Estonia. [Tallinn, 1972], p. 12-13, ill.

Das Niederdeutsche im Estnischen. – Сов. финно-угроведение, 1972, № 2, с. 91-99.
Резюме: Элементы нижненемецкого языка в эстонском.

[Rez.:] L a g m a n, H. Svensk-estnisk språkkontakt. Studier över estniskans inflytande på estlandssvenska dialekterna. Stockholm, 1971. – Там же, с. 145-148.

Vai latviešu pekele ir vācu aizguvums? – Baltistica, 1972, S. 8, Nr. 2, 161-162.lpp.
Zsfass.: Ist lettisches pekele ein deutsches Lehnwort?

kopti keel. – Eesti nõukogude entsüklopeedia. 4. 1972, lk. 133, vrg. 2.

korea kiri. – Ibid., lk. 139, vrg. 1.

kreeka kiri. – Ibid., lk. 181, vrg. 1.

kreeta kiri. – Ibid., lk. 184, vrg. 1.

ksii. – Ibid., lk. 210, vrg. 2.

kušiidi keeled. - Ibid., lk. 256, vrg. 1/2.

kômri keel. - Ibid., lk. 278, vrg. 2.

küprose kiri. - Ibid., lk. 317, vrg. 2.

l. - Ibid., lk. 323, vrg. 1.

ladina kiri. - Ibid., lk. 331, vrg. 1.

laki keel. - Ibid., lk. 345, vrg. 2.

lambda. - Ibid., lk. 348, vrg. 2.

leedu keel. - Ibid., lk. 381, vrg. 2.

lesgi keel. - Ibid., lk. 423, vrg. 2.

läti keel. - Ibid., lk. 540/541.

m. - Ibid., lk. 560, vrg. 1.

1973

Anfissa Räppo surnud. [Ukraina folklorist, "Kalevipoja" tôlkija.] - Edasi 18. III 1973, nr. 65.

Eduard Päll 70-aastane. - Fotoga. - Ibid. 14. X 1973, nr. 242.

Eessôna. [F. J. Wiedemanni eluloost.] - Wiedemann, F.J. Eesti-saksa sônaraamat. Tallinn, 1973, lk. [5-7].

Eesti rôhumäärsôna ep. - Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja, 1973, 72, lk. 33-37.
Zsfass.: Das affirmative Adverb ep im Estnischen.

Fennougristikauudis Jaapanist. [Avaldatakse uralistika-ajakirja "Uralica".] - Edasi 18. XI 1973, nr. 270.

Ferdinand Johann Wiedemann. Tallinn, "Valgus", 1973. 102 lk., ill.
Rets.: Ü m e r a, A. Vajalik uurimus. - Kodumaa 7. XI 1973, nr. 45.

Huvitav raamat loomanimedest ja koduloomadest. [Rets.: Estlandssvenska hudsjurnamn av Nils Tiberg jämte en dialektuppsats: Husdjuren på Runö av Fredrik Lönnlund och Tomas Drejer med teckningar av Abraham Hollman. Uppsala, 1972. (Acta Academiae Regiae Gustavi Adolphi. 51. Estlandssvenska folkliga kultur. 7.] - Keel ja Kirjandus, 1973, nr. 4, lk. 251-252.

Isurid ja isuri keel. - Nõuk. Õpetaja 8. III 1973, nr. 10.

Johannes Voldemar Veski. 27. juunil 100 aastat sünnist. - Keel ja Kirjandus, 1973, nr. 6, lk. 321-323.

Johannes Voldemar Veski. - Noorte Hääl 21. VI 1973, nr. 143.

Keelesuhted Risti eesti-rootsi segakülades 1929. aastal. - Keel ja Kirjandus, 1973, nr. 8, lk. 470-474.

Kes näeb puud, kes metsa. [Noorsoost.] - Fotoga. - Edasi 21. IX 1973, nr. 222. (Lugejaga vestleb.)

Lingvistiline ülevaade läti kaladest. [Rets.: Laumane, B. Zivju nosaukumi latviešu valodā. Rīgā, 1973.] - Keel ja Kirjandus, 1973, nr. 9, lk. 572-573.

Meile tulnud või meilt läinud. [Laensõnadest.] - Sõnasõel. 2. Tartu, 1973, lk. 16-28.

NSVL soome-ugri keeleteaduse keskusena [ja TRÜ osa selles]. - TRÜ 12. I 1973, nr. 2.

Idem. - Kodumaa 14. III 1973, nr. 11.

Paarist vadja sõnast. - Commentationes fenno-ugricae in honorem Erkki Itkonen. Helsinki, 1973, lk. 30-35. (Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. 150.)
Zsfass.: Über einige wotische Wörter.

Vadjalastest. - Nõuk. Õpetaja 6. I 1973, nr. 1.

Vanematest eestikeelsetest tootenimedest. - Keel ja Kirjandus, 1973, nr. 2, lk. 87-91.

Väitekiri komi keele alalt. [A.-R. Hausenberg.] - Ibid., nr. 8, lk. 511-512.

Вопросы о балтийских заимствованиях в финно-угорских языках. - Вопросы марийского языкознания. 3. Йошкар-Ола, 1973, с. 3-7.

Нижненемецкие заимствования в ливском языке. - Балтийские языки и их взаимосвязи со славянскими, финно-угорскими и германскими языками. Тезисы докладов научной конференции, посв. 100-летию со дня рождения акад. Я. Эндзелина. Рига, 1973, с. 36-38.

Нижненемецкие заимствования в ливском языке. - Сов. финно-угроведение 1973, № 3, с. 175-178.

Zsfass.: Niederdeutsche Lehnwörter in der livischen Sprache.

[Рец.:] Дубровина З. М. Инфинитивы в финском языке. Ленинград, 1972. - Там же, с. 221-224.

[Рец.:] Киекбаев Дж. Г. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972. - Там же, № 4, с. 309-311.

Einige Märchen der Čuchny-Zigeuner. - TRÜ Toimetised, 1973, 309, S. 5-40.

Resümee: Mõningaid tšuhni-mustlaste muinasjutte.

Резюме: Некоторые сказки цыган-чухны.

Etwas über die Dreisprachigkeit. - Иберийско-кавказское языкознание (Тбилиси), № 18, с. 35-47.

Lettische Verbalpräfixe in einer Zigeunermundart. - Baltistica, 1973, Bd. 9, H. 1, S. 79-81.

Die Sowjetunion - das Land der Forschung uralischer Sprachen. - Sowjetestland. [Tallinn, 1973], S. 21-22, Ill.

Studies of the Uralic languages in the U.S.S.R. - Estonia. [Tallinn, 1973], p. 21-22.

Vorschlag für die phonetische Transkription des Wotischen und des Ižorischen. - FU-transkription yksinkertaistaminen. Toim. L. Posti ja T. Itkonen. Helsinki, 1973, S. 32-33. (Castrenianumin toimitteita. 7.)

maią kiri. - Eesti nõukogude entsüklopeedia. 5. 1973, lk. 34, vrg. 1/2.

makedoonia keel. - Ibid., lk. 44, vrg. 2.

mišna. - Ibid., lk. 191/192.

mustlaskeel. - Ibid., lk. 257, vrg. 2.

mõistekiri. - Ibid., lk. 266, vrg. 2.

müü. - Ibid., lk. 294, vrg. 2.

n. - Ibid., lk. 296, vrg. 1.

norra keel. - Ibid., lk. 382, vrg. 2.

nüü. - Ibid., lk. 477, vrg. 1.

o. - Ibid., lk. 478, vrg. 1.

occidental. - Ibid., lk. 481, vrg. 2.

ogamid. - Ibid., lk. 485, vrg. 1.

omikron. - Ibid., lk. 504, vrg. 2.

oomega. - Ibid., lk. 507, vrg. 2.

p. - Ibid., lk. 543, vrg. 1.

1974

Eesti kohanimesid rootsi alal. [Rets.: Nordling, C. O. Estniska ortnamn i svensk bygd. Stockholm, 1974.] - Keel ja Kirjandus, 1974, nr. 12, lk. 761-762.

Eestist põlvnenud uralistid Peterburi Teaduste Akadeemias. - ENSV TA Toimetised. Ühiskonnateadused, 1974, nr. 2, lk. 187-199.

Резюме: Уралисты Петербургской Академии Наук - выходцы из Эстонии.

Zsfass.: Aus Estland stammende Uralisten im Dienste der Petersburger Akademie der Wissenschaften.

Kaks Peterburi Teaduste Akadeemia uralisti. [A. G. Schrenk ja A. Th. Middendorff.] - Keel ja Kirjandus, 1974, nr. 5, lk. 268-273.

Kakskümmend aastat. [Soome-ugri keelte kateedri vanemlaborandist H. Rajandost.] - Fotoga. - TRÜ 13.IX 1974, nr. 24.

Kust tuli hiidlane oma mandrile? - E. Loodus, 1974, nr. 11, lk. 688-690, ill.

Резюме: К происхождению островитян Хийумаа.

Summary: From where did the Hiiumaa Islanders come?

Läti keel meie ülikoolis. - TRÜ 8. II 1974, nr. 3.

Ma pole fuks ega rebane olnud. - Ibid. 25.X 1974, nr.32.

Nõukogude Liidu Teaduste Akadeemia fennougristika keskusena. - Ibid. 15. II 1974, nr. 4.

Pühapäevakohv P a u l A r i s t e g a. Meenutusi Tartu ülikooli prof. M. J. Eiseni (1857-1934) 70. sünnipäevast 1927.a. - Edasi 24. III 1974, nr. 70.

A r i s t e, P., Palmeos, P. ja Vääri, E. Soome-ugri töömailt TRÜ-s . - Kodumaa 2. I 1974, nr. 1.

Teos Nõukogude Liidu rahvaste nimetuste ajaloost. [Rets.: Попов А. И. Названия народов СССР. Введение в этнонимику. Ленинград, 1973.] - Keel ja Kirjandus, 1974, nr. 2, lk. 120-122.

Tulevikumõtted. - TRÜ 20. IX 1974, nr. 26.

Tähelepandav teos Tallinna eestlastest XIV-XVI sajandil. [Rets.: Johansen, P. und Zur Mühlen H. von. Deutsch und Undeutsch im mittelalterlichen und frühneuzeitlichen Reval. Köln-Wien, 1973.] - Keel ja Kirjandus, 1974, nr. 8, lk.504-508.

Uus väitekiri foneetika alalt. [Kullo Vende kandidaadiväitekiri.] - Fotoga. - Keel ja Kirjandus, 1974, nr. 8, lk. 511.

Vadja kalmolain, kalmolliin. - Centum. Tallinn, 1974, lk. 255-257. (Emakeele Seltsi Toimetised. 9.)

Vadja muinasjutte ja muistendeid. - TRÜ Toimetised, 1974, 323, lk. 3-34.
Резюме; Водские народные сказки и сказания.
Zsfass.: Wotische Märchen und Sagen.

Vadjalane kätkist kalmuni. Tallinn, 1974, 187 lk. (Emakeele Seltsi Toimetised. 10.) Rotaprint.

Vana ja uus käsikäes. - TRÜ 22. XI 1974, nr. 36.

Учитель славен учеником. - Молодежь Эстонии 7. X 1974, № 232.

Финн-угор тукым йылме. - Ямде лий (Йошкар-Ола) 27 IV 1974, № 17.

Einige Märchen und Sagen in der schwedischen Mundart von Risti. - Linguistica. 5. Tartu, 1974, S. 5-18.

[Rez.:] The Hungarian Language. Ed. by Loránd B. and Samu I. Budapest, 1972. - Сов. финно-угроведение, 1974, № 1, с. 53-56.

[Rez.:] S u h o n e n, S. Die jungen lettischen Lehnwörter im Livischen. Helsinki 1973. (Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. 154.) - Baltistica, 1974. Bd. 10, H.2, S. 217-220.

Vatjalaisten loitsuista. - Kalevalaseuran Vuosikirja, 1974, 54, s. 46-59.

Wer ist denn A. Sprogis? [Samojedoloog A. Kasparsons.] - Сов. финно-угроведение, 1974, № 2, с. 121-124.

paleograafia. - Eesti nõukogude entsüklopeedia. 6. 1974, lk. 13, vrg. 1.

palimpsest. - Ibid., lk. 15, vrg. 2.

Panconcelli-Calzia, G. - Ibid., lk. 24, vrg. 1.

pasigraafia. - Ibid., lk. 52, vrg. 2.

pii. - Ibid., lk. 112, vrg. 1.

piltkiri. - Ibid., lk. 122, vrg. 1.

polaabi keel. - Ibid., lk. 157, vrg. 2.

poola keel. - Ibid., lk. 183, vrg. 2.

preisi keel. - Ibid., lk. 227, vrg. 1.

psii. - Ibid., lk. 252, vrg. 2.

q. - Ibid., lk. 348, vrg. 1.

r. - Ibid., lk. 351, vrg. 1.

rahvaetümoloogia. - Ibid., lk. 376, vrg. 1.

rahvusvahelised keeled. - Ibid., lk. 396, vrg. 2.

roo. - Ibid., lk. 521, vrg. 1.

rootsi keel. - Ibid., lk. 537, vrg. 2.

Rousselot, J. P. - Ibid., lk. 545, vrg. 1.

LISA

Teoses "Sõna sõna kõrvale" ilmunud P. Ariste bibliograafiast (1921 - 1964) väljajäänud töid.

1937

Bagrisung. - Erster alveltlexer jidišer kultur-kongress Pariz 17 - 21. sept. 1937.

Vadja keel. - Eesti entsüklopeedia. 8. 1937, vrg. 648.

Vadja rahvaluule. - Ibid., vrg. 649.

1943

Lätimaal põllutööl. - Eesti Sõna 12. IX 1943, nr. 210.

Jānis Rainis on vadjalane. - Ibid. 17. IX 1943, nr. 214.

1944

Ain.Kalmuse "Soolaste tuulte" puhul. - Eesti Sõna 8. IX 1944, nr. 209.

1951

Советская наука - наука созидания. - Советская Эстония 28 IX 1951, № 229.

1952

Avaral arenguteel. - Edasi 20. VI 1952, nr. 145.

Idem. - Rahva Hääl 26. IX 1952, nr. 229.

1960

Die Beziehungen des Wotischen zu den estnischen Mundarten. - Nemzetközi finnugor kongresszus. Budapest, 1960, [1] s.

1961

Эстонська мова. - Українська Радянська Энціклопедія. 4. 1961, с. 529.

1964

Ливы. - Народы Европейской части СССР. 2. Москва, 1964, с. 202-208, ил.

PERSONALIA

1965

Peegel, J. Akadeemik P. A r i s t e juubeliks. [Teaduslikust tegevusest.] - Edasi 3. II 1965, nr. 23.

P a u l A r i s t e 60-aastane. - Fotoga. - Emakeele Seltsi Aastaraamat, 1965, 11, lk. 272-274.

[Väärі, E.] Akadeemik P a u l A r i s t e 60-aastane. - Fotoga. - ENSV TA Toimetised. Ühiskonnateaduste seeria, 1965, nr. 1, lk. 113-114.

Также на рус. яз.: Шестидесятилетие академика П а у л я А р и с т э, с. II5-II6.

Palmeos, P. P a u l A r i s t e tähtpäeva puhul. [Ülevaade teaduslikust tööst 60. sünnipäeva puhul.] - Keel ja Kirjandus, 1965, nr. 2, lk. 70-79.

Viidalepp, R. Akadeemik P a u l A r i s t e juubel. - Fotoga. - Kodumaa 3. II 1965, nr. 5.

Akadeemik P a u l A r i s t e sai 60-aastaseks. - Fotoga. - Kodumurre, 1965, 7, lk. 85-87.

Tedre, Ü. Akadeemik P a u l A r i s t e rahvaluulekogujana. - Ibid., lk. 88-92, ill.

P a u l A r i s t e - juubilar. - Looming, 1965, nr. 2, lk. 312-313.

Hallap, V. Hiidlastest, komidest, mustlastest ja muust. Akadeemik P a u l A r i s t e esimesed kuuskümmend aastat (1905-1965). - Fotoga. - Noorte Hääl 3. II 1965, nr. 27.

Pall, V. Akadeemik P. A r i s t e 60-aastane. - Rahva Hääl 2. II 1965, nr. 26.

Kaalep, A. Fluidumist ja muust. Akadeemik P a u l A r i s t e usutamatu juubeli puhul. - Fotoga. - Sirp ja Vasar 29. I 1965, nr. 5.

Sõna sõna kõrvale. P a u l A r i s t e teaduslikust tegevusest. Tallinn, 1965. 128 lk.; 3 lk. ill. (ENSV TA Emakeele Selts.) Paul Ariste tööd (bibliograafiat 1921–1964), lk. 21–60.

Rets.: R ä t s e p, H. – Сов. финно-угроведение, 1965, № 2, с. 157–159.

Rets.: A l v r e, P. Kuldseid vilju ühe teadlase töö- põllult. – Keel ja Kirjandus, 1965, nr. 8, lk. 499–501.

Väärі, E. Professor P. A r i s t e 60-aastane. – Fotodega. – TRÜ 12. II 1965, nr. 2.

[Палмеос П. Ю.] Юбилей П а у л я А р и с т э. [60-летие.] – С фото. – Сов. финно-угроведение, 1965, № 2, с. 148–149.

Bereczki, G. P a u l A r i s t e 60 éves. – Nyelvtudományi Közlemények, 1965, 2, old. 394–396.

Posti, L. P a u l A r i s t e 60-vuotias. – Portr. – Kalevalaseuran Vuosikirja, 1965, 45, s. 389–393.

Zemzare, D. Igaunu akademiķis P a u l s A r i s t e. Literatura un Māksla 6. II 1965.

1967

Lään, V. Mida on kasulik teada kollektsioneerimisest? – Küsimused ja Vastused, 1967, nr. 1, lk. 31–35. Lk. 32: Prof. P. A r i s t e eksliibriste kogumisest.

Raja, S. Esimene mees Eesti NSV-st. [P. A r i s t e Ungari TA auliikmeks.] – Edasi 20. V 1967, nr. 117.

Siimer, E. Ungari Teaduste Akadeemia liikmeks. [P. A r i s t e.] – Rahva Hääl 24. V 1967, nr. 120.

1968

Имяреков М. Эстонский ученый – гость нашего университета. [О пребывании акад. П. А. А р и с т э в Мордовском университете.] – Сов. Мордовия 23 XI 1968.

1969

Eesti teadlane Helsingi ülikooli audoktoriks. [P. A r i s t e.] - Rahva Hääl 2. VII 1969, nr. 151.

Idem. - Noorte Hääl 2. VII 1969, nr. 151.

Эстонский ученый - почетный доктор Хельсинского университета. [П. А р и с т э.] - Молодежь Эстонии 2 VII 1969, № 127.

1970

Karja, S. Edu pant. [P. A r i s t e 65-aastane.] - Fotoga. - Edasi 3. II 1970, nr. 27.

Palmeos, P. Professor P a u l A r i s t e kuuekümneviiene. - Fotoga. - TRÜ 6. II 1970, nr. 3.

1971

Kass, K. "Tingimata meile ka mõned pildid." [P. A r i s t e külaskäigust mustlaste laagrisse.] - Edasi 29.VIII 1971, nr. 204.

Esko, A. Audoktoriks. [P. A r i s t e Szegedi József Attila nim. ülikooli audoktor. Intervjuu.] - Edasi 21. X 1971, nr. 248.

Vissak, S. Ühelt uudistusretkelt. [Killukesi prof. P. A r i s t e s t.] - Edasi 7. XI 1971, nr. 263.

Prof. P. A r i s t e Szegedi ülikooli audoktoriks. - TRÜ 1. X 1971, nr. 26.

Girčys, E. Kada pučia kehonių vėjas. [Kohtumistest kirjanik L. Merega ja prof. P. A r i s t e g a.] - Komjaunimo tiesa 9 XII 1971.

1973

Puksoo, Fr. Raamat ja tema sõbrad. Tallinn, "Valgus", 1973. Lk. 245-246: P. A r i s t e s t kui bibliofiilist.

Räim, H. P a u l A r i s t e eksliibriste kogu kirjandusmuuseumis. - VI eesti raamatuteaduse konverents. Ettekannete teesid. Tartu, 1973, lk. 27-28.

1974

Vissak, S. Ülikooli medali laureaat. [P. A r i s t e.] - Fotoga. - Edasi 29. V 1974, nr. 122.

П а у л ь А р и с т э. [Говорят о нём Ю. Пээгель, А. Каалеп, Х. Вальс, Л. Метсар и П. Пальмеос]. - С фото. - Молодежь Эстонии 8. II 1974, № 28.

SISUKORD - ОГЛАВЛЕНИЕ

Akadeemik Paul Ariste juubeliks (P. A.) 7

P. A l v r e, Läänemeresoome keelte mitmusetüvedest (peamiselt ühesilbilisis noomeneis) 17

П. А л в р е, Об основах множественного числа в прибалтийско-финских языках (преимущественно в односложных именах). Р е з ю м е 28

P. A l v r e, Zu den Pluralstämmen in den ostseefinnischen Sprachen (vorwiegend in einsilbigen Nomina). Z u s a m m e n f a s s u n g 30

Ю. А н д у г а н о в, Модели марийских существительных-композит 31

J. A n d u g a n o v, Modelle der Komposita der marischen Substantiva. Z u s a m m e n f a s s u n g 42

А. П. Б а р а н ц е в, О рукописном русско-вепсском словаре середины прошлого века 43

A. P. B a r a n c e v, On the Russian-Vepsian Manuscript Vocabulary in the Middle of the Last Century. S u m m a r y 55

Г. Б а т к о в, Образование многозначности в мордовских языках 56

G. B a t k o v, Bildung der Polysemie in den mordwinischen Sprachen. Z u s a m m e n f a s s u n g 66

Н. С. Б а ю ш к и н, Архаические суффиксы имен в мордовских языках 67

N. S. B a j u š k i n, Die archaistischen Suffixe der Nomina in den mordwinischen Sprachen. Z u s a m m e n f a s s u n g 71

В. Д а н и л о в, Элатив и его функции в мордовских и прибалтийско-финских языках 72

V. D a n i l o v, The Elative and Its Functions in Mordvinian and Balto-Fennic Languages. S u m m a r y... 89

З. М. Дубровина, Закон соотнесенности и его значение для образования инфинитивных и причастных конструкций в финском языке 90
Z. M. Dubrovina, Suhdesääntö ja sen vaikutuspiiri suomen infinitiivi- ja partisiippirakenteissa. Tiivistelmä 101

А. С. Егорова, О некоторых вопросах взаимодействия разносистемных языков (мордовских и русского) 103
A. S. Jegorova, Über einige Fragen der Zusammenwirkung der unverwandten Sprachen (mordwinischen und russischen). Zusammenfassung 116

А. П. Феоктистов, "Linguarum totius orbis vocabularia comparativa" в его мордовской части 117
A. P. Feoktistov, "Linguarum totius orbis vocabularia comparativa" in seinem mordwinischen Teil. Zusammenfassung 128

И. Г. Иванов, Вопрос о пуризме в марийском языкознании 129
I. G. Ivanov, Frage über den Purismus im Marischen. Zusammenfassung 136

L. Jaanits, Merevaigu esmasest levikust läänemeresoomlastel 137
Л. Яанитс, О первичном распространении янтаря среди прибалтийских финнов. Резюме 147
L. Jaanits, Über die älteste Verbreitung des Bernsteins bei den Ostseefinnen. Zusammenfassung 148

Э. Якимова, К вопросу о происхождении марийских соматических фразеологизмов 149
E. Jakimova, Ursprung der marischen somatischen Phraseologismen. Zusammenfassung 157

Г. М. Керт, Некоторые особенности лексики саамских диалектов Кольского полуострова 159
G. M. Kert, Some Peculiarities of the Lappish Dialect Vocabulary of the Kola Peninsula. Summary 166

A. Künnap, Miscellanea Samoiedica 167
А. Кюннап, Miscellanea Samoiedica. Резюме ... 175

П. Н. Лизанец, Лингвогеографический аспект в исследовании лексических заимствований в украинских говорах Карпатского ареала 177

P. N. Lizanec, Der linguistisch-geographische Forschungsaspekt der lexikalischen Entlehnungen in den ukrainischen Mundarten des Karpatenareals. Zusammenfassung 187

В. И. Лыткин, К вопросу о происхождении прапермского *ȯ 189

V. I. Lytkin, Zur Frage der Herkunft des urpermischen Vokals *ȯ. Zusammenfassung 197

V. Lôugas, Tarandkalme uus rekonstruktsioonikatse.. 198
В. Лыугас, Попытка новой реконструкции каменных могильников с оградками. Резюме 211
V. Lôugas, Ein neuer Rekonstruktionversuch der Tarandgräber. Zusammenfassung 212

К. Мокань, Ласкательные названия птенцов и детенышей домашних животных в венгерских языковых островках восточного Закарпатья 213
K. Mokány, Kosewörter für die Jungen des Geflügels und der Haustiere in den Mundarten der ungarischen Sprachinseln im östlichen Transkarpatien. Zusammenfassung 222

Ш. Мокань, Этимологические заметки 223
S. Mokány, Etymologische Bemerkungen. Zusammenfassung 233

V. Pall, Mustvee 234
В. Палль, Mustvee. Резюме 238
V. Pall, Mustvee. Zusammenfassung 238

P. Palmeos, Môningate eesti murdesônade päritolust II 239

П. Пальмеос, О происхождении некоторых эстонских диалектных слов II. Резюме 246
P. Palmeos, Über die Herkunft einiger Dialektwörter im Estnischen II. Zusammenfassung 247

A. Peterson, Vepsa олud, läti alus 249
А. Петерсон, Вепсское олud, латышское alus. Резюме 258
A. Peterson, Wepsisches олud, lettisches alus. Zusammenfassung 260

S. Rağe, Pisietümoloogiaid 262
С. Раге, Этимологические заметки. Резюме 273
S. Rağe, Kleine Etymologien. Zusammenfassung 274

A. M. Rot, Probleme der Sprachkontakte und Besonderheiten der ostslawischen Lehnübersetzungen und Lehnübertragungen in den finnisch-ugrischen Sprachen .. 275
А. М. Рот, Проблемы языковых контактов и особенности восточнославянских лексических калек в финно-угорских языках. Резюме 285

T. Seilenthal, Andrus Saareste keelefilosoofilistest vaadetest 286
Т. Сейлентхаль, Об общетеоретических взглядах Андруса Сааресте на язык. Резюме 295
T. Seilenthal, Andrus Saaresten kielifilosofisista näkemyksistä. Tiivistelmä 295

М. И. Зайцева, Термины родства в вепсском языке.. 296
M. I. Zajceva, The Terminology of Kinship in the Veps Language. Summary 306

И. Зикань, Венгерские фразеологические единицы с грамматической точки зрения 307
I. Zékány, Die ungarischen phraseologischen Einheiten vom Gesichtspunkt der Grammatik aus. Zusammenfassung 312

И. В. Тараканов, Обозначение масти в удмуртском языке 313
I. V. Tarakanov, Bezeichnung der Haarfarbe im Udmurtischen. Zusammenfassung 324

Д. В. Цыганкин, Диалектные подсистемы посессивных аффиксов и морфонологические особенности в посессивных словоформах эрзя-мордовского языка 325
D. V. Cygankin, Dialektale Subsysteme der Possessivaffixe mit morphonologischen Besonderheiten in possessiven Wortformen der ersä-mordwinischen Sprache. Zusammenfassung 340

M. Veinberga, Ühiseid 'käsi' ja 'jalg' sõnadega fraseologisme eesti ja läti keeles 341
М. Вейнберга, Фразеологизмы со словами 'рука' и 'нога', общие для эстонского и латышского языков. Резюме 354
M. Veinberga, Eestin ja lätin 'käsi' ja 'jalka' -sanoihin perustuvia fraseologismeja. Tiivistelmä 354

A. Viires, Nööbilugu 355
А. Вийрес, Пуговицы на эстонской народной одежде. Резюме 369
A. Viires, Die Knöpfe der estnischen Volkstrachten. Zusammenfassung 370

E. Väärі, Liivi verbisufiksid -b- ja -g- 371
Э. Вяари, Ливские глагольные суффиксы -b- и -g- . Резюме 379
E. Väärі, Liivin verbisuffiksit -b- ja -g-. Tiivistelmä 379

Paul Ariste tööde bibliograafia (1965 - 1974). (Koostanud I. Maastik ja P. Palmeos.) 380

Lisa. Teoses "Sõna sõna kõrvale" ilmunud P. Ariste bibliograafiast (1921 - 1964) väljajäänud töid 411

Personalia 413

ТРУДЫ ПО ФИННО-УГРОВЕДЕНИЮ
1
Ученые записки
Тартуского государственного университета
Вып. 344.
На разных языках
Тартуский государственный университет
ЭССР, г.Тарту, ул.Юликооли, 18.
Ответственный редактор П. Алвре

Сдано в печать 11/XI 1974 г. Бумага печатная № 1. 30х45.
1/4. Печ. листов 26,5 + 1 вклейка. Учетно-изд.листов 23,9.
Тираж 1500 экз. МВ 09627. Зак. № 1359.
Типография ТГУ. ЭССР, г.Тарту, ул.Пялсони, 14.
Цена 2 руб. 56 коп.

6 - 2